PG
3337
.H4A15
1867

Class

Book

YUDIN COLLECTION

GPO

Her zen, A. i

РАЗСКАЗЫ.

* *
*

1. Докторъ Круповъ.
2. Сорока-воровка.
3. Письма изъ „Avenue Marigny“.
4. Записки одного молодаго человѣка.
5. Изъ записокъ одного молодаго человѣка.
6. Долгъ прежде всего.
7. Поврежденный.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи К. Вульфа. Литейный просп., д. № 60
1867.

РАЗСКАЗЫ.

HERTZÈN, ALEKSANDR IVANO-
VICH.

РАЗСКАЗЫ.

RAZSKAZY

* *
*

1. Докторъ Круповъ.
2. Сорока-воровка.
3. Письма изъ „Avenue Marigny“
4. Записки одного молодаго человѣка.
5. Изъ записокъ одного молодаго человѣка.
6. Долгъ прежде всего.
7. Поврежденный.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи К. Вульфа. Литейный просп., д. № 60
1867.

PG3337
.H4A15
1867

25257

ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ ДОКТОРА КРУПОВА.

«О ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ ВООБЩЕ И ОБЪ ЭПИДЕМИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ ОНЫХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ» (*).

Отъ автора.

Много и много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ я постоянно посвящаю время, отъ леченія больныхъ и исполненія обязанностей остающееся, на изложеніе *сравнительной психіатріи* съ точки зрѣнія совершенно новой и мнѣ принадлежащей, но недовѣріе къ силамъ, скромность и осторожность доселѣ воспрещали мнѣ всякое обнародованіе моей теоріи. Нынѣ дѣлаю первый опытъ, побуждаемый предчувствіемъ скораго перехода въ минерально-химическое царство, коего главное неудобство — отсутствіе сознанія; мнѣ

(*) Предлагая отрывокъ изъ записокъ почтеннаго и вѣроятно очень искуснаго доктора Крупова, мы никакъ не думаемъ, чтобъ оригинальное мнѣніе его, явнымъ образомъ превратившееся въ помѣшательство, въ *idée fixe*, могло кого нибудь оскорбить. Человѣкъ, считающій исторію — хроническимъ безумiемъ, считающій всѣхъ людей на земномъ шарѣ (кромѣ себя!) за помѣшанныхъ, простеръ нелѣпость своего мнѣнія до той всеобщности, гдѣ она становится безличною; можно хохотать надъ нимъ, а сердиться нельзя; самое же лучшее можно и должно ему сказать *Medice, cura te ipsum.*

* * *

кажется, что на всякомъ лежитъ обязанность—узнанное имъ закрѣпить, такъ сказать, внѣ себя добросовѣстнымъ разсказомъ для пользы и соображенія сотоварищамъ по наукѣ; мнѣ кажется, что я не имѣю права допустить мысль мою безслѣдно исчезнуть при новыхъ предстоящихъ большимъ полушаріямъ мозга моего химическихъ сочетаніяхъ и разложеніяхъ.

Читая постоянно медицинскія книги, я рѣшился начать отрывкомъ изъ введенія, потому именно, что оно весьма общедоступно: въ ономъ собственно содержится не теорія, а исторія возникновенія оной въ головѣ моей. При семъ позвольте предупредить, что я всего менѣе литераторъ и, проживши нынѣ лѣтъ тридцать въ губернскомъ городѣ, удаленномъ какъ отъ резиденціи, такъ и отъ столицы, отвыкъ отъ краснорѣчиваго изложенія мыслей и не привыкъ къ модному языку. Не должно однако терять изъ виду, что цѣль моя вовсе не беллетристическая, а патологическая. Я не плѣнить хочу моими сочиненіями, а быть полезнымъ, сообщая чрезвычайно важную теорію, доселѣ отъ вниманія величайшихъ врачей ускользнувшую, нынѣ же недостойнѣйшимъ ученикомъ Иппократа—наукообразно развитую и наблюденіями провѣренную.

Сію-то теорію посвящаю я вамъ, самоотверженные врачи, жертвующіе временемъ вашимъ печальному занятію леченія и хожденія за страждущими душевными болѣзнями.

Круповъ,

Medicinæ et Chirurgiæ Doctor.

Un auteur anglais a dit avec raison, que le deluge univirsel a peut-être autant dérangé le monds moral que le monde physique et que les cervellee humaines conservent encore l'empreinte des chocs qu'elles ont alors reçus.

Я родился въ одномъ помѣщичьемъ селеніи на берегу Оки. Отецъ мой былъ діакономъ. Возлѣ нашего домика жилъ пономарь, человѣкъ хилый, бѣдный и обремененный огромной семьей. Въ числѣ восьми дѣтей, которыми Богъ наградилъ пономаря, былъ одинъ, ровесникъ мнѣ; мы съ нимъ вмѣстѣ росли, всякій день вмѣстѣ играли въ огородѣ, на погостѣ или передъ нашимъ домомъ. Я ужасно привязался къ товарищу, дѣлился съ нимъ всѣми лакомствами, которыя мнѣ давали, даже кралъ для него спрятанные куски пирога, кашу—и передавалъ черезъ плетень. Пріятеля моего всѣ звали «косой Лёвка»—и онъ дѣйствительно немного косилъ глазами. Чѣмъ болѣе я возвращаюсь къ воспоминаніямъ о немъ, чѣмъ внимательнѣе перебираю ихъ, тѣмъ яснѣе мнѣ становится, что пономаревъ сынъ былъ ребенокъ необыкновенный: — шести лѣтъ онъ плавалъ въ Окѣ какъ рыба, лазилъ на самыя большія деревья, уходилъ за нѣсколько верстъ отъ дома одинъ-одинехонекъ, и въ то же время былъ чрезвычайно непо-

нятливъ, разсѣянъ, даже тупъ. Лѣтъ восьми насъ стали учить грамотѣ; я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣгло читалъ псалтырь, а Лёвка не дошелъ и до складовъ. Азбука сдѣлала переворотъ въ его жизни. Отецъ его употреблялъ всѣ возможныя средства, чтобъ развить умственныя способности сына—и не кормилъ дня по два, и сѣкъ такъ, что недѣли двѣ рубцы были видны, и половину волосъ выдралъ ему, и запиралъ въ темный чуланъ на сутки—все было тщетно: грамота Лёвкѣ не давалась; но безжалостное обращеніе онъ понялъ, ожесточился и выносилъ все, что̀ съ нимъ дѣлали, съ какой-то злой сосредоточенностію; это ему не дешево сто́ило: онъ исхудалъ, видъ его, выражавшій прежде дѣтскую кротость, совершеннѣйшую беззаботность, сталъ выражать дикость запуганнаго звѣря; на отца онъ не могъ смотрѣть безъ ужаса и отвращенія; еще года два побился пономарь съ сыномъ и убѣдился наконецъ, что онъ глупорожденный, и предоставилъ ему полную волю. Освобожденный Лёвка сталъ пропадать цѣлые дни, приходилъ домой грѣться или укрываться отъ непогоды, молчалъ, сидѣлъ въ углу, иногда бормоталъ про себя разныя слова и велъ дружбу только съ двумя существами—со мной и съ своей собачонкой. Собачонку эту онъ пріобрѣлъ неотъемлемымъ правомъ. Разъ, когда Лёвка лежалъ на пескѣ у рѣки, крестьянскій мальчикъ вынесъ щенка, привязалъ ему камень на шею и, подойдя къ крутому берегу, гдѣ рѣка была поглубже, бросилъ туда собачонку; въ одинъ мигъ Левка отправился за нею, нырнулъ и черезъ минуту явился на по-

верхности со щенкомъ: съ тѣхъ поръ они не разлучались.

Лѣтъ двѣнадцати меня отправили въ семинарію. Два года я не былъ дома, на третій я пріѣхалъ провести вакаціонное время къ отцу. На другой день утромъ рано я надѣлъ свой затрапезный халатъ и хотѣлъ идти осматривать знакомыя мѣста; только я вышелъ на дворъ, у плетня стоитъ Левка, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ бывало я ему давалъ пироги; онъ бросился ко мнѣ съ такою радостію, что у меня слезы навернулись. —«Сенька, говорилъ онъ: я всю ночь ждалъ Сеньку, Груша вчера молвила: Сенька пріѣхалъ...» и онъ ласкался ко мнѣ какъ звѣрокъ, съ какимъ-то подобострастіемъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза и спрашивалъ:— «не сердишься на меня? Всѣ сердиты на Левку—не сердись, Сенька—я плакать буду, не сердись—я тебѣ векшу поймаю».—Я бросился обнимать Левку; это такъ ново, такъ необыкновенно было для него, что онъ просто зарыдалъ и, схвативши мою руку, цаловалъ ее; я не могъ отдернуть руки, такъ крѣпко онъ держалъ ее. «Пойдемъ-ка въ лѣсъ», сказалъ я ему. — Пойдемъ далеко, хорошо будетъ, очень хорошо, отвѣчалъ онъ.— Мы пошли. Онъ велъ версты четыре лѣскомъ, подымавшимся въ гору, и вдругъ вывелъ на открытое мѣсто: внизу текла Ока, кругомъ верстъ на двадцать одинъ изъ превосходнѣйшихъ сельскихъ видовъ Великороссіи.—Здѣсь хорошо, говорилъ Левка: здѣсь хорошо.—Что же хорошо? спросилъ я его, желая испытать, что̀ онъ скажетъ. Онъ остановилъ на мнѣ какой-то не-

вѣрный взглядъ, лицо его приняло другое, болѣзненное выраженіе, онъ грустно покачалъ головою и сказалъ: «Левка не знаетъ, такъ хорошо!» Мнѣ стало стыдно.— Левка сопровождалъ меня почти на всѣхъ прогулкахъ; его безграничная преданность, его безпрерывное вниманіе трогали меня. — Привязанность его ко мнѣ была понятна: одинъ я обходился съ нимъ ласково. Въ семьѣ имъ гнушались, стыдились его; крестьянскіе мальчики дразнили его, даже взрослые мужики дѣлали ему всякаго рода обиды и оскорбленія, приговаривая: юродиваго обижать не надо; юродивый Божій человѣкъ. Онъ обыкновенно ходилъ задомъ села; когда же ему случалось идти улицей, однѣ собаки обходились съ нимъ почеловѣчески: онѣ, издали завидя его, виляли хвостомъ, прыгали на шею, лизали лицо и ласкались до того, что Левка, тронутый до слезъ, садился середь дороги и цѣлые часы занималъ изъ благодарности своихъ пріятелей до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь крестьянскій мальчишка пускалъ камень наудачу, въ собакъ ли попадетъ, или въ бѣднаго мальчика: тогда онъ вставалъ и убѣгалъ въ лѣсъ.

Передъ сельскимъ праздникомъ мой отецъ, видя, что Левка весь въ лохмотьяхъ, велѣлъ моей матери скроить ему длинную рубашку и отдать ее сестрамъ сшить. Управитель, услышавши объ этомъ, отпустилъ толстаго домашняго сукна для него на кафтанъ—показавши двойное число аршинъ въ расходной книгѣ, вѣроятно отъ разсѣянности. При господскомъ домѣ былъ приставленъ одинъ старикъ лакей; онъ былъ при-

ставленъ не столько по способности смотрѣть за чѣмъ-нибудь, сколько за пьянство; этотъ лакей, фельдшеръ и портной, весьма затруднился, когда онъ получилъ отъ управляющаго приказаніе сшить Левкѣ кафтанъ, какъ скроить дурацкій кафтанъ; сколько онъ ни думалъ, все выходилъ довольно обыкновенный кафтанъ; а потому онъ и рѣшился на отчаянное средство—пришить къ нему красный воротникъ изъ остатковъ какой-то старинной ливреи. Левка былъ ужасно радъ и новой рубашкѣ, и кафтану, и красному воротнику, хотя, по правдѣ сказать, радоваться было нѣчему. Доселѣ крестьянскіе мальчишки нѣсколько удерживались, но когда на Левку надѣли парадный мундиръ дурака,—тогда гоненія и насмѣшки удвоились. Однѣ женщины были на сторонѣ Левки: подавали ему лепешки, квасу и браги, и говорили иногда привѣтливое слово. Мудрено ли впрочемъ, что бабы и дѣвки, пользовавшіяся патріархальнымъ покровомъ мужниной и отцовской власти, сочувствовали безвинно гонимому мальчику. Мнѣ было чрезвычайно жаль Левку, но помочь было ему трудно; унижая его, добрые люди, казалось, росли въ своихъ собственныхъ глазахъ; серьезно съ нимъ никто слова не молвилъ, даже мой отецъ, отъ природы вовсе не злой человѣкъ, хотя исполненный предразсудковъ и лишенный всякаго снисхожденія—и тотъ иначе не могъ обращаться съ Левкой, какъ унижая его и возвышая себя.—А что, Левка, говаривалъ онъ ему, любишь ли ты кого-нибудь больше этого пса смердящаго?—Люблю, отвѣчалъ Левка, Сеньку люблю больше.—Видишь, гу-

ба-то не дура, ну, а еще кого любишь?—Никого, простодушно отвѣчалъ Левка. — Ахъ, глупорожденный, глупорожденный, ха, ха, ха! а мать родную меньше любишь развѣ?—Меньше, отвѣчалъ Левка.—А отца твоего?—Совсѣмъ не люблю.—О, Господи Боже мой, чти отца твоего и матерь твою, а ты дуракъ что̀? безсмысленныя животныя и тѣ любятъ родителей; какъ же разумному подобію Божію не любить ихъ?

— Какія животныя?

— Ну, какія? псы, лошади.... всякія.

— Вотъ наша кошка машка любитъ моего шарика больше всѣхъ.

И батюшка мой хохоталъ отъ души, прибавляя: «блаженни нищіе духомъ!»

Я уже тогда оканчивалъ риторику, и потому не трудно понять, отчего мнѣ въ голову пришло написать «Слово о богопротивномъ людей обращеніи съ глупорожденными». Желая расположить мое сочиненіе по всѣмъ квинтиліановскимъ правиламъ, съ соблюденіемъ законовъ хріи, я, обдумывая его, пошелъ по дорогѣ, шелъ и, не замѣчая того, очутился въ лѣсу; такъ какъ я вошелъ въ него безъ вниманія, то и не удивительно, что потерялъ дорогу; искалъ, искалъ и еще болѣе терялся въ лѣсу,—вдругъ слышу знакомый лай Левкиной собаки; я пошелъ въ ту сторону, откуда раздавался онъ, и вскорѣ былъ встрѣченъ шарикомъ; шагахъ въ пятнадцати отъ него подъ большимъ деревомъ спалъ Левка. — Я тихо подошелъ къ нему и остановился — какъ кротко, какъ спокойно спалъ онъ!—Онъ былъ ду-

ренъ собой на первый взглядъ: бѣлые волосы прямо падали съ головы странной формы, онъ былъ блѣденъ, съ бѣлыми рѣсницами и къ тому же съ нѣсколько косившими глазами. Но никто никогда не далъ труда себѣ вглядѣться въ его лицо, отталкивающее съ перваго раза. Это странное лицо вовсе не было лишено своей красоты, особенно теперь, какъ онъ спалъ; щеки его немного раскраснѣлись, косые глаза не были видны, черты его выражали такой миръ душевный, такое спокойствіе, что становилось завидно. Тутъ, стоя передъ этимъ спящимъ дурачкомъ, меня поразила мысль, которая преслѣдовала всю жизнь: «Съ чего люди, окружающіе его, воображаютъ, что они лучше его? съ чего считаютъ себя въ правѣ презирать, гнать это существо тихое, доброе,— никогда никому не сдѣлавшее вреда?» и какой-то таинственный голосъ шепталъ мнѣ: оттого, что и всѣ остальные—юродивые, только на свой ладъ, и сердятся, что Левка глупъ посвоему. Странная мысль эта выгнала изъ головы у меня всѣ хріи и метафоры; я оставилъ спящаго Левку и пошелъ наудачу бродить по лѣсу, съ какой-то внутренней боязнью переворачивая и вглядываясь въ новую мысль. Въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, чѣмъ Левка хуже другихъ? *тѣмъ*, что онъ не приноситъ никакой пользы? Ну, а пятьдесятъ поколѣній, которыя жили только для того на этомъ клочкѣ земли, чтобъ ихъ дѣти не умерли съ голоду сегодня, и чтобъ никто не зналъ, зачѣмъ они жили, и для чего они жили—гдѣ же польза ихъ существованія? *Наслажденіе жизнію?* да они ею никогда не наслажда-

лись, по крайней мѣрѣ гораздо менѣе Левки. Для нихъ жизнь была тяжелая ноша и скучный обрядъ. Дѣти? дѣти могутъ быть и у Левки: это дѣло не хитрое.—Зачѣмъ Левка не работаетъ? Да что же за бѣда, онъ ни у кого ничего не проситъ, кой-какъ сытъ. Чѣмъ же онъ хуже умниковъ, которые не смотря на то, что работаютъ денно и нощно, не богаче его? Работа не наслажденіе какое-нибудь; кто можетъ обойтись безъ работы, тотъ не работаетъ. Да вотъ чего далеко искать: одинъ человѣкъ, дѣлающій пользу, т. е. не вообще пользу, а хоть себѣ, Ѳедоръ Григорьевичъ, вовсе ничего не дѣлаетъ, польза сама дѣлается для него. Чѣмъ Левка сытъ, я не понимаю, но знаю одно, что какъ онъ ни тупъ, но если наберетъ ягодъ или грибовъ, то его не такъ легко убѣдить, что онъ можетъ ѣсть однѣ неспѣлыя ягоды да сыроѣжки, а что вкусныя ягоды и бѣлые грибы принадлежатъ.... ну, хоть отцу Василью. Левка никогда дома не живетъ, не исполняетъ обязанностей сына, брата. Ну а тѣ, которые дома, развѣ исполняютъ? У него есть еще семь братьевъ и сестеръ, живущихъ въ постоянной ссорѣ между собой, которая длится въ родѣ тридцатилѣтней войны.... И я постоянно возвращался къ основной мысли, что причина всѣхъ гоненій на Левку состоитъ въ томъ, что Левка глупъ на свой особенный салтыкъ, а другіе *повально глупы*; и такъ какъ картежники не любятъ неиграющихъ и пьяницы непьющихъ, такъ и они ненавидятъ бѣднаго Левку. Однако диссертаціи я не написалъ; для меня, ученика семинаріи, казалось труднымъ и неприличнымъ писать о

такихъ предметахъ. Насъ учили все ексордіи, експозиціи и перораціи—писать о предметахъ возвышенныхъ.

Вакаціонное время прошло, пора мнѣ было возвращаться. Когда батюшка мой заложилъ пѣгую лошадку въ телѣгу, чтобъ отвезти меня, Левка пришелъ опять къ плетню;онъ не совался впередъ,а прислонившись къ вереѣ, обтиралъ по временамъ грязнымъ спущеннымъ рукавомъ рубашки слезы. Мнѣ было очень грустно его оставить; я подарилъ ему всякихъ бездѣлушекъ, онъ на все смотрѣлъ печально. Когда же я сталъ садиться въ телѣгу, Левка подошелъ ко мнѣ и такъ печально, такъ грустно сказалъ мнѣ: «Сенька, прощай!» а потомъ подалъ мнѣ шарика и сказалъ: «возьми, Сенька, шарика себѣ». Дороже предмета у Левки не было и онъ отдавалъ его! Я насилу уговорилъ его оставить шарика у себя, что пусть онъ будетъ мой, но живетъ у него. Мы поѣхали. Левка побѣжалъ лѣсомъ и выбѣжалъ на гору, мимо которой шла дорога; я увидѣлъ его и сталъ махать платкомъ. Онъ стоялъ неподвижно на горѣ, опираясь на свою палку.

Мысль о Левкѣ, о причинѣ его страннаго развитія не выходила изъ головы моей. Она мѣшала мнѣ вполнѣ предаваться ученію, она не давала мнѣ покою. Хотя я твердо зналъ ничтожность всего тѣлеснаго и суетность всего физическаго, но мало по малу во мнѣ развилось непреодолимое желаніе изучать медицину. Когда я впервые запикнулся объ этомъ отцу моему, онъ вошелъ въ неописанный гнѣвъ: «Ахъ ты баловень презорный! кричалъ онъ на меня: вотъ какъ хвачу

за вихры, такъ ты у меня и узнаешь, гдѣ раки зимуютъ. Дѣды твои и отцы не хуже тебя были, да не выходили изъ своего званія!... Думалъ ли я подъ старость дожить до такого сраму? Вотъ и радость, приносимая сыномъ, отъ плоти моей рожденнымъ! Не одинъ видно пономарь посѣщенъ Богомъ, не даромъ съ дуракомъ валандается: вѣдь свой своему поневолѣ братъ.... А все ты, малодушная баба, испортила его», прибавилъ батюшка, обращаясь къ матушкѣ. Почему именно матушка была виновата, что я хотѣлъ учиться медицинѣ, этого я не знаю. «Господи! думалъ я: — да что же я сдѣлалъ такое? Мнѣ хочется заняться медициной, а кто послушаетъ батюшку, право подумаетъ, что я просился на большую дорогу людей рѣзать».— Далъ я мѣсто родительскому гнѣву, промолчалъ; черезъ мѣсяцъ завелъ было опять рѣчь: куда ты! съ перваго слова такъ его лицо и зардѣло. Дѣлать нечего, жду особаго случая, а самъ только и занимаюсь латинью. Отецъ ректоръ славно зналъ латинскій языкъ и полюбилъ меня за мои успѣхи. Я выбралъ минуту добрую, да въ ноги ему; онъ такъ кротко и благосклонно сказалъ: «встань, сынъ мой, встань, что тебѣ надобно, говори просто». Я разсказалъ ему о моемъ желаніи и просилъ замолвить батюшкѣ. Отецъ ректоръ покачалъ головой и много говорилъ со мною, кротко убѣждая оставить мое намѣреніе, совѣтовалъ болѣе молиться, чтобы Богъ послалъ силы противостоять искушенію, отвлекающему отъ леченія духовнаго къ леченію плотскому, говорилъ о важ-

ности сана, которому я посвященъ самымъ рожденіемъ. Потомъ напомнилъ четвертую заповѣдь и далъ сочиненіе Нила Сорскаго о монашескомъ житіи. Я все исполнилъ въ точности, но не могъ переломить влеченія къ медицинѣ. На вакаціи поѣхалъ я опять домой. Левка еще болѣе одичалъ: онъ добровольно помогалъ пастуху пасти стадо и почти никогда не ходилъ домой. Меня однако онъ принялъ съ прежней, безграничной, не человѣческой привязанностью; грустно мнѣ было на него смотрѣть, особенно потому, что языкъ у него какъ-то сдѣлался невнятнѣе, сбивчивѣе и взглядъ сталъ еще страшнѣе. Черезъ годъ мнѣ приходилось окончить курсъ, временить было нечего; батюшка уже готовилъ мнѣ мѣсто. Что было дѣлать? утопающій за соломенку хватается. Слыхалъ я отъ дворовыхъ людей, что сынъ нашего помѣщика (они жили это лѣто въ деревнѣ) добрый баринъ, ласковый,—я и подумалъ: еслибъ онъ черезъ Ѳедора Григорьевича попросилъ обо мнѣ моего отца, можетъ быть тотъ, видя такое высокое ходатайство, и согласился бы. Почему не сдѣлать опыта. Надѣлъ я свой нанковый сюртукъ, тщательно вычистилъ сапоги, повязалъ голубой шейный платокъ и пошелъ въ господскій домъ. На дорогѣ попался Левка. — Сенька, кричалъ онъ мнѣ, въ лѣсъ! Левка гнѣздо нашелъ, птички маленькія, едва пушокъ, матери нѣтъ, грѣть надо, кормить надо.

— Нельзя, братъ, иду вонъ туда.

— Куда?

— Въ барскій домъ.

— У...у!... сказалъ Левка, поморщившись, у....у!... знаешь дядю Захара? весной дядю Захара били, Левка смотрѣлъ, дядя Захаръ здоровый, сильный, стоитъ — его бьютъ, онъ ничего. Дядя Захаръ дуракъ сильный, большой. Не ходи, Сенька! — Нѣтъ, не бось, меня никто не прибьетъ. Онъ долго смотрѣлъ мнѣ въ слѣдъ, потомъ свиснулъ своей собакѣ и побѣжалъ къ лѣсу, — но едва я успѣлъ сдѣлать двадцать шаговъ, Левка нагналъ меня. — Левка идетъ туда, Сеньку бить будутъ. Левка камнемъ пуститъ. При этомъ онъ мнѣ показалъ булыжникъ величиною съ индѣичье яйцо. Но мѣры его были не нужны; люди отказали, говоря, что господа чай кушаютъ; — потомъ я раза три приходилъ, все не досугъ молодому барину; послѣ третьяго раза я не пошелъ больше. И чѣмъ же это молодой баринъ былъ занятъ? вѣчно ходитъ или съ ружьемъ, или такъ просто безъ всякаго дѣла ходитъ по полямъ, особенно гдѣ крестьянскія дѣвки работаютъ; неужели не могъ оторваться на полчаса? Судьба наконецъ показала выходъ, хотя и очень горестный. Въ селѣ Порѣчьѣ, верстъ восемь отъ насъ, былъ храмовой праздникъ; село Порѣчье казенное, торговое, побогаче нашего, праздникъ у нихъ справлялся отлично. Тамошній священникъ (онъ же и благочинный) приглашалъ насъ всѣхъ. Мы отправились наканунѣ: отецъ Василій съ попадьей, батюшка одинъ, причетники и я — для того, чтобъ отслужить всенощную соборнѣ. Праздникъ былъ великолѣпный, фабричные пѣли на клиросѣ. — Во время литургіи на другой день пріѣхалъ самъ капитанъ-исправникъ съ

супругой и двумя засѣдателями. Голова за мѣсяцъ собиралъ по двадцати пяти копѣекъ серебромъ съ тягла начальству на закуску. Словомъ сказать, было весело и шумно, одинъ я грустилъ; грустилъ я и потому, что намѣренія мои не удавались, и по непривычкѣ къ многолюдію; вина я тогда еще въ ротъ не бралъ, въ хороводахъ ходить не умѣлъ, а пуще всего мнѣ досадно было, что всѣ перемигивались, глядя на меня и на дочь порѣченскаго священника. Я приглянулся ея отцу и онъ предлагалъ, какъ только кончу курсъ, женить на дочери, а онъ мѣсто уступитъ и обзаведеніе, самому-де на отдыхъ пора. А дочь-то его, несмотря на то, что ей было не болѣе 18 или 19 лѣтъ, была похожа не на человѣка, а на нѣсколько животовъ, неправильно сложенныхъ, такъ что она напоминала образъ и подобіе оладій. Такимъ образомъ, поскучавъ въ Порѣчьѣ до вечера, я вышелъ на берегъ рѣки,—откуда ни возьмись Левка тутъ: и онъ бѣдняга приходилъ на праздникъ, самъ не зная зачѣмъ. Стоитъ лодочка, причаленная на берегу, и покачивается; давно я не катался — смерть захотѣлось мнѣ ѣхать домой по водѣ. На берегу нѣсколько мужиковъ лежали въ синихъ кафтанахъ, въ новыхъ поярковыхъ шляпахъ съ лентами; выпивши, они лихо пѣли пѣсни во все молодецкое горло (по счастію, въ селѣ Порѣчьѣ не было слабонервной барыни).

— Позвольте, молъ, православные, лодочку взять прокатиться до Раздеришина? сказалъ я имъ. — «Съ нашимъ удовольствіемъ, мы-де вашего батюшку знаемъ, извольте взять». И двое парней бросились съ ве-

личайшей готовностію отвязывать лодку. Я сѣлъ править, а Левка гресть, и поѣхали мы по Окѣ рѣкѣ чудо какъ весело. Между тѣмъ смерклось и мѣсяцъ взошелъ; съ одной стороны было такъ свѣтло, а съ другой черныя тѣни береговъ бѣжали на лодку. Подымавшаяся роса, какъ дымъ огромнаго пожара, бѣжала на лунномъ свѣтѣ и колебалась по водѣ, будто отдираясь отъ нея. Пѣсни празднующихъ порѣчанъ раздавались, носимыя вѣтромъ, то тише, то громче. Левка былъ доволенъ, мочилъ безпрестанно свою голову водою и стряхивалъ мокрые волосы, падавшіе на глаза. «Сенька, хорошо?» говорилъ онъ, спрашивая, и когда я отвѣчалъ ему: — очень, очень хорошо,—онъ былъ въ неописанномъ восторгѣ. Левка умѣлъ мастерски гресть; онъ отдавался въ какомъ-то опьяненіи ритму разсѣкаемыхъ волнъ и вдругъ подымалъ оба весла и лодка тихо, тихо скользила по волнамъ, и тишина, заступавшая мѣрные удары, клонила къ какому-то полусну. Мы пріѣхали поздно ночью. Левка отправился съ лодкой назадъ, а я домой. Только что я легъ спать, слышу — подъѣзжаетъ телѣга къ нашему дому; матушка (она не ѣздила на праздникъ, ей что-то не здоровилось), матушка послушала, да и говоритъ: «это не нашей телѣги скрипъ»; стучатъ въ ворота: «треба, молъ, вѣрно какая нибудь. Не вставайте, матушка, я схожу посмотрѣть», да и вышелъ; отворяю калитку, порѣченскій голова стоитъ, немножко хмѣльной. «Что ты, Макаръ Лукичъ?»—Да что, говоритъ, дѣло-то не ладно; вотъ что.— «Какое дѣло?» спросилъ я, а самъ дрожу всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ.— Въ-

стимо насчетъ отца діакона. — Я бросился къ телѣгѣ: въ ней лежалъ батюшка безъ движенія. «Что съ нимъ такое?» — А Богъ его вѣдаетъ, все былъ здоровъ, да вдругъ что ни есть прилучилось.—Мы внесли батюшку въ комнату; лицо его посинѣло, я теръ его руки, спрыскивалъ водой; мнѣ показалось, что онъ хрипитъ; я за пьянымъ портнымъ, — на этотъ разъ онъ еще былъ довольно трезвъ; схватилъ ланцетъ, бинтъ и побѣжалъ со мною. Раза три просѣкъ руку, кровь не идетъ; я стоялъ ни живой, ни мертвый. Портной вынулъ табакерку, понюхалъ, потомъ началъ грязнымъ платкомъ обтирать инструментъ.—Что? спросилъ я какимъ-то не своимъ голосомъ.—Не нашего ума дѣло. Кондрашка-то сильно хватилъ вашего батюшку, отвѣчалъ онъ. Матушка упала безъ чувствъ, у меня сдѣлался ознобъ, а ноги такъ и подкашивались.

Послѣ смерти отца, матушка не препятствовала, и я выхлопоталъ себѣ наконецъ увольненіе изъ семинаріи и вступилъ въ медико-хирургическую академію студентомъ. Читая печатную программу лекцій, я увидѣлъ, что адъюнктъ, если останется время, будетъ читать студентамъ, оканчивающимъ курсъ, *общую психіатрію*. Что такое психіатрія? товарищи объяснили мнѣ, что это наука о душевныхъ болѣзняхъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ конца года и хотя мнѣ еще не приходилось слушать психіатрію — явился на первую лекцію адъюнкта. Но я тогда такъ мало былъ образованъ по медицинской части, что почти ничего не понялъ, хотя и слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что до сихъ поръ пом.

ню краснорѣчивое вступленіе адъюнкта. «Психіатрія», говорилъ онъ: — «безспорно самая трудная часть врачебной науки, самая необъяснимая,но за то нравственное вліяніе ея самое благотворное. Ни метафизика, ни философія не могутъ такъ ясно доказать независимость души отъ тѣла, какъ психіатрія. Она учитъ, что всѣ душевныя болѣзни—разстройства тѣлесныя,она учитъ слѣдовательно, что безъ тѣла, безъ этой скудельной оболочки, духъ былъ бы вѣчно здравъ», и проч. Я уже въ семинаріи зналъ Вольфіеву философію, но изложенія адъюнкта совершенно ясно не понималъ, хотя и радовался, что самая медицина служитъ доказательствомъ высшихъ метафизическихъ соображеній.

Когда я порядкомъ изучилъ пріуготовительныя части, я сталъ мало по малу дѣлать собственныя наблюденія надъ одержимыми душевными болѣзнями, тщательно записывая все видѣнное въ особую книгу. Воскресные и праздничные дни проводилъ я почти всегда въ домѣ умалишенныхъ. И всѣ наблюденія мои вели постоянно къ мысли, поразившей меня при созерцаніи спящаго Левки, т. е. что оффиціальные, патентованные сумасшедшіе въ сущности и не глупѣе, и не поврежденнѣе всѣхъ остальныхъ, но только самобытнѣе, сосредоточеннѣе, независимѣе, оригинальнѣе, даже можно сказать, геніальнѣе. Странные поступки безумныхъ, ихъ раздражительную злобу объяснялъ я себѣ тѣмъ, что все окружающее нарочно сердитъ ихъ и ожесточаетъ безпрерывнымъ противорѣчіемъ, жесткимъ отрицаніемъ ихъ idée fixe. Замѣчательно, что люди дѣлаютъ все это только въ домахъ умалишенныхъ; внѣ

ихъ существуетъ между больными какое-то тайное соглашеніе, какая-то патологическая деликатность, по которой безумные взаимно признаютъ пункты помѣшательства другъ въ другѣ. Да, все несчастіе явнобезумныхъ— ихъ гордая самобытность и упрямая неуступчивость, за которую повально-поврежденные мстятъ имъ со всею злобою слабыхъ характеровъ, запираютъ въ клѣтки отклонившихся отъ общаго безумія и поливаютъ ихъ холодной водой.—Объясню примѣрами. Главный докторъ въ заведеніи добрѣйшій нѣмецъ въ мірѣ, безъ сомнѣнія болѣе поврежденный, чѣмъ половина больныхъ его.

Больные не любили его оттого, что онъ самъ, стоя на одной почвѣ съ ними, вступалъ всегда въ соревнованіе.

— Я китайскій богдыханъ! кричалъ ему одинъ больной, привязанный на толстой веревкѣ, которая по необходимости ограничивала богдыханскую власть его.— Ну, когда же китайскій императоръ сидитъ на веревкѣ? отвѣчалъ добрѣйшій нѣмецъ съ пресерьезнымъ видомъ, какъ-будто онъ самъ сомнѣвался, не дѣйствительно ли китайскій богдыханъ передъ нимъ. Больной выходилъ изъ себя, слыша возраженіе, скрежеталъ зубами, кричалъ, что это Вольтеръ и іезуиты посадили его на цѣпь, и долго не могъ потомъ успокоиться. Я, совсѣмъ напротивъ, подходилъ къ нему съ видомъ величайшаго подобострастія. «Лазурь неба, прозрачнѣйшій братъ солнца», говорилъ я ему:—«позволь мнѣ, презрѣнному червю, грязи, отставшей отъ безсравнен-

ныхъ подошвъ твоихъ, покапать холодной воды на свѣтлое чело твое, да возрадуется океанъ, что вода имѣетъ счастіе освѣжить почтенную шкуру, покрывающую бѣлую кость твоего черепа....» и больной улыбался и позволялъ съ собою все, что я хотѣлъ. Обращаю особенное вниманіе на то, что я для этого больнаго не дѣлалъ ничего особеннаго, а поступалъ съ нимъ такъ, какъ всѣ добрые люди поступаютъ другъ съ другомъ вездѣ, на улицѣ, въ гостиной и пр.—Надобно замѣтить, что въ заведеніе ѣздилъ одинъ тупорожденный старикъ, воображавшій, что онъ гораздо лучше докторовъ и смотрителей знаетъ, какъ надобно за больными ходить; онъ всякій разъ приказывалъ такой вздоръ, что за него дѣлалось стыдно, однако главный докторъ слушалъ его до конца и не говорилъ ему, что все это вздоръ, не дразнилъ его—а китайскаго богдыхана дразнилъ. Гдѣ же тутъ справедливость?

Продолжая мои наблюденія, я открылъ, что между собой нерѣдко сумасшедшіе признаютъ другъ друга. Такъ напр. въ V палатѣ жили восемь человѣкъ легко помѣшанныхъ въ большой между собою дружбѣ. Одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума на томъ, что онъ сверхъ своей порціи имѣетъ призваніе ѣсть по полупорціи у всѣхъ товарищей, основывая (пресмѣшно) свои права на томъ, что его отецъ умеръ отъ объяденья, а дѣдъ опился. Онъ такъ увѣрилъ своихъ товарищей, что ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ ѣсть своей порціи, не отдавъ ему лучшую часть, не смѣлъ украдкой съѣсть, боясь угрызенія совѣсти. Когда изрѣдка кто либо изъ дерзкихъ

скептиковъ утаивалъ кусокъ, онъ гордо уличалъ преступнаго и шестеро остальныхъ готовы были оттаскать злодѣя;они называли его воромъ, стяжателемъ; а глава общины до того добродушно вѣрилъ въ свое право,что, не имѣя возможности съѣдать все набранное, съ величавой важностью награждалъ избранныхъ ихъ же ѣдою. Нельзя же отказать въ esprit d'ordre этимъ безумнымъ, такъ точно какъ нельзя отказать въ безуміи людямъ, не только считающимъ себя здоровыми (самые бѣшеные совершенно довольны собою), но признаваемымъ за такихъ другими. Для убѣдительнаго доказательства присовокупляю отрывокъ моего журнала, предпославъ оному слѣдующую краткую діагностику безумія. — Главные признаки разстройства умственныхъ способностей состоятъ: *α) въ неправильномъ, но и непроизвольномъ сознаніи окружающихъ предметовъ; β) въ болѣзненной упорности, стремящейся сохранить его хотя бы съ явнымъ вредомъ самому больному,и отсюда γ) тупое и постоянное стремленіе къ цѣлямъ не существеннымъ и упущеніе цѣлей дѣйствительныхъ.*

Этого достаточно для того, чтобъ убѣдиться въ истинѣ моихъ выводовъ.

Выписка изъ журнала.

Субъектъ № 29-й. Мѣщанка Матрена Бучкина, сложеніе сангвиническое, наклонность къ толщинѣ, лѣтъ тридцати, замужемъ.

Субъектъ этотъ находится у меня въ услуженіи, въ должности кухарки, а потому я изучалъ его довольно внимательно въ главныхъ психическихъ и многихъ физіологическихъ отправленіяхъ.—Alienatio mentale, неподлежащее никакому сомнѣнію, при хорошихъ врожденныхъ способностяхъ (что́ доказывается сохранившейся ловкостью обсчитывать при покупкахъ и утаивать половину провизіи), всѣ умственныя отправленія искажены. Какъ женщина, Матрена живетъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ, но всѣ ея чувства такъ ниспровергнуты болѣзненнымъ отклоненіемъ дѣятельности мозга отъ нормальнаго отправленія, что они не токмо не человѣческія, но и не животныя.

А) *Чувство любви.* —Не видать, чтобъ у нея была особенная нѣжность къ мужу, но отношенія ихъ въ высшей степени замѣчательны и драгоцѣнны, какъ патологическій фактъ. Мужъ ея сапожникъ и живетъ въ другомъ домѣ; онъ приходитъ къ ней обыкновенно утромъ въ воскресенье. Матрена покупаетъ на послѣднія деньги простаго вина и печетъ пирогъ или блины; часу въ десятомъ мужъ ея напивается пьянъ и тотчасъ начинаетъ продолжительно и больно бить ее, потомъ онъ впадаетъ въ летаргическій сонъ до понедѣльника; проснувшись, отправляется съ страшной головной

болью за свою работу, питаясь пріятной надеждой черезъ шесть дней снова отпраздновать такъ семейно и кротко воскресный день. Я полагаю, что у Матрены заживо выдѣлалась кожа: это очень любопытно для изученія общихъ покрововъ..Такъ какъ она приходила всякій разъ съ горькими жалобами ко мнѣ на своего мужа, то я совѣтовалъ ей не покупать ему вина,основываясь на томъ, что оно имѣетъ на него дурное вліяніе. Но больная весьма оскорблялась моими совѣтами и возражала, что она не безчестная какая нибудь и нищая, чтобъ своему законному мужу не поднести стакана вина—святъ день до обѣда, что сверхъ того она покупаетъ вино на свои деньги, а не на мои, и что если мужъ ее и колотитъ, такъ все же онъ Богомъ данный мужъ. Отвѣтъ этотъ, много разъ повторяемый, очень замѣчателенъ? можно добраться по немъ до странныхъ законовъ мышленія мозга, пораженнаго болѣзнію; нѣтъ ни одного слова въ ея отвѣтѣ,которое бы шло къ моему замѣчанію, а при болѣзни мозга, ей кажется, что она вполнѣ опровергла меня. Но до какой степени и это поверхностно, доказывается тѣмъ, что стоило мнѣ, продолжая мои наблюденія, сказать ей: а ты зачѣмъ съ нимъ споришь, ты бы смолчала, вѣдь онъ твой мужъ и глава?Тогда больная приходила въ состояніе, близкое къ маніи, и съ сердцемъ говорила:онъ злодѣй мнѣ, а не мужъ; я ему не дура досталась молчать,когда онъ несетъ всякій вздоръ!... И тутъ она начинала бранить не только его, но и барыню свою, которая, въ истинно материнскихъ попеченіяхъ о своихъ подданныхъ, сама при-

няла трудъ избрать ей мужа. Выборъ палъ на сапожника не случайно, а потому, что онъ хмѣлемъ зашибалъ, такъ барыня думала, что остепенится женившись; конечно не ея вина, что она ошиблась: errare humanum est!

В) *Отношеніе къ дѣтямъ* любопытно до высшей степени и имѣетъ двойной интересъ. Тутъ я имѣлъ случай видѣть, какъ съ самаго дня рожденія прививаютъ безуміе. Сначала чисто механически, крѣпкимъ пеленаніемъ, при чемъ сдавливаютъ ossa parietalia черепа такъ, чтобы помѣшать мозговому развитію—это съ своей стороны очень дѣйствительно. Потомъ употребляются органическія средства; они состоятъ преимущественно въ чрезмѣрномъ развитіи прожорливости и въ дурномъ обращеніи съ малюткой. Когда организмъ ребенка не изловчился еще претворять всю дрянь, которая ему давалась, отъ грязной соски до жирныхъ лепешекъ, дитя иногда страдало; мать лечила сама и въ медицинскихъ сужденіяхъ своихъ далеко расходилась со всѣми врачами отъ Гиппократа до Гуфланда: или она откачивала его такъ, какъ спасаютъ утопленниковъ (средство совершенно безвредное, если утопленникъ умеръ, и во всякомъ случаѣ способное показать усердіе присутствующихъ), и ребенокъ впадалъ въ морскую болѣзнь отъ качки, что его дѣйствительно облегчало; или мать начинала, на извѣстномъ основаніи гомеопатіи, клинъ клиномъ выбивать, кормить его селедкой, капустой; если же ребенокъ не выздоравливалъ, мать принималась его бить, толкать, дергать, пригова-

ривая всякія грубости; если же и отъ этого дитя не выздоравливало, то мать давала ему или настойки, или маковаго молока — и радовалась очевидной пользѣ отъ лекарства, когда ребенокъ впадалъ въ тяжелое опьяненіе или въ летаргическій сонъ. Въ дополненіе слѣдуетъ замѣтить, что Матрена на свой манеръ чрезвычайно любила ребенка. Любовь ея къ дитяти была совершенно въ родѣ любви къ мужу: она покупала на скудныя деньги свои какой нибудь тафтицы на одѣяльцо и потомъ нещадно била ребенка за то, что онъ ненарочно капалъ на него молоко, и пр. — Мнѣ очень жаль, что я скоро разстался съ Матреной и не могъ доучить этотъ интересный субъектъ; къ тому же я въ послѣдствіи услышалъ, что ея ребенокъ не выдержалъ оригинальнаго воспитанія и умеръ.

С) *Отношенія гражданскія и общественныя.* — Но я полагаю, сказаннаго достаточно, чтобъ убѣдиться, что жизнь этого субъекта проходила въ чаду безумія. А посему снова обращаюсь къ прерванной нити моего жизнеописанія, которое съ тѣмъ вмѣстѣ есть и описаніе развитія моей теоріи.....

По окончаніи курса меня отправили лекаремъ въ одинъ пѣхотный полкъ. Я не нахожу нужнымъ въ предварительной части говорить о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною на семъ спеціальномъ поприщѣ. Я имъ посвятилъ особый отдѣлъ въ большомъ сочиненіи моемъ.

Перехожу къ болѣе разнообразному ѳеатру. Черезъ нѣсколько лѣтъ, по распоряженію высшаго начальства, которому, пользуясь симъ случаемъ, свидѣтельствую искреннѣйшую благодарность за начальственное вниманіе, получилъ я мѣсто по гражданскому вѣдомству; тутъ съ большимъ досугомъ предался я сравнительной психіатріи.

Я началъ наблюдать разныхъ жителей города, и въ скоромъ времени не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ они поврежденные. Предоставляю тѣмъ, которые долго трудились надъ какимъ нибудь открытіемъ, оцѣнить то чувство радости, которымъ исполнилось сердце мое, когда я убѣдился въ этомъ драгоцѣнномъ фактѣ. Городокъ нашъ вообще оригиналенъ: это—губернское правленіе, обросшее разными домами и жителями, собравшимися около присутственныхъ мѣстъ. Онъ тѣмъ отличается отъ другихъ городовъ, что возникъ собственно для удовольствія и пользы начальства. Начальство составляло сущность, корень, цвѣтъ и плодъ города. Остальные жители, купцы, мѣщане, больше находились для порядка, потому что нельзя же быть городу безъ купцовъ и мѣщанъ. И всѣ они получали смыслъ только въ отношеніи къ начальству (и къ откупу впрочемъ). Мастеровые,напр. портные, сапожники, содержатели увеселительныхъ мѣстъ (у насъ 6 трактировъ) шили фраки, сапоги, заводили бильярды—все для чиновниковъ; остальные же неслужащіе въ городѣ занимались исключительно произведеніемъ тѣхъ средствъ, на которыя чиновники заказывали фраки, са-

ноги и увеселялись на бильярдѣ. Въ нашемъ городѣ Малиновѣ по календарю считалось около 5,000 жителей; изъ нихъ человѣкъ двадцать были повергнуты въ томительнѣйшую скуку отъ отсутствія всякаго занятія, и 4,900 человѣкъ повергнуты въ томительную дѣятельность отъ отсутствія всякаго отдыха. — Но оставимъ эту всеобщую статистику помѣшательства и перейдемъ къ частнымъ случаямъ. Въ качествѣ врача я былъ часто призываемъ лечить тѣло тамъ, гдѣ слѣдовало лечить душу; невѣроятно, въ какомъ чаду нелѣпостей, въ какомъ рѣзкомъ безуміи находились всѣ мои паціенты обоихъ половъ.

— Пожалуйте сейчасъ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ, — Аннѣ Ѳедоровнѣ очень дурно.—Сію минуту ѣду.—Анна Ѳедоровна лѣтъ тридцати женщина, любившая и любящая многихъ мужчинъ, за исключеніемъ своего мужа, богатаго помѣщика, точно также расположеннаго ко всѣмъ женщинамъ, кромѣ Анны Ѳедоровны. У нихъ отъ розовыхъ брачныхъ цѣпей осталась одна, которая обыкновенно бываетъ покрѣпче прочихъ, — ревность, и ею неутомимо преслѣдовали они другъ друга десятый годъ.—Пріѣзжаю. Анна Ѳедоровна лежитъ на постелѣ съ вспухшими глазами, у ней жаръ, у ней боль въ груди—все показываетъ, что было семейное Бородино, дѣло горячее и продолжительное. Люди ходятъ испуганные, мебель въ безпорядкѣ, въ дребезги разбитая трубка (явнымъ образомъ не случайно) лежитъ въ углу и переломленный чубукъ въ другомъ.

— У васъ, Анна Ѳедоровна, нервы разстроены; я

вамъ пропишу немного лавровишневой воды, на свѣтъ не ставьте — она портится; такъ принимайте... сколько вамъ лѣтъ, лѣтъ 20? — такъ и капель 20 или 22. Больная становится веселѣе и кусаетъ губы.

— Да знаете ли что, Анна Ѳедоровна, вамъ бы надо ѣхать куда нибудь, ну хоть въ деревню; жизнь, которую вы ведете, васъ разстроитъ окончательно.

— Мы ѣдемъ въ маѣ мѣсяцѣ въ деревню съ Никаноромъ Иванычемъ.

— А, превосходно! Такъ вы останьтесь здѣсь. Это будетъ еще лучше.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Вамъ надобенъ покой безусловный, тишина—иначе я не отвѣчаю за то, что наконецъ изъ всего этого выйдутъ серьезныя послѣдствія.

— Я несчастнѣйшая женщина, Семенъ Иванычъ; у меня будетъ чахотка, я должна умереть. И все виноватъ этотъ извергъ.... Ахъ, Семенъ Иванычъ, спасите меня!

— Извольте. Только мое лекарство будетъ не изъ аптеки; вотъ рецептъ: возьми небольшой, чистенькій домикъ, въ самомъ дальнемъ разстояніи отъ Никанора Иваныча. Прибавь: мебель, цвѣты и книги. Жить, какъ сказано, тихо, спокойно. — Этотъ рецептъ вамъ поможетъ.

— Легко вамъ говорить; вы не знаете, что такое бракъ.

— Не знаю, но догадываюсь: для многихъ бракъ — святое отношеніе, для другихъ—полюбовное насиліе

жить вмѣстѣ, когда хочется жить врозь, и совершеннѣйшая роскошь, когда хочется и можно жить вмѣстѣ. Не такъ ли?

— О, вы извѣстный вольнодумъ! Какъ я покину мужа, хоть онъ и извергъ?

Я вспомнилъ Матрену Бучкину, субъектъ № 29.

— Анна Ѳедоровна, вы меня простите; одна долгая практика въ вашемъ домѣ позволяетъ мнѣ идти до такой откровенности. Я осмѣлюсь сдѣлать вамъ нескромный вопросъ.

— Что угодно, Семенъ Иванычъ, вы другъ дома, вы.....

— Любите ли вы сколько нибудь вашего мужа?

— Ахъ, нѣтъ. Я готова это сказать передъ всѣмъ городомъ. Безумная тетушка моя сварганила этотъ несчастный бракъ.

— Ну, а онъ васъ?

— Искры любви нѣтъ въ немъ. Теперь почти въ открытой интригѣ съ Полиной, съ дочерью нашей сосѣдки, — вы знаете; да мнѣ Богъ съ нимъ совсѣмъ, но вѣдь денегъ что это ему стоитъ.

— Очень хорошо-съ. Вы другъ друга не любите, мучите; вы оба богаты,—что васъ держитъ вмѣстѣ?

— Да помилуйте, Семенъ Иванычъ, за кого же вы меня считаете? Моя репутація дороже мнѣ жизни; что обо мнѣ скажутъ?

— Это другое дѣло, конечно.... Ахъ, Боже мой, половина перваго, что это какъ время-то.... Да-съ, такъ по двадцать двѣ капли лавровишневой воды, хоть три раза до ночи, а я заѣду какъ нибудь завтра взглянуть.

Я только въ залу, а ужъ Никаноръ Иванычъ, небритый, съ искаженнымъ отъ спирта и гнѣва лицомъ, меня ждетъ. — Семенъ Иванычъ, Семенъ Иванычъ, ко мнѣ въ кабинетъ.

— Чрезвычайно радъ, что прикажете?

— Вы честный человѣкъ, я васъ всю жизнь зналъ за честнаго человѣка, вы благородный человѣкъ—вы поймете, что такое честь. Вы меня по гробъ обяжете, ежели скажете истину.

— Сдѣлайте одолженіе, что вамъ угодно?

— Да какъ вы считаете положеніе жены?

— Оно не опасно, успокойтесь, это пройдетъ; я прописалъ капельки... Только нужно бы душевное спокойствіе, а то знаете, нервы.....

— Да чортъ съ ней, не объ этомъ дѣло, по мнѣ хоть сегодня ногами впередъ да и со двора; это змѣя, а не женщина, вы ее не знаете: лучшія лѣта жизни отняла у меня.... не объ этомъ рѣчь.

— Я васъ не понимаю.

— Что это, ей Богу, съ вами. Ну, то есть, болѣзнь ея подозрительна, или нѣтъ?

— Да-съ, вы желаете знать насчетъ того, нѣтъ ли какихъ надеждъ на наслѣдничка?

— Наслѣдничка!... я ей покажу наслѣдничка... Что это за женщина; знаете, для меня ужь коли женщина въ эту сторону—все кончено; нѣтъ, не могу; мнѣ чортъ съ ней совсѣмъ, да вѣдь законная жена, Семенъ Иванычъ, она мое имя носитъ, она мое имя пятнаетъ.

— Я ничего не замѣтилъ. А впрочемъ, знаете, Никаноръ Иванычъ, жили бы вы въ разныхъ домахъ, а еще лучше въ разныхъ городахъ—для обоихъ было бы спокойнѣе.

— Да-съ, такъ ей и позволить, ха, ха, ха!—выдумали ловко.... ха, ха, ха! какъ же, позволю... нѣтъ, вѣдь я не французъ какой нибудь; нѣтъ-съ, вѣдь я знаю законъ и приличія; о, еслибъ моя матушка была жива—да она изъ своихъ рукъ ее на столъ бы положила..... Я знаю ея продѣлки, мнѣ только бы раскрыть.

— Прощайте, почтеннѣйшій Никаноръ Иванычъ, мнѣ еще къ вашей сосѣдкѣ надобно.

— Что у нея? спросилъ врасплохъ взятый супругъ и что-то сконфузился.

— Не знаю. Присылали горничную; дочь что-то все нездорова,—дѣвка не умѣла разсказать порядкомъ.

— Ахъ, Боже мой, да какъ же это? Я на дняхъ видѣлъ Полину Игнатьевну.

— Да-съ, бываютъ и быстрыя болѣзни. Прощайте.

— Семенъ Иванычъ, я давно хотѣлъ.... вы меня извините; вѣдь ужъ это такъ заведено, чиновникъ живетъ отъ просителей. Я такъ много доволенъ вами: позвольте вамъ предложить эту золотую табакерку, примите ее въ знакъ искренней дружбы.... только, Семенъ Иванычъ, я надѣюсь, что во всякомъ случаѣ — молчаніе ваше.... то есть, на счетъ чести благородной дѣвушки.

— Есть вещи, на которыя докторъ имѣетъ уши и глаза, но рта не имѣетъ.

Никаноръ Иванычъ обнялъ меня и своими мокрыми

губами и потнымъ лицомъ пропзвелъ довольно непріятное впечатлѣніе на щекѣ.

И кто нибудь скажетъ, *что это не поврежденные?*....

Позвольте, еще примѣръ. Рядомъ со мною живетъ богатый помѣщикъ, гордый своимъ имѣніемъ, скряга, и прочее. Онъ держитъ домъ на заперти, никого не пускаетъ къ себѣ, рѣдко самъ выѣзжаетъ, и что дѣлаетъ въ городѣ—понять нельзя; не служитъ, процессовъ не имѣетъ, деревня въ 50 верстахъ, а живетъ въ городѣ. Главное занятіе его—стяжаніе и накапливаніе денегъ; но это дѣлается за кулисами; я вамъ хочу показать его въ торжественныя минуты жизни. Въ гостинницѣ и на почтѣ онъ закупилъ слугъ, чтобъ они извѣщали его, когда по городу проѣзжаетъ какой нибудь сановникъ, то есть ревизующій чиновникъ. Сосѣдъ мой, получивши такую вѣсть, тотчасъ надѣвалъ дворянскій мундиръ и отправлялся къ его превосходительству; тотъ, разумѣется, съ дороги спалъ, сосѣда не пускали, онъ давалъ на водку, упорствовалъ, дожидался часы цѣлые, — наконецъ о немъ докладывали. Сановникъ (ибо въ эти минуты и чиновникъ VI класса чувствовалъ себя сановникомъ), разсерженный, принималъ просителя, не скрывая ярости и не давая вѣсу и мѣры словамъ своимъ. Проситель, послѣ долгихъ околичнословій, докладывалъ, что вся его просьба, отъ которой зависитъ его счастіе, счастіе его дѣтей и жены, въ томъ, чтобы его превосходительство изволило откушать у него завтра, или отъужинать сегодня. Онъ такъ трогательно просилъ, что ни одинъ высокій сановникъ не

могъ противостоять и давалъ слово сосѣду. Тутъ наставали поэтическія минуты его жизни. Онъ бросался въ рыбные ряды, онъ покупалъ стерлядь ростомъ съ извѣстнаго тамбуръ-мажора; и ее живую перевозили въ подвижномъ озерѣ къ нему на дворъ; выгружалось старинное серебро, вынималось старинное вино. Онъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, бранился съ женою, дѣлалъ отеческія наставленія дворецкому, грозился на всю жизнь сдѣлать уродомъ и несчастнымъ повара (для ободренія), звалъ человѣкъ двадцать гостей, бѣгалъ съ курильницей по комнатамъ; встрѣчалъ въ сѣняхъ сановника, цѣловалъ его въ шовъ, идущій подъ руку. Шампанское лилось у скряги за здравіе высокаго проѣзжаго. Замѣтьте, и все это дѣлалось изъ помѣшательства, совершенно безкорыстно. И что еще важнѣе для психіатріи, его безуміе всякій разъ переносилось съ обратными признаками (полярно) на гостя. Гость вѣрилъ что онъ по гробъ одолжаетъ хозяина — тѣмъ, что прекрасно обѣдаетъ. Когда-нибудь сообщу еще примѣровъ пять-шесть, на первый разъ довольно.

Успокоившись на счетъ жителей нашего города, я пошелъ далѣе. Выписалъ себѣ знаменитѣйшія путешествія, древнія и новыя историческія творенія и подписался на « Гамбургскій Безпристрастный Кореспондентъ». — Отовсюду текли доказательства очевидныя, неподлежащія сомнѣнію, моей основной мысли; слезы умиленія не разъ наполняли глаза мои при чтеніи. Я не говорю ужь о гамбургской газетѣ; на нее я съ самаго начала смотрѣлъ не какъ на суетный дневникъ вся-

кой всячины, а какъ на всеобщій бюллетень разныхъ богоугодныхъ заведеній для несчастныхъ, страждущихъ душевными болѣзнями. Все равно, что бы историческое я ни начиналъ читать, вездѣ, во всѣ времена открывалъ я разныя безумія, которыя соединялись въ одно всемірное помѣшательство. Тита Ливія или Муратори я бралъ, Тацита или Гиббона, — ни какой разницы; всѣ они доказываютъ одно, что исторія не что иное, какъ связной разсказъ родоваго, хроническаго безумія и его медленнаго излеченія (этотъ разсказъ даетъ намъ по наведенію полное право надѣ-яться, что черезъ тысячу лѣтъ двумя-тремя безуміями будетъ меньше). Истинно не считаю нужнымъ приводить примѣры: ихъ милліоны. Разверните какую хотите исторію, вездѣ васъ поразитъ, что вмѣсто дѣйствительныхъ интересовъ всѣмъ заправляютъ мнимые, фантастическіе интересы; вглядитесь изъ-за чего льется кровь, изъ-за чего несутъ крайность, что восхваляютъ что порицаютъ, — и вы ясно убѣдитесь въ несчастной и на первый взглядъ истинѣ, полной утѣшенія на второй взглядъ, что все это слѣдствіе разстройства умственныхъ способностей. Куда ни взглянешь въ древнемъ мірѣ, вездѣ безуміе почти такъ же очевидно, какъ и въ новомъ. Тамъ отецъ приноситъ дочь на жертву, чтобъ былъ попутный вѣтеръ; и нашелся старый дуракъ, который прирѣзалъ бѣдную дѣвушку, — и этого бѣшеннаго не посадили на цѣпь, не свезли въ желтый домъ, а признали за жреца. Въ другомъ мѣстѣ персидскій царь гоняетъ море сквозь строй, такъ же мало по-

нимая нелѣпость поступка, какъ и его враги аѳиняне, которые цикутой хотятъ лечить отъ разума и сознанія (тогда впрочемъ не было извѣстно, что солено-кислый баритъ гораздо дѣйствительнѣе). А что это за бѣлая горячка, вслѣдствіе которой римскіе императоры гнали христіанство; развѣ трудно было разсудить, что эти средства палачества, тюремъ, крови, истязаній ничего не могли сдѣлать противъ святыхъ убѣжденій, а удовлетворяли только животной свирѣпости гонителей?

Кто не увидитъ ясные признаки безумія въ среднихъ вѣкахъ, тотъ вовсе незнакомъ съ психіатріей. Въ среднихъ вѣкахъ все безумно. Если и выходитъ что нибудь путное, то совершенно противоположно желанію, не зависимо отъ цѣлей. Ни одного здороваго понятія не осталось въ средне-вѣковыхъ головахъ, все перепуталось. Проповѣдывали любовь — и жили въ ненависти, проповѣдывали миръ — и лили рѣками кровь. Къ тому же цѣлыя сословія подвергались эпидемической дури — каждое на свой ладъ. Напр. виланы считали одного человѣка въ латахъ сильнѣе тысячи человѣкъ, вооруженныхъ дубьемъ; а рыцари сошли съ ума на томъ, что они дикіе звѣри, и сами себя содержали, по селлюлярному порядку новыхъ тюремъ, въ укрѣпленныхъ сумасшедшихъ домахъ, по скаламъ, лѣсамъи проч.

Исторія доселѣ остается не понятною отъ ошибочной точки зрѣнія; историки, будучи большею частію не врачами, не знаютъ, на что обращать вниманіе; они стремятся вездѣ выставить придуманную послѣ разумность и необходимость всѣхъ народовъ и событій; сов-

сѣмъ напротивъ, надобно на исторію взглянуть съ точки зрѣнія патологіи, психіатріи, надобно взглянуть на историческія лица съ точки зрѣнія безумія, на событія съ точки зрѣнія нелѣпости и не нужности. Исторія — горячка, производимая благодѣтельной натурой, посредствомъ которой человѣчество отдѣлывается отъ животности; но какъ бы противодѣйствіе ни было полезно, все же она болѣзнь, все же она горячка. Впрочемъ въ нашъ образованный вѣкъ стыдно доказывать простую мысль, что исторія аутобіографія сумасшедшаго. Интересъ лѣтописей и путешествій тотъ же самый, который мы находимъ въ анатомико-патологическомъ кабинетѣ. Кстати о путешествіяхъ. Они не менѣе исторіи принесли мнѣ подтвержденій, и тѣмъ пріятнѣйшихъ что всѣ описываемыя въ нихъ безумія дѣлались не за тысячу лѣтъ, а совершаются теперь, сейчасъ, въ ту минуту, какъ я пишу, и будутъ совершаться въ ту минуту, какъ вы, любезный читатель, займетесь чтеніемъ моего отрывка. Доказательства и здѣсь совершеннѣйшая роскошь; разверните Магеллана, разверните Дюмонъ-Дюрвиля и читайте первое, что раскроется—будетъ хорошо, вамъ попадается или индѣецъ, который во славу Вишны сидитъ двадцать лѣтъ съ поднятой рукой и не утираетъ носу для пріобрѣтенія безконечной потери своего *я* на томъ свѣтѣ; или женщина, которая изъ учтивости и приличія бросается на костеръ, на которомъ жгутъ трупъ мужа. Востокъ классическая страна безумія; но впрочемъ и въ Европѣ очень удовлетворительные симптомы. Но объ этомъ въ самомъ курсѣ.

Объяснительное прибавленіе отъ автора.

Но не могу положить пера, не сказавъ еще нѣсколько объяснительныхъ и, такъ сказать, предупредительныхъ замѣчаній. Я знаю, что неблагонамѣренность обвинитъ меня въ желаніи блеснуть новизною, въ гордости и пренебреженіи къ больнымъ,—за то, что я не считаю ихъ здоровыми.— Совѣсть моя чиста! Не гордость и пренебреженіе, а любовь привела меня къ моей теоріи, и когда я совершенно убѣдился въ истинности ея, весь нравственный бытъ мой перемѣнился, мнѣ стало легко, упованія и надежды расцвѣли какъ въ молодости. Прежняя нетерпимость, готовность порицанія и осужденія замѣнились теплымъ чувствомъ состраданія къ больнымъ, и вмѣсто желанія отвратительной мести за дѣйствія, яснымъ образомъ сдѣланныя подъ вліяніемъ болѣзни, явилось кроткое снисхожденіе и сильное желаніе помочь больному. (Я даже въ домѣ умалишенныхъ вывелъ наказанія, не желая вступать въ соревнованіе съ безумными, ни побѣждать ихъ въ нелѣпости). Что же касается до предполагаемаго мною обвиненія въ желаніи блеснуть новизною, то я обязанъ замѣтить, что въ разныхъ формахъ мысль медицинская, мною проведенная, являлась многимъ въ голову. Аристотель называлъ Анаксагора *единымъ трезвымъ въ сонмѣ пьяныхъ*. Спиноза видѣлъ безсиліе разума въ человѣкѣ безнравственномъ, видѣлъ болѣзненную необходимость его опьяненія страстями. Бентамъ, англійскій докторъ, изъ котораго я взялъ эпиграфъ, не сомнѣвался въ болѣзни

мозга, а искалъ причину оной въ испугѣ и потрясеніи, бывшемъ во время потопа. Бентамъ, наконецъ, прямо сказалъ, что «всякій преступникъ прежде всего дурной счетчикъ». Бентамъ совершенно правъ; но онъ одного не понялъ, что преступникъ дѣлаетъ ариѳметическія ошибки слишкомъ грубыя, и всѣ остальные тоже дурные счетчики, но дѣлаютъ маленькія ошибочки. Мы окружены цѣлой атмосферой, призрачной и одуряющей; всякій человѣкъ болѣе или менѣе, какъ матренина дочь (зри выше), съ малыхъ лѣтъ пріобщается къ эпидемическому сумасшествію окружающей среды (нѣмецкіе врачи называютъ эту болѣзнь der historische Standpunkt); вся жизнь наша, всѣ дѣйствія такъ и разсчитаны по этой атмосферѣ въ томъ родѣ, какъ нелѣпыя формы ихтіосавровъ, мастодонтовъ были разсчитаны и сообразны первобытной атмосферѣ земнаго шара. Мѣстами воздухъ становится чище, болѣзни душевныя укрощаются. Но не легко переработывать въ душѣ человѣческой родовое безуміе; страшныя усилія надобно употреблять для малѣйшаго шага. Вспомните романтизмъ, эту духовную золотуху; вспомните торизмъ — эту застарѣлую подагру нравственнаго міра; вспомите славянофильство—эту іудейскую проказу исключительной національности, и тысячу другихъ.

Предвижу еще одинъ вопросъ. Что же ты, занимавшійся столько лѣтъ исторической психіатріей, — открылъ ли какія нибудь средства леченія? Что же плодъ твоихъ трудовъ?-Во-первыхъ, истина; во-вторыхъ, точка зрѣнія: въ-третьихъ, я далеко не все сказалъ, а на-

мекнулъ, означилъ, слегка указалъ. — Средствъ я нашелъ мало; но средства есть. При дальнѣйшемъ развитіи органической химіи, послѣ хорошихъ разложеній церебрика, мозговаго протеина, послѣ химическаго анализа дѣйствія страстей и прочее, мы найдемъ средства отлично, при благодѣтельной помощи натуры, выдѣлывать и поправлять вещество мозга.—Мы имѣемъ драгоцѣнныя практическія наблюденія касательно возможности химически поправлять и видоизмѣнять духовную сторону, хотя она и совершенно независима Такъ напримѣръ прилично употребленное леченіе *шампанскимъ* располагаетъ человѣка къ дружбѣ, къ доблести, къ чувствамъ радостнымъ и объятіямъ разверстымъ. Дѣйствуя же *бургонскимъ* точно такимъ же образомъ, то есть отправляя его чрезъ желудокъ въ вены, а оттуда въ голову, выходитъ результатъ совсѣмъ иной: человѣкъ дѣлается мраченъ, несообщителенъ, болѣе склоненъ къ ревности, нежели къ любви, къ раскаянію, нежели къ наслажденію, къ плачу о грѣхахъ міра сего, нежели къ снисхожденію.... для меня тутъ ключъ къ психотерапіи, и вотъ я десятый годъ, не щадя ни издержекъ, ни здоровья, занимаюсь постоянно изученіемъ дѣйствія на умственныя способности вышеозначенныхъ медикаментовъ и разныхъ другихъ. Чего не сдѣлаетъ человѣкъ изъ любви къ наукѣ!

СОРОКА-ВОРОВКА.

ПОВѢСТЬ.

(ПОСВЯЩЕНА МИХАЙЛУ СЕМЕНОВИЧУ ЩЕПКИНУ.)

Твой домъ, украшенный богато,
Гостямъ-согражданамъ открытъ
Тамъ Терпсихора и Эрато
Съ подругой Таліей гоститъ;
Хозяинъ ласковый душою
Склоняетъ къ нимъ привѣтный взоръ.
Украинскій Вѣстникъ на 1816 годъ.

—Замѣтили ли вы, сказалъ молодой человѣкъ, остриженный подъ гребенку, продолжая начатой разговоръ о театрѣ: — замѣтили ли вы, что у насъ хотя и рѣдки хорошіе актеры, но бываютъ; а хорошихъ актрисъ почти нѣтъ, и только въ преданіи сохранилось имя Семеновой; не безъ причины же это?

— Причину искать не далеко; вы ея не понимаете только потому, возразилъ другой, остриженный въ кружокъ:—что вы на все смотрите сквозь западные очки. Славянская женщина никогда не привыкнетъ выходить на помостъ сцены и отдаваться глазамъ толпы, возбуждать въ ней тѣ чувства, которыя она приноситъ въ исключительный даръ своему главѣ; ея мѣсто дома, а

не на позорищѣ. Незамужняя — она дочь, дочь покорная, безгласная; за-мужемъ — она покорная жена. Это естественное положеніе женщины въ семьѣ если лишаетъ насъ хорошихъ актрисъ, за то прекрасно хранитъ чистоту нравовъ.

— Отчего же у нѣмцевъ, замѣтилъ третій, вовсе не стриженный: — семейная жизнь сохранилась, я полагаю, не хуже, нежели у насъ, и это нисколько не мѣшаетъ появленію хорошихъ аткрисъ? Да потомъ я и въ главномъ не согласенъ съ вами: не знаю, что̀ дѣлается около очага у западныхъ славянъ, а мы, русскіе, право перестаемъ быть такими патріархами, какими вы насъ представляете.

— А позвольте спросить, гдѣ вы наблюдали и изучали славянскую семью? У высшихъ сословій, живущихъ особою жизнію, въ городахъ, которые оставили сельскій бытъ—одинъ народный у насъ, по большимъ дорогамъ, гдѣ мужикъ сдѣлался торгашемъ, гдѣ ваша индустрія развратила его довольствомъ, развила въ немъ искусственныя потребности? Семья не тутъ сохранилась; хотите ее видѣть, ступайте въ скромныя деревеньки, лежащія по проселочнымъ дорогамъ.

— Однако, странное дѣло, большія дороги, города, все то, что̀ хранитъ и развиваетъ другихъ, вредно для славянъ, такъ какъ вамъ угодно ихъ представлять; по вашему, чтобъ сохранить чистоту нравовъ, надобно, чтобъ не было проѣзда, сообщенія, торговли, наконецъ довольства, перваго условія развивающейся жизни. Конечно, и Робинзонъ, когда жилъ одинъ на островѣ,

былъ примѣрнымъ человѣкомъ, никогда въ карты не игралъ, не шлялся по трактирамъ.

— Все можно представить въ нелѣпомъ видѣ; шутка иногда разсмѣшитъ, но опровергнуть ею ничего нельзя. Есть вещи, которыхъ при всей ловкости западнаго ума вы не поймете, ну такъ не поймете, какъ человѣкъ, лишенный уха, не понимаетъ музыки, что̀ ему вовсе не мѣшаетъ быть живописцемъ или чѣмъ угодно. Вы не поймете никогда, что бѣдность смиренная и трудолюбивая выше самодовольнаго богатства. Вы не поймете нашего семейнаго, отеческаго распорядка ни въ избѣ, гдѣ отецъ глава, ни въ цѣломъ селѣ, гдѣ глава общины — отецъ. Вы привыкли къ строгимъ очертаніямъ правъ, къ рамкамъ для лицъ, сословій, къ взаимному обузданью и недовѣрью, — все это необходимо на западѣ: тамъ все основано на враждѣ, тамъ вся задача государственная, какъ сказалъ вашъ же поэтъ, въ ловкой борьбѣ:

«Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой —
Пружины смѣлыя гражданственности новой».

— Этой дорогой, я не думаю, чтобъ мы скоро добрались до рѣшенія вопроса, отчего у насъ рѣдки актрисы, сказалъ начавшій разговоръ: — если для полноты отвѣта вы хотите chemin faisant разрѣшить всѣ историческіе и политическіе вопросы, то надобно будетъ посвятить на это лѣтъ сорокъ жизни, да и то еще успѣхъ сомнителенъ. Вы, любезный славянинъ, сколько я понимаю, хотите сказать, что у насъ оттого нѣтъ актрисъ, что женщина существуетъ не какъ лицо, а какъ членъ

семейства, которымъ она поглощается: тутъ много истиннаго. Однако вы полагаете, что семейство въ маленькихъ деревенькахъ; ну, а вѣдь актрисы берутся не изъ этихъ же деревенекъ, къ которымъ нѣтъ проѣзда.

— Здѣсь позвольте мнѣ отвѣчать вамъ, замѣтилъ европеецъ (такъ мы будемъ называть нестриженаго):— у насъ вообще и по шоссе и по проселочнымъ дорогамъ женщина не получила того развязнаго права участія во всемъ, какъ напр. во Франціи; встрѣчаются исключенія,но всегда неразрывныясъ какимъ-то фанфаронствомъ — лучшее доказательство, что это исключеніе. Женщина, которая бы вздумала у насъ вести себя наравнѣ съ образованнымъ мужчиной, не свободно бы пользовалась своими правами, а хотѣла бы выказать свое освобожденіе.

— Конечно такая женщина была бы уродъ; и по счастію, возразилъ славянинъ:—не у насъ надобно искать la femme émancipée, да и вообще надобно ли ее гдѣ нибудь искать — я не знаю. Вотъ что̀ касается до человѣческихъ правъ, то обратите нѣсколько вниманія на то, что у насъ женщина пользовалась ими въ самой глубокой древности, болѣе нежели въ Европѣ: ея имѣнье не сливалось съ имѣньемъ мужа, она имѣетъ голосъ на выборахъ, право владѣнія крестьянами.

— Конечно изъ правъ, которыми пользуются у насъ дамы, не всѣ принадлежатъ европейской женщинѣ. Но, извините, здѣсь рѣчь вовсе не о писанныхъ правахъ, а именно о правахъ неписанныхъ, объ общественномъ мнѣніи. Что̀ сказали бы мы сами, если бы въ нашу бе-

сѣду, очень тихую и неимѣющую въ себѣ ничего оскорбительнаго, вдругъ явилась одна изъ знакомыхъ дамъ. Я увѣренъ, что и намъ, и ей было бы не по себѣ; мы совсѣмъ иначе настроиваемъ себя, если предвидимъ дамское общество: въ этомъ недостатокъ уваженія къ женщинѣ.

— Какъ вы начитались Жоржъ Занда. Мужчина вовсе не долженъ быть съ женщинами на распашку, и зачѣмъ женщина пойдетъ дѣлить его бесѣду? Мнѣ ужасно нравятся мужскія собранія, въ которыя не мѣшаются дамы,—въ этомъ есть что-то строгое, не изнѣженное.

— И чрезвычайно гуманное относительно женщинъ, которыя покинуты дома. Вы, я думаю, пошли бы въ запорожскіе казаки, еслибы попрежде родились.

— Ваша мысль до того иностранная, что вы и слова русскаго не прибрали, чтобъ ее выразить. Какъ будто мало женщинѣ дѣла въ скромномъ кругу домашней жизни; я не говорю ужь о матери, которой обязанности и такъ святы, и такъ сложны.

— Охъ, этотъ скромный кругъ! императоръ Августъ, который раздѣлялъ ваши славянскія теоріи, держалъ дочь дома и съ улыбкой говорилъ спрашивавшимъ о ней: «дома сидитъ, шерсть прядетъ». Ну, а знаете, нельзя сказать, чтобъ нравы ея сохранились совершенно чистыми. По моему, если женщина отлучена отъ половины нашихъ интересовъ, занятій, удовольствій, такъ она вполовину менѣе развита и, браните меня хоть почешски, вполовину менѣе нравственна: твердая нравственность и сознаніе неразрывны.

— Теперь мой чередъ вамъ возражать, сказалъ начавшій разговоръ.—Каждый видѣлъ своими собственными глазами, что у насъ въ образованныхъ сословіяхъ женщины несравненно выше своихъ мужей; вотъ и ловите жизнь послѣ этого общими формулами. Дѣло очень понятное. Мужчина у насъ не просто мужчина, а военный или статскій, онъ съ двадцати лѣтъ не принадлежитъ себѣ, онъ занятъ дѣломъ: военный—ученьями, статскій — протоколами, выписками; а жоны въ это время, если не ударятся исключительно въ соленье и варенье, читаютъ французскіе романы.

— Поздравляю ихъ. Должно быть хорошо образованіе, вставилъ славянинъ: — которое можно почерпнуть изъ Бальзака, Сю, Дюма, изъ этой болтовни старика, начинающаго морализировать отъ истощенья силъ.

— Я съ вами пожалуй соглашусь, хоть я и не говорилъ, что дамы читаютъ именно тѣ романы, о которыхъ вы говорите; и тутъ, удивительное дѣло, самые пустые французскіе романы больше развиваютъ женщину, нежели очень важныя занятія развиваютъ ихъ мужей, и это отчасти оттого, что судьба такъ устроила француза: что̀ бы онъ ни дѣлалъ, онъ все учитъ. Онъ напишетъ дрянной романъ съ неестественными страстями, съ добродѣтельными пороками и съ злодѣйскими добродѣтелями, да по дорогѣ, или, вѣрнѣе,—потому что это совсѣмъ не по дорогѣ,— коснется такихъ вопросовъ, отъ которыхъ у васъ духъ займется, отъ которыхъ вамъ сдѣлается страшно; а чтобъ прогнать страхъ, вы начнете думать. Положимъ, что вопро-

совъ-то и не разрѣшите вы, да самая возбужденность мысли есть своего рода образованіе. Вотъ, видя это отношеніе женскаго образованія у насъ къ мужскому, я и удивляюсь, что нѣтъ актрисъ.

— Да что́ же вамъ еще надо, возразилъ съ запальчивостью славянинъ: — у насъ нѣтъ актрисъ потому, что занятіе это не совмѣстно съ цѣломудренною скромностію славянской жены: она любитъ молчать.

— Давно бы сказали, прибавилъ европеецъ: — вы больше объяснили, нежели хотѣли. Теперь ясно, отчего у насъ актрисъ нѣтъ, а танцовщицъ очень много. Но шутки въ сторону. Я думаю, у насъ оттого нѣтъ актрисъ, что ихъ заставляютъ представлять такія страсти, которыхъ онѣ никогда не подозрѣвали, а вовсе не отъ недостатка способностей. Каждое чувство, повторяемое артистомъ, должно быть ему коротко знакомо, для того, чтобъ его выразить не каррикатурно. Китайца въ Opium et Champagne ничего не значитъ представить; но есть ли возможность, чтобъ я хорошо съигралъ индѣйскаго брамина, повергнутаго въ глубокое отчаяніе оттого, что онъ нечаянно зацѣпился за парію, или боярина XVIIстолѣтія, который въ припадкѣ аристократическаго мѣстничества, изъ point d'honneur, валяется подъ столомъ, а его оттуда тащатъ за ноги. Еслибъ въ самомъ дѣлѣ у насъ женщина не существовала какъ лицо, а была совершенно потеряна въ семействѣ, тутъ нечего было бы и думать объ актрисѣ. Въ пастушеской жизни, какъ и вездѣ, могутъ быть страсти, но не тѣ, которыя возможны въ драмѣ — слѣпая покорность, коварная

стрытность, двоедушіе также мало идутъ въ истинную драму, какъ подлое убійство, какъ чувственность. Необразованная семья слишкомъ неразвита, она семья, а въ драмѣ нужны лица. По счастью, такая семья только и существуетъ въ преданіяхъ да въ славянскихъ мечтахъ. Но если мы и перешагнули за плетень патріархальности, такъ не дошли же опять до той всесторонности, чтобъ глубоко сочувствовать прожитому, выстраданному опыту другихъ. Ну, я васъ спрашиваю, какъ съиграетъ русская актриса Дѣву Орлеанскую? это не въ ея родѣ совсѣмъ; или: какъ русскій актеръ возсоздастъ эти величавыя и мрачныя, гордыя и самобытныя шекспировскія лица, окружающія его Іоанна, Ричарда, Генриховъ — лица совершенно англійскія? Они для него также странны, какъ человѣкъ, который бы нюхалъ глазами и ушами пѣлъ бы пѣсни. Фальстафа онъ представитъ скорѣе, потому что въ Фальстафѣ есть черты, которыя мы можемъ видѣть во всякомъ домѣ, во всякомъ уѣздномъ городѣ....

— Но есть же общечеловѣческія страсти?

— И да, и нѣтъ. Отелло былъ ревнивъ по-африкански и задушилъ невинную Дездемону, потомъ зарѣзался, называя себя «собакой». А у меня былъ пріятель, сосѣдъ по имѣнію, тоже преревнивый; онъ перехватилъ разъ письмо, писанное къ его женѣ и притомъ очень недвусмысленное; въ припадкѣ ярости онъ употребилъ отеческую исправительную мѣру—и помирился съ женой. Ревность — одна страсть, но похожа ли она въ бѣшеномъ маврѣ и въ нравоучительномъ пріятелѣ? До

нѣкоторой степени можно натянуть себя на пониманье чуждаго положенія и чуждой страсти, но для художественной игры этого мало. Повѣрьте, такъ какъ поэтъ всюду вноситъ свою личность, и чѣмъ вѣрнѣе онъ себѣ, чѣмъ откровеннѣе, тѣмъ выше его лиризмъ, тѣмъ сильнѣе онъ потрясаетъ ваше сердце;—тоже съ актеромъ: чему онъ не сочувствуетъ, того онъ не выразитъ или выразитъ учено, холодно; вы не забывайте, онъ все же себя вводитъ въ лицо, созданное поэтомъ.

— О чемъ это вы такъ горячо проповѣдуете? спросилъ входя въ комнату, одинъ извѣстный художникъ.

— Вотъ кстати-то какъ нельзя больше; рѣшайте намъ вопросъ, занимающій насъ; мы единогласно выбираемъ васъ непогрѣшающимъ судіей.

— Много чести. Въ чемъ же дѣло?

— Во-первыхъ, скажите, видали ли вы русскую актрису, которая бы вполнѣ удовлетворила всѣмъ вашимъ требованіямъ на искусство?

— Которая была бы не хуже Марсъ и Рашель?

— Хоть Алланъ и Плесси.

— Видѣлъ, отвѣчалъ артистъ: — видѣлъ великую русскую актрису; только я ее сужу безъ всякаго сравненія; всѣ названныя вами актрисы хороши, велики, каждая въ своемъ родѣ, но какъ ихъ искусство относится къ той, которую я видѣлъ, не знаю. Знаю, что я видѣлъ великую актрису, и что она была русская.

— Въ Москвѣ или Петербургѣ?

— Вотъ задача-то для нашего славянина, подхватилъ одинъ изъ говорившихъ: —какъ вы думаете вѣдь театръ-

то болѣе принадлежитъ петербургской эпохѣ, нежели московской. Ну, гдѣ же она была?

— Все-таки, должно быть, въ Москвѣ, рѣшительно возразилъ славянинъ.

— Успокойтесь. Я ее видѣлъ ни тамъ, ни тутъ, а въ одномъ маленькомъ губернскомъ городѣ.

— Вы это вѣрно говорите для оригинальности, хотите насъ поразить эффектомъ.

— Можетъ быть. Вы признали меня непогрѣшающимъ судьей — ваше дѣло вѣрить. Ну, какъ я теперь вамъ докажу, что лѣтъ двадцать тому назадъ, я видѣлъ великую актрису, что я тогда рыдалъ отъ Сороки-Воровки, и что все это было въ маленькомъ городкѣ?

— Очень легко. Разскажите намъ какія нибудь подробности о ней: вѣдь не съ неба же она свалилась прямо въ Сороку-Воровку и не улетѣла же вмѣстѣ съ безнравственной птицей?

— Пожалуй, — да только эти воспоминанья неотрадны для меня, какъ-то очень тяжелы. Но извольте, что́ помню — разскажу. Дайте сигару.

— Вотъ вамъ casadores cubrey, сказалъ европеецъ, вынимая изъ портфеля длинную, стройную сигару, которой наружность ясно доказывала, что она принадлежитъ къ высшей аристократіи табачнаго листа.

— Вы знаете человѣческую слабость — о чемъ человѣкъ ни вспоминалъ, онъ начнетъ всегда съ того, что вспомнитъ самого себя; такъ и я, грѣшный человѣкъ, попрошу у васъ позволенья начать съ самого себя.

— Отъ души позволяемъ, отъ всей души.

— Не знаю, будутъ ли подробности объ актрисѣ интересны, а объ васъ-то навѣрное:

Parlez nous de vous notre grand père,
Parlez nous de vous! —

Напѣвалъ европеецъ.

Всѣ успокоились, всѣ немножко подвинулись, какъ обыкновенно бываетъ, когда приготовляются слушать. Передаю здѣсь, на сколько могу, разсказъ художника; конечно, записанный, онъ много потеряетъ и потому, что трудно во всей живости передать рѣчь, и потому, что я не все записалъ, боясь перегрузить статейку.

Но вотъ его разсказъ.

— Вы знаете, что я началъ свое артистическое поприще на скромномъ провинціальномъ театрѣ. Дѣла нашего театра поразстроились; я былъ ужь женатъ: надобно было думать о будущемъ. Въ самое это время распространялись болѣе и болѣе сказочныя повѣствованія о театрѣ князя Скалинскаго, въ одномъ дальнемъ городѣ. Любопытно видѣть хорошо устроенный театръ, надежды, а можетъ быть и самолюбіе, сильно манили туда. Долго думать было не о чемъ; я предложилъ одному изъ товарищей, который вовсе не предполагалъ ѣхать, отправиться вмѣстѣ въ N, и черезъ недѣлю мы были тамъ. Князь былъ очень богатъ и проживался на театръ. Вы можете изъ этого заключить, что театръ былъ не совсѣмъ дуренъ. Въ князѣ была русская широкая, размашистая натура: страстный любитель искусства, человѣкъ съ огромнымъ вкусомъ, съ тактомъ роскоши,

ну и при этомъ, какъ водится, непривычка обуздываться и расточительность въ высшей степени. За послѣднее винить его не станемъ: это у насъ въ крови; я, небогатый художникъ, и онъ, богатый аристократъ, и бѣдный поденьщикъ, пропивающій все, что́ вырабатываетъ, въ кабакѣ, — мы руководствуемся одними правилами экономіи; разница только въ цифрахъ.

— Мы не расчетливые нѣмцы, замѣтилъ съ удовольствіемъ славянинъ.

— Въ этомъ нельзя не согласиться, прибавилъ европеецъ.—Останавливался ли кто изъ насъ мыслію, что у него денегъ мало, напр. когда ему хотѣлось выпить благороднаго вина? «За него», говоритъ Пушкинъ:

«Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните ль, друзья?»

Совсѣмъ напротивъ: чѣмъ меньше денегъ, тѣмъ больше тратимъ. Вы вѣрно не забыли одного изъ нашихъ друзей, который, отдавая назадъ налитой стаканъ плохаго шампанскаго, замѣтилъ, что мы еще не такъ богаты, чтобы пить дурное вино.

— Господа, мы мѣшаемъ разсказу. И такъ-съ?

— Ничего. — Князь слышалъ обо мнѣ прежде. Когда я явился къ нему, онъ былъ въ своей конторѣ и раздавалъ билеты, съ глубокимъ обсуживаніемъ, достоинъ или нѣтъ, и какого именно мѣста достоинъ приславшій за билетомъ. «Очень радъ, очень радъ что вы вздумали наконецъ посѣтить нашъ театръ, вы будете нашимъ дорогимъ гостемъ», и бездну любезностей: мнѣ оставалось благодарить и кланяться. Князь говорилъ о теат-

рѣ, какъ человѣкъ, совершенно знающій и сцену и тайну постановки. Мы остались, кажется, довольны другъ другомъ.—Въ тотъ же вечеръ я отправился въ театръ не помню, что давали, но увѣряю, что такой пышности вамъ рѣдко случалось видѣть; что за декораціи, что за костюмы, что за сочетаніе всѣхъ подробностей! словомъ, все внѣшнее было превосходно, даже выработанность актеровъ; но я остался холоденъ; было что то натянутое, неестественное въ манерѣ, какъ дворовые люди князя представляли лордовъ и принцессъ. Потомъ я дебютировалъ, былъ принятъ публикой какъ нельзя лучше; князь осыпалъ меня учтивостями. Приготовляясь ко второму дебюту, я пошелъ въ театръ. Давали Сороку-Воровку; мнѣ хотѣлось посмотрѣть княжескую трупу въ драмѣ.

Пьеса уже началась, когда я вошелъ; я досадовалъ, что опоздалъ, и разсѣянно, не понимая, что дѣлаютъ на сценѣ, смотрѣлъ по сторонамъ, смотрѣлъ на правильное размѣщеніе лицъ по чинамъ, на странное сборище физіономій, вовсе другъ на друга не похожихъ, а выражающихъ одно и тоже, на провинціяльныхъ барынь, пестрыхъ какъ американскія птицы, и на самого князя, который такъ гордо, такъ озабочено сидѣлъ въ своей ложѣ. Вдругъ меня поразилъ слабый женскій голосъ; въ немъ выражалось такое страшное, глубокое страданіе. Я устремился глазами на сцену. Служанка откупщика узнала въ старомъ бродягѣ своего отца, бѣглаго солдата.... Я почти не слушалъ ея словъ, а слушалъ голосъ. Боже мой! думалъ я:—откуда взялись

такіе звуки въ этой юной груди; они не выдумываются, не пріобрѣтаются изъ солфеджей, а бываютъ выстраданы, приходятъ наградой за страшные опыты. Она провожаетъ отца до плетня, она стоитъ передъ нимъ такъ просто, задумчиво; надеждъ мало его спасти и когда старикъ уходитъ, вмѣсто словъ, назначенныхъ въ роли, у нея вырвался неопредѣленный крикъ, крикъ слабаго беззащитнаго существа, на которое обрушилось тяжкое, незаслуженное горе. Теперь, черезъ двадцать лѣтъ, я слышу этотъ раздирающій крикъ».

Онъ пріостановился.

« Да, господа, сказалъ онъ, помолчавши: — это была великая русская актриса!

—Вѣроятно,вы знаете сюжетъ Сороки-Воровки хоть по россиніевской оперѣ. Страшная пьеса, послѣ которой ничего бы не оставалось на душѣ, кромѣ отчаянія, если бы не придѣлали мелодрамную развязку. Анету обвиняютъ въ кражѣ, подозрѣніе имѣетъ какъ-будто полное право пасть на ея голову; какъ ее не подозрѣвать? Она бѣдна, она служанка. Да и наконецъ, если обвиненіе окажется несправедливымъ, что за бѣда; ей скажутъ: «поди, голубушка, домой; видишь, какое счастіе, что ты невинна! А до какой степени все это вмѣстѣ должно разбить, уничтожить оскорбленіемъ нѣжное существо—этого разсказать не могу; для этого надобно было видѣть игру Анеты, видѣть, какъ она, испуганная, трепещущая и оскорбленная, стояла при допросѣ; ея голосъ и видъ были громкій протестъ, раздирающій душу, обличающій много нелѣпаго на свѣтѣ и въ то

же время умягченный какой-то теплой, кроткой женственностію, разливающій свой характеръ нѣжной граціи на всѣ ея движенія, на всѣ слова. Я былъ изумленъ, пораженъ; этого я не ожидалъ. Между тѣмъ пьеса развивалась обвиненіе шло впередъ, Бальи хотѣлъ его для наказанія неприступной красавицы; черные люди суда мелькали по сценѣ, толковали такъ глубокомысленно, разсуждали такъ здраво, — потомъ осудили невинную Анету, и толпа стражей повела ее въ тюрьму, да, да, вотъ какъ теперь вижу, Бальи говоритъ: «Господа служивые, отведите эту дѣвицу въ земскую тюрьму» — и бѣдная идетъ! но она останавливается еще разъ «Ришаръ», говоритъ она, «я невинна, да неужели и ты не вѣришь, что я невинна!» И тутъ уже среди стона угнетенной женщины звучитъ вопль негодованія, гордости той непреклонной гордости, которая развивается на краю униженія, послѣ потери всѣхъ надеждъ, развивается вмѣстѣ съ сознаніемъ своего достоинства и тупой безвыходности положенія. Помните старый анекдотъ, какъ добрый нѣмецъ закричалъ изъ райка людямъ убитаго командора, искавшимъ донъ-Жуана: «Онъ побѣжалъ направо въ переулокъ!» Я чуть не сдѣлалъ того же, когда Анету повели солдаты. Потомъ сцена въ тюрьмѣ съ Бальи. Развратный старикъ видитъ невинность ея въ кражѣ и предлагаетъ продажей чести купить свободу. Несчастная жертва выростаетъ, ея слова становятся страшны, и какая-то глубокая иронія лица удвоиваетъ оскорбительную силу словъ. Я какъ-то случайно взглянулъ въ продолженіе этой сцены на князя

онъ былъ сильно потрясенъ, вертѣлся, покидалъ лорнетъ, опять бралъ его. Какъ такому знатоку не быть пораженнымъ этой игрой! Онъ вѣрно умѣлъ вполнѣ цѣнить такую актрису, подумалъ я. Тихо, съ опущенной головой, съ связанными руками, шла Анета, окруженная толпою солдатъ, при рѣзкихъ звукахъ барабана и дудки. Ея видъ выражалъ какую-то глубокую думу и изумленіе. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ всю нелѣпость: это дитя, слабое, кроткое, съ свѣтлымъ челомъ невинности, и французскіе солдаты съ тесаками, съ штыками и барабаны; да гдѣ же непріятель? А непріятель-то — это дитя въ серединѣ ихъ, и они побѣдятъ его.... но она останавливается передъ церковью, бросается, молча, на колѣни, поднимаетъ задумчивый взглядъ къ небу; не укоръ Прометея, не надменность Титана въ этомъ взглядѣ, совсѣмъ нѣтъ, а такъ простой вопросъ: «За что же это? и неужели это правда?» Ее повели. Я рыдалъ какъ ребенокъ. Вы знаете преданіе о Сорокѣ-Воровкѣ; дѣйствительность не такъ слабонервна, какъ драмматическіе писатели; она идетъ до конца: Анету казнили. Въ пьесѣ открываютъ, что воровка не она, а сорока,— и вотъ Анету несутъ назадъ въ торжествѣ; но Анета лучше автора поняла смыслъ событія; измученная грудь ея не нашла радостнаго звука; блѣдная, усталая, Анета смотрѣла съ тупымъ удивленіемъ на окружающее ликованіе, со стороною упованій и надеждъ, кажется, она не была знакома. Сильныя потрясенія, горькій опытъ подрѣзали корень, и цвѣтокъ, еще благоуханный, склонялся, вянулъ; спасти

его нельзя было; какъ мнѣ жаль было эту дѣвушку!.... Фу, Боже мой, продолжалъ онъ, обтирая лицо платкомъ я такую волю далъ воображенію и воспоминанію, что, кажется, и заврался и расплакался; да я не могу объ этихъ предметахъ иначе говорить, всякій разъ увлекусь.... Ну, занавѣсъ опустился. Какъ дорого бы я далъ, чтобы ее опять подняли; еще бы разъ взглянуть на эту потухающую красоту, на это изящное страданіе. Но ее не вызывали. Не увидѣть Анеты я не могъ; идти къ ней, сжать ей руку, молча, взглядомъ передать ей все, что можетъ передать художникъ другому, поблагодарить ее за святыя мгновенія, за глубокое потрясеніе, очищающее душу отъ разнаго хлама,—мнѣ это необходимо было какъ воздухъ. Я бросился за кулисы.... въ партерѣ меня остановилъ одинъ любитель театра; онъ крикнулъ мнѣ, выходя изъ своего ряда: «А вѣдь Анета-то не дурна была, какъ вамъ? очень недурна, немножко манеры тривіальны». Я не возражалъ ему ни слова; его бы не убѣдилъ, а время терять не хотѣлъ. «Куда вы?» спросилъ меня оффиціантъ, стоявшій при входѣ за кулисы. «Я желаю видѣть Анету, понимаешь, ту актрису, которая представляла сегодня служанку. «Безъ княжова позволенья нельзя».—Помилуй, любезный, я самъ артистъ, третьяго дня игралъ. «Мнѣ не было приказу васъ пускать». — Пожалуйста, сказалъ я, выразительно опустивши два пальца въ жилетный карманъ. «Какіе вы мудреные», отвѣчалъ лакей:—«что же, мнѣ изъ за васъ свою спину подставить?» Я больше не настаивалъ и отправился домой;

но я былъ близокъ къ отчаянію, я былъ несчастенъ, и это не фраза, не пустое слово.... Неужели изъ васъ ни кому не случалось отдаваться безотчетно и безцѣльно обаятельному вліянію женщины, вовсе не близкой, долго смотрѣть на нее, долго ее слушать, встрѣчаться взглядомъ, привыкнуть къ ея улыбкѣ, и такъ вжиться въ эту летучую симпатію, что вы потомъ удивляетесь ея силѣ, когда эта женщина исчезаетъ; и вы себя чувствуете какъ то оставленнымъ, одинокимъ; какая то горечь наполняетъ душу, и весь вечеръ испорченъ, и вы торопитесь домой и сердитесь, что у васъ въ передней нагорѣло на свѣчѣ, и что сигара скверно курится, все оттого, что съ играли романъ въ полтора часа, романъ съ завязкой и развязкой. Если вы это испытали, то поймете, что происходило во мнѣ, молодомъ художникѣ; тоска по Анетѣ привела меня въ лихорадочное состояніе. Я, больной, бросился на кровать, я бредилъ, спалъ не спалъ, и въ обоихъ случаяхъ образъ несчастной служанки носился передо мною. То она стоитъ, осужденная, такъ просто, удивительно просто; кругомъ сумасшедшіе — ихъ называютъ судьи, и мнѣ становилось горько; никто изъ нихъ не можетъ понять, что съ этимъ лицомъ и съ этимъ голосомъ нельзя быть виноватой. То вооруженные стражи ведутъ ее, со связанными руками, на торжественное убіеніе и думаютъ что дѣлаютъ дѣло. То несутъ ее съ криками радости, ей толкуютъ, говорятъ, что все прошло, что она свободна,—а она устала, у ней нѣтъ силъ обрадоваться, она какъ-будто спрашиваетъ: «да что же было, вѣдь ниче-

го и не было?» Словомъ, тысячи варіяцій на тему Сороки-Воровки бродили у меня въ головѣ всю ночь.

— На другой день утромъ, часовъ въ одиннадцать, и отправился въ домъ князя, съ твердымъ намѣреніемъ лечь костьми, или добиться аудіенціи у Анюты. Когда я взошелъ на парадное крыльцо — одинъ отпертой входъ во всѣ домы, домики и флигеля князя — явился швейцаръ съ своимъ глобусомъ на палкѣ. Начался допросъ: къ кому, за чѣмъ? Я сказалъ. Швейцаръ объявилъ мнѣ, что безъ письменнаго дозволенія отъ князя меня не пропустятъ. Ну, меценатъ ревнивъ, подумалъ я. «Да какъ же берутъ эти дозволенія?» — Пожалуйте въ контору, тамъ управляющій можетъ доложить его сіятельству. Швейцаръ позвонилъ; вышелъ оффиціантъ и повелъ меня въ контору. Гордо развалясь передъ конторкой, сидѣлъ толстый управляющій, и, не смотря на ранній часъ, онъ уже успѣлъ не только утолить голодъ, но даже и жажду. Я объяснилъ ему мою просьбу; вѣроятно толстый господинъ не очень бы двинулся для меня, но онъ зналъ, что князь хотѣлъ заманить меня въ свою трупу, и, предоставляя себѣ дѣлать мнѣ отказы и непріятности впослѣдствіи, счелъ за нужное теперь уступить моей просьбѣ и самъ отправился къ князю для переговоровъ по такому важному дѣлу. Черезъ минуту онъ возвратился съ вѣстью, что князь билетъ подпишетъ и пришлетъ въ контору. Мнѣ было некуда идти, я сѣлъ въ уголъ. Въ конторѣ царствовала большая дѣятельность. Французъ декораторъ прибѣгалъ крупно браниться съ управляющимъ и ломанымъ русскимъ язы-

комъ говорилъ совершенно нерусскія вещи; онъ былъ растрепанъ, въ засаленномъ сюртукѣ и такъ гордо смотрѣлъ, какъ самъ управляющій, и очень ругался. Потомъ управляющій велѣлъ позвать какого-то Матюшку; привели молодаго человѣка съ завязанными руками, босаго, въ сѣромъ кафтанѣ изъ очень толстаго сукна. «Пошелъ къ себѣ», сказалъ ему грубымъ голосомъ управляющій: — «да если въ другой разъ осмѣлишься выкинуть такую штуку, я тебя не такъ угощу; забыли о Сенькѣ!» Босой человѣкъ поклонился, мрачно посмотрѣлъ на всѣхъ и вышелъ вонъ. «Sacrè», пробормоталъ декораторъ и вышелъ вонъ, надѣвши середь комнаты шляпу. «Лицо молодаго человѣка мнѣ что-то очень знакомо», сказалъ я лакею, случившемуся близь меня. — Да вы съ нимъ третьяго дня играли. — «Неужели это тотъ, который игралъ лорда?» — Тотъ самый. — «За что́ это его такъ скрутили?» спросилъ я, понизивъ голосъ. Лакей бросилъ косвенный взглядъ на управляющаго и, видя, что онъ щелкаетъ на щетахъ, слѣдственно совершенно поглощенъ, отвѣчалъ мнѣ полушопотомъ: «Записочку перехватили къ одной актеркѣ; ну, этого у насъ не долюбливаютъ, его и велѣли на мѣсяцъ посадить въ сибирку». — Такъ это его тогда приводили на сцену оттуда? — «Да-съ; имъ туда роли посылаютъ твердить». — Порядокъ всего дороже, отвѣчалъ я, и желаніе идти въ княжескую труппу начало остывать.

Дверь въ контору растворилась съ шумомъ, всѣ вскочили, вошелъ князь. Лакей взглянулъ на меня, я понялъ:

это была просьба о скромности. Князь прямо подошелъ ко мнѣ и, подавая билетъ, замѣтилъ, какъ ему пріятно, что артистка его труппы заслужила такое одобреніе отъ меня, — весьма лестно отзывался о ней, страхъ какъ жалѣлъ, что она слаба здоровьемъ, извинялся, что меня не пустили безъ билета.... «Дѣлать нечего, порядокъ въ нашемъ дѣлѣ половина успѣха, ослабь сколько нибудь возжи — бѣда, артисты люди безпокойные. Вы знаете можетъ быть, что французы говорятъ: легче арміей цѣлой управлять, нежели труппой актеровъ. Вы не сердитесь за это», прибавилъ онъ смѣясь: — вы такъ привыкаете играть разныхъ султановъ, вельможъ, что и за кулисами остаются такія замашки». — Князь, сказалъ я:—если французы это говорятъ, то потому, что они не знаютъ устройства вашей трупы и ея управленія. «О, да вы къ тому же и льстецъ большой!» замѣтилъ князь, грозя пальцемъ, и, благосклонно улыбнувшись, важно отправился къ бюро. А я къ Анетѣ.

Пока я достигъ флигеля, гдѣ жила Анета, меня раза три останавливали то лакей въ ливреѣ, то дворникъ съ бородой: билетъ побѣдилъ всѣ препятствія, и съ біющимся сердцемъ постучался робко въ указанную дверь. Вышла дѣвочка лѣтъ тринадцати, я назвалъ себя. «Пожалуйте», сказала она: — мы васъ ждемъ». Она привела меня въ довольно опрятную комнатку, вышла въ другую дверь; дверь черезъ минуту отворилась, и женщина, одѣтая вся въ бѣломъ, шла скорыми шагами ко мнѣ. Это была Анета. Она протянула мнѣ обѣ руки и

сказала: «чѣмъ заслужила я это.... благодарю васъ.... сказала тѣмъ голосомъ, который вчера такъ сильно потрясъ меня, и прежде нежели я успѣлъ что-нибудь отвѣчать, она залилась слезами. «Извините», шептала она сквозь слезы прерывающимся голосомъ: — «Бога ради извините.... это сейчасъ пройдетъ.... я такъ обрадовалась.... я слабая женщина, простите.»

— Успокойтесь, что́ съ вами? успокойтесь, говорилъ я ей, и мои слезы капали на жилетъ: — еслибъ я зналъ, что мое посѣщеніе....

— Полно-те, какъ вамъ не грѣшно, полно-те, и она снова протянула мнѣ руку, омоченную слезами, а другою закрыла глаза: — вы не можете понять, сколько добра вы мнѣ сдѣлали вашимъ посѣщеніемъ, это благодѣяніе.... будьте же снисходительны, подождите минуту.... я не много выпью воды, тогда все пройдетъ, и она улыбнулась мнѣ такъ хорошо и такъ печально.... Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ художникомъ, съ человѣкомъ, которому я могла бы все сказать, но я не ждала такого человѣка, и вдругъ вы — я вамъ очень благодарна. Пойдемъ-те въ ту комнату, здѣсь могутъ насъ подслушать; не думайте, чтобъ я боялась, нѣтъ, ей Богу, нѣтъ. Но это шпіонство унизительно, грязно.... и не для ихъ ушей то, что́ я хочу вамъ сказать.

Мы вошли въ спальню, она выпила воды и бросилась на стулъ, указывая мнѣ на кресло. Гдѣ были всѣ придуманныя мною похвалы, гдѣ были эти тонкія замѣчанія, которыми я хотѣлъ похвастать? Я смотрѣлъ

на нее сквозь слезы, смотрѣлъ, и грудь моя поднималась. Лицо ея прекрасное, но уже изнеможенное, было страшное сказанье: въ каждой чертѣ можно было прочесть ту исповѣдь, которая звучала въ ея голосѣ вчера. Къ этимъ чертамъ, къ этому лицу прибавлять много не было нужды: нѣсколько собственныхъ именъ, нѣсколько случайностей, чиселъ; остальное было высказано очень ясно. Огромные черные глаза блистали не восточной нѣгой, а какъ-то траурно, безнадежно; огонь, свѣтившійся въ нихъ, кажется сжигалъ ее. Худое и до невѣроятности истомленное лицо раскраснѣлось отъ слезъ какъ-то неестественно, чахоточно, она отбросила волосы за ухо и сконила на руку, опертую на столъ, свою голову. Зачѣмъ тутъ не было Кановы или Торвальдсена: вотъ статуя страданья внутренняго, глубокаго! Что́ за благородная богатая натура, думалъ я, которая такъ изящно гибнетъ, такъ страшно и такъ граціозно выражетъ несчастіе?.... Минутами, артистъ побѣждалъ во мнѣ человѣка.... я восхищался ею какъ художественнымъ произведеніемъ.

Между тѣмъ она оправилась и говорила: — Не правда ли, какая смѣшная встрѣча? Да еще не конецъ: я вамъ хочу разсказывать о себѣ; мнѣ надобно высказаться; я можетъ быть умру, не увидѣвши въ другой разъ товарища-художника.... Вы можетъ быть будете смѣяться — нѣтъ, это я глупо сказала — смѣяться вы не будете. Вы слишкомъ человѣкъ для этого; скорѣе вы сочтете меня за безумную. Въ самомъ дѣлѣ, что́ за женщина, которая бросается съ своею откровенностью

къ человѣку, котораго не знаетъ; да вѣдь я васъ знаю я видѣла васъ на сценѣ: вы художникъ.

Я жалъ ея руку и не могъ вымолвить ни слова.

— Исторія моя не длинна, очень коротка напротивъ; я не утомлю васъ; послушайте хоть за то удовольствіе, которое я вамъ доставила Анетой.

— Да, говорите, ради Бога, говорите; я жадно ловлю каждое слово, хотя, скажу вамъ откровенно, я бы могъ вамъ разсказать вашу исторію, не слыхавъ ни отъ васъ, ни отъ кого другого ни слова.... я ее знаю.

— Вотъ потому-то я вамъ и разскажу ее. Я не такъ давно въ здѣшней труппѣ. Прежде я была на другомъ провинціальномъ театрѣ, гораздо меньшемъ, гораздо хуже устроенномъ; но мнѣ тамъ было хорошо, можетъ быть оттого, что я была молода, беззаботна, чрезвычайно глупа, жила, недумая о жизни. Я отдавалась любви къ искусству съ такимъ увлеченіемъ, что на внѣшнее не обращала вниманія, я болѣе и болѣе вживалась въ мысль, вамъ, вѣроятно, коротко знакомую, — въ мысль, что я имѣю призваніе къ сценическому искусству; мнѣ собственное сознаніе говорило, что я актриса. Я безпрерывно изучала мое искусство, воспитывала тѣ слабыя способности, которыя нашла въ себѣ, и радостно видѣла, какъ трудность за трудностью исчезаетъ. Помѣщикъ нашъ былъ добрый, простой и честный человѣкъ; онъ уважалъ меня, цѣнилъ мои таланты, далъ мнѣ средства выучиться по французски, возилъ съ собою въ Италію, Парижъ, я видѣла Тальму и Марсъ, я пробыла полгода въ Пари-

жѣ, и — что дѣлать! — я еще была очень молода, если не лѣтами, то опытомъ, и воротилась на провинціальный театрикъ; мнѣ казалось, что какіе-то особенные узы долга связуютъ меня съ воспитателемъ. Еще бы годъ!.... мало ли что́ могло бы быть.... Онъ умеръ скоропостижно; въ мрачной боязни ждали мы шесть недѣль, онѣ прошли, вскрыли бумаги, но въ нихъ ничего не нашлось. Новость эта оглушила насъ; пока мы еще плакали да думали, что́ дѣлать, наша труппа перешла въ другія руки. Князь насъ хорошо принялъ, хорошо помѣстилъ, какъ вы сами видите, даже положилъ большіе оклады, не стѣсняя себя впрочемъ точностью выдачи. Но это былъ ужь не прежній директоръ, добродушный и снисходительный; онъ съ перваго разу далъ почувствовать всю необъятную разницу между имъ и его гаерами, назначенными для его удовольствія. Онъ привыкъ къ раболѣпію, онъ протягивалъ свою руку охотникамъ цаловать; дворецкій и толпа его фаворитовъ старались подражать ему въ обращеніи. Тяжело было на сердцѣ, очень тяжело, но были еще и отрадныя минуты; меня берегли за талантъ, и я умѣла еще такъ предаваться искусству, что забывала окружающее; меня тѣшило — самой смѣшно и стыдно теперь — прекрасное устройство театра. Все это прошло, — даже становится невѣроятнымъ, что́ было.

Я стала замѣчать, что одинъ изъ любимцевъ князя особенно вниманеленъ ко мнѣ, я поняла эту внимательность и — вооружилась. Князь не привыкъ къ отказамъ изъ труппы. Я дѣлала видъ, что ничего не пони-

маю; онъ счелъ за нужное высказывать яснѣе и яснѣе свои намѣренія; наконецъ онъ подослалъ ко мнѣ своего повѣреннаго съ разными обѣщаніями и условіями. Я прогнала повѣреннаго, и на время преслѣдованія прекратились. Разъ поздно вечеромъ, воротившись съ представленія, я читала вслухъ, одна, читала вновь переведенную съ нѣмецкаго трагедію «Коварство и Любовь». Вы знаете, вѣроятно, ее. Въ ней такъ много, близкаго душѣ, такъ много негодованія упрека, улики въ нелѣпости жизни, которую ведутъ люди; когда читаешь ее, будто вспоминаешь что-нибудь родное, близкое, бывалое. Всѣ лица этой пьесы оставляютъ какое-то тяжелое впечатлѣніе—гофмаршалъ и леди, и старикъ камердинеръ, у котораго дѣти пошли добровольно въ Америку.... и милыя дѣти Фердинандъ и Луиза. Знаете, Луизу я съиграла бы, особенно сцену съ Вурмомъ, гдѣ онъ заставляетъ писать письмо, если бы можно при васъ. Да князь не любитъ такихъ пьесъ. Итакъ я читала Коварство и Любовь, и была совершенно подъ вліяніемъ пьесы, увлечена, одушевлена ею, вдругъ кто-то сказалъ: «прекрасно, прекрасно!» и положилъ мнѣ на раскрытое плечо свою руку. Я съ ужасомъ отскочила къ стѣнѣ. Это былъ онъ.

— Что̀ угодно приказать вамъ? спросила я голосомъ, дрожавшимъ отъ бѣшенства и негодованія: — я слабая женщина, вы это сейчасъ видѣли, но увѣряю, я могу быть и сильной женщиной.

— Я и это видѣлъ, возразилъ я, намекая на нѣкоторыя выраженія въ ея разсказѣ.

— Приказывать нечего, отвѣчалъ посѣтитель, стараясь придать плѣнительное выраженіе своему лицу:— можно ли приказывать такимъ глазкамъ: они должны приказывать.

Я смотрѣла ему прямо въ глаза. Онъ нѣсколько смутился, онъ ждалъ какого-нибудь отвѣта. Но онъ скоро нашелся, подошелъ ко мнѣ и, сказавши: «Ne faites donc pas la prude, не дурачься, ну, посмотри же на меня не такъ; другія за счастье поставили бы себѣ....» и онъ взялъ меня за руку, я ее отдернула.

—«Вы, сказала я:—можете сдѣлать мнѣ много зла, но есть такія блага и у самаго животнаго, которыхъ у него отнять нельзя, пока оно живо по крайней мѣрѣ. Идите къ другимъ, осчастливьте ихъ, если вы успѣли воспитать ихъ въ такихъ понятіяхъ.

— Mais elle est charmante! возразилъ онъ: — какъ къ ней идетъ этотъ гнѣвъ! Да полно ролю играть.

—«Что вамъ угодно въ моей комнатѣ въ такое время? сказала я сухо.

—«Ну, пойдемъ въ мою, отвѣчалъ онъ: — я не такъ грубо принимаю гостей, я гораздо добрѣе тебя. И онъ придалъ своимъ глазамъ видъ сладко-чувствительный. Старикъ этотъ въ эту минуту былъ безмѣрно отвратителенъ, съ дрожащими губами, съ выраженіемъ... съ гадкимъ выраженіемъ.

— «Дайте вашу руку, подите сюда. Онъ, ничего не подозрѣвая, подалъ мнѣ руку; я подвела его къ моему зеркалу, показала ему его лицо и спросила его:—И вы

думаете, что я пойду къ этому смѣшному старику, къ этому плѣшивому селадону? Я расхохоталась.

Старикъ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства. Въ первую минуту онъ, вырвавши свою руку, поднялъ ее и вѣроятно ударилъ бы меня въ лицо, еслибы онъ больше владѣлъ собою. Онъ ограничился грубой бранью и вышелъ вонъ, крича:

—«Я тебя научу забываться;кому ты смѣешь говорить этимъ языкомъ? Ты воображаешь, что ты актриса!....

«Я захлопнула за нимъ дверь и бросила на полъ столовый ножикъ, который безъ всякой мысли схватила, когда мнѣ помѣшали читать, и потомъ спрятала его въ рукавъ на всякій случай.

Что я чувствовала, какъ я провела эту ночь, вы можете понять. Не хочу вамъ разсказывать ряда мелкихъ оскорбительныхъ непріятностей, который начался для меня съ этого дня. У меня отняли лучшія роли, меня мучили безпрерывной игрой въ роляхъ, вовсе чуждыхъ моему таланту, со мною всѣ наши власти начали обращаться грубо, говорили мнѣ *ты*, не давали мнѣ хорошихъ костюмовъ; не хочу потому разсказывать, что это все пойдетъ въ похвалу князю: онъ не такъ бы могъ поступить со мною,онъ поделикатничалъ,онъ меня уважилъ гоненіями, въ то время, какъ онъ могъ наказать меня другими средствами. Да и сказать правду, я думаю, меня не скоро бы они добили только такими мелочами.... Я постоянно въ лихорадкѣ, сонъ не освѣжаетъ меня, къ вечеру голова горитъ, а утромъ я какъ въ ознобѣ. Повѣрите ли, что съ тѣхъ поръ каждую недѣ-

лю мнѣ перешиваютъ костюмы, и я радуюсь этому, а съ тѣмъ вмѣстѣ, признаюсь вамъ, страшно, страшно и больно. Да развѣ не могло иначе быть?..... Видно, что нѣтъ... Съ тѣхъ поръ, больная, въ какомъ-то горячечномъ состояніи выхожу я на сцену, и меня осыпаютъ рукоплесканіями, не понимая моей игры. Я съ тѣхъ поръ играю одну роль, зрители не догадались. Талантъ мой тухнетъ, я становлюсь одностороннѣе; есть роли, которыя я играю небрежно, которыя мнѣ сдѣлались невозможны. И такъ, все кончено—и талантъ, и жизнь... прощай искусство, прощайте увлеченія на сценѣ! Поживу еще года два съ князевыми словами: ихъ бы вырѣзать на моей могилѣ».

— Она умолкла. Я не нашелъ ей ничего сказать въ утѣшеніе. Помолчавши, она продолжала:

— Мѣсяца 2 тому назадъ былъ бенефисъ. Прошу костюма, не даютъ. Въ такомъ случаѣ, сказала я режиссеру, я куплю на свои деньги, что надобно, и сошью его себѣ. Надѣваю шляпку и хочу идти въ лавки.

— Не велѣно никуда пускать безъ спросу; гдѣ у васъ дозволеніе?

«Я была раздражена и пошла въ контору. Князь былъ тамъ, подхожу къ нему и прошу позволенія идти въ лавки.

— Странное время тебѣ назначаютъ любовники для свиданья — утромъ! замѣтилъ князь, къ неописанному удовольствію управляющаго и лакеевъ.

«Кровь бросилась мнѣ въ голову; мое поведеніе было не запятнанное; оскорбленіе вывело меня изъ себя.

—«Такъ это для сбереженія нашей чести запираютъ насъ? Ну, князь, вотъ вамъ моя рука, мое честное слово, что ближе году я докажу вамъ, что мѣры, вами избранныя, недостаточны!

«При этомъ я вышла прежде, нежели онъ успѣлъ сказать слово».

— Тутъ она остановилась, взволнованная, изнуренная. Я ее просилъ успокоиться, выпить еще воды, держалъ ея холодную и влажную руку въ моей.... она опустила голову; казалось, ей тяжело продолжать. Но вдругъ она подняла ее, гордую и величественную, и, ясно взглянувъ на меня, сказала:

— «Я сдержала слово.....!

— «Мой романъ не оставилъ мнѣ тѣхъ кроткихъ, сладкихъ воспоминаній счастья, упоеній, какъ у другихъ: въ немъ все лихорадочно, безумно, въ немъ не любовь, а отчаяніе, безвыходность.... Я вамъ не разскажу его, потому что собственно нечего разсказывать.

— Князь знаетъ? спросилъ я.

— «Вѣроятно, знаетъ; онъ все знаетъ.... да я бы была въ отчаяніи, еслибъ онъ не зналъ. Я не боюсь его; я умру въ этой комнатѣ, а ужь проситься не пойду къ нему. Я и это слово сдержу. Меня одно страшило: умереть, не видавши человѣка.... теперь вы понимаете, что для меня ваше посѣщеніе...

— Да нельзя ли какъ нибудь.... располагайте мною.

— «Нѣтъ; вы видите, какь насъ строго пасутъ.

— Бѣдная артистка! думалъ я: что за безумный, что за преступный человѣкъ сунулъ тебя на это поприще,

не подумавши о судьбѣ твоей! Зачѣмъ разбудили тебя? Затѣмъ только, чтобы сообщить вѣсть страшную, подавляющую? Спала бы душа твоя въ неразвитости, и великій талантъ, неизвѣстный тебѣ самой, не мучилъ бы тебя; можетъ быть подъ часъ и поднималась бы со дна твоей души непонятная грусть, за то она осталась бы непонятной.

— «Пора намъ разстаться, сказала она печально.

— Прощайте, благодарю васъ; какъ бы я желалъ что нибудь....

Она улыбнулась.

— «Вспоминайте иногда, что и во мнѣ....

— Погибла великая русская актриса!... —Я вышелъ заливаясь слезами.

— Знаешь ли, какая радость? сказалъ мнѣ товарищъ мой, когда я возвратился домой: — здѣсь сейчасъ былъ управляющій князя, удивлялся, что ты не приходилъ еще домой, и велѣлъ тебѣ сказать, что князь желаетъ тебя оставить на слѣдующихъ условіяхъ.—Онъ съ торжествующимъ лицомъ подалъ мнѣ бумагу.

Условія были превосходны.

— А знаешь ли ты новость, отвѣчалъ я ему: — идучи домой, я зашелъ къ нашему ямщику и нанялъ ту же тройку, которая насъ сюда привезла. Оставайся, если хочешь, а я черезъ часъ ѣду.

— Да что ты, съ ума сошелъ?

— Не знаю, но я здѣсь не останусь; климатъ нездоровъ для художника. А? подумай-ка, да и поѣдемъ на нашъ старый театръ, съ его декораціями, въ которыхъ

мудрено отличить тѣнистую аллею отъ рѣки, въ которыхъ море спокойно, а стѣны волнуются. Поѣдемъ-ка!

— Я бы и готовъ, право, воротиться, отвѣчалъ товарищъ, беззаботнѣйшій изъ смертныхъ:—да вѣдь съ голоду тамъ умремъ.

— А здѣсь отъ сытости. Голодъ можно вылечить кускомъ хлѣба, а кусокъ хлѣба, слава Богу, съ нашимъ здоровьемъ выработаемъ. Болѣзни отъ сытости не такъ скоро лечатся.

Товарищъ задумался; я не хотѣлъ его уговаривать. Вдругъ онъ померъ со смѣху: «ха, ха, ха! ѣду, братецъ, ѣду; знаешь ли, что мнѣ въ голову пришло: какъ удивится Василій Петровичъ, когда мы черезъ двѣ недѣли воротимся, вотъ удивится-то!

Эта мысль о сюрпризѣ совершенно примирила моего пріятеля съ неожиданнымъ путешествіемъ. Однако онъ спросилъ: «Ну, а управляющему какой отвѣтъ?»

— Тутъ очень затрудняться нечѣмъ; не мы будемъ отвѣчать завтра, если сегодня уѣдемъ; ему скажутъ: вчера отправились обратно. Вотъ и князю сюрпризъ такой же, какъ Василью Петровичу.

— Въ самомъ дѣлѣ хорошо, оттого хорошо, что условія выгодны; пусть онъ знаетъ, что не все на свѣтѣ покупается. Сейчасъ буду укладываться! — И онъ началъ увязывать и складывать небольшіе пожитки наши, насвистывая мотивъ изъ Калифа Багдадскаго.

Вотъ и все. Для полноты прибавлю, что черезъ два часа мы попрыгивали въ кибиткѣ. Мнѣ было скверно, и какая-то жолчевая злоба наполняла душу; я пробовалъ

на дорогу смотрѣть, и по сторонамъ, и сигары курить— ничего не помогало. Да и какъ на смѣхъ, небо было сѣро, вѣтеръ холоденъ, даль терялась за болотистыми испареніями, всѣ виды, которыми я восхищался, ѣхавши сюда, были угрюмы, оттого ли, что я ихъ видѣлъ въ обратномъ порядкѣ, или отчего другаго, только они меня не веселили. Даже роскошные господскіе дома съ парками и оранжереями, такъ гордо красовавшіеся между почернѣвшихъ и полуразвалившихся избъ, казались мнѣ мрачными.

— Что же сдѣлалось потомъ съ Анетой? Видѣли вы ее?

— Нѣтъ; она умерла черезъ два мѣсяца послѣ родовъ.

Художникъ отиралъ слезы, бѣжавшія по щекѣ. Молодые люди молчали; онъ и они представляли прекрасную надгробную группу Анетѣ.

— Все такъ, сказалъ вставая славянинъ: — но зачѣмъ она не обвѣнчалась тайно?....

ПИСЬМА ИЗЪ „AVENUE MARIGNY“.

„Aus der Ferne ...“
Музыка Шуберта.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Кажется, четыре мѣсяца не Богъ знаетъ что́, а сколько верстъ, миль и лье проѣхалъ я съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ вами на бѣломъ снѣгу въ Черной Грязи... да что́ версты! сколько впечатлѣній, станцій, готическихъ соборовъ, свѣженькихъ личекъ, новыхъ мыслей, старыхъ картинъ, дебаркадеровъ, историческихъ воспоминаній, гостинницъ, чувствъ и тринкгельдовъ! — просто удивляешься, какъ это все можетъ помѣститься въ душѣ. Надобно признаться, для праздная человѣка нѣтъ лучше жизни, какъ жизнь туриста: занятій тьма, все надобно видѣть, всюду успѣть,—подумаешь, что дѣло дѣлаешь: бездна заботъ, бездна хлопотъ.... Я наконецъ до того разъѣздился, до того обжился въ вагонахъ, что бывало такъ и тянетъ, и поѣдешь куда нибудь безъ всякой нужды, въ Брюжжъ, въ Остендъ, въ Антверпенъ; я даже, какъ Гизо, побы-

валъ въ Гентѣ и оттуда, какъ Людовикъ XVIII, прямо попалъ въ Парижъ. Ничего не можетъ быть печальнѣе для путника, вошедшаго во вкусъ, какъ пріѣздъ въ Парижъ: ему становится неловко и страшно, онъ чувствуетъ, что пріѣхалъ, что далѣе ѣхать нѣкуда, и не бѣжитъ онъ на другой день съ коммиссіонеромъ изъ галлереи въ галлерею, усталый и озабоченный, и не осматриваетъ рѣдкостей и не лазитъ на колонны, а скромно идетъ къ Юману заказывать платье.... «Dans une semaine, monsieur, dans une semaine....» и онъ не удивляется этому отвѣту, пройдутъ не одна и не двѣ недѣли.... Очень грустно!...

Парижъ столичный городъ Франціи, на Сенѣ.... Сдѣлайте одолженіе, не бойтесь: мнѣ хотѣлось только испугать васъ; не стану описывать видѣннаго мною: я слишкомъ порядочный человѣкъ, слишкомъ учтивый человѣкъ, чтобы не знать, что Европу всѣ знаютъ, что всякій образованный человѣкъ по-крайней-мѣрѣ состоитъ въ подозрѣніи знанія Европы, а если ее не знаетъ, то невѣжливо ему напоминать это. Да и что сказать о предметѣ битомъ и перебитомъ — о Европѣ? Съ легкой руки Фонъ-Визина и особенно съ карамзинскихъ писемъ русскаго путешественника у насъ все разсказали о Европѣ въ замѣчательныхъ и достопримѣчательныхъ письмахъ русскаго офицера, сухопутнаго офицера, морскаго офицера, оберъ-офицера и унтеръ-офицера; наконецъ гражданскія дѣловыя письма его превосходительства Н. И. Греча и приходо-расходный дневникъ г. Погодина договорили послѣднее слово.

Для того, чтобы описывать путешествія, надобно покрайней-мѣрѣ съѣздить въ пампы южной Америки, какъ Гумбольдтъ, или въ Вологодскую губернію, какъ Блазіусъ, спуститься осенью по Ніагарскому водопаду или весною проѣхать по костромской дорогѣ. Впрочемъ, судьба путешественниковъ по Европѣ, имѣющихъ слабость писать, скоро улучшится. Теперь уже трудно и почти невозможно видѣть Европу, но черезъ нѣсколько лѣтъ она совсѣмъ изгладится изъ памяти людской: для этого собственно и учреждаются желѣзныя дороги; Европа для путешественника превратится въ нѣсколько точекъ, освѣщенныхъ фонарями, въ нѣсколько буфетовъ, украшенныхъ рюмками. Тогда новые Куки и Дюмонъ-Дюрвили выйдутъ изъ вагоновъ (еслибъ и прежній Дюмонъ-Дюрвиль вышелъ изъ вагона, онъ не сгорѣлъ бы на версальской дорогѣ) и пойдутъ во внутренность Европы и разскажутъ намъ о нравахъ и жизни людей, не на желѣзной дорогѣ живущихъ. Сколько разъ я мечталъ о томъ, когда сдѣлаютъ минденскую и кенигсбергскую дорогу,—какъ славно и полезно будетъ путешествовать! Доплелся до Кенигсберга, сѣлъ въ вагонъ — и не выходи пожалуй; машина свиснула и пошла постукивать: Берлинъ — 4 минуты для наливки воды; Кельнъ — 3 минуты для смазки колесъ; Брюссель—5 минутъ для завоеванія буттерброда съ ветчиной; Валансьень — 4 минуты, для того, чтобъ доказать французскому правительству, что оно не умѣетъ отыскивать спрятанныхъ сигаръ; Парижъ—15 минутъ для переѣзда въ омнибусѣ изъ одного дебарка-

дера на другой; Гавръ — 3 минуты для перегрузки на пароходъ.... а тамъ въ Нью-Іоркъ и, словомъ, — дня черезъ два въ Ситхѣ, въ Сибири, т. е. опять дома. А впрочемъ, бѣды большой нѣтъ, если до Рейна ничего не увидишь. Комфортабельная обитаемость Европы начинается съ Рейна; это знали давно; двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ римляне поживали себѣ въ Майнцѣ да Кельнѣ, а въ Ганноверъ и Берлинъ не ѣздили. Въ Германіи нечего смотрѣть. Германію надобно читать, обдумывать, играть на фортепіанахъ — и проѣзжать въ вагонахъ однимъ днемъ съ конца на конецъ. Вы помните, какъ Василій Иванычъ съ негодованіемъ возражалъ Ивану Васильичу, что онъ не путешествуетъ, а просто ѣдетъ къ себѣ въ село Мордасы. Василій Иванычъ тутъ, какъ вездѣ, побѣдилъ близорукаго Ивана Васильича: кто же поѣдетъ для путешествія въ село Мордасы? Германія также не годится «au jour d'aujourd'hui» (будущее завѣсою покрыто!) для путешествія; туристу жить въ Германіи значитъ отклонять ее отъ естественнаго назначенія, такъ, какъ, —ну я не знаю, — такъ, какъ ѣсть напримѣръ картину; можетъ попадется и вкусная, въ которой масло еще свѣжо, все же это натяжка, и кто не предпочтетъ всякій салатъ лучшей картинѣ дюссельдорфской школы, разумѣется, если этотъ салатъ приготовляла не нѣмка!

Не могу не пріостановиться здѣсь и не вступить по поводу салата въ нѣкоторыя подробности. Лейбницъ и Гейне, Погодинъ и Шевыревъ, Гете и Гегель и многіе другіе великіе люди попарно и въ разбивку согласны,

что германскій умъ при всей теоретической силѣ имѣетъ какую-то практическую несостоятельность,— что Нѣмцы велики въ наукѣ и являются самыми тяжелыми, и, что́ еще хуже, самыми тупыми, и, что́ всего хуже, самыми смѣшными филистерами. Должна же быть на это какая нибудь общая причина. Отчего нѣмецъ всегда наклоненъ къ золотухѣ, слезамъ и романтизму, къ платонической любви и мѣщанскому довольству? отчего нѣмки не умѣютъ одѣваться и могутъ только жить въ двухъ средахъ—въ надзвѣздномъ эфирѣ, или въ кухонномъ чаду? отчего нѣмцы умѣютъ слушать Генгстенберга, Гереса?... оттого, и тысячу разъ оттого, что у нихъ фабринъ плохъ, рыхлъ, дряблъ.... Томы писали объ этомъ, но истинная причина ускользнула отъ вниманія; она такъ близка, такъ подъ носомъ, что ее и не разглядѣли; толковали о реформаціи, о тридцатилѣтней войнѣ, о бефреюнгскригѣ, въ которомъ мы ихъ освободили отъ французовъ, освободившихъ ихъ въ свою очередь кой-отъ-чего; все это причины второстепенныя,—общая главная причина одна: нѣмецкая кухня. Вамъ смѣшно, вы еще на столько идеалисты, что вамъ все нужны причины безтѣлесныя, невещественныя, — а не то, что вареныя и жареныя. Полноте презирать тѣло, полноте шутить съ нимъ! оно мозолью придавитъ весь вашъ бодрый умъ и насмѣхъ гордому вашему духу докажетъ его зависимость отъ узкаго сапога. Знаете ли вы, что̀ такое питаніе? какъ оно важно? Грантъ въ началѣ своей сравнительной анатоміи опредѣляетъ животное удобопереноси-

мымъ мѣшкомъ, назначеннымъ для претворенія пищи. Изъ этого вы видите, а еще болѣе изъ того, что человѣкъ безъ ума все человѣкъ, а безъ желудка не проживетъ двухъ дней, — что всѣ органы роскошь желудка, внѣшнія украшенія его, его орудія. Пора возстать противъ аристократическихъ частей тѣла, питающихся на счетъ желудка и кичащихся на его счетъ. Есть они—хорошо, нѣтъ — недурно; устрица живетъ себѣ безъ головы и безъ ногъ, а вкусна; безъ желудка же никто не живетъ, даже у растеній есть желудокъ, несовсѣмъ на мѣстѣ, т. е. въ землѣ; вѣрный своему антиромантическому призванію, желудокъ у растеній уцѣпился за землю, чтобъ растеніе не ушло къ солнцу. Что́ выработаетъ желудокъ, то и будетъ въ головѣ и сердцѣ. Теперь позвольте васъ спросить при всемъ германскомъ усердіи и преданности, что́ можетъ выработать желудокъ нѣмца изъ прѣсно-пряно-мучнисто-сладко-травяной массы съ корицей, гвоздикой и шафраномъ, которую ѣстъ нѣмецъ? Еслибъ вы знали весь трудъ пищеваренія, вы увидѣли бы, что за отчаянную борьбу съ мукой и картофелемъ, за мужественное противодѣйствіе душами изъ баварскаго пива, почти каждый нѣмецкій желудокъ давно заслужилъ медаль для ношенія на дуоденумѣ съ надписью: pour la digestion. Гдѣ тутъ выработывать какой-нибудь упругій, самобытный англійскій, или дѣятельный, безпокойный французскій фибринъ! тутъ не до силы воли, не до расторопности, а чтобъ человѣкъ на ногахъ держался да не совсѣмъ бы отсырѣлъ;— перемѣните нѣмецкую кух-

ню, и вы увидите, что Арминій недаромъ спасъ въ «Тейтобургской грязи» германскую народность. Такіе перевороты разумѣется не дѣлаются разомъ, но я вѣрю въ прогрессъ, вѣрю въ Германію... Трудно будетъ— это правда. Когда Гегель жилъ въ Парижѣ у Кузеня, то писалъ къ Гегельшѣ: «здѣсь обѣдаютъ въ 6 часовъ, (это его такъ поразило, какъ если бы французы ушами читали), въ 6 часовъ, говоритъ онъ; я не могъ къ этому привыкнуть и мнѣ готовятъ обѣдъ особо въ два часа»,—что́ прикажете дѣлать противъ такой упорной натуры? Но—tempora mutantur—«Гегель, Гете—все это послѣдніе могикане». А когда совсѣмъ вымретъ старая «юная Германія», вы увидите, кухня не устоитъ. Разумѣется, еслибъ германская діэта занялась діэтой Германіи и приказала бы, пока можно, отвезти, ну хоть въ Техасъ, благо, онъ еще въ модѣ, всѣхъ нѣмецкихъ кухарокъ и замѣнить ихъ парижскими cordon bleu, успѣхъ былъ бы невѣроятный. Шутить нечего этимъ: органическая химія гораздо важнѣе въ политическомъ отношеніи, нежели думаютъ. Собственно вопросъ о пролетаріатѣ — вопросъ кухонный, вопросъ соціализма — вопросъ пищеваренія. Понимая такимъ образомъ важность питанія, скажемъ смѣло, скажемъ со всей высоты сильнаго убѣжденія: проклятіе вамъ, густые супы, какъ наша весенняя грязь, прѣсные соусы, какъ драмы Бирхъ-Пфейферъ, проклятіе пяти тарелочкамъ, на которыхъ подаютъ (между вторымъ и третьимъ блюдомъ!) селедку съ вареньемъ, ветчину съ черносливомъ, колбасы съ апельсинами! проклятіе ку-

рамъ, варенымъ съ шафраномъ, дамфнуделямъ, шарлотамъ, пудингамъ, переложеннымъ на нѣмецкіе нравы, картофелю, являющемуся во всѣхъ видахъ! проклятіе наконецъ корицѣ, гвоздикѣ и лавровому листу, который такъ не присталъ къ челу этихъ москатильныхъ кушаній!... Вы, Мартинъ Лютеръ и филологія, сдѣлали много вреда Германіи.

Недаромъ я сказалъ, что комфортабельная обитаемость Европы начинается съ Рейна: именно тамъ нѣмецкая кухня приближается къ единой кухнѣ, въ великой кухнѣ; нѣтъ худа безъ добра; въ печальное время отъ 1793 до 1814 рейнская кухня подвергалась сильному вліянію французскихъ поваровъ, ниспровергнувшихъ во многомъ нравственно-безвкусный и семейно-прѣсный характеръ германскихъ яствъ. Двадцать одинъ годъ не шутка, много французскихъ блюдъ приняла нѣмецкая кухня на свои рейнскіе очаги и плиты, и они остались на нихъ вмѣстѣ съ наполеоновскимъ кодексомъ. Я въ Кельнѣ пообѣдалъ первый разъ послѣ Москвы, и за это его полюбилъ, — вотъ какъ потребность любви развивается, когда человѣкъ сытъ. Славная рѣка! глядя на нее, забываешь, что она была несчастнымъ поводомъ конечно прекрасной по чувствамъ и трогательной по патріотизму, но скучной и нѣсколько насмѣшливой пѣсни:

Sie sollen ihn nicht haben...

Оно конечно, Рейнъ жаль отдать хоть кому,—посторонніе люди не умѣли никогда пройти не остановившись

передъ нимъ, представители всѣхъ эпохъ европейской жизни приходили на рейнскіе берега и осѣдали на нихъ; слѣды этихъ людей, этихъ эпохъ такъ и наслоились по теченію рѣки. Пройдитесь по одному Кельну, чего тутъ нѣтъ: несокрушимыя стѣны, тяжелыя романскія церкви, колоссальный образчикъ готическаго собора, домъ тампліеровъ — мрачныхъ воиновъ-монаховъ, угрюмо стоящихъ на предѣлахъ феодализма и централизаціи; коллегіумъ іезуитовъ, мрачныхъ монаховъ-воиновъ, угрюмо стоящихъ на предѣлахъ папизма и реформаціи; церкви временъ возрожденія; присутственныя мѣста, устроенныя во время владычества единой и нераздѣльной республики; новыя фортификаціи, напоминающія наполеоновскую эру, и наконецъ лѣса около собора, свидѣтельствующія о теперешней Германіи медленнымъ производствомъ средневѣковой работы современными руками. Вездѣ воспоминанія, вездѣ легенды, — взгляните на верхъ: изъ четвертаго этажа выглядываютъ двѣ лошадиныя головы изъ бѣлаго мрамора,—тутъ было чудо; взгляните внизъ: вотъ мѣсто, гдѣ Христосъ явился нѣсколько столѣтій тому назадъ молившемуся отроку и взялъ у него яблоко.

Много жилъ этотъ край! много жила вообще Европа. Десятки столѣтій выглядываютъ изъ-за каждаго обтесаннаго камня, изъ-за каждаго сужденія; за плечами европейца видѣнъ длинный преемственный рядъ величавыхъ лицъ, въ родѣ процессіи царственныхъ тѣней въ Макбетѣ. Чего и чего не было здѣсь между тѣмъ временемъ, когда Карлъ Великій на закатѣ своихъ дней

сиживалъ на извѣстномъ ахенскомъ стулѣ, и тѣмъ, когда на томъ же стулѣ отдыхала послѣ прогулки женщина съ огненными глазами, смуглая креолка — императрица Французовъ! А прежде? а съ тѣхъ поръ? Подъ часъ тяготятъ въ Европѣ сѣдые, почернѣлые памятники; они даютъ ей слишкомъ аристократическую физіономію, оскорбительную для того, кто не имѣетъ столько блестящихъ предковъ и столько великихъ преданій. Иногда какъ-то не по себѣ нашему брату, скиѳу, середи этихъ завѣщанныхъ богатствъ и завѣщанныхъ развалинъ; странно положеніе чужаго въ семейной залѣ, гдѣ каждый портретъ, каждая вещь дороги потомкамъ, но чужды ему; онъ смотритъ съ любопытствомъ тамъ, гдѣ свои вспоминаютъ съ любовью; ему надобно разсказать то, что́ тѣ знаютъ съ колыбели.

А съ другой стороны, развѣ родина нашей мысли, нашего образованія не здѣсь? развѣ, привѣнчивая насъ къ Европѣ, Петръ I не упрочилъ намъ права наслѣдія? развѣ мы не взяли ихъ сами, усвоивая ея вопросы, ея скорби, ея страданія вмѣстѣ съ нажитымъ опытомъ и съ нажитой мудростью? Мы не съ пергаментомъ въ рукѣ являемся доказывать наши права.... да мы ихъ и не доказываемъ, потому-что они неотъемлемы; завоеванное сознаніемъ прочно завоевано: его не исторгнешь никакимъ безуміемъ. Былое наше бѣдно; мы не хотимъ выдумывать геральдическихъ сказокъ, у насъ меньше своихъ воспоминаній,—что за бѣда, когда воспоминанія Европы, ея былое сдѣлались нашимъ былымъ и нашимъ прошедшимъ. Да сверхъ того европеецъ подъ

вліяніемъ своего прошедшаго не можетъ отъ него отдѣлаться; для него современность—крыша многоэтажнаго дома. Для насъ да для сѣверной Америки его высокая терраса—фундаментъ, его чердакъ—нашъ rez de chaussée. Мы съ этого конца начинаемъ. Какъ не вспомнить опять:

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit,
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit.

И вотъ уже у меня въ головѣ не Кельнъ, не его соборъ, а длинный рядъ избъ да хрустящій снѣгъ.... Мы выѣзжали изъ Россіи зимою, зимою снѣжной, холодной, съ коротенькими днями и со всѣми неудобствами зимняго ухабистаго пути, который выдаютъ за дарованную намъ природой желѣзную дорогу; небольшой почтовый трактъ, по которому мы ѣхали, соединяетъ два шоссе и идетъ частію по Псковской губерніи, частію по Лифляндской; этотъ путь сообщенія бѣденъ; двѣ сосѣдственныя полосы не пришли черезъ него къ одному уровню и каждая осталась при всѣхъ особенностяхъ,—какъ будто между ними тысячи верстъ. Ни по одной дорогѣ нельзя встрѣтить такую рѣзкую перемѣну, какъ переѣзжая отъ псковитянъ къ остзейцамъ. Псковской крестьянинъ дичѣе подмосковныхъ; онъ кажется не попалъ ни правой, ни лѣвой ногой на тотъ путь, который ведетъ отъ патріархальности къ гражданскому развитію, — путь, который называютъ прогрессомъ, воспитаніемъ, разсказъ о которомъ называютъ исто-

ріей; онъ живетъ возлѣ полуразвалившихся бойницъ и ничего не знаетъ о нихъ.... Сомнѣваюсь, слыхалъ ли онъ объ осадѣ Пскова.... Событія послѣднихъ полутора вѣковъ прошли надъ его головою, не возбудивши даже любопытства. Поколѣнья черезъ два-три мужичекъ перестроиваетъ свои бревенчатыя избы, безслѣдно гніющія, старѣетъ въ нихъ, передаетъ свой лугъ въ руки сына, внука, полежитъ годъ, два, три на теплой печи, потомъ незамѣтно переходитъ въ мерзлую землю; иногда вспомянутъ его дѣти или внучата гречневыми блинками въ родительскую субботу, при новой ревизіи его имя исключатъ изъ числа живыхъ, потомъ и внуки посѣдѣютъ, и не будь рекрутской повинности, они бы также, какъ предки, ничего не знали о томъ, что дѣлается въ Питерѣ, въ Россіи. — «А развѣ жизнь привязанныхъ къ землѣ крестьянъ во всей Европѣ не также проходила и исчезала, изнуренная работой безслѣдно и невесело? развѣ они не выработывали матеріальныхъ условій для исторической жизни другихъ сословій?». Оно не совсѣмъ такъ, но если и такъ, то не забудемъ, что другія-то сословія жили; когда вы въ Гентѣ останавливаетесь передъ ратушей, когда смотрите на этотъ *бефруа*, сзывавшій такъ часто своими колоколами гражданъ, вы понимаете, вы чувствуете, что̀ за муниципальная жизнь кипѣла тутъ, и понимаете, что ей были необходимы—и этотъ домъ, поражающій величіемъ и поэзіей постройки, и эта башня, и эти соборы, и эти рынки съ фронтонами, и что даже домъ, гдѣ приставали рыбаки, по праву украсился ба-

рельефами: такія декораціи шли къ внутреннему содержанію. Таковы рыцарскіе зàмки, эти соколиныя гнѣзда на скалахъ и горахъ. Рыцарская жизнь —жизнь вампира внизъ, была пышна, страстна, благородна вверхъ. Но кому выработывалъ нашъ мужичокъ? гдѣ же у насъ память другой жизни? Кáкъ жили помѣщики до-петровскаго времени — кто ихъ знаетъ? для этого надобно рыться въ архивахъ, это вопросъ археологическій, антикварскій. Господскіе дома сгнили, какъ избы, и исчезли вмѣстѣ съ памятью строителей, имѣнья переходили изъ рукъ въ руки, дробились, составлялись случайно, ненужно; помѣщики пили, ѣли, спали послѣ обѣда, парились, держали дворню и псарню.... Городская жизнь не восходитъ далѣе Петра, она вовсе не продолженіе прежней: отъ былого остались только имена. Жизнь современнаго Новгорода, Владиміра, Твери началась съ утвержденія провинцій, введенія коллегіальнаго порядка и опредѣленія штата чиновниковъ. Если что нибудь осталось прежняго, такъ это у купцовъ: они по праву могутъ назваться представителями городской жизни до-петровскихъ временъ; пока они сохранятъ хоть блѣдную тѣнь прежнихъ нравовъ, реформа Петра будетъ оправдана: лучшаго обвинителя старому быту ненужно. Воспоминанія помѣщиковъ, ихъ легенды примыкаютъ къ царствованію Екатерины II, къ великимъ событіямъ 1812 года; о прежней жизни они ничего не знаютъ; ихъ настоящая жизнь однообразна, скучна, они какъ-будто краснѣютъ ея и хранятъ въ памяти и любятъ разсказывать свои по-

ѣздки въ Москву и Петербургъ и военную службу въ молодыхъ лѣтахъ.

Жизнь, которая не оставляетъ прочныхъ слѣдовъ, стирается при всякомъ шагѣ впередъ и упорно пребываетъ въ одномъ и томъ же положеніи при стоячести. На Востокѣ, напримѣръ, мѣняются только лица, поколѣнья, настоящій бытъ—сотое повтореніе одной и той же темы съ маленькими варіаціями, приносимыми случайностію — урожаемъ, голодомъ, моромъ, падежомъ, характеромъ шаха и его сатраповъ. У такой жизни нѣтъ выжитаго, keine Erlebnisse; бытъ азіятскихъ народовъ можетъ быть очень занимателенъ, но исторія — скучна. Мы имѣли противъ Азіи великій шагъ впередъ: возможность, понявши свое положеніе, отречься отъ него; невозможность влачить скучную жизнь кошихинскихъ временъ — и кто, гдѣ такъ отрекался, какъ мы? Въ неполнотѣ, въ бѣдности, въ неудовлетворительности прошедшаго и въ темномъ сознаніи силъ, которыхъ нѣкуда было дѣвать,—вотъ гдѣ надобно искать легкости, съ которой, по великой командѣ Петра I: «На европейскую дорогу, маршъ!»— Русь пошла своими подвижными частями и такъ рѣзко отдѣлилась въ пятьдесятъ лѣтъ отъ прежняго быта, что ей несравненно было бы труднѣе при Екатеринѣ II возвращаться къ оставленнымъ нравамъ, нежели догонять европейскіе. Сколько ни декламировали о подражательности, она вся сводится на готовность принять и усвоить формы, вовсе не теряя своего характера, усвоить ихъ потому, что въ нихъ шире, лучше, удобнѣе

можетъ развиваться все то, что бродитъ въ умѣ и въ душѣ, что толчется тамъ и требуетъ выхода, обнаруженія. Еслибъ хотѣли хорошенько всматриваться въ событія, то скорѣе могли бы обвинить Русь петровскую въ нашемъ *себѣ на умѣ*, которое готово обриться, переодѣться,—но выдержать себя и въ этой перемѣнѣ. Развѣ вельможи Екатерины оттого, что они пріобрѣли все изящество, всю утонченность версальскихъ формъ (до чего никогда не могли дойти нѣмецкіе *гранды*), не остались по всему русскими барами, со всею удалью національнаго характера, съ его недостатками и съ его разметистостью? въ нихъ иностраннаго ничего не было, кромѣ выработанной формы, и они овладѣли этой формой — en maitre. Развѣ дѣти ихъ, герои 1812, не были русскіе, вполнѣ русскіе? Кто осмѣлится возражать— тому я пальцемъ покажу черезъ улицу Elysée Bourbon, гдѣ жилъ императоръ Александръ. А вѣдь все это, и екатерининская эпоха, о которой вспоминали покачивая головой дѣды наши, и время Александра, о которомъ вспоминаютъ покачивая головой отцы, принадлежитъ «къ иностранному періоду», какъ говорятъ наши добрые славянофилы, считающіе все общечеловѣческое иностраннымъ, все образованное чужеземнымъ. Они не понимаютъ, что новая Русь—была Русь же, они не понимаютъ, что съ петровскаго разрыва на двѣ Руси начинается наша настоящая исторія; при многомъ скорбномъ этого разъединенія, отсюда все, что̀ у насъ есть: — смѣлое государственное развитіе, выступленіе на сцену Руси какъ политической личности и выступ-

леніе личности въ народѣ; русская мысль пріучается высказываться, является литература, является разномысліе, тревожатъ вопросы, народная поэзія выростаетъ изъ пѣсни Кирши Данилова въ Пушкина.... Наконецъ самое сознаніе разрыва идетъ изъ той же возбужденности мысли, близость съ Европой ободряетъ, развиваетъ вѣру въ нашу національность, вѣру въ то, что народъ отставшій, за котораго мы отбываемъ теперь историческую тягу и котораго миновали и наша скорбь, и наше выработанное благо, что онъ не только выступитъ изъ своего древняго быта, но встрѣтится съ нами, перешагнувши петровскій періодъ. Исторія этого народа въ будущемъ; онъ доказалъ свою способность тѣмъ меньшинствомъ, которое истинно пошло по указаніямъ Петра,— онъ нами это доказалъ!...

И одного часа ѣзды достаточно, чтобъ очутиться совсѣмъ въ другомъ мірѣ, въ мірѣ прошедшаго, въ мірѣ утратъ, воспоминаній, вдовства. Все перемѣняется, какъ декорація въ театрѣ. Мѣста становятся гористы, дорога извилиста, не тѣ виды, не тѣ ландшафты, къ которымъ мы привыкли, съ луговою далью, съ стелящимися полями, съ синей полосой у небосклона, которая провожаетъ васъ десять верстъ, пока наконецъ все небо почернѣетъ. Къ станціонному дому трудно подъѣхать отъ крутизны, на которой онъ стоитъ. Passagierstube вымыта, вычищена, столъ покрытъ толстой, но чрезвычайно бѣлой скатертью; въ яркомъ, какъ солдатская пуговица, мѣдномъ шандалѣ стоитъ сальная свѣча, на окнахъ тощіе цвѣты, полъ посыпанъ пескомъ. Чистота

и опрятность свидѣтельствуютъ о длинной цивилизаціи: человѣку надобно долго и много жить, чтобъ любить чистое бѣлье и свѣтлую комнату. Черезъ минуту вошелъ старичокъ нѣмецъ, съ добродушнымъ видомъ, исключительно свойственнымъ нѣмцамъ, и въ сѣромъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами, называя меня при каждомъ словѣ то Herr Baron, то Herr Freiherr, то Hochwohlgeboren; онъ очень учтиво посовѣтовалъ подождать разсвѣта, основываясь на начинающейся мятели и на опасныхъ обвалахъ, возлѣ которыхъ надобно было ѣхать. Я вышелъ въ сѣни; страшный вѣтеръ свистѣлъ между голыми сучьями деревьевъ, изрѣдка немного и на минуту выглядывалъ мѣсяцъ и освѣщалъ полуразвалившуюся башню совсѣмъ развалившагося замка; на крошечныхъ санкахъ бѣлокурый нѣмецъ съ длинными усами и бичомъ въ рукѣ, въ венгеркѣ, опушонной мѣхомъ, съ ружьемъ за плечами, промелькнулъ и исчезъ на узенькой дорогѣ; лошадь его была безъ дуги и звенѣла десяткомъ маленькихъ колокольчиковъ; лягавая собака бѣжала за нимъ, обнюхивая мерзлыя кочки. На воротахъ сарая былъ прибитъ орелъ съ развернутыми крыльями. Все это дышало чѣмъ-то средневѣковымъ. Въ Лифляндіи нѣтъ нашихъ деревень, а есть хутора у подножія замковъ; въ хуторахъ этихъ живетъ племя жалкое, зашибенное, бѣдное средствами, бѣдное способностями и чуждое ритерамъ, разбросавшимъ нѣкогда ихъ лачуги и не позволявшимъ имъ селиться деревнями. Остзейцы сложились, замкнулись, остались при выработанномъ и впередъ не идутъ. У

насъ во всемъ неопредѣленность, — у нихъ мѣра; мы не установились, мы ищемъ, — они остановились, они утратили; мы внутри смѣемся надъ внѣшними формами и безъ угрызенія совѣсти переступаемъ ихъ, — у нихъ форма прежде всего, выше всего; мы грудью рвемся къ новому, они грудью стоятъ за старое. Мы имѣемъ предъ ними преимущество свѣжихъ силъ и упованій,— они имѣютъ преимущество выработанныхъ и прочныхъ правилъ; мы способны, они воспитаны; первоначальный гражданскій катехизисъ, знакомый впрочемъ всякому европейцу, у насъ tabula rasa въ этомъ отношеніи. Намъ съ ними скука смертная, потому что мы не можемъ войти въ ихъ мѣстные интересы.... У нихъ человѣкъ, проживающій двѣ трети дохода — мотъ, мы называемъ скупымъ того, который не проживаетъ вдвое болѣе своего дохода... Но вспомнимъ однако, что какъ псковскіе мужики неполные представители Руси, такъ и Лифляндія неполня представительница Европы. Лифляндія представляетъ одинъ элементъ европейской жизни — и только одинъ. Европу въ первый разъ встрѣчаетъ русскій путникъ въ Кенигсбергѣ: это не только памятникъ прошлой жизни, около котораго развивался букетъ огородныхъ овощей, но жилой домъ для современности: здѣсь памятники и воспоминанія идутъ обнявшись съ юной жизнію. Славный городокъ Кенигсбергъ! онъ оставилъ въ моей памяти самое милое, свѣтлое впечатлѣніе.

Я пріѣхалъ въ Кенигсбергъ усталый отъ дороги, отъ заботъ, отъ многаго; выспавшись въ пуховой пропа-

сти, я на другой день пошелъ посмотрѣть городъ; на дворѣ былъ теплый зимній день, солнце свѣтило, съ крышъ капалъ талый снѣгъ, и я вдругъ помолодѣлъ, точно нѣсколько лѣтъ съ костей долой; мнѣ показалось, что всѣ встрѣчные смотрятъ весело и прямо въ глаза, и я сталъ смотрѣть весело и прямо въ глаза, потомъ отправился за table d'hôte и за бутылкой разсказывалъ, какъ изъ Тильзита скверно везли и какая дорога гадкая. И кельнеръ тутъ и нѣмцы слушаютъ.... пускай себѣ, мнѣ что за дѣло! зачѣмъ дурно возятъ?.... развѣ я не могу имѣть своего мнѣнія? Noch eine Flasche!....

До того заболтался, что не помню, на чемъ мы остановились и къ чему слѣдуетъ теперь возвратиться.... да, къ другому берегу Рейна. Ну, что же, по ту сторону Рейна какъ-то привольнѣе, красивѣе; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тамъ было хорошо. Вездѣ скучно, будьте увѣрены. А если вамъ будетъ нескучно гдѣ нибудь, такъ я васъ поздравляю отъ души: вы полны мудрости, которой недостаетъ во мнѣ и во многихъ другихъ. Странное дѣло, отъ испареній подземныхъ что ли, или отъ вліянія планетъ, но какая-то давящая тоска провожаетъ современнаго человѣка отъ Чукотскаго Носа до Финистерре, даже такого человѣка, который всегда смѣется. Эта болѣзнь особенно развилась во время трехъ іюльскихъ дней и трехмѣсячной холеры. Разумѣется, разныя скуки въ разныхъ мѣстахъ; но основа, по которой снуетъ челнокъ нашей жизни (это выраженіе я счелъ бы натянутымъ, еслибъ не зналъ навѣрное, что оно краденое, именно у Гёте), скучна, тягостна на

разные лады. Въ Парижѣ — весело-скучно, въ Лондонѣ — безопасно-скучно, въ Римѣ — величаво-скучно, въ Мадридѣ — душная скука, въ Вѣнѣ — скука душная. Что тутъ прикажете дѣлать? Видно, образованный человѣкъ можетъ только не скучать между дикими людьми и ручными звѣрями, въ Африкѣ и въ Jardin des Plantes; тамъ люди похожи на обезьянъ, здѣсь обезьяны похожи на людей. Вотъ время какое пришло!

Дѣйствительно странное время. Возьмите Парижъ, этотъ городъ городовъ: онъ только и держится Рашелью и Гизо, да и та ѣдетъ на дняхъ въ Лондонъ, да и тотъ, говорятъ, ѣдетъ на покой.

Кстати о театрахъ въ Парижѣ; но это будетъ еще болѣе кстати въ слѣдующемъ письмѣ.

1 (12) мая 1847.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Въ прошломъ письмѣ мы говорили о томъ, что въ нашъ вѣкъ скука страшная, и что Рашель ѣдетъ въ Лондонъ; нынче я прибавлю къ обвиненію нашего вѣка, во первыхъ, что Рашель уѣхала, а во вторыхъ, что не только въ нашъ вѣкъ скучно, но что ни о чемъ, ни о скучномъ, ни о веселомъ, говорить нельзя: Богъ знаетъ, куда утянетъ. Всѣ понятія перепутались, сплелись, зацѣпили другъ друга, связались круговой порукой безъ всякаго уваженія къ полицейскимъ и схоластическимъ раздѣленіямъ, къ пограничнымъ правиламъ школьно-таможеннаго благоустройства. Слѣдствія этой запутанности самыя плачевныя: все, что прежде знали

хорошо и ясно, знаютъ скверно и смутно, людскія званія и сословія, звѣриные признаки и отличія царства природы и распредѣленіе искусствъ,—все перемѣшали, потеряли предѣлы между животными и растеніями, между обезьянами и людьми. Прежде могло ли это быть? Все было легко. «Есть междучелюстная кость»?—Есть. —«Скотъ». — Нѣтъ. — «Человѣкъ». — Есть душа? — «Есть». — Человѣкъ. — «Нѣтъ». — Скотъ. Были признаки нѣсколько щекотливые, но вѣрные въ отношеніи къ прекрасному полу животныхъ и людей. Все ниспровергнули вмѣстѣ съ незыблемыми авторитетами, благочестивымъ послушаніемъ и послушнымъ благочестіемъ! Какое кажется было дѣло Гете, поэту и консерватору, найти междучелюстную кость у человѣка — нашелъ; другіе ученые, жившіе въ большой близости съ орангъ-утангами и жоко, нашли у нихъ лишь признаки отрицаемые наукой — и разболтали. . . . . Весь этотъ безпорядокъ произошелъ отъ нѣмецкихъ теорій и французскихъ практикъ; они подняли всѣ дрожжи со дна общественнаго быта и со дна сознанія человѣческаго; все и пошло бродить, и міръ очутился hors des gonds. Возьмемъ предметъ и не знаемъ потомъ, откуда и какъ начать. Вотъ напримѣръ: Рашель ѣдетъ въ Лондонъ, поводъ, по которому захотѣлось сказать нѣсколько словъ о здѣшнихъ театрахъ. Кажется дѣло простое. Въ прежнее время, не говоря худаго слова, я началъ бы съ того, что въ Парижѣ театровъ двадцать три, что Терпсихора цвѣтетъ тамъ-то, но что истинные поклонники Таліи тамъ-то, хотя великая жрица Мельпомены увле-

кается тамъ-то — и всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. А теперь, чтобъ сказать со смысломъ пять словъ о Фредерикѣ Леметрѣ и Левассерѣ, мнѣ нужно начать чуть не съ Фредерика Барбароссы, и по крайней мѣрѣ съ того Левассёра, который сидѣлъ въ Конвентѣ. — Увѣряю васъ, что нельзя понять парижскихъ театровъ не пустившись въ глубокомысленныя разсужденія à la Сіэсъ о томъ, ce que c'est que le tiers-état? Вы идете сегодня въ одинъ театръ — спектакль неудачный (то есть, неудачный выборъ пьесъ, играютъ здѣсь вездѣ хорошо); вы идете на другой день въ другой театръ — таже бѣда, тоже въ десятый день, въ двадцатый; только изрѣдка мелькнетъ изящный водевиль, милая шутка или старикъ Корнель съ старикомъ Расиномъ величаво пройдутъ, опираясь на молодую Рашель и свидѣтельствуя въ пользу своего времени. Что же это такое? — Театры полны, длинные queues тянутся съ пяти часовъ у входа? Ясное дѣло: парижане поглупѣли, потеряли вкусъ и образованіе; заключеніе основательное, пріятное и которое, я увѣренъ, многимъ очень понравится; остается узнать, такъ ли на самомъ дѣлѣ. Остается узнать, весь ли Парижъ выражаютъ театры, или какой Парижъ — Парижъ стоящій за *цензъ* или Парижъ стоящій за *цензомъ*; это различіе первой важности.

— Какъ вы думаете, что всего болѣе меня удивило въ Парижѣ? — «Иподромъ, Гизо?» — Нѣтъ! — «Елисейскія поля, депутаты?» — Нѣтъ! — «Тюльери, канканъ?» Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Работники, *консьержи*, garçon de cafè, швеи, слуги, даже солдаты, — всѣ эти лю-

ди толпы до такой степени въ Парижѣ избаловались, что не были бы ни на что похожи, еслибъ дѣйствительно не походили на порядочныхъ людей. — Здѣсь трудно найти слугу, который бы вѣровалъ въ свое призваніе, слугу безотвѣтнаго и безвыходнаго, для котораго высшая роскошь сонъ и высшая нравственность ваши капризы, слугу, который бы не «разсуждалъ». Если вы желаете имѣть слугу иностранца, берите нѣмца: нѣмцы охотники служить; берите пожалуй англичанина: англичане привыкли къ службѣ, давайте имъ денегъ и будете довольны; но француза не совѣтую брать. Французъ тоже любитъ деньги до лихорадочнаго, судорожнаго стремленія ихъ пріобрѣсти; и онъ совершенно правъ; безъ денегъ въ Парижѣ можно меньше жить, нежели гдѣ нибудь, безъ денегъ нѣтъ свободнаго человѣка, развѣ въ Австраліи; пора бы перестать разглагольствовать о корыстолюбіи бѣдныхъ, пора простить, что голоднымъ хочется ѣсть, что бѣднякъ работаетъ изъ-за денегъ, изъ-за презрѣннаго металла... вы не любите денегъ, однакожь—сознайтесь немножко—деньги хорошая вещь; я ихъ очень люблю. Дѣло совсѣмъ не въ ненависти къ деньгамъ, а въ томъ, что порядочный человѣкъ не подчиняетъ всего деньгамъ, что у него въ груди не все продажное. Французъ слуга будетъ неутомимъ, станетъ работать за троихъ, но онъ не продастъ ни всѣхъ удовольствій своихъ, ни нѣкотораго комфорта въ жизни, ни права разсуждать, ни своего point d'honeur; дѣлайте требованія, онъ будетъ исполнять; но не дѣлайте грубости; впрочемъ здѣсь никто не грубитъ съ

прислугой.—Madame, voulez vous bien me dire si Mr. N. est à la maison? спрашиваетъ гость у жены консьержа. — Voulez vous bien m'annoncer, говоритъ онъ слугѣ въ передней; портье не потянетъ шнурка по грубому крику Cordon! ему непремѣнно надобно: s'il vous plait; до полиціи доходили подобныя дѣла и полиція, вмѣнивъ въ обязанность дворникамъ отпирать цѣлую ночь дверь, присовокупила совѣтъ: шнурокъ требовать учтиво. О, суетные галлы! Французъ-слуга, милый въ своемъ отсутствіи логики, хочетъ служить какъ человѣкъ (т. е. въ прямомъ значеніи; у насъ въ словѣ человѣкъ заключается каламбуръ, но я говорю серьезно), онъ не обманываетъ васъ своею привязанностію, а съ беззаботной откровенностію говоритъ, что онъ служитъ только изъ денегъ, и что будь у него другія средства, онъ бы васъ покинулъ завтра; у него до того душа суха и полна эгоизма, что онъ не можетъ предаться съ любовью незнакомому человѣку франковъ за пятьдесятъ въ мѣсяцъ Здѣшніе слуги расторопны до невѣроятности и учтивы, какъ маркизы; эта самая учтивость можетъ показаться оскорбительною: ея тонъ ставитъ васъ на одну доску съ нимъ; они вѣжливы, но не любятъ ни стоять на вытяжкѣ, ни вскочить съ испугомъ, когда вы идете мимо, а вѣдь это своего рода грубость. Иногда они бываютъ очень забавны: поваръ, нанимающійся у меня, смотритъ за буфетомъ, подаетъ кушанье, убираетъ комнаты, чиститъ платье, — стало не лѣнивъ, какъ видите; но по вечерамъ отъ 8 часовъ и до 10 читаетъ журналы въ ближнемъ café и это conditio sine qua non.

— Поваръ политикъ? да это умора! Журналы составляютъ необходимость парижанина. Сколько разъ я съ улыбкой смотрѣлъ на оторопѣлый взглядъ иностранца, когда garçon, подавши ему блюдо, торопливо хваталъ листъ журнала и садился читать въ той же залѣ. Слуги впрочемъ еще не составляютъ типа парижскаго пролетарія: типъ — ouvrier, работникъ, — въ слуги идетъ бездарнѣйшая, худшая часть населенія. Порядочный работникъ, если не имѣетъ внѣшнихъ формъ слуги, то по развитію и выше, и нравственнѣе. Эта «избалованность» или какъ вамъ угодно назвать, одно изъ послѣдствій прошлаго переворота; на него мало обращали вниманія, потому что оно вертится около кухни и передней, а оно не лишено важности. Большая часть парижскихъ слугъ—дѣти и внучата солдатъ «великой арміи», дѣти и внучата угомонившихся крикуновъ предмѣстій св. Антонія и Марсо, состарившихся трибуновъ des sections. Несмотря на отеческія старанія іезуитовъ и вообще духовныхъ во время реставраціи воспитать юное поколѣніе въ духѣ ложнаго смиренія и глубокаго невѣдѣнія своего прошедшаго, это было невозможно; напрасно издавали они для школъ книжки, въ которыхъ говорили о фельдмаршалѣ войскъ Людовика XVIII Буонапарте и о кроткомъ царствованіи Людовика XVII, перенесшаго столицу и дворъ въ Кобленцъ по случаю чуть ли не передѣлки половъ въ Тюльери. Дѣды, отцы и матери — матери всемогущія въ дѣлѣ воспитанія во Франціи: мать величайшая святыня для француза — совращали постоянно юное поколѣніе съ скромной тро-

пинки, по которой вели его признанные учители т. е. les frères ignorantins, своими *умѣренными* правилами, почерпнутыми изъ скромнаго «друга народа», почтеннаго «отца Дюшена» и смиреннаго «стараго Корделье»; вмѣсто доказательствъ присовокуплялись разсказы, показывались рубцы и текли слезы по щекамъ, опустившимся отъ лѣни, бѣдности и утраченныхъ надеждъ. Такіе разсказы, такое воспитаніе должны были сдѣлать новое поколѣніе состарившихся gamins de Paris грубыми, дерзкими, наглыми, — не правда ли? А вышло совсѣмъ наоборотъ: молодое поколѣніе гуманно, вѣжливо, даже нѣжно, вообще мягко — до тѣхъ поръ, пока не затронуто. Что за уваженіе къ женщинѣ, что за милое, трогательное вниманіе къ дѣтямъ! Какъ жаль, что народъ, развившій въ себѣ такія прекрасныя свойства, долженъ погибнуть, а дѣлать нечего, я это знаю изъ вѣрныхъ рукъ, мнѣ это разсказывали мудрецы «Вшивой Горки» и «Плющихи».... Есть бѣдные, маленькіе балы, куда по воскресеньямъ ходятъ за десять су работники, ихъ жоны, прачки, служанки; нѣсколько фонарей освѣщаютъ небольшую залу и садикъ: тамъ танцуютъ подъ звуки двухъ, трехъ скрипокъ. Это не знаменитый Mabile, не Ranelagh, не канканной памяти «хижина», гдѣ освѣщенье, деревья, трава — все пропитано сладострастіемъ, гдѣ пульсъ бьется какъ-то не по-людски, и гдѣ шалость иногда бы зашла далеко, еслибъ.... не угрызенія совѣсти, думаете вы?... нѣтъ, еслибъ не рука муниципала, готовая ежеминутно схватить за воротъ... Нѣтъ, на этихъ бѣдныхъ балахъ все идетъ благопри-

стойно; поношенныя блузы, полинялыя платья изъ холстинки почувствовали, что тутъ канканъ не на мѣстѣ, что онъ оскорбитъ бѣдность, отдастъ ее на позоръ, отниметъ послѣднее уваженіе, и они танцуютъ весело, но скромно, и правительство не поставило муниципала, въ надеждѣ на деликатность учениковъ слесарей и сапожниковъ. Что, смѣшно? — Очень смѣшно! — Въ праздникъ на Елисейскихъ поляхъ ребенокъ тянется увидѣть комедію на открытомъ воздухѣ, но какъ же ему видѣть изъ-за толпы?.... не безпокойтесь, какой нибудь блузникъ посадитъ его на плечо, устанетъ—передастъ другому, тотъ третьему, и малютка, переходя съ плеча на плечо, преспокойно досмотритъ удивительное представленіе взятія Константины съ пальбой и пожаромъ, съ какимъ-то алжирскимъ деемъ, котораго тамбуръ-мажоръ водитъ на веревкѣ. — Дѣти играютъ на тротуарѣ, и сотни прохожихъ обойдутъ ихъ, чтобъ имъ не помѣшать. На дняхъ мальчикъ лѣтъ девяти несъ по улицѣ Helder мѣшокъ размѣнной серебряной монеты; мѣшокъ прорвался и деньги разсыпались; мальчикъ разревѣлся, но въ одну минуту блузники составили около денегъ кругъ, другіе бросились подбирать, подобрали, сосчитали (деньги были всѣ на лицо), завернули и отдали мальчику.

Это все Парижъ, за цензомъ стоящій.

Но не таковъ *буржуа*, *пропріетеръ*, *лавочникъ*, *рантье* и весь Парижъ, за цензъ стоящій. А этотъ-то Парижъ и выражаетъ театръ и въ этомъ онъ дѣлитъ судьбу своего товарища du Palais Bourbon—камеры. Теат-

ры держатся тѣми, кто платитъ наибольше; расходы на двадцать три театра страшные; кто же покрываетъ ихъ, да еще съ избыткомъ (министръ внутреннихъ дѣлъ въ прошедшемъ году продалъ въ пользу «Эпохи» привилегію на театръ за 100,000 франковъ). Конечно, все это выкупается и окупается не блузниками, не дюжиною способностей, не дюжиною иностранцевъ; богатая буржуази платитъ за все, и театръ всего болѣе выражаетъ потребности, интересы мѣщанства. А развѣ прежде это было не такъ? т. е. когда прежде? Нѣкогда театръ былъ аристократиченъ, потомъ безцвѣтенъ и оффиціаленъ, какъ все литературное, до чего касался Наполеонъ. Во время реставраціи онъ сталъ склоняться къ буржуази, но буржуази была тогда національнѣе, она была зла, остра, умна, считала себя обиженною и не выступала такъ толсто и тупо-горельефно на первый планъ, какъ теперь. Буржуази явилась на сценѣ самымъ блестящимъ образомъ въ лицѣ хитраго, увертливаго, шипучаго, какъ шампанское, цирюльника и дворецкаго, словомъ, въ лицѣ Фигаро; а теперь она на сценѣ въ видѣ чувствительнаго фабриканта, покровителя бѣдныхъ и защитника притѣсненныхъ. Во время Бомарше, Фигаро былъ *внѣ закона*, въ наше время Фигаро *законодатель*; тогда онъ былъ бѣденъ, униженъ, стягивалъ по немногу съ барскаго стола и оттого сочувствовалъ голоду и въ смѣхѣ его скрывалось много злобы; теперь его Богъ благословилъ всѣми дарами земными, онъ обрюзгъ, отяжелѣлъ, ненавидитъ голодныхъ и не вѣритъ въ бѣдность, называя ее лѣнью

и бродяжничествомъ. У обоихъ Фигаро общее собственно одно лакейство, но изъ подъ ливреи Фигаро стараго видѣнъ человѣкъ, а изъ подъ чернаго фрака Фигаро новаго проглядываетъ ливрея, и что хуже всего, онъ ее не можетъ сбросить, какъ его предшественникъ: она приросла къ нему такъ, что ее нельзя снять безъ его кожи. У насъ это сословіе не такъ на виду, въ Германіи оно одно и есть,съ прибавкою теологовъ и ученыхъ, но какъ-то смиренно, мелко и изъ рукъ вонъ смѣшно; здѣсь оно дерзко и высокомѣрно, корчитъ аристократовъ, филантроповъ и людей правительственныхъ.

Вспомните всѣхъ Бриколеней, Галюше и др. въ романахъ Ж. Занда:—вотъ буржуа. Впрочемъ, позвольте, справедливость прежде всего: Ж. Зандъ выставляетъ дурную сторону буржуазіи; добрые буржуа читаютъ ея романы со скрежетомъ зубовъ и запрещаютъ ихъ брать въ руки своимъ мѣщаночкамъ... въ сторону ее! Я рекомендую лучшій источникъ, патентованный, breveté de par la bourgeoisie—Скриба. Скрибъ—геній, писатель буржуазіи, онъ ее любитъ, онъ любимъ ею; онъ подладился къ ея понятіямъ и ея вкусамъ такъ, что самъ потерялъ всѣ другіе; Скрибъ царедворецъ, ласкатель, проповѣдникъ, гаеръ, учитель, шутъ и поэтъ буржуазіи. Буржуа плачутъ въ театрѣ, тронутые собственной добродѣтелью, живописанной Скрибомъ, тронутые конторскимъ героизмомъ и поэзіей прилавка. Они узнаютъ себя и свои идеалы въ скрибовскихъ геройхъ, они улыбаются себѣ въ нихъ, перемигиваются съ ними,—словомъ, признаютъ ихъ столько, сколько

отвергаютъ портреты Ж. Занда. Ну, если послѣ этого скрибовскіе герои отвратительнѣе, тупѣе, мельче всѣхъ Бриколеней и Галюше вмѣстѣ, то нельзя не сознаться, что для буржуази не на мѣстѣ быть казовымъ концомъ Франціи, особенно потому, что вездѣ есть толпа пошлыхъ людей, которые далѣе и не пойдутъ, которымъ въ глаза бросится сыпь, изъ-за которой не съумѣютъ разглядѣть прекраснаго лица.

Буржуази не имѣетъ великаго прошедшаго и никакой будущности. Оно было минутно хорошо, какъ отрицаніе, какъ переходъ, какъ противоположность, какъ отстаиваніе себя. Его силъ стало на борьбу и на побѣду; но сладить съ побѣдою оно не могло: не такъ воспитано. Дворянство имѣло свою общественную религію; правилами политической экономіи нельзя замѣнить догматы патріотизма, преданія мужества, святыню чести; есть, правда, религія, противоположная феодализму, но буржуа поставленъ между этими двумя религіями. Наслѣдникъ блестящаго дворянства и грубаго плебеизма, буржуа соединилъ въ себѣ самые рѣзкіе недостатки обоихъ, утративъ всѣ достоинства ихъ. Онъ богатъ, какъ вельможа, но скупъ, какъ лавочникъ. Французское дворянство погибло величественно и прекрасно; оно, какъ могучій гладіаторъ, видя неминуемую смерть, хотѣло пасть со славою; памятникъ этого героизма — 4 августа 1789 г.; что ни толкуй, а въ добровольномъ отреченіи отъ феодальныхъ правъ есть много величественнаго. Въ то время вы уже встрѣчаете во Франціи классъ людей, который при общей потерѣ пріобрѣта-

етъ;дворянство лишается правъ, они усугубляютъ свои, народъ умираетъ съ голоду, они сыты; республика безъ денегъ, продаетъ земли, они ихъ скупаютъ; народъ вооружается и идетъ громить враговъ, они поставляютъ сукна,провіантъ. Народъ завоевываетъ всю Европу, по всей Европѣ течетъ рѣками его кровь, они пользуются континентальной системой. Во время ужасовъ втораго террора, terreure blanche, какъ говорятъ Французы, буржуа дѣлаютъ избирателемъ и депутатомъ, и тутъ, какъ мы сказали, начинается его вторая lune de miel, лучшее время его жизни послѣ jeu de pommes; но осторожныхъ правилъ своихъ Фигаро не оставилъ: его начали обижать, — онъ подбилъ чернь вступиться за себя и ждалъ за угломъ, чѣмъ все это кончится; чернь побѣдила — и Фигаро выгналъ ее въ три шеи съ негодованіемъ и поставилъ національную гвардію съ полиціей у дверей, чтобы не пускать сволочь. Добыча досталась ему и Фигаро сталъ аристократомъ— графъ Фигаро Альмавива, канцлеръ Фигаро, герцогъ Фигаро, перъ Фигаро. А религіи общественной все нѣтъ; она была, если хотите, у ихъ прадѣдовъ, у непремѣнныхъ и настойчивыхъ горожанъ и легистовъ, но она потухла, когда миновала въ ней историческая необходимость. Буржуа это знаютъ очень хорошо; чтобы помочь горю, они выдумали себѣ нравственность, основанную на ариѳметикѣ, на силѣ денегъ, на любви къ порядку. Одинъ пресмѣшной лавочникъ разсказывалъ, что онъ во время барбесовскаго дѣла лишь только услышалъ, что что-то есть, взялъ свое ружье и

цѣлый день ходилъ возлѣ дома. «Да съ которой же стороны вы были?» спросилъ его одинъ молодой человѣкъ. — «О, я не мѣшаюсь въ политику, отвѣчалъ онъ: — мнѣ все равно, лишь бы общественный порядокъ былъ сохраненъ; я защищалъ *порядокъ*». Недаромъ Ж. П. Рихтеръ смѣется надъ тѣми людьми, которые изъ любви къ порядку десять разъ кладутъ вещь на одно и тоже мѣсто, ни разу не давши себѣ отчета, почему эта вещь должна лежать именно на этомъ мѣстѣ. Любовь къ порядку и самосохраненіе много способствовали къ тому, чтобъ буржуази изъ класса неопредѣленнаго перешла въ замкнутое сословіе, которому границы — электоральный цензъ внизъ и баронъ Ротшильдъ вверхъ. Малѣйшіе изгибы этого сословія изучилъ Скрибъ и на все далъ отвѣтъ. Онъ наругался надъ мечтами юноши, чувствующаго художественное призваніе, и окружилъ его уваженіемъ и счастіемъ, когда онъ сдѣлался честнымъ конторщикомъ; онъ къ землѣ приклонилъ голову бѣднаго и отдалъ его во власть хозяина, котораго воспѣлъ за то, что онъ любитъ, чтобъ работникъ повеселился въ воскресный день. Онъ даже вора умѣлъ поднять за то, что онъ разбогатѣвши даетъ кусокъ хлѣба сыну того, котораго ограбилъ,—и такъ это ловко представилъ, что хочется пожурить сына за то, что его отецъ былъ неостороженъ и плохо деньги берегъ. Казалось бы, воровство—страшнѣйшее изъ всѣхъ преступленій въ глазахъ буржуази... Но Скрибъ и тутъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло: воръ уже негоціантъ, умѣнье нажиться и хорошо вести свой

домъ смываетъ всѣ пятна. А какъ позорно всякій разъ наказывается у Скриба женщина за капризъ, за минуту увлеченья, даже за шалость, какъ она всякій разъ одурачена, осмѣяна, и какъ мужъ торжествуетъ, исправляетъ, прощаетъ! Буржуа—деспотъ въ семьѣ, тиранъ дѣтей, тиранъ жены. Не судите о положеніи *порядочной* женщины по bal Mabile, по амазонкамъ Булонскаго лѣса, по гризеткамъ, играющимъ на бильярдѣ въ Люксанбургскомъ саду, по милымъ существамъ, порхающимъ по бульварамъ, по жительницамъ квартала Notre Dame de Lorette, или лучше судите по этимъ живымъ, беззаботнымъ, веселымъ, полькирующимъ, смѣющимся образцамъ. Какая потребность веселья, игры, шутки, блеску, наслажденій, жизни въ француженкѣ! Но ей надобно проститься со всѣмъ этимъ, идучи къ меру съ своимъ женихомъ. Для того, чтобъ принимать участіе въ веселостяхъ, ей надобно отказаться быть женой. Въ Парижѣ, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ, а потомъ въ Италіи, почти нѣтъ выбора между двумя крайностями — или быть куртизанкой, или скучать и гибнуть въ пошлости и безвыходныхъ хлопотахъ. Вы помните, что рѣчь идетъ о буржуазіи; сказанное мною не будетъ вѣрно относительно аристократіи, но вѣдь ея почти нѣтъ. Кто наряжается, веселится, танцуетъ?—la femme entretenue, двусмысленная репутація, актриса, возлюбленная студента.... Я не говорю о несчастныхъ жертвахъ «общественнаго темперамента», какъ ихъ назвалъ Прудонъ; тѣ мало наслаждаются: имъ недосугъ. Вмѣстѣ съ бракомъ, фран-

цуженка средняго состоянія лишается всей этой атмосферы, окружающей женщину любовью, улыбкой, вниманіемъ; мужъ свозитъ ее въ дребезжащей *ситадинѣ* на тощей клячѣ въ Père Lachaise или, пользуясь дешевизной, отъѣдетъ по желѣзной дорогѣ станцію, свозитъ въ Версаль, когда «бьютъ фонтаны», да раза два, три въ театръ, — вотъ ей на годъ и довольно. За эту жизнь современную буржуази прославили семейно счастливой, нравственной. Но такой почетной репутаціи мало для буржуази: она имѣетъ сильное поползновеніе аристократничать, хотя терпѣть не можетъ аристократовъ, потому что боится ихъ превосходства въ формахъ, въ легкости рѣчи; слону смерть хочется иной разъ пробѣжать газелью, — да гдѣ же научиться? А Скрибъ на что? Скрибъ надѣваетъ на себя ливрею швейцара и отворяетъ двери въ аристократическія залы временъ регентства и Людовика XV; но хитрый царедворецъ умѣетъ вездѣ выказать суетность обитателей этихъ залъ рококо передъ *вальяжностью* зрителей: «вы лучше—говоритъ онъ имъ — этихъ пустыхъ людей, у нихъ была только манера, ce quelque chose». Отчего же и намъ не имѣть quelque chose? думаетъ слонъ-газель и весело тащитъ изъ ложи свой животъ и улыбаясь ложится спать.

Страсть къ шуткѣ, къ веселости, къ каламбуру составляетъ одинъ изъ существенныхъ и прекрасныхъ элементовъ французскаго характера; ей отвѣчаетъ на сценѣ водевиль. Водевиль такое же народное произведеніе французовъ, какъ трансцендентальный идеализмъ

нѣмцевъ. Но вы знаете пристрастіе людей не совсѣмъ воспитанныхъ ко всему неприличному; для нихъ все сальное остро, все циническое смѣшно. Буржуа, строгій блюститель нравовъ у себя въ домѣ, любитъ отпустить полновѣсную шутку, заставить покраснѣть двусмысленнымъ намекомъ дѣвушку; онъ и дальше идетъ— онъ любитъ и поволочиться и вообще любитъ развратикъ втихомолку, такой развратикъ, который не можетъ никогда его поставить лицомъ къ лицу съ его облеченной совѣстью въ трехугольной шляпѣ, называемой полицейскимъ комиссаромъ, — онъ развратенъ включительно до статей кодекса о дурномъ поведеніи гражданъ. На сценѣ все это отразилось, какъ и слѣдовало ожидать; водевиль (изъ десяти девять) принялъ въ основу не легкую веселость, не искрящуюся остротами шутку, а сальные намеки. Такъ какъ въ классическихъ трагедіяхъ, боясь потрясти нервы, убивали за сценой, такъ во многихъ пьесахъ новой школы васъ заставляютъ предполагать за кулисами... убійство, вы думаете? — о, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Терпѣть не могу пуританской строгости, люблю подъ часъ смотрѣть и на свирѣпый канканъ, и на отчаянную польку; но, воля ваша, есть нѣчто грустное и скорбное въ зрѣлищѣ двадцати залъ, въ которыхъ набились биткомъ люди съ шести часовъ вечера, для того, чтобъ до двѣнадцати восхищаться глупыми пьесами и сальными фарсами, и это всякій день. Пристрастіе къ двусмысленностямъ и непристойностямъ испортило великія сценическія дарованія; художники, увлекаемые гро-

момъ рукоплесканій (на которыя здѣсь очень скупы), такъ избаловались, что они каждому слову, каждому движенію умѣютъ придать нѣчто.... нѣчто кантаридное. Сама мадмоазель Дежазе далеко не изъята этого недостатка.

Было время, когда острая и смѣтливая публика умѣла ловко поднять всякій политическій намекъ, всякую смѣлую мысль; это было во время беранжеровскихъ пѣсенъ и памфлетовъ Курье; нынче она охладѣла къ идеямъ, къ «словамъ», нынче все акціи, фонды, дороги (*), да и къ тому же хорошо было фрондерствовать во время реставраціи, а теперь мы сами стали консерваторами и боимся слишкомъ зацѣплять политику. Зато, что́ касается до героизма, до высокой отваги — буржуа безпримѣренъ; недаромъ онъ съ себя снялъ историческій мундиръ той національной гвардіи—первой. Людовику Филиппу стало жаль мундира, который онъ нàшивалъ въ грозную годину, ему не хотѣлось замѣнить его уродливымъ чако́ и туникой. Нѣтъ, умоляютъ: «дай чакò, да и только!» Король разрѣшилъ имъ носить тунику и чако, а самъ остался по прежнему въ старомъ мундирѣ. Зато, посмотрите, когда въ оперѣ поютъ: «L'Anglais ne régnera», дѣлается вопль, шумъ, трескъ, — буржуа, внѣ себя отъ патріотизма,

---

(*) До чего можетъ пасть вкусъ публики и даже всякій смыслъ, всего лучше доказываетъ возможность давать гнусности въ родѣ *Chevalier de Maison Rouge* А. Дюма; я ничего не знаю ни отвратительнѣе, ни скучнѣе, ни безталантнѣе, — а идетъ!

кричитъ: «ne régnera! ne régnera!» и смотритъ съ гордымъ видомъ на какого нибудь секретаря лорда Норманби, который, не двигаясь ни однимъ мускуломъ, какъ гибралтарская скала, сидитъ въ ложѣ, въ бѣломъ галстухѣ изъ крашеной стали и съ одной венозной кровью въ лицѣ. Пріѣзжій издалека могъ бы подумать, что война между Англіей и Франціей во всемъ разгарѣ, что англійскій флотъ сталъ на якорѣ въ Булонскомъ лѣсу и что Маѳусаилъ-Веллингтонъ дерется съ Муѳасаиломъ-Сультомъ въ Батиньолахъ—а это еще entente cordiale.

Послѣ этого введенія можно бы поговорить о театрѣ, но отчего же не поговорить о немъ въ слѣдующемъ письмѣ?...

3 іюня
22 мая.

P. S. Перечитывая письмо, мнѣ захотѣлось прибавить еще нѣсколько словъ о прислугѣ. О тягости, несправедливости, взаимномъ стѣсненіи и взаимномъ развратѣ, происходящемъ отъ лакейства, говорятъ давно; но, не будучи дикимъ или Жанъ Жакомъ, какъ же обойтись безъ частной прислуги? Въ Парижѣ частная прислуга со всякимъ днемъ становится менѣе нужною. Люди ограниченнаго состоянія не имѣютъ своихъ слугъ — и живутъ очень удобно. Необходимость дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ, то, о чемъ убѣжденіе краснорѣчиво разглагольствуетъ. Всѣ мы страшные теоретики, а на приложенія смотримъ свысока; мы носимся на воздушномъ шарѣ по воскре-

сеньямъ, а въ будни наша жизнь течетъ себѣ и утекаетъ по грязной, глинистой почвѣ. Приложеніе вовсе нелегко, оно-то и трудно. Въ теоріи можно понять всякую истину, всякую мысль, а на практикѣ не устроишь свой домашній бытъ. Нравственные перевороты тогда совершаются дѣйствительно, когда они дѣлаются истиной около очага, когда они ставовятся поведеніемъ, образомъ дѣйствія, привычкой, если хотите. Вотъ почему я придаю чрезвычайную важность тому, что здѣсь устроилась, осуществилась возможность до нѣкоторой степени обходиться безъ частной прислуги... Но какъ же и чѣмъ замѣняется эта третья рука, этотъ соподчиненный членъ, дѣлающій для васъ все, что вамъ не хочется для себя дѣлать? Я вамъ сейчасъ разскажу.

Парижскія квартиры чрезвычайно удобны, въ какую цѣну ни возьмите — отъ 700 фр. въ мѣсяцъ до 700 фр. въ годъ. Вездѣ зеркала, занавѣски, мебель, посуда, мраморный каминъ, столовые часы, кровати съ пологомъ, ковры, туалеты, — вездѣ завоеваны у самаго небольшаго пространства всѣ его возможности, и на все наброшено это нѣчто, се fion, придающее маленькимъ комнатамъ свѣтлый, веселый видъ; въ каждой комнатѣ виситъ непремѣнно шнурокъ. До него-то я и добираюсь. Шнурокъ идетъ въ ложу консьержа или портье. Портье и вся семья его вѣчно готовы къ услугамъ постояльцевъ; въ большихъ домахъ у нихъ есть помощники. Портье чиститъ вамъ платье и сапоги, портье натираетъ парке, обтираетъ пыль, моетъ окна,

портье ходитъ за табакомъ, за виномъ, за бифштекомъ и котлетами; портье получаетъ ваши письма, въ его ложу бросаютъ ваши журналы, ему отдаютъ визитныя карточки; портье освѣщаетъ лѣстницу въ началѣ вечера и запираетъ наружную дверь, портье отпираетъ ее, въ какое бы время вы ни пришли, у него горитъ свѣча, вы берете свой ключъ, зажигаете ночникъ и идете спокойно, зная, что васъ не ждутъ. Какъ портье успѣваетъ? — это труднѣе сказать, нежели какъ Пинети дѣлалъ изъ мыши пятакъ и изъ пятака птицу — я не знаю, какъ; но гдѣ онъ спитъ, когда отдыхаетъ — это тайна; дѣло въ томъ, что онъ съ своей семьей или съ помощникомъ такъ ловко улаживаетъ свою службу, что онъ вездѣ, и притомъ ложа никогда пуста не бываетъ. Но не опасно ли отдать ему ключъ, можно ли положиться на него? — Какъ на каменную стѣну! — Да отчего же это? Причины есть. Во первыхъ, пропріетеръ или общій наемщикъ съ большой осторожностью нанимаетъ портье, а во вторыхъ, онъ, въ средней величины домѣ, въ центрѣ Парижа, получитъ въ годъ отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ франковъ (*). На него можно положиться, потому что онъ не нищій; само собою разумѣется, онъ имѣетъ свои счеты и съ винопродавцемъ и съ мелочнымъ торговцемъ, имѣетъ свой

(*) Полагая въ домѣ средней величины 25 наемщиковъ, мы можемъ считать 5, которые ему платятъ по 15 фр. въ мѣсяцъ, 5 по 10, 5 по 5, 5 по 2 ф. 50 с., сверхъ того онъ получаетъ что нибудь отъ пропріетера.

revenant bon, какъ Тестъ имѣлъ свой. Говорятъ, они шпіоны, я этому не совсѣмъ вѣрю: старая полицейская уловка застращивать вездѣ шпіонами; что онъ будетъ доносить о воровствѣ, убійствѣ — это его обязанность; болѣе: онъ обязанъ сержанту дать объ васъ справку; ну, а если онъ начнетъ подслушивать ваши слова, вамъ до этого дѣла нѣтъ: такіе доносы совершенно безполезны или лучше безвредны, развѣ могутъ служить для украшенія памяти и сердца полицейскихъ чиновниковъ. Что доносить дворникамъ, гдѣ National, Réforme, etc., etc., доносятъ и полнѣе, и краснорѣчивѣе? Портье любитъ своихъ постояльцевъ, печется объ ихъ дѣлахъ, оказываетъ всякія любезности имъ. Утромъ, прежде нежели вы проснулись (я предполагаю, что вы нормальный человѣкъ и слѣдственно просыпаетесь во́-время, т. е. никакъ не ранѣе 8 часовъ), платье ваше готово, вода принесена (особымъ водоносомъ); стоитъ одѣться и идти въ Café, который въ двухъ шагахъ, читать журналы. Но вы не любите можетъ быть (такъ, какъ я) рано выходить изъ дому, это отъ васъ зависитъ, только за лѣнь съ васъ надобно взять 20 фран. въ мѣсяцъ лишняго, и въ назначенный часъ garçon de Café принесетъ вамъ кофейникъ и дѣвочка изъ ближняго литературнаго бюро десятокъ журналовъ. Теперь къ обѣду. Дома готовить кушанье дорого, гораздо дороже, нежели ходить въ лучшій ресторанъ; за три франка вы будете сыты вездѣ, прибавьте франкъ—и васъ жажда томить не будетъ, вамъ дадутъ цѣлую бутылку медока (возможнаго). Прибавьте еще

франкъ—все это принесутъ на домъ. Шутка, 5 франковъ! Ну, а денегъ нѣтъ, такъ ходите за общій столъ и обѣдайте за 3 франка и даже за 2 ф. 50 сант. съ виномъ. Держать своихъ лошадей нелѣпо: превосходные voiture de remise и прескромные *ситадины* и кабріолеты къ вашимъ услугамъ; цѣна назначена. Пріѣхали на балъ, въ театръ — мальчикъ отворяетъ карету и кладетъ подъ ноги доску, если грязь, за одинъ су. Шинель ваша или пальто отдается при входѣ за пять су; на что же вамъ лакей? А кто же приведетъ карету? здѣсь нѣтъ жандармовъ, громко взывающихъ и повторяющихъ вашу фамилію; такой же мальчикъ въ блузѣ за су отыщетъ карету. Когда же крайность въ частной прислугѣ? Середи дня? Вы всегда можете за дѣломъ позвать портье, каменнаго ли угля принести, затопить ли каминъ, бросить ли письмо въ ящикъ; но разумѣется, онъ померъ бы со смѣху или разразился бы ругательствами, еслибъ вы его позвали на пятый этажъ за тѣмъ, чтобъ онъ набилъ вамъ трубку или подалъ платокъ изъ другой комнаты; да въ этомъ-то и состоитъ нравственная выгода образованной жизни, что она отъучаетъ отъ дикихъ привычекъ. Женатому горничная также ненужна: жена портье, его дочь, сестра будетъ и одѣвать, и раздѣвать, и шнуровать, и сплетничать, словомъ, дѣлать все необходимое. Дѣти требуютъ кухарку или повара, за ними нужна нянька; но нѣтъ необходимости не отдавать ихъ въ пансіонъ; для большинства дѣтей разумѣется лучше, чтобъ они бы-

ли въ пансіонахъ, нежели свидѣтелями всего, что дѣлается подъ родительскимъ кровомъ.

Изъ этого вы видите, что безъ частной прислуги обойтись можно... Вообразите теперь спокойствіе такой жизни; она становится мужественнѣе, чище; вообразите удовольствіе, приносимое отсутствіемъ лишняго человѣка — чуждаго, посторонняго вамъ, безстрастнаго свидѣтеля всѣхъ вашихъ дѣлъ. Постскриптумъ мой я бы посвятилъ М. П. Погодину: такъ много въ немъ франковъ и сантимовъ; но вѣдь я со стороны дороговизны, я радъ ей, я со стороны payez m-rs si vous etes assez riches, а утопія М. П. жизнь безсребренная, т. е. не тратящая серебра; онъ ненавидитъ алчность *ближняго* къ деньгамъ, онъ и дальнему Лондону загнулъ: «Марѳа, Марѳа, печешися о мнозѣ!»

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Если я васъ огорчилъ въ прошломъ письмѣ моими замѣчаніями о парижскихъ театрахъ, то постараюсь нѣсколько утѣшить теперь; на дворѣ идетъ мелкій дождь, мокрый солдатъ, въ красныхъ панталонахъ, съ прекислой рожей, прижался къ будочкѣ у стѣны Elyzée-Bourbon, и на сердцѣ что-то тяжело, — самыя счастливыя условія для критики доброй, все видящей въ розовомъ свѣтѣ.

Само собою разумѣется, что не все же пóшло на парижскихъ сценахъ, какъ васъ увѣряетъ второе письмо; я рѣшительно несогласенъ со вторымъ письмомъ. Въ семьѣ не безъ урода, говаривалъ часто одинъ добрый

чиновникъ, разсказывая, что его племянникъ до того пристрастился къ наукамъ, что вышелъ въ отставку. Вотъ для примѣра хоть бы и «Парижскій Ветошникъ» г. Піа, котораго даютъ безпрестанно и все-таки желающихъ больше, нежели мѣста въ театрѣ Porte St.-Martin. Конечно, многіе ходятъ для Фредерика Леметра, но въ пошлой пьесѣ Фредерикъ не могъ бы такъ играть. Онъ безпощаденъ въ роли «ветошника»; иначе я не умѣю выразить его игры; онъ вырываетъ изъ груди какой-то стонъ, какой-то упрекъ, похожій на угрызеніе совѣсти.—Королева Викторія спросила Леметра, послѣ нѣсколькихъ сценъ, съигранныхъ имъ изъ драмы Піа на Вестминстерскомъ театрѣ, глубоко тронутая и со слезами на глазахъ: «неужели въ Парижѣ много такихъ бѣдняковъ?»—«Много, В. В.», отвѣчалъ Леметръ со вздохомъ: — «это парижскіе ирландцы».

Пьеса Піа богата хорошими мѣстами, но растянута и преглупо развязана. Пожалуй я васъ познакомлю съ ней маленькимъ очеркомъ.

Съ перваго явленія пьеса настроиваетъ васъ особенно пріятно. Зимняя ночь, съ боку Аустерлицкій мостъ, каменная набережная Сены тянется передъ глазами, два фонаря слабо освѣщаютъ берегъ, за рѣкой видны дома, лѣсъ, трубы, которыя придаютъ Парижу его оригинальный видъ, кой-гдѣ мелькаютъ огоньки. На скамьѣ сидитъ оборванный человѣкъ; изъ его словъ видно, что онъ совершенно раззорился, принялся было за промыселъ ветошника, но и это нейдетъ. Непри-

вычный къ нищетѣ, онъ рѣшается броситься въ Сену. Но является другой ветошникъ съ своимъ фонаремъ и сильно выпивши (Леметръ); этотъ въ нищетѣ, какъ рыба въ водѣ, поетъ пѣсни, покачивается и уговариваетъ своего товарища не бросаться въ воду. «Въ газетахъ напечатаютъ объ этомъ, и имя напечатаютъ, съ разными непріятными разсужденіями»; то ли дѣло съ горя придерживаться синяго и горькаго trois six, fil-en-quatre и Paul-Niquet. По несчастію, тотъ не восхищается Paul-Niquet и предпочитаетъ смерть водою смерти спиртомъ. Пьяница сердится и уходитъ, говоря ему, что если очень хочется, пусть себѣ топится. Тотъ бы и утопился безъ этой встрѣчи, но развлеченный ею, онъ подумалъ, подумалъ—да и остался. Но что́ же онъ будетъ дѣлать, съ мрачной злобой, съ отчаяньемъ, съ недостаткомъ мужества? онъ самъ не знаетъ; но вотъ идетъ comis de bureau, съ портфелемъ... Чего тутъ думать... хвать его дубиной по головѣ, тотъ растянулся, бѣднякъ его докончилъ, взялъ деньги и давай Богъ ноги. Тишина. Фонари также горятъ, трупъ валяется на тротуарѣ, черезъ минуту идетъ молча мѣрными шагами рундъ, видитъ мертвое тѣло и останавливается.— Вотъ торжественный входъ, вотъ канибальскій прологъ, которымъ авторъ вводитъ васъ въ міръ голода и нищеты, роющійся подъ ногами, копошащійся надъ головой, міръ подваловъ и чердаковъ, міръ грустнаго самоотверженія и свирѣпыхъ преступленій. Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Сцена представляетъ верхній этажъ, нѣчто въ родѣ чердака, съ одной стороны каморка, въ

которой при тоненькой свѣчѣ шьетъ бѣдно одѣтая дѣвушка платье; съ другой—надъ лѣстницей догадливый пропріетеръ выгадалъ нѣчто въ родѣ палатей, въ родѣ балкона, клѣтки, большаго коробка,—старикъ ветошникъ спитъ совсѣмъ одѣтый на койкѣ; это его комната. Дѣвушкѣ грустно и тяжело, бѣдность ее гнететъ, она сирота.... работа, работа и вѣчная работа изъ-за куска хлѣба, никакой радости, никакого утѣшенія! Она кончила платье, платье пышное, богатое; счастливица какая-то будетъ его носить, поѣдетъ въ немъ въ театръ, въ оперу, а она будетъ шить что нибудь другое въ той же каморкѣ, въ печальномъ уголку своемъ,—и будто можно такъ жить въ 18 лѣтъ и съ французской кровью въ жилахъ! Марія примѣриваетъ платье, чтобъ узнать, нѣтъ ли складокъ... Дитя, она хитритъ съ собою: ей просто хочется увидѣть на себѣ такой нарядъ; одѣлась—къ лицу ей платье, и она чуть не плачетъ; вдругъ раздается карнавальная музыка, шумъ, хохотъ, маски идутъ мимо, потомъ шумъ на лѣстницѣ и нѣсколько швей, одѣтыхъ дебардерами и гусарами, врываются въ ея комнату. Марія въ прекрасномъ платьѣ... вотъ чудо, вотъ прелесть, въ оперу, въ оперу!... Она не хочетъ, то есть, она хочетъ, но что-то страшно, она никогда не бывала; тѣ шумятъ, уговариваютъ, шьютъ маску. Да какъ же не ѣхать! онѣ будутъ потомъ ужинать, ихъ звали, будутъ ѣсть «омара и мороженое»;—она ѣдетъ. А ветошникъ въ это время встаетъ, зажигаетъ свой фонарь и идетъ кряхтя на работу—подбирать остатки, обглодки жизни, пронесшейся наканунѣ;

ночь его юбилейный день. Сцена мѣняется—«знакомыя все лица»: одинъ изъ кабинетовъ Maison-d'or, откуда... увы! я такъ часто выходилъ *рано утромъ*—послѣ обѣда, безъ васъ, любезные друзья. Каминъ горитъ, лампы, свѣчи, зеркала—блескъ такой, посѣтителей много; кто воротился изъ оперы еще въ маскарадномъ платьѣ безъ маски, кто сидѣлъ тутъ цѣлый вечеръ, одни заказываютъ ужинъ, спорятъ о блюдахъ, другіе требуютъ вина; какой-то молодой человѣкъ, развалясь съ гитарой на креслѣ, философствуетъ, всѣ ждутъ дебардеровъ; вотъ и онѣ—веселы, живы, кто садится на столъ, кто полькируетъ, кто пьетъ; ихъ обнимаютъ, ихъ угощаютъ, съ ними любезничаютъ, такъ, какъ вы, mio caro, знаете очень хорошо, и такъ, какъ вы, cara mia, никогда не узнаете (*). Но наша бѣдная дѣвушка, въ первый разъ попавшаяся въ такую компанію, перепуганная, не знаетъ, что́ дѣлать, она инстинктомъ поняла оскорбленіе, поняла что-то неловкое, дурное во всемъ этомъ, она взволнована. Сначала ее не замѣчаютъ, потомъ добрались и до нея, начинаютъ преслѣдовать, интриговать, требуютъ, чтобъ она сняла маску; она не снимаетъ; срываютъ маску; робкая и пугливая, она не знаетъ, что̀ дѣлать. По счастью, философъ съ сигарой защитилъ ее отъ дикихъ выходокъ своихъ товарищей; его поразилъ невинный и страждущій видъ дѣвушки,

---

(*) Живость, ловкость подобнаго рода сценъ на парижскихъ театрахъ превосходитъ всякое описаніе. Вообще добросовѣстность изученія ролей здѣсь доведена до невѣроятности.

онъ даже взялся проводить ее до дому. И вотъ опять ея комната на сценѣ; она еще не возвращалась, какая-то женщина въ салопѣ приходила тайкомъ, пошныряла въ комнатѣ, потомъ ушла. Является и Марія, расплаканная и огорченная; сверхъ всего остальнаго, платье залито, изодрано. Ну, вотъ ей и опера, и этотъ шумъ свѣта, о которомъ она мечтала; раскаяніе, стыдъ и горе,—вотъ что́ осталось отъ всего. Въ порывахъ негодованія и досады она рѣшается лишить себя жизни: у ней никого нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ стараго ветошника, друга-сосѣда, сосѣда-отца. Она пишетъ къ нему записку, кладетъ ее ему на столъ и приготовляетъ все нужное для угара, но вдругъ раздается крикъ новорожденнаго.... она смотритъ: на ея кровати подброшенное дитя. Вы знаете великую физіологическую симпатію между ребенкомъ и женщиной. Марія рѣшается жить, потому что ей некуда дѣть ребенка.... не покинуть же его безпомощнаго, слабаго такъ. Между тѣмъ и старикъ вскарабкался въ свою клѣтку, съ корзинкой всякой дряни, съ костями, которыя перешли отъ барина къ слугѣ, отъ слуги собакѣ, отъ собаки достались ветошнику; но на этотъ разъ находка была получше: Père Jean нашелъ десять тысячъ франковъ банковыми ассигнаціями; старикъ мечтаетъ о наградѣ, которую дадутъ ему, когда онъ возвратитъ деньги,—вдругъ ему попадается записка Маріи, онъ бѣжитъ къ ней, и что́ же? находитъ ее съ новорожденнымъ. «Такъ вотъ оно что!»—Онъ, какъ громомъ пораженный, падаетъ на стулъ.

Да что́ у него за отношенія къ Маріи, что́ онъ, на старости лѣтъ влюбленъ въ нее, или что́ за странная дружба сѣдаго старика съ восемнадцатилѣтней дѣвушкой? Онъ влюбленъ въ нее, онъ любитъ ее, какъ отецъ, онъ любитъ ее, какъ другъ; безпредѣльно нѣжное чувство его къ Маріи совершенно понятно, особенно понятно во Франціи, всего понятнѣе въ Парижѣ. Бѣдные люди въ Парижѣ иногда впадаютъ въ какую-то одичалость, въ кретинизмъ даже, особенно приходящіе въ Парижъ искать работы—всѣ эти савояры, оверньяты; но это исключеніе, исключеніе, къ которому принадлежатъ уличные нищіе; собственно парижскіе бѣдняки имѣютъ сверхъ затаеннаго негодованія голову поднятую вверхъ, они психически развиты гораздо болѣе, нежели вы предполагаете; въ этихъ организаціяхъ, блѣдныхъ отъ дурнаго воздуха, отъ гнетущей нужды, отъ безпрерывныхъ лишеній, отъ зависти.... да, отъ зависти!.. («Ну ужь это скверно!» Разумѣется, любезный моралистъ; что же вы покраснѣли?)—въ душѣ ихъ есть что-то вѣрно чувствующее, мѣтко понимающее и притомъ безпредѣльно грустное и нѣжное. Чистота и нравственность далеко нечужды имъ; развратъ имѣетъ свои предѣлы: опускайтесь по лѣстницѣ общественныхъ положеній, вы будете съ каждымъ шагомъ находить болѣе и болѣе пороковъ и гадостей; но опуститесь на самое дно, вы найдете столько же добра и нравственности, сколько паденія и преступнаго; развратъ самый гнусный принадлежность низшаго слоя буржуази, а не народа, не работника. Знаете ли, что народъ, что бѣд-

няки берегутъ свою репутацію, что они рѣдко протянутъ руку прохожему, а если и протянутъ, то не унижаясь, что они не всегда возьмутъ на водку, и почти никогда не спросятъ. Это не англичане, не итальянцы, не нѣмцы,—это парижане. Парижскій воздухъ великое дѣло: онъ во всѣ шесть или семь этажей, въ чердаки и подвалы, въ антресоли и первые этажи, въ трубы и щели дуетъ однимъ и тѣмъ же; буржуази закрываетъ ставни, конопатитъ дыры отъ него, но бѣднякъ не прячется и онъ ему навѣваетъ идеи, мысли, и ветошникъ, найдя минуту покоя, вытаскиваетъ вчерашнюю газету и читаетъ, закусывая черствымъ хлѣбомъ. Масса стремленій, понятій и мыслей, проникнувшая въ низшіе классы и поддерживающая лихорадочное и болѣзненное расположеніе духа, чрезвычайно велика; она-то и есть главная хранительница ихъ нравственности; теряя ее, бѣдняки впадаютъ въ страшную жизнь «парижскихъ тайнъ», съ нею они типы героевъ Ж. Занда. Такова Марія, но вѣдь и père Jean таковъ, вѣдь и это чисто парижскій продуктъ,—«грибъ, выросшій на парижскомъ навозѣ»; его колыбель, родина, училище—улица, на которую его выбросили тотчасъ послѣ рожденія; добрые люди не дали умереть съ голоду, и онъ остался въ живыхъ, по насмѣшливой прочности и упорности жизни тамъ, гдѣ жить невозможно. Онъ и росъ кой-какъ на улицѣ, разумѣется ремеслу никакому не научили, кому до него дѣло, выросъ наконецъ, сдѣлался ветошникомъ, пропивалъ все вырученное, потомъ бросилъ trois six и такъ вжился въ свою долю, что и не роп-

щетъ, что ему кажется совершенно въ порядкѣ зажечь ночью фонарь и идти подбирать тряпки и лохмотья. Онъ отроду не видалъ поля, зелени, онъ жилъ какъ мокрица на сырыхъ каменныхъ стѣнахъ и ползалъ по ночамъ по узкимъ, темнымъ переулкамъ. Семьи у него не было: онъ слишкомъ бѣденъ, чтобъ имѣть семью; любить ему состояніе не позволяло. Недаромъ однако же Père Jean лѣтъ шестьдесятъ таскался по улицамъ и смотрѣлъ на это многоразличіе движущейся жизни: онъ философъ, онъ мудрецъ, а главное, онъ характеръ. Встрѣтившись на томъ же краю бѣдности, на которомъ самъ стоялъ, съ Маріей, онъ тотчасъ понялъ, какого закалу эта дѣвушка, и онъ полюбилъ ее всею той любовью и всѣми тѣми любвями, которыхъ не было у него въ жизни: у него явились дочь, другъ; Марія — его семья, его отдыхъ, единственное человѣческое утѣшеніе, она его поэзія, его trois six, его примиреніе съ жизнію, — отвѣтъ на все то, на что́ обстоятельства не дали отвѣта, а парижскій воздухъ далъ вопросъ. Онъ сталъ ея сторожемъ, ея хранителемъ; разумѣется, новорожденный поразилъ старика, такъ вполнѣ вѣровавшаго въ ея чистоту, въ ея откровенность.—Дѣло объяснилось; но ребенокъ вовлекаетъ опять въ траты, ему надобно молоко, средствъ нѣтъ, десять тысячъ лежатъ неприкосновенными, о нихъ и думать не смѣютъ. Марія рѣшается просить дочь барона, на которую она работаетъ, чтобы она простила ей и не заставляла бы заработывать испорченнаго платья. Въ пышной гостиной сидитъ баронъ съ дочерью; онъ что-то не въ мѣру без-

покоенъ, она не въ мѣру грустна, а тутъ эта дѣвчонка съ вздорными требованіями, да еще сама говоритъ, что ей деньги нужны для ребенка. «Какого ребенка?»— Мнѣ подкинули. — «Когда?» — 12 февраля. Баронъ, знающій жизнь, начинаетъ журить дѣвушку, безъ обиняковъ говоритъ, что это ея ребенокъ, что онъ ей ничего не дастъ, что онъ не поощряетъ безпорядковъ и распутства, наконецъ бранитъ ее, что она смѣла его дочери говорить о такихъ непристойностяхъ. Марія уходитъ, взволнованная и удивленная. Отецъ въ бѣшенствѣ, дочь смущена; дѣло становится ясно: 12 февраля родила она; отецъ, чтобъ спрятать концы въ воду, далъ десять тысячъ франковъ доброй и услужливой повивальной бабкѣ г-жѣ Потаръ, чтобъ она уничтожила, *сюпримировала* ребенка: у г-жи Потаръ сердце нѣжное, нервы слабые до того, что она не могла подняться на высоту задачи, которою ее почтило довѣріе барона, она не убила ребенка, а подбросила его бѣдной дѣвушкѣ. Въ торопяхъ деньги были потеряны и Père Jean ихъ нашелъ. Баронъ дѣлаетъ строжайшій выговоръ г-жѣ Потаръ и даетъ еще 10 т. франковъ, чтобъ радикальнѣе сбыть съ рукъ ребенка.... Ребенокъ пропалъ, и пока Марія въ отчаяніи не можетъ понять, что съ нимъ сдѣлалось, является полиція: — Марія Дидье, васъ обвиняютъ въ дѣтоубійствѣ. «Меня?» спрашиваетъ испуганная дѣвушка. — Вашего ребенка нашли утопленнымъ въ канавѣ. Дикій крикъ вырывается изъ устъ Маріи въ отвѣтъ на страшную вѣсть и на гнус-

ное обвиненіе. — Нервы г-жи Потаръ оказались на этотъ разъ исправнѣе.

Марія любима, любима нѣжно, страстно молодымъ человѣкомъ, который проводилъ ее тогда; онъ (какъ непремѣнно воображаютъ нужнымъ писатели французскихъ пьесъ) женихъ бароновой дочери. Но что ему до нея со всѣмъ ея богатствомъ? Онъ нашелъ ту дѣву, о которой мечталъ, онъ узналъ Марію, изучилъ ее, онъ хочетъ жениться на ней. — Погодите, молодой человѣкъ, ваша невѣста, ваша неземная дѣва въ толпѣ колодниковъ, развратницъ, въ тюрьмѣ; ее судятъ за дѣтоубійство, ея имя попало уже въ Gazette des Tribunaux и разнеслось отъ кафе до дворцовъ, и послужило темой моральныхъ разсужденій для толстыхъ мѣщанъ и жирныхъ мѣщанокъ.

Ветошникъ не спитъ. Объявлено въ афишахъ, что 12 февраля потеряны 10 т. фр. билетами, ночью, въ кварталѣ Saint Lazare, и что нашедшій можетъ явиться къ г-жѣ Потаръ, повивальной бабкѣ, за приличнымъ награжденіемъ. Это не спроста, подумалъ père Jean, надѣлъ на себя лучшее платье, старый фракъ, который ему не въ пору, купленный гдѣ нибудь на толкучкѣ, панталоны съ заплатами и отправился къ г-жѣ Потаръ. Тутъ вы видите другую сторону бѣдняка — хитрость, умѣнье владѣть собою, непреклонную и неуступчивую волю, свойства столько же необходимыя бѣдняку, какъ казаку на кавказской границѣ: тотъ и другой безпрерывно лицомъ къ лицу съ хитрымъ и злымъ врагомъ.— Леметръ въ этой сценѣ удивителенъ. — Père Jean

успѣлъ выманить у Потаръ доказательство, что ребенокъ родился отъ бароновой дочери. Теперь онъ явился во весь ростъ обвинителемъ. Но знаете ли, кто баронъ? баронъ — человѣкъ, совершившій убійство на аустерлицкой набережной. Онъ богатый и сильный, не соперникъ ветошнику: ветошникъ обманутъ (сцена неловкая, трудная для актера и скучная для зрителя) и, мало того, отданъ подъ судъ, какъ находящійся въ сильномъ подозрѣніи убійства: у него нашли портфель съ именемъ убитаго. Все въ порядкѣ, какъ надобно было ожидать, но тутъ нелѣпая сцена въ тюрьмѣ, украденная изъ шиллеровой пьесы «Коварство и Любовь», гдѣ Вурмъ заставляетъ писать Луизу; баронъ уговариваетъ Марію для спасенія молодаго человѣка, за котораго онъ хотѣлъ выдать свою дочь, принять на себя преступленіе, обѣщаясь спасти ее послѣ сентенціи; молодой человѣкъ остался вѣренъ, остался убѣжденъ въ ея невинности, непоколебимъ въ своей любви... вдругъ сознаніе! Марія присуждена къ ссылкѣ. На сценѣ судебное мѣсто, у дверей сидитъ между двумя солдатами ветошникъ, онъ успѣлъ одичать — что-то похожъ на звѣря. На улицѣ разнощикъ кричитъ: «Marie Didier, infanticide, avec des détails interessants. Pour un sou!» Старика начинаютъ допрашивать, но онъ о себѣ и говорить не хочетъ: онъ умоляетъ разобрать дѣло Маріи, его не слушаютъ, ему велятъ молчать, онъ плачетъ, онъ рветъ свои волосы, онъ, никогда не становившійся на колѣни, валяется передъ судьями, судья приказываетъ муниципалу выбросить его за дверь — la toile,

la toile!... Чего еще?.... Но Піа прибавилъ мелодраматическую развязку. Пьесу онъ этимъ сгубилъ и растянулъ, Лемегру доставилъ еще удивительную сцену съ г-жей Потаръ, а публикѣ примиряющій, услаждающій финалъ въ буржуазномъ духѣ (*).

Если вамъ однакожь столько же надоѣло слушать о ветошникѣ, сколько мнѣ говорить, то я не вижу причины, отчего и не кончить, т. е. не начать чего нибудь другаго. Да и что̀ такое Porte-St-Martin! пойдемте въ Palais Royal, но... увы! Palais Royal пересталъ быть сердцемъ Парижа съ тѣхъ поръ, какъ изъ него извели (какъ изъ Берлина впослѣдствіи) лучшее населеніе его. Онъ сталъ слишкомъ нравственъ, слишкомъ добродѣтеленъ. Парижъ переѣхалъ изъ него. Парижъ начинается, по словамъ Шаривари, съ бульвара des Capucines и оканчивается Maisond'or, т. е. Парижъ — итальянскій бульваръ. «Есть — прибавляетъ ученый издатель — баснословные слухи о какомъ-то бульварѣ Пуасоньеръ, но кто же знаетъ о его существованіи? Что же касается до бульвара Бомарше, это просто полицейская выдумка, нарочно распущенный слухъ». Но

(*) Съ какою тщательностію французы ставятъ пьесы, можетъ служить примѣромъ появленіе на одну минуту шпіона къ г-жѣ Потаръ; онъ является сказать два слова, и что это за верхъ прелести! разодѣтъ, изукрашенъ цѣпочками, отличнѣйшіе боберъ, бакенбарды, тросточка въ рукѣ, а такъ и видишь, что это шпіонъ, въ каждомъ движеніи шпіонъ! и гдѣ они изучили этотъ типъ?

дѣлать нечего, пойдемте въ Palais Royal и именно въ Théâtre-Français.

«Сей кубокъ мы минувшимъ днямъ!»...

Théâtre-Français познакомилъ меня съ однимъ драматическимъ авторомъ, котораго я не зналъ... вы думаете, съ Гюго, Дюма, Сулье?... Нѣтъ, всѣ эти господа если не такъ противно пишутъ, какъ Скрибъ, то въ своемъ родѣ скучнѣе и неестественнѣе. У Скриба по крайней мѣрѣ жизнь изъ-за прилавка да и на сцену; а у этихъ все какіе-то сумасшедшіе разныхъ вѣковъ ходятъ растрепанные по сценѣ, машутъ руками, кричатъ и всѣ помѣшались на одномъ пунктѣ — на риторикѣ. «Съ кѣмъ же вы познакомились въ Théâtre-Française?» — Съ Расиномъ. «Неужели вы его прежде не читали?» — спрашиваете вы, краснѣя за меня. — За кого же вы меня принимаете —

A peine nous sortions des portes de Trézène
Il était sur son char...

Я его твердилъ на память лѣтъ девяти, а потомъ читалъ лѣтъ пятнадцати; но это было уже поздно. Имѣвъ счастіе завершить начальное образованіе подъ маханье Московскаго Телеграфа и подъ теорію россійскаго романтизма, я посматривалъ свысока на человѣка трехъ аристотелевскихъ единствъ, человѣка, говорящаго Vous и Madame устамп гомеровскихъ богатырей; нѣмецкая эстетика убѣдила меня, что во Франціи искусства никогда не было, что собственно искусство можетъ цвѣсти въ Баваріи, въ Веймарѣ — словомъ, отъ Франкфурта на Одерѣ до Франкфурта на Майнѣ. А потому и Раси-

на читалъ я больше для того, чтобъ вполнѣ понять красоту трагедій Гувальда и Мюльнера. Наконецъ я увидѣлъ Расина дома, увидѣлъ Расина съ Рашелью—и научился понимать его. Это очень важно, болѣе важно, нежели кажется съ перваго взгляда: это оправданіе двухъ вѣковъ, т. е. уразумѣніе ихъ вкуса. Расинъ встрѣчается на каждомъ шагу съ 1663 года и до реставраціи; на немъ были воспитаны всѣ эти сильные люди XVIII-го вѣка. Неужели всѣ они ошибались, Франція ошибалась, міръ ошибался? Людовикъ XVI въ томномъ и мрачномъ заточеніи читалъ ежедневно Расина съ своимъ сыномъ и заставлялъ твердить его на память.... И дѣйствительно есть нѣчто поразительно-величавое въ стройной, спокойно развивающейся рѣчи расиновскихъ героевъ; діалогъ часто убиваетъ дѣйствіе, но онъ изященъ, но онъ самъ дѣйствіе; чтобъ это понять, надобно видѣть Расина на сценѣ французскаго театра: тамъ сохранились преданія стараго времени, преданія о томъ, какъ созданы такія-то роли Тальмой, другіе Офреномъ, Жоржъ... Актеры съ нѣкоторой робостью выступаютъ въ расиновскихъ трагедіяхъ: это ихъ пробный камень; тутъ невозможно ни одно нехудожественное движеніе, ни одинъ мелодраматическій эффектъ, тутъ нѣтъ надежды ни на группу, ни на декораціи, тутъ два, три актера, какъ статуи на пьедесталѣ: все устремлено на нихъ. Сначала дикція ихъ, чрезвычайно благородная и выработанная, можетъ показаться изысканной, но это не совсѣмъ такъ; торжественность эта, величавость, рельефность каж-

даго стиха идетъ духу расиновскихъ трагедій. Пожалуй, нѣкоторыя позы на парѳенонскихъ барельефахъ можно назвать изысканными и именно потому, что ваятели исключили все случайное и оставили вѣчныя спокойныя формы; жизнь, поднимаясь въ эту сферу, отрѣшается отъ всего возмущающаго красоту ея проявленія, принимаетъ пластическій и музыкальный строй, тутъ движеніе должно быть граціей, слово — стихомъ, чувство—пѣснью. Но вы болѣе любите иной міръ, міръ, воспроизводящій жизнь во всей ея истинѣ, въ ея глубинѣ, во всѣхъ изгибахъ свѣта и тьмы, словомъ, міръ Шекспира,— любите его, но развѣ это мѣшаетъ вамъ остановиться, надолго остановиться передъ Аполлономъ, передъ Венерой? что́ за католическая исключительность! Пониманье Бетховена развѣ отняло у васъ возможность увлекаться полькой, таять отъ наслажденія, когда Тальони, бывало, танцуетъ качучу (ахъ, какъ жаль, что она потолстѣла и состарѣлась и въ сорокъ пять лѣтъ не нажила истиннаго друга, который бы ее не пускалъ на сцену!)? Входя въ театръ, когда даютъ Расина, вы должны знать, что съ тѣмъ вмѣстѣ входите въ *иной* міръ, имѣющій свои предѣлы, свою ограниченность, но имѣющій и свою силу, свою энергію и высокое изящество въ своихъ предѣлахъ. Какое право имѣете вы судить художественное произведеніе внѣ его собственной почвы, даже внѣ исторической, національной почвы? Вы пришли смотрѣть Расина—отрѣшитесь же отъ фламанскаго элемента: это отрасль итальянской школы; берите его та-

кимъ, каковъ онъ есть, берите его на своей почвѣ, требуйте, чтобъ онъ далъ то, что онъ хочетъ дать, и онъ дастъ много прекраснаго. Конечно, онъ не удовлетворитъ всему, чего жаждетъ ваша душа, но позвольте же еще разъ спросить: а весь греческій Олимпъ, а всѣ греческіе типы, статуи, герои трагедій удовлетворяютъ васъ? нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я это испыталъ на себѣ. Въ греческихъ статуяхъ вездѣ выражается спокойное наслажденіе, торжество мѣры, торжество равновѣсія, торжество красоты, но съ тѣмъ вмѣстѣ вы видите, что покой достигнутъ, потому что требованіе было бѣдно, потому что эти олимпійцы удовлетворялись немногимъ. Одно изъ величайшихъ достоинствъ греческаго ваянія—полнѣйшее отрѣшеніе чувственной формы отъ всего чувственнаго: Венера медицейская также мало говоритъ чувственности, какъ Магдалина Мурильо, но за то не ищите въ греческомъ искусствѣ того знойнаго сладострастія, которое пышетъ изъ каменныхъ чертъ египетскихъ барельефовъ, — вспомните эти страстные, отравляющіе, опьяняющіе глаза, особо разсѣченные и съуженные къ вискамъ. Съ другой стороны, въ греческомъ искусствѣ нѣтъ и не могло быть элемента, развитаго міромъ христіанскимъ, элемента романтическаго, того сосредоточеннаго въ духѣ, того глубоко-страдальческаго, неудовлетвореннаго, жаждущаго, стремящагося, который вы можете изучить въ комнатахъ Катерины Медичи, гдѣ разставлены испанскія картины. Для грековъ мы сдѣлали почетное исключеніе, мы ихъ судили какъ грековъ въ ихъ сфе-

рѣ, будемте также судить Расина, Корнеля—обогатимте себя и ими! Я не стану болѣе говорить о Расинѣ, потому что ни вы вѣроятно не расположены слушать о немъ, ни я не чувствую лагарповскаго призванія, но не могу забыть минуты истиннаго наслажденія, доставленныя мнѣ его трагедіями, особенно Британникомъ.— Неронъ выдержанъ; замышленъ, исполненъ удивительно, и что́ за смѣлая мысль представить медовый мѣсяцъ тиранства тирана въ зародышѣ, тирана будущаго, слагающагося, и притомъ еще представить его слабохарактернымъ, такъ что становится понятно, что и свирѣпость его, и отсутствіе въ немъ всего человѣческаго—частію основаны на слабой, дрянной натурѣ его (*). Рашель играла Агриппину: это шалость геніальной актрисы, шалость, основанная на глубокомъ знаніи собственной силы, такая же натяжка, какую Марсъ дѣлала въ послѣдніе годы, играя молоденькихъ дѣвочекъ. Она вышла торжествующей; но имѣй фантазію Шведенборга, и то не представишь себѣ, чтобы Бовале (Неронъ) былъ сыномъ Рашели. Что же вамъ сказать о ней?—фельетоны всѣхъ газетъ давно все раз сказали. Она нехороша собой, невысока ростомъ, худа истомлена; но куда ей ростъ, на что ей красота съ этими чертами рѣзкими, выразительными, проникну-

---

(*) Очень жаль, что Бовале дурно понялъ роль Нерона: онъ ни на минуту не забываетъ, что Неронъ тиранъ, и ни разу не вспомнилъ, что онъ Неронъ, а еще самъ сочиняетъ трагедіи, да вѣдь какія!...

тыми страстью? Игра ея удивительна; пока она на сценѣ, что бы ни дѣлалось, вы не можете оторваться отъ нея; это слабое, хрупкое существо подавляетъ васъ; я не могъ бы уважать человѣка, который не находился бы подъ ея вліяніемъ во время представленія. Какъ теперь вижу эти гордо надутыя губы, этотъ сжигающій, быстрый взглядъ, этотъ трепетъ страсти и негодованья, который пробѣгаетъ по ея тѣлу! а голосъ, — удивительный голосъ! — онъ умѣетъ приголубить ребенка, шептать слова любви, и задушить врага, и исполниться злобы, гнѣва, суровости; голосъ, который походитъ на воркованье горлицы и на крикъ уязвленной львицы. Я на сценѣ ничего не видалъ выше свиданія ея съ Елизаветой въ Маріи Стюартъ. Рашель составляетъ средоточіе трагической труппы, она идеалъ, которому подражаетъ старый и малый, мужчины и женщины — до смѣшнаго; вся труппа французскаго театра оттопыриваетъ губы, какъ она, всѣ басы и дишканты стараются говорить ея голосомъ. Жоржъ не играетъ больше; она заводитъ драматическіе вечера, но они еще не начинались. Я ее не видалъ.

Разставаясь съ Théâtre-Française, какъ же не сказать чего нибудь о Юдиѳи? а впрочемъ, что сказать, не знаю: игру ея трудно видѣть, потому что все смотришь на ея прекрасные глаза, на ея милое, исполненное граціи лицо. Она не красавица; во Франціи вообще нѣтъ красавицъ, но ея gentillesse совершенно французская, не смотря на то, что ея фамилія напоминаетъ почтеннаго фельдмаршала Олоферна и невѣжливый по-

ступокъ съ нимъ одной дамы. Да какая же это исключительно французская красота? Она чрезвычайно легко уловима: она состоитъ въ необыкновенно граціозномъ сочетаніи выразительности, легкости, ума, чувства, жизни, раскрытости, которое для меня увлекательнѣе одной пластической красоты, всепоглощающаго изящества породы, формъ античныхъ статуй, итальянокъ и вообще красавицъ. Быть красавицей несчастіе: красавица — жертва своей наружности, на нее смотрятъ какъ на художественное произведеніе, въ ней ничего не ищутъ далѣе наружности. Французская красота чрезвычайно человѣчественна, соціальна, она далека отъ германо-англійской надтѣльности, заставляющей проливать слезы о грѣхахъ міра сего, о слабостяхъ его толико сладкихъ, она далека и отъ андалузской чувственности, отъ которой сердце замираетъ и захватываетъ духъ; она не въ одной наружности, не въ одной внутренней жизни, а въ ихъ созвучномъ примиреніи; такая красота результатъ жизни, жизни поколѣній, цѣлаго длиннаго ряда вліяній органическихъ, психическихъ и соціальныхъ, такая красота воспитывается вѣками, вырабатывается преемственнымъ устройствомъ быта, нравовъ, достается въ наслѣдіе, развивается средою, внутренней работой, дѣятельностію мозга, — такая красота фактъ цивилизаціи и народнаго характера. Изрѣдка встрѣчаешь подобную красоту между польскими и русскими аристократическими дамами, и это по моему высокое свидѣтельство въ пользу славянской крови. Вы не обижайтесь моимъ

«изрѣдка»; мы потому «изрѣдка» находимъ такую красоту у насъ, что число женщинъ, призванныхъ къ развитію, гораздо ограниченнѣе. Кто не замѣчалъ, на сколько женщины въ нашемъ народѣ хуже мужчинъ? Женщина въ крестьянствѣ слишкомъ задавлена, слишкомъ работница, слишкомъ «безлична», слишкомъ «баба», чтобъ быть красивой. Какъ только переѣдешь границу, бросается въ глаза некрасивость нѣмецкихъ крестьянъ и улучшеніе женщинъ, особенно по городамъ; этому много способствуетъ между прочимъ умѣнье держаться; самая бѣднѣйшая горничная не выйдетъ на улицу не пригладивши волосъ и не оправившись; я не видалъ растрепанныхъ головъ, растегнутыхъ платьевъ, всего цинизма женской нечистоплотности съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ псковскою гостинницею и съ жидовскими станціями въ Ковенской губерніи. Эта любовь къ опрятности показываетъ, какъ ужь намъ случалось замѣтить, старую цивилизацію и уваженіе къ себѣ, чувство собственнаго достоинства и слѣдственно понятіе о личности,—я разумѣется говорю не объ отвлеченномъ понятіи личности и ея гражданскихъ правахъ, а о томъ инстинктуальномъ понятіи, которое такъ очевидно въ самыхъ низшихъ классахъ европейскихъ государствъ, совершенно независимо отъ ихъ политическаго устройства, въ Испаніи, въ Англіи, въ Италіи и во Франціи.

Но воротимся къ театрамъ; въ томъ же Palais Royal, гдѣ во французскомъ театрѣ Рашель потрясаетъ сердце, Левассёръ потрясаетъ въ театрѣ Пале-Рояля всю

грудь хохотомъ безъ конца, хохотомъ до слезъ, до истерики. Левассёръ—полнѣйшее выраженіе французской веселости, беззаботности, простодушной дерзости, остраго ума, шалости, gaminerie. Что̀ за быстрота, что̀ за неуловимость, что́ за богатство средствъ! Левассеръ также принадлежитъ, также необходимъ Парижу, какъ Шеллингъ Берлину; все, что вы видѣли съ неудержимымъ смѣхомъ въ картинахъ Гаварни, все, что заставляетъ хохотать въ «Шариварп» и «Корсерѣ», все это перенесено въ дѣйствіе, оживлено Левассеромъ. И въ этомъ отношеніи онъ меня приводитъ въ восторгъ больше Буффе, больше старика Верне, больше талантливаго Арналя: тѣ превосходные актеры всякой сцены, и этимъ можетъ быть выше Левассера, но тѣмъ Левассеръ и лучше ихъ, что онъ актеръ французскій, да и то нѣтъ, а парижскій, актеръ Пале-Ройяля: дерзость, наивность, непристойность, грація, канканъ, фейерверкъ! И какимъ лицомъ судьба наградила этого человѣка: худой, съ острыми маленькими чертами, за которыми спрятано втрое больше мускуловъ, нежели извѣстно въ анатоміи Бона, и всѣ они двигаются во всѣ четыре стороны; отъ этого онъ дѣлаетъ изъ лица все, что хочетъ, такъ, какъ фокусникъ изъ складной бумаги,—то сдѣлаетъ сапогъ, то паромъ, то жабо. Разсказывать его игру невозможно: ее надобно видѣть, и мало того, надобно войти во вкусъ, т. е. привыкнуть, чтобы ловить несущіяся на всѣхъ парахъ trains de plaisir остротъ и шалости языка, глазъ, голоса, ногъ.

Отъ Рашели мы перешагнули къ Левассеру, отъ

слезъ участія къ смѣху до слезъ, теперь перейдемъ отъ этого веселаго смѣха къ смѣху презрѣнія и негодованія, отъ милыхъ шутокъ и потока каламбуровъ Левассера къ пошлымъ и тяжелымъ фарсамъ, въ которыхъ актеры старой школы другъ друга ругаютъ, другъ друга надуваютъ, другъ другу даютъ пощечины, для общественнаго удовольствія. Тутъ на первомъ планѣ модная комедія: «Эмиль Жирарденъ и Продажное Перство». Только вспомню, какъ я на бенефисѣ Жирардена сидѣлъ въ трибунѣ съ 12 часовъ до половины седьмаго, поддерживая двухъ французовъ, одного англичанина, свою собственную шляпу и бороду сосѣда съ правой стороны, опираясь на почтеннаго посѣтителя, сидѣвшаго передо мною, въ половинѣ іюня, градусовъ въ пятьдесятъ жару, такъ и захочется опять выйти на чистый воздухъ... — Прощайте.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Мнѣ на роду написано—никогда не писать писемъ о томъ, о чемъ предполагаю. Даже «Письма объ изученіи природы» остановились именно тамъ, гдѣ слѣдовало начать о природѣ. Судьба, или, какъ любилъ выражаться одинъ древній писатель (Викторъ Гюго) — *Ананки*! Вы знаете очень хорошо, что́ можетъ сдѣлать слабый человѣкъ противъ Ананки, хотя бы онѣ являлись не съ козой, не съ фанданго, не съ маленькими ножками и огненными глазками цыганки, какъ случилось съ нотрдамскимъ архидіакономъ. У меня было

твердое намѣреніе разсказать вамъ о благородномъ турнирѣ, на которомъ рыцарь газеты «Presse» такъ отважно напалъ на Кастора и Полукса министерскихъ лавокъ, о турнирѣ, доставившемъ маленькое разсѣяніе добрымъ буржуа, скучающимъ въ пользу отечества въ Palais Bourbon. Но пока я собирался съ славянской медленностью, здѣсь случилось столько турнировъ, кулачныхъ боевъ, травль, чрезвычайныхъ случаевъ и случайныхъ чрезвычайностей, что вспоминать о маленькихъ обвиненіяхъ, взводимыхъ Жирарденомъ на своихъ противниковъ, столько же своевременно, какъ поминать исторію Картуша, Ваньки Каина, Стеньки Разина.... хотя сіи послѣдніе съ отвагою и смѣлостью послѣдовательности нѣмецкихъ идеалистовъ дошли до конца того поприща, которое начинается «злоупотребленіемъ вліянія», маленькой торговлей, проектами крошечныхъ законовъ, привилегіями на театры и рудокопни, а оканчивается самими рудокопнями, морскими прогулками на галерахъ, трудолюбивымъ вколачиваніемъ свай въ портовыхъ городахъ, а иногда и воздушными прогулками всѣмъ тѣломъ или отчасти... смотря по тому, на которой сторонѣ Па-де-Кале случится. Картушъ и театральная привилегія, Жирарденъ и продажное перство,—все это забыто, задвинуто, затерто новыми происшествіями. Никто не говоритъ здѣсь о Жирарденѣ:

а) Послѣ дѣла Теста, въ которомъ такъ справедливо наказали генерала Кюбьера за то, что онъ плута не считалъ честнымъ человѣкомъ, и такъ невинно разстрѣляли фуфайку и рубашку бывшаго министра.

b) Послѣ ученыхъ изысканій Варнера, который открылъ въ Алжирѣ видимо-невидимо маленькихъ Абдель-Кадеровъ министерскаго происхожденія,—Фавну, составленную на мѣстахъ, онъ привезъ въ Парижъ; всѣ ее видѣли, всѣ убѣдились въ возможности его открытія, кромѣ одного поэта изъ художественной школы Фукье Тенвиля, патентованнаго изобрѣтателя de la complicité morale. Онъ, какъ поэтъ, презираетъ доказательства, у него сердце вѣщунъ, оно молчитъ,—онъ не вѣритъ.

c) Послѣ размолвки Буа-ле-Конта съ швейцарской собакой, размолвки, доходившей до «діэты» вмѣстѣ съ дѣломъ объ іезуитахъ,—собака вполнѣ оправдалась, доказала невинность своихъ намѣреній, чистоту образа мыслей и выиграла процессъ. Вы вѣрно помните эту исторію; она была въ тоже время, какъ въ Бернѣ намылили такъ жестоко голову тому же Буа-ле-Конту за то, что мѣшается въ семейныя дѣла, заводитъ всякія шашни, якшается съ подозрительными людьми, совѣтуетъ, когда его не спрашиваютъ, и распоряжается съ своей нон-интервенціей вездѣ какъ дома; или, еще хуже, точно, куда ни обернешься, все Португалія.

d) Послѣ семейной сцены герцога Праленя съ женой, отъ которой герцогъ пріобрѣлъ такую силу, что, искрошивши свою жену, онъ отужиналъ мышьякомъ, приготовленнымъ на опіумѣ, и прожилъ не хуже Митридата съ недѣлю,—потомъ вспомнилъ, что порядочный человѣкъ долженъ умереть отравившись—и умеръ, какъ истинный маркизъ, изъ учтивости, чтобъ не поставить

въ непріятную необходимость гг. перовъ казнить товарища и однокорытника, послѣ того, какъ маститый Пакье въ нынѣшнемъ году уже сгубилъ двухъ перовъ-министровъ. Жаль Праленшу! а вѣдь страшная женщина была! это обличилось послѣ ея смерти; она всякій день писала мужу письма въ нѣсколько листовъ. Все вѣдь это къ нему писалось; ему бывало надобно къ m-lle Luzy, вдругъ несутъ книгу in-folio.... что́ такое?— Утренняя записочка отъ герцогини....

e, f, g....p, q, r, s, t....y.... z....)—Послѣ того, какъ исторія Жирардена была напечатана въ «Современникѣ».... Вы думаете, здѣсь не читаютъ «Современника?»—Извините, чрезвычайно! невѣроятно! въ café только и слышишь, le Sovremennik s'il vous plait...— Impossible, отвѣчаетъ garçon: on se l'arrache le Sovremennik, и подаетъ апельсинный гранатъ, какъ слабую и холодную замѣну «Современника»....

А право жаль, что время прошло говорить о жирарденовской исторіи: такая милая и забавная исторія! Жирарденъ баловень, горячая голова, Алкивіадъ буржуази; онъ далеко оставилъ за собой тяжелаго и плюгаваго Гранье де-Кассаньяка, который нашелъ утѣшительную пристань отъ треволненій жизни въ объятіяхъ дружбы, нѣжной и постоянной, съ Гизо. Жирарденъ, не боясь мефитическаго воздуха, взболталъ послѣ семилѣтняго застоя болото бюрократической грязи, и оно стало бродить съ тѣхъ поръ. Онъ въ этой борьбѣ явился во всемъ блескѣ, онъ въ ней дома, какъ эти бѣлые вѣнчики нимфеи въ болотахъ, которые такъ изящно

плавают по поверхности воды и у которых корень глубоко въ илу и глинѣ. Оттого-то обличаемые имъ и перепугались: одинъ осунулся и сдѣлался цвѣту потертыхъ мундировъ, у другаго щека стала дрожать независимо отъ его воли; я до сихъ поръ не видалъ ни у одного человѣка такой самобытности щокъ. Чѣмъ ближе стоялъ Жирарденъ къ коммерческимъ домамъ, гдѣ продавались привилегіи, проекты, *лежьонъ д'онеры* и мѣста, тѣмъ съ бо́льшимъ душевнымъ волненіемъ слушали обвиняемые негоціанты. У нихъ была одна надежда, что онъ пощадитъ себя, многаго не скажетъ; но Жирарденъ ничего не пожалѣлъ. Бывали случаи, что черемисъ Вятской губерніи до того разсердится на своего врага, что, не зная, чѣмъ донять его, придетъ ночью, да и повѣсится у него на дворѣ, умирая такимъ образомъ съ сладкой надеждой, что месть обезпечена, что слѣдствіе будетъ. Такую вендету обыкновенно приписываютъ дикости; но съ нѣкоторыми измѣненіями въ формахъ она встрѣчается не въ совершенно дикихъ обществахъ и даже совершенно не въ дикихъ. Одинъ самоотверженный газетчикъ, чтобъ окончательно уличить одного изъ извѣстныхъ писателей нашихъ, воспользовался неосторожной исповѣдью его, чтобъ довести до свѣдѣнія читателей, что между имъ и авторомъ величайшая симпатія; газетчикъ очень хорошо зналъ, что послѣ этого авторъ потеряетъ всякое уваженіе порядочныхъ людей. Таковъ въ своемъ родѣ Жирарденъ: онъ не пощадилъ своей чести, лишь бы посыпать на старости лѣтъ главы семилѣтнихъ министровъ всевоз-

можными обвиненіями. Къ фоблазовскому окончанію поприща Мартень дю-Нора только и не доставало каталога подкуповъ, продажъ, взятокъ, сдѣлокъ, продѣлокъ etc., оглашенныхъ «Прессой» изъ ея семейныхъ бумагъ!

Камера депутатовъ оправдала министровъ.

Камера перовъ оправдала Жирардена.

Общественное мнѣніе было удивлено. Журналы требовали слѣдствій, суда.—Поэтъ Эберъ имъ лукаво улыбался, грозилъ пальцемъ и увѣрялъ, закрывши глаза, что ничего не видитъ.—

Тогда посыпался градъ доносовъ, документовъ, доказательствъ.... Я вамъ разсказывалъ какъ-то, что одинъ поврежденный докторъ принималъ журналы за бюллетени сумасшедшихъ домовъ: это былъ человѣкъ отсталой; теперь журналы, по крайней мѣрѣ здѣсь—бюллетени смирительныхъ домовъ и галерныхъ выходокъ....

О журналы, журналы!

Какъ спокойно и весело жить гдѣ нибудь въ Неаполѣ, напримѣръ, куда не проникаетъ всякое утро сѣрая стая журналовъ всѣхъ величинъ, всѣхъ цвѣтовъ, съ отравляющимъ запахомъ голландской сажи и гнилой бумаги, съ грознымъ premier Paris въ началѣ и съ крупными объявленіями въ концѣ, стая влажная, мокрая, какъ будто кровь событій, высосанная ею, не обсохла еще на губахъ,—саранча, поѣдающая происшествія прежде, нежели они успѣютъ созрѣть, ветошники и мародеры, идущіе шагъ за шагомъ по слѣдамъ большой арміи историческаго движенія.... Тамъ журналы ясны и

прозрачны, какъ вѣчно-голубое небо Италіи; они на своихъ чуть не розовыхъ листикахъ приносятъ новости успокоительныя, улыбающіяся: вѣсть о прекрасномъ урожаѣ, объ удивительномъ праздникѣ въ такой-то виллѣ у прелестной дукеццы, на которой мѣсяцъ свѣтилъ сверху, а волны Средиземнаго моря плескали съ боку. Хорошо, кого судьба избавила отъ страшныхъ, ежедневныхъ доносовъ и обличительныхъ актовъ безумія, низости и разврата; не лучше ли въ миломъ невѣдѣніи сердца вѣрить въ аркадскіе нравы на землѣ, въ кроткое счастіе лаццарони, въ праздничную, офиціальную нравственность и въ людское безкорыстіе? Не лучше ли, когда много прекраснаго въ Божіемъ мірѣ, не знать, что въ немъ есть бѣшеныя собаки, крапива, холера, тифусъ, поддѣльное шампанское, горькое масло,—и наслаждаться запахомъ розы и пѣніемъ соловья?

Да какая же обязанность читать журналы? Вотъ подите, никакой обязанности нѣтъ, да и выбору нѣтъ; страсть къ новостямъ — это парижское сирокко, какая-то болѣзнь въ родѣ запою. Проснешься утромъ, такъ и тянетъ, ну хоть маленькую газетку, ну «Шаривари», пока кофей подаютъ; дотронулся до одной —и пошло, и пошло, и перечитаешь десятокъ, а самъ очень хорошо знаешь, что такой мракъ падетъ на душу, такая тоска, что съ горя бросишься въ вагонъ, да и уѣдешь на цѣлый день куда нибудь въ Медонскій лѣсъ.... Хороши журналы, да каковъ же однако и бытъ, вѣсти о которомъ всякій день исполняютъ горечью и негодованіемъ душу порядочнаго человѣка?

Знаете ли, что мнѣ пришло въ голову васъ спросить? вы такъ и ждете, что я, увлеченный Жирарденомъ и Варнери, спрошу васъ: «что ваши часы, краденые или купленые?»—совсѣмъ напротивъ, я хочу васъ спросить, случалось ли вамъ послѣ долгой разлуки встрѣтить женщину, которую вы любили издали, которая для васъ была недосягаема, о которой свѣтлое воспоминаніе согрѣвало вашу грудь? Вы ее увидѣли наконецъ. Она за-мужемъ, и мужъ ея — пошлый, тупой, мелкій, ничтожный негодяй. Какъ уважать жену пошлаго человѣка! она лишилась пьедестала, и вмѣсто трепетной и робкой рѣчи уваженія на вашихъ губахъ колкій намекъ, и вмѣсто восторженнаго идолопоклонства вамъ хочется за нею поволочиться. Съ кѣмъ этого не случалось? Но случалось ли вамъ потомъ разсмотрѣть въ той женщинѣ другія, новыя черты, скрываемыя, затаенныя, но выступающія наружу, какъ обличительный румянецъ? случалось ли подслушать иныя рѣчи, свидѣтельствующія, что въ душѣ ея ничего не утрачено, что, напротивъ, она окрѣпла въ невзгодѣ, въ перенесенномъ опытѣ, что она возмужала въ сердечныхъ утратахъ? Если случалось, будьте осторожны: не давайте воли поспѣшному суду и оскорбительной насмѣшкѣ, говоря не о женщинѣ, а о цѣломъ народѣ, чтобъ не краснѣть потомъ отъ стыда и раскаянья!

Ничего нѣтъ легче въ мірѣ, какъ указать больное мѣсто Франціи, Англіи, преимущественно Франціи. Самъ Парижъ своими журналами и укажетъ, и покажетъ все зло и всю мѣру его съ ожесточеніемъ духа партій,

съ ловкостью ихъ острой и ѣдкой полемики, со всѣми средствами гласности. Стало быть, достаточно знать грамоту, чтобъ безъ особаго труда и умственнаго напряженія въ одно утро, проведенное въ café, узнать черную и грязную сторону Франціи: отрицать ее была бы величайшая недобросовѣстность или полнѣйшее тупоуміе. Но правъ ли будетъ тотъ, кто удушливый и вонючій воздухъ тѣсныхъ переулковъ приметъ за атмосферу цѣлой націи? испорченный воздухъ вовсе не есть ея обычная среда; она доказываетъ это своимъ повсемѣстнымъ негодованіемъ, а негодовать по пусту она не привыкла. Журналисты втянуты въ омутъ дѣлъ,—представители борьбы, органы и орудія партій дѣлаютъ свое дѣло. Но много ли путнаго сдѣлаетъ посторонній свидѣтель, который остановится на перечисленіи этой массы зла, безнравственности и обмановъ, на безплодномъ подтвержденіи, что все это *есть*, на возгласахъ, на проклятіяхъ? Надобно дать себѣ нѣсколько труда вглядѣться въ историческое происхожденіе, въ логику событій, въ смыслъ того, что̀ есть. Только въ связи съ прошедшимъ и притомъ съ прошедшимъ, освѣщеннымъ всѣмъ свѣтомъ современной, возмужалой мысли, можно уяснить настоящее положеніе Франціи; тогда вы увидите много запутаннаго, много труднаго, много отрицательнаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ увидите, что безнадежнаго, отчаяннаго ничего нѣтъ, и что Франція еще изворотится безъ радикальныхъ средствъ землетрясенія, небеснаго огня, потопа, мора, которыми такъ богата искаженная Франція вновь изобрѣтеннаго Во-

стока, говорящаго съ дикой радостью о всемъ дурномъ на Западѣ, воображая, что ненависть къ сосѣду — истинная любовь къ своей семьѣ, что чужое несчастіе — лучшее утѣшеніе въ своемъ горѣ. Я не берусь писать въ этихъ письмахъ цѣлыхъ диссертацій, но скажу нѣсколько намековъ, нѣсколько бѣглыхъ мыслей въ подтвержденіе моихъ словъ.

Настоящимъ положеніемъ Франціи—всѣ недовольны, кромѣ записной буржуази и ажіатеровъ «во всѣхъ родахъ различныхъ»; чѣмъ недовольны — знаютъ многіе, чѣмъ поправить и какъ поправить—почти никто,—всего менѣе существующіе соціалисты и коммунисты, люди какого-то дальняго идеала, едва виднѣющагося въ будущемъ. Почти въ томъ же положеніи и существующая оппозиція, парламентская и журнальная: она основана или на небольшихъ пальятивныхъ средствахъ, которыя могутъ принести слабыя улучшенія, или на воспоминаніи былаго, на стремленіи снова призвать къ жизни идеалъ, удаляющійся въ прошедшее. Они не знаютъ истиннаго смысла недуга, они не знаютъ дѣйствительныхъ лекарствъ и оттого становятся въ постоянномъ меньшинствѣ; у нихъ истинно только живое чувство негодованія, и въ этомъ они правы, ибо болѣзнь все болѣзнь, хотя бы она была къ росту; чувствовать присутствіе зла необходимо, для того, чтобъ отдѣлаться отъ него тому равнодушному, косному квіетисту, котораго не мучитъ настоящее зло изъ-за будущаго блага. Обратимся теперь къ обвиненіямъ.

Обвиненіе, всего чаще повторяемое и совершенно

вѣрное, состоитъ въ томъ, что съ нѣкотораго времени грубые матеріальные интересы овладѣли всѣми сословіями и подавили собою всѣ другіе интересы, что великія идеи, слова, потрясавшія такъ недавно душу людей и массъ, заставлявшія покидать домъ, семью, исчезли и повторяются теперь, какъ призваніе Олимпа и Музъ у поэтовъ, какъ слово «верховное существо» у деистовъ — по привычкѣ, изъ учтивости. Вмѣсто ихъ, рычагъ, приводящій все въ движеніе, — деньги, матеріальныя удобства; тамъ, гдѣ были пренія о государственныхъ интересахъ, исключительно занялись одними вопросами политической экономіи.

Тотъ, кто не видитъ, что вопросъ о матеріальномъ благосостояніи составляетъ великую половину всѣхъ вопросовъ современности, тотъ вовсе не знаетъ, что̀ дѣлается на свѣтѣ.

Да, это важнѣйшій общественный вопросъ нашего вѣка. И бѣда не въ этомъ, а бо̀льшею частію въ образѣ разрѣшенія. Какъ же наконецъ не поставить на первый планъ тотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ не только насущный хлѣбъ большинства, но и его цивилизація. Нѣтъ образованія при голодѣ, чернь будетъ чернью до тѣхъ поръ, пока не выработаетъ себѣ досуга, необходимаго для развитія. Страны, которыя уже перешли миѳическія, патріархальныя и героическія эпохи, которыя довольно сложились, довольно пріобрѣли, которыя пережили юношескій періодъ абстрактныхъ увлеченій, изучили азбуку гражданственности, естественно обратились къ тому вопросу, отъ котораго

зависитъ вся будущность народовъ; но онъ труденъ, его не рѣшишь громкимъ словомъ, пестрымъ знаменемъ, энергическимъ кликомъ; это самый внутренній и существенный вопросъ общественнаго устройства Вы его встрѣчаете въ сѣверной Америкѣ, въ Англіи, во Франціи; въ Америкѣ и Англіи онъ сдѣлалъ болѣе практическихъ шаговъ, во Франціи болѣе шуму. Все это понятно: жизнь Франціи во первыхъ богаче, полнѣе, и поэтому сложнѣе, смутнѣе, запутаннѣе, во вторыхъ экспансивнѣе, — въ ней все гласно, все громко, все для всѣхъ. Оттого на Францію обращено болѣе вниманія; все худое и хорошее, что̀ дѣлается здѣсь, точно дѣлается на сценѣ, а въ партерѣ сидитъ все человѣчество; подъ часъ кажется, что именно все происходящее здѣсь дѣлается, какъ въ театрѣ — только для публики: ей польза, ей удовольствіе, ей поученіе, актеры играютъ не для себя и возвращаются со сцены къ домашнимъ непріятностямъ и мелочамъ. Въ этомъ одна изъ лучшихъ національныхъ сторонъ французовъ, но они иногда остаются за это съ пустыми руками. Гегель говоритъ, что Индія походила на родильницу, которая, произведя на свѣтъ дитя, радовалась имъ и сама для себя ничего больше не хотѣла. Франція—хочетъ всего, но ея силы истощились при тяжкихъ родахъ, она не можетъ оправиться. Ею выработанное принято другими на свѣжія плечи; этого не надобно забывать. Но воротимся къ экономическому вопросу. Считать чѣмъ-то подчиненнымъ и грубымъ стремленіе къ развитію повсюднаго довольства, стремленіе вырвать у слѣпой

случайности распредѣленіе силъ и орудій, привести трудъ, цѣнность, плату, обладанье къ разумнымъ началамъ, къ незыблемымъ правиламъ, раскрыть дѣйствительные законы общественнаго достоянія—могутъ одни закоснѣлые романтики и идеалисты. По счастію, въ наше время выводятся эти высшія натуры, боявшіяся замараться о практическіе вопросы, бѣгавшія въ міръ мечтаній отъ міра дѣйствительности, хотя я еще своими ушами слышалъ слѣдующее замѣчаніе одного изъ лучшихъ представителей стараго романтизма: «Вы полагаете, что съ развитіемъ довольства, говорилъ онъ мнѣ: народъ будетъ лучше, — это ошибка; онъ забудетъ все прекрасное и отдастся грубымъ желаніямъ... Что̀ можетъ быть чище и независимѣе отъ земныхъ благъ, какъ жизнь поселянина, который бросаетъ все свое достояніе въ землю, смиренно ожидая, чѣмъ его благословитъ судьба: бѣдность великая школа для души, она хранитъ ее». — «И образуетъ воровъ», добавилъ я. И эту идиллію говорила не пятнадцатилѣтняя дѣвочка, а человѣкъ лѣтъ въ пятьдесятъ. Все несчастіе прошлыхъ переворотовъ состояло именно въ упущеніи экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрѣла, чтобъ занять свое мѣсто; тутъ одна изъ причинъ, почему великія слова и идеи остались словами и идеями и, что̀ хуже всего, страшно выговорить, надоѣли. Романтики, которымъ все это смертельно не по сердцу, съ ироніей возражаютъ, что величайшія историческія событія нисколько не зависятъ отъ бо̀льшей или мѐньшей степени сытости и матеріальнаго

благосостоянія, что крестоносцы не думали о пріобрѣтеніяхъ, что голодная и босая армія побѣдила подъ Жемапомъ, Флерюсомъ и проч. Да оттого-то, между прочимъ, и не много вышло изо всѣхъ этихъ войнъ и передрягъ. Оттого-то Европа послѣ трехъ столѣтій правильнаго гражданскаго и всяческаго развитія дошла только до того, что въ ней лучше нежели тамъ, гдѣ этого развитія не было, и что она послѣ столькихъ переворотовъ и опустошеній стоитъ при началѣ своего дѣла. Поэтическіе интересы, увлеченья теперь не поднимутъ народа совершеннолѣтняго. Это просто результатъ лѣтъ, возраста; нельзя же всегда быть юношей. Революція (я говорю о настоящей, а не о послѣдней), со всей обстановкой ея, отъ страшной introduzione до героической симфоніи Наполеона, заключаетъ собой романтическую часть исторіи гражданскихъ обществъ. Финалъ громовый, грозный, достойный завершитель ряда событій, начавшихся съ похода Аргонавтовъ и со взятія Трои,—финалъ, начавшійся провозглашеніемъ правъ человѣка и окончившійся провозглашеніемъ маленькаго капрала императоромъ французовъ. Сколько событій, сколько крови, и послѣ этого разгрома, когда улеглась пыль и разъяснилось небо, вырѣзались наконецъ страшныя даніиловскія слова, написанныя перстомъ самой буржуази: Rien, rien, rien!

Но вы однако не вовсе довѣряйтесь этому rien. Это—негодованіе, это ненависть любви, ревность. Результаты не исчезли: они взошли внутрь.

Люди, проливавшіе кровь и потъ, страдавшіе и изму-

ченные, пріобрѣли право іереміевскаго плача. Мы не имѣемъ никакого права ни на слезы, ни на увлеченье: наше дѣло сторона, и потому мы можемъ иначе оцѣнить совершающееся. Повидимому Франція всего менѣе занята продолженіемъ своего былаго, она дѣйствительно будто унаслѣдовала только это «ничего»—и, замѣтивши, ринулась въ другую сторону, ударилась въ противоположную крайность,—въ матеріализмъ финансовыхъ вопросовъ. Люди мыслящіе первые вдались въ эти вопросы и увлекли съ собою, какъ всегда бываетъ, пошлую толпу, которая всякій принципъ доводитъ до нелѣпости, до цинизма, особенно такой родственный, такой близкій и соразмѣримый принципъ, какъ матеріальное благосостояніе. Медаль перевернулась.

Прежде словà безъ яснаго пониманья, безъ опредѣленнаго содержанія, но полныя фанатизма, увлеченья, вели людей, основываясь на высокомъ предчувствіи, на глубоко-человѣческой симпатіи ко всему широкому и благородному, и люди охотно жертвовали имъ всѣми матеріальными благами; теперь увидѣли всю важность этихъ благъ, отвернулись par dépit отъ всего прочаго и прилѣпились къ одному вопросу политической экономіи; но вопросъ этотъ очень немногіе умѣли поднять въ ту высокую сферу общечеловѣческихъ интересовъ, на которую онъ имѣетъ право и внѣ которой онъ не имѣетъ дѣйствительнаго значенія. Печальное недоразумѣніе состояло въ томъ, что не поняли круговой поруки, взаимной необходимости обѣихъ сторонъ жизни. Политическая экономія, именно вслѣдствіе своей исключи-

тельности, при всей видимой практичности, явилась отвлеченной наукой богатства и развитія средствъ; она разсматривала людей, какъ производительную живую силу, какъ органическую машину для нея; общество—фабрика, государство—рынокъ, мѣсто сбыта; она въ качествѣ механика старалась объ улучшеніи машинъ, объ употребленіи наименьшей силы для наибольшаго результата, о раскрытіи законовъ движенія, богатства. Она шла отъ принятыхъ данныхъ, она брала патологическій фактъ за физіологическій, отправлялась отъ того распредѣленія богатства и орудій, на которомъ захватила общество. До человѣка собственно ей не было дѣла. Занимаясь имъ по мѣрѣ его производительности, она равно должна была за предѣлами своими оставить того, который не производитъ за недостаткомъ орудій, и того, который имѣетъ мертвый капиталъ. Въ такой формѣ наука о богатствѣ, основанная на правилѣ—«имущему дается», должна была сдѣлать великій успѣхъ въ мірѣ торговли, купечества, буржуази. Но для неимущихъ такая наука не представляла большихъ прелестей. Для нихъ вопросъ о матеріальномъ благосостояніи былъ неразрывенъ съ критикой тѣхъ данныхъ, на которыхъ основывалась политическая экономія и которыя явнымъ образомъ были причиною ихъ бѣдности. Критика удалась вполнѣ. Нѣсколько сильныхъ умовъ, глубоко сочувствуя несчастнымъ положеніямъ бѣдныхъ классовъ, поняли невозможность исторгнуть ихъ изъ жалкаго и грубаго состоянія, не обезпечивъ имъ куска насущнаго хлѣба; понявши, они броси-

лись на изученіе экономическихъ вопросовъ. Но какое наставленіе, какое утѣшеніе могли они найти въ холодной наукѣ, которая по несчастію совершенно послѣдовательно говорила неимущему: «не женись, не имѣй дѣтей, поѣзжай въ Америку, работай 12 часовъ или умирай съ голоду», прибавляя къ этимъ совѣтамъ поэтическую сентенцію, что не всѣ приглашены жизнію на ея пиръ! и безчеловѣчную иронію, что «вольному воля, что нищій пользуется тѣми же гражданскими правами, какъ Ротшильдъ». Они видѣли, что сытый голодному не товарищъ и что въ старой наукѣ есть что-то не ладное, тупое и оскорбительное: они ее бросили. Экономическій вопросъ получилъ иные размѣры. Начали съ критики. Критика—сила нашего вѣка, это наше торжество и наше проклятіе. Политическая экономія была разбита, мѣсто расчищено, но что же было поставить вмѣсто ея? благородное негодованіе, pia desideria, и критика не составляетъ положительнаго ученія, особенно для народа; нѣтъ ничего менѣе симпатизирующаго съ критикой, какъ народъ: онъ требуетъ готоваго, доктрины, вѣрованія; ему нужно знамя, ему нужна опредѣленная межа, къ которой идти. Люди, смѣлые на критику, были слабы на созданіе; всѣ фантастическія утопіи двадцати послѣднихъ годовъ проскользнули мимо ушей народа; у народа есть реальный тактъ, по которому онъ, слушая, безсознательно качаетъ головой и не довѣряетъ отвлеченнымъ утопіямъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не выработаны, не близки къ дѣлу, не національны, не полны религіей и поэзіей. На-

роды слишкомъ юны, чтобъ увлекаться одними экономическими теоріями. Они живутъ еще несравненно болѣе сердцемъ и привычкой, нежели умомъ; изъ-за нищеты, бѣдности и работы также трудно ясно видѣть вещи, какъ изъ-за богатства, пресыщенія и лѣни. Попытки новой экономической науки одна за другой выходили на свѣтъ и разбивались о чугунную крѣпость привычекъ, истинъ и фактическихъ преданій. Онѣ были сами по себѣ полнымъ желаніемъ общаго блага, полны любви и вѣры, никогда не достигали до безчеловѣчной плоскости старой науки, но зато держались во всеобщностяхъ, представляли больше стремленіе, нежели достигнутый результатъ. Всего страннѣе, что человѣкъ и въ новую науку вошелъ все же не человѣкомъ, а какимъ-то жалкимъ существомъ, котораго освобождали отъ нищеты или отъ неправеднаго стяжанія для того, чтобъ затерять его въ общинѣ... Понять личность человѣка, понять всю святость, всю ширину дѣйствительныхъ правъ лица—самая трудная задача, и кромѣ частностей и исключеній она никогда не была разрѣшена никакими прошлыми историческими формами; для нея нужно большое совершеннолѣтіе, до котораго не дорослъ человѣкъ.

. . . . . .

Старая наука, вовлеченная въ злую полемику, не была въ авантажѣ, новая отличалась на этомъ журнальномъ и литературномъ поприщѣ. Умы, сочувствующіе съ вѣкомъ, оставили прежнюю политическую экономію, одни по убѣжденію въ истинѣ новыхъ

теорій, другіе по убѣжденію въ недостаточности и лжи прежнихъ; за то пошлая посредственность прильнула къ ней; въ ея рукахъ наука Адама Смита измельчала, выродилась въ торговую смышленость, въ искусство съ наименьшей тратой капитала производить наибо́льшее число произведеній и обезпечивать имъ наивыгоднѣйшій сбытъ; наука дала имъ въ руки кистень, который бьетъ обоими концами бѣднаго потребителя, съ одной стороны уменьшеніемъ платы, съ другой поднятіемъ цѣны на произведенія. Буржуази бросилась на экономическіе вопросы хотя не изъ крайности, но тѣмъ не менѣе они поглотили все ея вниманіе; она пожертвовала имъ всѣми интересами; въ этомъ сверхъ неразсчета была черная неблагодарность, ибо всѣ перевороты, всѣ несчастія Франціи принесли лучшіе плоды свои среднему сословію. А оно какъ только стало на ту высоту, которую ему приготовила революція 1830 года и обезпечили сентябрскіе законы, забыла свое прошедшее, забыла даже національную честь и свои права, о которыхъ столько разглагольствовала во время реставраціи. — Будущности для буржуази, повторяю, нѣтъ. Она теперь уже чувствуетъ въ своей груди начало и тоску смертельной болѣзни, которая непремѣнно сведетъ ее въ могилу, и, что всего печальнѣе, польза, которую она приноситъ, останется, но не пріобрѣтетъ ей даже спасиба, не заставитъ пролить ни одной слезы на ея могилѣ, слезы, такъ легко проливаемой по всему умершему. Буржуази сама отучила отъ

любви и симпатіи, она сама проповѣдывала холодъ и бездумье,—чего же ожидать? Еще во время реставраціи буржуа не все продали внутри души своей, тогда ихъ еще уважали; но съ тѣхъ поръ, какъ всѣ интересы ихъ можно размѣнять на звонкую монету, съ тѣхъ поръ, какъ жизнь превратилась для нихъ въ средство чеканить деньги, народъ возненавидѣлъ ихъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе къ нимъ стоитъ. Въ народѣ бездна раздражительности, susceptibilité, онъ оскорблялся развратомъ Людовика XV и его царедворцевъ, онъ оскорбляется теперь продажностью голосовъ, подкупной администраціей, онъ теперь принялъ вмѣсто политическаго крика: A bas les voleurs. Крикъ этотъ по справедливости относится не къ одной администраціи; не она развратила буржуази, а буржуази дала изъ среды своей такихъ администраторовъ, а тѣ, воспитанные ею, въ свою очередь подстрекнули, ободрили ея алчность къ деньгамъ. Не въ самомъ же дѣлѣ нѣсколько бюрократовъ увлекли огромный классъ народа. Что это за сильные люди были бы, и эта сѣдая пискливая куколка—Тьэръ, и этотъ рыцарь печальнаго образа, квакеръ de l'Hôtel des Capucines, и...эти непзвѣстности и ничтожности, которыя ихъ окружаютъ, если мы имъ припишемъ возможность развратить такую страну. Лица, обвиняемыя журналами и общественнымъ мнѣніемъ, не болѣе какъ скиръ, скиръ—обнаруженное послѣдствіе худосочія; оттого умные медики и не вырѣзываютъ его, а стараются поправить всѣ жизненныя

отправленія. Зло не только глубже, нежели въ администраціи, но имѣетъ свое историческое оправданіе, свою необходимость.

Буржуази—казнь за прошлую односторонность. Слѣдомъ за мистицизмомъ и изувѣрствомъ идутъ кощунство и сомнѣніе, слѣдомъ за идеализмомъ — матеріализмъ, за терроромъ—Наполеонъ. Corsi и ricorsi Вико, lex tulionis исторіи, вознагражденіе въ родѣ тѣхъ нелѣпыхъ наказаній, которыя стремятся сдѣлать преступнику столько же зла, сколько онъ самъ сдѣлалъ. Пренебреженіе экономическими вопросами въ прошлую эпоху и исключительное занятіе политическими вопросами вызвали пренебреженіе къ политикѣ и возвеличили государственную экономію. Аристократы и народъ были — юноши, дѣти, поэты; революціонеры — были идеалисты. Буржуази явилась представить прозу жизни, практическую сторону домохозяина, строющаго фабрики вмѣсто храмовъ, замѣняющаго колоссальными работами инженера—колоссальныя постройки зодчаго; это своего рода освященіе жизни, реабилитація занятій, работъ. Толковали о самоотверженіи—и презирали (по крайней мѣрѣ на словахъ) матеріальную выгоду, — буржуази открыто ищетъ пользу и смѣется надъ самоотверженіемъ; приносили людей на жертву идеямъ, — буржуази принесла идеи на жертву себѣ. Разумѣется, все это нисколько не составляетъ нравственнаго оправданія, и буржуази еще не за что́ любить за то, что она послѣдовательна реакціи своей до нелѣпости и шутов-

ства (*). Самая же непростительная сторона въ буржуази—это ея полное сознаніе; она очень хорошо знаетъ, что уронила Францію въ глазахъ Европы, въ глазахъ народа, что нѣтъ защиты ей въ продажѣ голосовъ, вотированій... Самые отчаянные консерваторы, какой нибудь Морни и двѣсти человѣкъ, которые передъ лицомъ всего Парижа, т. е. всего міра, не постыдились вотировать, что обвиняемые Жирарденомъ оправдались, въ то время, какъ Жирарденъ ихъ уличилъ. Всѣ эти господа настолько знаютъ важность законности и справедливости, что не могутъ невольно попасть въ такую грубую ошибку; имъ просто нуженъ покой, нынѣшній порядокъ и министерская поддержка для ихъ коммерческихъ дѣлъ; вотъ откуда эта возможность, вовсе не свойственная французскому характеру. При потерѣ всякихъ убѣжденій, при эластической готовности поддерживать все существующее, худое также, какъ хорошее,

---

(*) «Да какъ же это — величайшіе люди, художники, таланты, ученые... съ восьмидесятыхъ годовъ почти всѣ принадлежатъ къ буржуази?» — Это ничего не значитъ; во первыхъ, въ наше время есть множество людей, не принадлежащихъ ни къ какой кастѣ, ни къ какому сословію, всего менѣе къ тому, въ которомъ родились; они просто люди: что было въ Пушкинѣ чиновничьяго, — а вѣдь онъ былъ титулярный совѣтникъ. Буржуази не индѣйская каста. *Bourgeoisie n'oblige pas*, можно сказать къ противоположность извѣстной пословицѣ; для того, чтобъ быть буржуа, недостаточно родиться; надобно имъ сдѣлаться или по крайней мѣрѣ не сдѣлаться ничѣмъ другимъ; буржуа тотъ, кто сознаетъ себя такимъ, кто ненавидитъ аристократію въ одну сторону и презираетъ народъ въ другую...

и останавливать всякій успѣхъ, они опасны, потому что сильны, въ ихъ рукахъ средства страшныя; единственное сословіе, имѣющее политическія права, сословіе, изъ котораго выбираются законодатели, сословіе, обладающее всѣми богатствами, опирающееся, въ качествѣ охранительной партіи, на правительственныя средства, на національную гвардію, на войско и полицію, и на людскую лѣнь, составляющую опору отрицательную, но чрезвычайно важную. Чему же дивиться, что буржуази всѣмъ овладѣла, особенно въ такое время, какъ политическій вопросъ сдѣлался труднѣе и неразрѣшимѣе отъ вопросовъ соціальныхъ. — Буржуа смѣются, когда ихъ упрекаешь; они съ презрительной улыбкой практическихъ дѣльцовъ посматриваютъ на пустыхъ людей, толкующихъ объ убѣжденіяхъ и объ оскорбленномъ чувствѣ справедливости. Пора перестать бояться такой улыбки, пословица не даромъ говоритъ: что хорошо будетъ хохотать тотъ, кто послѣдній будетъ хохотать; она не новость, она очень извѣстна въ исторіи, за нею всегда скрывается страхъ, нечистая совѣсть, недостатокъ разумныхъ доводовъ, въ ней выражается собственная несостоятельность, признаніе силы въ томъ, надъ чѣмъ смѣемся; а иногда, гораздо проще, она выражаетъ радость ограниченности и посредственности, когда она можетъ бросить грязью во все то, что́ выше ея. Это улыбка римскихъ патриціевъ надъ назареями, римскихъ кардиналовъ надъ протестантами, Наполеона надъ идеалогами, и тѣхъ чернорабочихъ рода человѣческаго, которые, утопая

въ грязной жизни, не сочувствуютъ ни съ какими религіозными вопросами, ничего не знаютъ внѣ ограниченнаго круга своей ежедневной дѣятельности, вслѣдствіе чего они превосходно знаютъ этотъ ограниченный кругъ и знаніе свое выдаютъ за великую практическую науку и житейскую мудрость, передъ которой всѣ другія науки и мудрости — мыльные пузыри; имъ часто удается своими рутинными замѣтками подавить на нѣкоторое время неопытныхъ юношей, которые краснѣя удивляются ихъ основательной положительности и наторѣлому бездушію. Эту роль знающихъ, совѣтующихъ свысока буржуази очень любитъ, и именно въ этомъ доктринерскомъ характерѣ всего яснѣе ея различіе съ roués временъ Людовика XV и регентства. Тѣ были легкомысленные развратники, блудныя дѣти выродившейся аристократіи, у нихъ страсть къ деньгамъ сопровождалась страстью ихъ бросать; это вивёры, беззаботные gamins до шестидесяти лѣтъ, у нихъ не было никакихъ теорій, они ни о чемъ не думали всю жизнь. Тяжелые roués XIX вѣка люди пресерьёзные, они говорятъ такъ основательно, они слушали Росси, они читали Мальтуса, они дѣльцы, депутаты, министры, журналисты; у нихъ свои теоріи, свое ученье, у нихъ продѣлки приведены въ систему; они даже филантропы, хотя не до того, чтобъ замѣнить недостатокъ хлѣба чѣмъ нибудь болѣе съѣстнымъ, нежели штыки . . . . . .

.... Недавно здѣсь снова разъигралось старое дѣло о дуели Бовалона съ Дюжарье. Дѣло это нечистое; всѣ актеры его, какъ актеры Иліады, бо́льшей частью *греки*.

Самъ Агамемнонъ—Гранье де Кассаньякъ замѣшанъ въ немъ, Жирарденъ и А. Дюма̀ хотя не замѣшаны, но помянуты были въ ассизахъ. Когда судили секунданта Эквилье за ложное показаніе, судьи и адвокаты, какъ слѣдуетъ, были въ маскарадныхъ платьяхъ, королевскій прокуроръ, какъ еще болѣе слѣдуетъ, свирѣпствовалъ дурнымъ слогомъ противъ обвиненнаго. Прокуроры здѣсь вообще злобы невѣроятной, ихъ особо дрессируютъ для этого. Мнѣ часто приходило въ голову, не отдаютъ ли ихъ, какъ Ромула и Рема, en nourice въ Jardin des Plantes къ волчицамъ и медвѣдицамъ; но я не успѣлъ справиться. Злоба эта имъ необходима, это ихъ point d'honneur; оправданіе подсудимаго — личная обида прокурору; — онъ не умѣлъ стало ни доказать вины, ни понять невинности, а потому, для поддержки своей репутаціи, прокуроръ нападаетъ безчеловѣчно. Прокуроръ свирѣпствовалъ, наказывая себя тѣлесно въ грудь кулакомъ, поднимая глаза вверхъ и придавая голосу то грустный и заунывный тонъ оторопѣлой невинности, то густой звукъ человѣка правдиваго, но гнѣвнаго,—то переходя къ воплю негодованія, къ крику ярости, то опять понижая голосъ и сокращая подъ умоляющую просьбу къ присяжнымъ, чтобъ они ему подали ради имени Христова обвинительный вердиктъ; къ нимъ онъ обращался безпрестанно, стараясь ихъ раздражить и увѣрить, что преступленіе Эквилье личная обида имъ. Въ пространной рѣчи своей, однажды только прерванной человѣческой слабостью одного присяжнаго, который попросился

у президента отлучиться не надолго, при чемъ президентъ объявилъ: Messieurs la séance est levée, и снялъ съ себя шапку съ золотой оторочкой. Присяжный воротился вскорѣ, тогда президентъ объявилъ: Messieurs la séance est ouverte, накрылся, опять снялъ шляпу, и прокуроръ продолжалъ. Въ пространной рѣчи своей прокуроръ краснорѣчиво удивлялся распутной жизни *нынѣшней молодежи*, которая *ужинаетъ у «провансальскихъ братій»*, *проводитъ ночи за картами*, *посѣщаетъ актрисъ*, *имѣетъ связи съ женщинами*, *и въ этомъ числѣ есть даже имена молодыхъ литераторовъ*, *которые вмѣсто того*, *чтобы брать примѣръ съ Вольтера и Руссо*, тоже ужинаютъ и играютъ въ карты... Онъ цѣпенѣлъ отъ ужаса, вспоминая эту жизнь, онъ просилъ присяжныхъ посмотрѣть, если только ужасъ и негодованіе, если слезы сожалѣнія и справедливое отвращеніе дозволятъ имъ ближе вглядѣться въ эти нравы вопіющіе и развращенные, взглянуть, куда все это привело... Холодный трупъ одного лежитъ въ землѣ, онъ убитъ на дуэли, другой убійца его, третій—на скамьѣ обвиненныхъ. — О, еслибъ — говорилъ онъ — эти молодые люди проводили свою жизнь... (слѣдуетъ идеалъ жизни по понятіямъ г. прокурора), тогда бы... (слѣдуетъ награда по понятіямъ г. прокурора), но вмѣсто этого, сколько ему ни жаль, по состраданію свойственному всякому отъ женщины рожденному, но онъ увѣренъ, но не смѣетъ сомнѣваться, но его душа не имѣетъ мѣста, которымъ бы онъ дерзнулъ предположить, что присяжные не покажутъ спасительнаго примѣра стро-

гости законовъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что прокуроры здѣсь выписываются изъ женскихъ монастырей. Совсѣмъ нѣтъ: они сами обѣдаютъ и ужинаютъ у «провансальскихъ братій», играютъ въ карты, имѣютъ интрижки (да еще какія, если вспомнить Мартень дю-Нора, прокурора прокуроровъ), а если не ѣздятъ къ актрисамъ, такъ это потому, что къ непорядочнымъ надобно ѣздить съ деньгами (онѣ здѣсь въ цѣнѣ), а прокуроры скупы; а къ порядочнымъ ихъ не пускаютъ, потому что они скучны.

«Но гдѣ же было общество безъ лицемѣрія? Да, гдѣ? покажите-ка?» Что дѣлать! надобно сознаться, правда...

И прежде плакалъ человѣкъ,
И прежде кровь лилась рѣкою...

Да еще надобно сознаться, что женщины коварны... что мужчины какъ мухи къ нимъ льнутъ, что нѣтъ правила безъ исключенія, что пока будутъ люди, будутъ злоупотребленія, а пока будетъ буржуази, у нея будетъ кодексъ глубокомысленныхъ сентенцій въ китайскомъ вкусѣ...

Все это такъ; но вотъ что меня сбиваетъ. Какъ же это по желѣзнымъ дорогамъ люди никогда прежде не ѣздили, а мы ѣздимъ?

А если раздумаемся, въ самомъ дѣлѣ трудно рѣшить, слѣдуетъ ли защищать лицемѣріе, т. е. ложь, или нападать. Вотъ хоть бы сказать о дѣлѣ Эквилье.

Эквилье за ложь и за то, что онъ не подражалъ въ жизни Вольтеру и Руссо, ужиналъ у «провансальцевъ», игралъ ночью въ карты, имѣлъ связи съ женщинами и

ѣздилъ къ актрисамъ, посадили на *десять* лѣтъ въ тюрьму (reclusion — это хуже простой тюрьмы). А Гранье де-Кассаньякъ, солгавшій въ томъ же дѣлѣ, уличенный во лжи, да еще въ дополненіе подбивавшій свидѣтелей, даже не отданъ подъ судъ. Можетъ быть онъ подражалъ въ жизни Вольтеру и Руссо, ужиналъ въ Rocher de Cancal, игралъ днемъ на бильярдѣ, имѣлъ связи не съ женщинами и только ссорился съ актрисами, можетъ быть... не знаю. Что́ же, надобно лгать, или ненадобно? Это какъ вамъ угодно.

..... Другъ лжи поѣхалъ въ Италію; климатъ, антики, картины, альты и сопраны—и онъ подъ голубымъ небомъ Италіи будетъ думать, «какъ хорошо лгать».

Другъ Бовалона, другъ актрисъ, въ тоже время ѣдетъ въ тюремной каретѣ обдумывать на полномъ досугѣ въ какомъ нибудь мерзкомъ центральномъ островѣ, «какъ дурно лгать».

Ну, а какъ вамъ нравится выходка прокурора противъ цѣлаго сословія драматическихъ артистовъ? Я не могъ вамъ передать съ стенографической точностью рѣчь прокурора, но слова подчеркнутыя съ подлиннымъ вѣрны. Что у васъ нѣтъ сестры, жены, друга на сценѣ, и прекрасно, если нѣтъ, а то ежели знакомство увеличиваетъ вину, то родство, я думаю, само по себѣ преступленіе. А какъ кричали буржуа, когда не хотѣли хоронить Тальму? Это другое дѣло; а подобная диффамація нравится имъ, они ей аплодируютъ грязными руками своими; буржуази не терпитъ все, что не тонетъ съ нею въ болотѣ посредственности и пошлой жизни;

какъ не ненавидѣть имъ женщинъ, получающихъ большія деньги, женщинъ, на которыхъ ходятъ смотрѣть съ восторгомъ, женщинъ, о паденіи которыхъ они слыхали блѣднѣя отъ зависти, потому что онѣ падали не въ ихъ объятія, — а тамъ что имъ за дѣло, что благородныя женщины, матери семейства, великіе таланты — Віардо, Рашель, Линдъ, Гризи оскорблены рядомъ съ какой нибудь развращенной!—Грязные люди, мелкіе люди!

Однако довольно съ нихъ на этотъ разъ.—Я съ ними разстаюсь, посмотрю на нихъ издали, съ аппенинскихъ высотъ и съ итальянскаго берега.... есть художественныя произведенія, которыя надобно смотрѣть отступя. — Прощайте до слѣдующаго письма.

15 сентября 1847.

PS. Пріѣхала Карлота Гризи.... ни слова не скажу о ней: во первыхъ, боюсь: прокуроръ разсердится, что я въ одномъ письмѣ упоминалъ о немъ и о танцовщицѣ; во вторыхъ.... даже говорить объ этой вьющейся, гибкой, неуловимой ящерицѣ съ изумрудными глазами опасно, очень опасно, а видѣть и не приведи Богъ. Вы не видали, ну, вамъ и ничего, а у меня вотъ теперь передъ глазами, какъ живая.... вотъ.... вотъ.... исчезла! Ахъ, зачѣмъ я не Аполлонъ Савромахъ!

ЗАПИСКИ ОДНОГО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Твое предложеніе, другъ мой, удивило меня. Нѣсколько дней я думалъ о немъ. Въ эту грустную, томную, безцвѣтную эпоху жизни; въ этотъ болѣзненный переломъ, который еще Богъ вѣсть чѣмъ кончится,—«писать мои воспоминанія»! Мысль эта сначала испугала меня; но когда мало по малу образы давно-прошедшіе наполнили душу, окружили радостной вереницей,—мнѣ жаль стало разстаться съ ними, — и я рѣшился писать, для того, чтобъ остановить, удержать воспоминанія, пожить съ ними подольше; мнѣ такъ хорошо было подъ ихъ вліяніемъ, такъ привольно... Сверхъ того, думалось мнѣ, пока я буду писать, подольется вешняя вода и смоетъ съ мели мою барку.

А странно! Съ начала юности искалъ я дѣятельности, жизни полной; шумъ житейскій манилъ меня; но едва я началъ жить, какая-то bufera infernal завертѣла меня, бросила далеко отъ людей, очертила кругъ дѣя-

тельности карманнымъ циркулемъ, велѣла сложить руки. Мнѣ пришлось въ молодости испытать отраду стариковъ: перебирать былое и, вмѣсто того, чтобъ жить въ самомъ дѣлѣ,—записывать прожитое. Дѣлать нечего! я вздохнувши принялся за перо; но едва написалъ страницу, какъ мнѣ стало легче; тягость настоящаго сдѣлалась менѣе чувствительна; моя веселость возвращалась; я оживалъ самъ съ прошедшимъ: разстояніе между нами исчезало. Моя работа стала мнѣ нравиться, я увлекался ею и, какъ комаръ Крылова, «изъ Ахиллеса сталъ Омиромъ»; и почему же нѣтъ, когда я прожилъ свою Иліаду?... Цѣлая часть жизни окончена; я вступилъ въ новую область; тутъ другіе нравы, другіе люди: почему же не остановиться, перейдя межу, пока пройденное еще ясно видно? почему не проститься съ нимъ по братски, когда оно того стоитъ? Каждый день насъ отдаляетъ другъ отъ друга, а возвращенія нѣтъ. Моя тетрадка будетъ надгробнымъ памятникомъ доли жизни, канувшей въ вѣчность. Въ ней будетъ записано, сколько я схоронилъ себя. — Но скучна будетъ Иліада человѣка обыкновеннаго, ничего не совершившаго, и жизнь наша течетъ теперь по такому прозаическому, гладко скошенному полю, такъ исполнена благоразумія и осторожности, etc. etc. — Я не вѣрю этому; нѣтъ, жизнь столько же разнообразна, ярка, исполнена поэзіи, страстей, коллизій, какъ житьё-бытьё рыцарей въ среднихъ вѣкахъ, какъ житьё-бытьё римлянъ и грековъ. Да и о какихъ совершеніяхъ идетъ рѣчь? Кто жилъ умомъ и сердцемъ, кто провелъ знойную юность,

кто человѣчески страдалъ съ каждымъ страданьемъ и сочувствовалъ каждому восторгу, кто можетъ указать на *нее* и сказать: «вотъ моя подруга», на *него* и сказать: «вотъ мой другъ» —тотъ *совершилъ кое-что.* «Каждый человѣкъ», говоритъ Гейне: «есть вселенная, которая съ нимъ родилась и съ нимъ умираетъ; подъ каждымъ надгробнымъ камнемъ погребена цѣлая всемірная исторія» — и исторія каждаго существованія имѣетъ свой интересъ; это понимали Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ, Теньеръ, вся фламандская школа: интересъ этого состоитъ въ зрѣлищѣ развитія духа подъ вліяніемъ времени, обстоятельствъ, случайностей, растягивающихъ, укорачивающихъ его нормальное, общее направленіе.

Какая-то тайная сила заставила меня жить; тутъ моего мало: для меня избрано время, въ немъ мое владѣніе; у меня нѣтъ на землѣ прошедшаго, и будущаго не будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Откуда это тѣло, крѣпости котораго удивлялся Гамлетъ, я не знаю. Но жизнь мое естественное право; я распоряжаюсь хозяиномъ въ ней, вдвигаю свое «я» во все окружающее, борюсь съ нимъ, раскрываю свою душу всему, всасываю ею весь міръ, переплавляю его какъ въ горнилѣ, сознаю свою связь съ человѣчествомъ, съ безконечностью—и будто *исторія* этого выработыванія отъ ребяческой непосредственности, отъ этого покойнаго сна на лонѣ матери, до сознанія, до требованія участія во всемъ человѣческомъ, до самобытной жизни — лишена интереса? Не можетъ быть!

Но довольно

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten,
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt;
Versuch ich wohl euch diesmal festzuhalten?

Съ восхищеньемъ переживу я еще мои 25 лѣтъ, сдѣлаюсь опять ребенкомъ съ голой шеей, сяду за азбуку, потомъ встрѣчусь *съ нимъ* тамъ, на Воробьевыхъ Горахъ, и упьюсь еще разъ всѣмъ блаженствомъ первой дружбы; и тебя вспомню я, «старый домъ»—

Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба родилась и выросла тамъ,
А теперь запустѣнье глухое
Паутины висятъ по угламъ (*)-

Потомъ и вы, товарищи аудиторіи, окружите меня, и съ тобою, мой ангелъ, я увижусь на кладбищѣ...

О, съ какимъ восторгомъ встрѣчу я каждое воспоминаніе... Выходите же изъ гроба. Я каждое прижму къ сердцу и съ любовью положу опять въ гробъ...

I.

РЕБЯЧЕСТВО.

Das Höchste was wir von Gott und der Natur erhalten haben ist das Leben-..

ГЁТНЕ.

До пяти лѣтъ я ничего ясно не понимаю, ничего въ связи... Голубой полъ въ комнаткѣ, гдѣ я жилъ; большой садъ и въ немъ множество воронъ. Идучи въ садъ,

(*) См. «Отечественныя Записки» 1840, кн. 5.

надобно было проходить сарай; тутъ обыкновенно сидѣлъ кучеръ Мосей съ огромной бородой, который ласкалъ меня и на котораго я смотрѣлъ съ какимъ-то подобострастіемъ; съ нимъ, кажется, ни за какія блага въ мірѣ я не рѣшился бы остаться на единѣ. Тогда при мнѣ уже была m-me Proveau, которая водила меня за руку по лѣстницѣ, занималась моимъ воспитаніемъ и, сверхъ того, по дружбѣ, въ свободные часы, присматривала за хозяйствомъ. Еще года два три наполнены смутными, неясными воспоминаніями; потомъ мало по малу образы яснѣютъ; какъ деревья и горы, изъ-за тумана вырѣзываются мелкія подробности дѣтства и крупныя событія, о которыхъ всѣ говорили и которыя дошли даже до меня. Помню смерть Наполеона. Радовались, что Богъ прибралъ это чудовище, о которомъ было предсказано; проницательные не вѣрили его смерти; болѣе проницательные увѣряли, что онъ въ Греціи(*). Всѣхъ больше радовалась одна богомольная старушка, скитавшаяся изъ дома въ домъ по бѣдности и не работавшая по *благородству*: она не могла простить Наполеону пожаръ въ Звенигородѣ, при которомъ сгорѣли двѣ коровы ея, связанныя съ нею нѣжнѣйшей дружбой. Разсказами о пожарѣ Москвы меня убаюкивали; сверхъ того у меня были карты, гдѣ на каждую букву находилась каррикатура на Наполеона съ острыми двустишіями, напримѣръ:

Широкъ Французъ въ плечахъ, ничто его нейметъ.
Авось-либо моя нагайка зашибетъ.—

(*) Не Зевсомъ ли на Олимпѣ?

и съ еще болѣе острыми изображеніями; напр. Наполеонъ ѣдетъ на свиньѣ, и проч. Мудрено ли, что и я радовался смерти его?—Помню умерщвленіе Коцебу. За что Зандъ убилъ его,я никакъ не могъ понять,но очень помню, что племянникъ m-me Proveau, гезель въ аптекѣ на Маросейкѣ, отъ котораго всегда пахло ребарбаромъ съ розовымъ масломъ, человѣкъ отчаянный и ученый, приносилъ картинку, на которой былъ представленъ юноша съ длинными волосами, и разсказывалъ, что онъ убилъ почтеннаго старика, что юношѣ отрубили голову.

Я былъ совершенно одинъ; игрушки стали скоро мнѣ надоѣдать, а ихъ у меня было много: чего-чего не дарилъ мнѣ дядюшка! И кухню, въ которой готовился недѣли три обѣдъ, готовился бы и до сего дня и часа, ежелибъ я не отклеилъ задней стѣны, чтобъ подсмотрѣть секретъ, — и избу, покрытую мохомъ, въ которой обиталъ купидонъ, весь въ фольгѣ, и lanterne magique, занимавшій меня всего болѣе... Вотъ является на стѣнѣ яркое пятно и больше ничего; чего не надумаешься тутъ: что-то явится въ этихъ лучахъ славы и вогнутаго стекла... Вдругъ выступаетъ слонъ, увеличивается, уменьшается, точно живой; иной разъ пройдетъ вверхъ ногами, чего живому слону и не сдѣлать; потомъ Давидъ и Голіаѳъ дерутся и двигаются оба вмѣстѣ; потомъ арапъ, черный какъ моська Карла Ивановича, каммердинера дядюшки (и она уже умерла, бѣдная крапка!). Весело было смотрѣть на такое общество и вверхъ головою, и вверхъ ногами. Но не доста-

вало важнаго пополненія: некому было мнѣ показать его, и потому я часто покидалъ игрушки и просилъ Лизавету Ивановну что нибудь разсказать, смиренно садился на скамеечку и часы цѣлые слушалъ ее съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Молчаливость не принадлежала къ числу добродѣтелей m-me Proveau: она не заставляла повторять просьбу и, продолжая вязать свой чулокъ, начинала разсказъ. Вязала она безпрестанно. Я полагаю, если бы сшить вмѣстѣ все связанное ею въ 58 лѣтъ, то вышла бы фуфайка, ежели не шару земному, то лунѣ (ей же и нужнѣе для ночныхъ прогулокъ). Дай Богъ ей царство небесное! не долго пережила она Наполеона и умерла такъ же далеко отъ своей родины, какъ онъ — только въ другую сторону. Но что же она мнѣ разсказывала? Во первыхъ — это была ея любимая тема — какъ покойный мужъ ея былъ какимъ-то метр-д'отелемъ въ масонской ложѣ; какъ она разъ зашла туда: все обтянуто чернымъ сукномъ, а на столѣ лежитъ черепъ на двухъ шпагахъ... я дрожалъ какъ осиновый листъ, слушая ее. На стѣнахъ висятъ портреты, и ежели кто измѣнитъ, стрѣляютъ въ портретъ, а оригиналъ падаетъ мертвый, хотя бы онъ былъ за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ. Потомъ разсказывала она интересные отрывки изъ исторіи французской революціи: какъ опять-таки покойный сожитель ея чуть не попалъ на фонарь; какъ кровь текла по улицамъ, какіе ужасы дѣлалъ *Робеспьеръ*, — и отрывки изъ собственной своей исторіи: какъ она жила при дѣтяхъ у одного помѣщика въ Тверской губерніи,

который увѣрилъ ее, что у него по саду ходятъ медвѣди. «Ну, вотъ, я и пошла разъ въ садъ, гляжу, гляжу, идетъ медвѣдь престрашучій: я только ахъ!—и въ обморокъ» — а почтенный сожитель чуть не выстрѣлилъ въ медвѣдя; кажется, за тѣмъ дѣло стало, что съ нимъ не было ружья; а медвѣдь былъ камердинеръ барина, который велѣлъ ему надѣть шубу шерстью вверхъ». Господи, какъ нравились мнѣ разсказы эти! я ихъ послѣ долго искалъ въ «Тысячѣ Одной Ночи» — и не нашелъ.

Въ русской грамотѣ мы оба тогда были недалеки: съ тѣхъ поръ я выучился по толкамъ, а Лизавета Ивановна умерла и можетъ доучиваться изъ первыхъ рукъ у праотцевъ.

Однако горестное время ученія подступило. Разъ вечеромъ батюшка говорилъ съ дядюшкой, не отдать ли меня въ пансіонъ. Фу!.. услышавъ это ужасное слово, я чуть не умеръ отъ страха, выбѣжалъ въ дѣвичью и горько заплакалъ: ночью просыпался — осматривался, не въ пансіонѣ ли я, и старался увѣрить себя, что страшное слово только приснилось. Однако батюшка рѣшился воспитывать меня дома. И воспитанье мое началось, какъ разумѣется, съ французской грамоты. М-г Bouchot—первое лицо, являющееся возлѣ Лизаветы Ивановны въ дѣлѣ моего воспитанія; вслѣдъ за нимъ выступаетъ Карлъ Карловичъ. М-г Bouchot былъ французъ изъ Меца, а Карлъ Карловичъ нѣмецъ изъ Сарепты и училъ музыкѣ. Параллель этихъ людей не безъ занимательности. Мужчина высокаго роста,

совершенно плѣшивый, кромѣ двухъ трехъ пасмъ волосъ безконечной длины на вискахъ, вѣчно въ синемъ фракѣ толстаго сукна на стаметовой подкладкѣ — таковъ былъ m-r Bouchot; важность отпечатлѣвалась не только въ каждомъ поступкѣ его, но въ каждомъ движеніи: онъ кланялся ногами, улыбался одной нижней губой; голова у него ни разу не гнулась съ тѣхъ поръ, какъ перестали его пеленать, а это было очень давно, лѣтъ полтораста тому назадъ. Ко всему этому надобно прибавить французскую физіономію конца прошлаго вѣка, съ огромнымъ носомъ, навислыми бровями — одну изъ тѣхъ физіономій, которыя можно видѣть на хорошихъ гравюрахъ, представляющихъ народныя сцены временъ федераціи. Я боялся Бушо, особенно сначала. Карлъ Карловичъ былъ тоже высокъ, но такъ тонокъ и гибокъ, что походилъ на развернутый англійскій футъ, который на каждомъ дюймѣ гнется въ обѣ стороны; фракъ у него былъ сѣренькій, съ перламутовыми пуговицами; панталоны черные, какой-то непонятной допотопной матеріи: они смиренно прятались въ сапоги à la Souvaroff, съ кисточками, и ихъ онъ выписывалъ изъ Сарепты; онъ свободно бралъ своими сухими, едва обтянутыми сморщившейся кожицей пальцами около двухъ октавъ на фортепьяно. Имѣя такой рѣшительный талантъ, мудрено ли, что Карлъ Карловичъ посвятилъ себя музыкійскому игранію? Карлъ Карловичъ провелъ свою жизнь въ чистѣйшей нравственности; это было одно изъ тѣхъ тихихъ, кроткихъ нѣмецкихъ существъ, исполненныхъ простоты сердечной,

кротости и смиренія, которыя, не узнанныя никѣмъ, но счастливыя въ своемъ маленькомъ кружочкѣ, живутъ, любятъ другъ друга, играютъ на фортепьяно и умираютъ тихо, кротко, какъ жили. Онъ былъ женатъ въ незапамятныя времена; я пилъ малагу на *золотой свадьбѣ* его, и право, старичокъ и старушка любили другъ друга, какъ въ медовый мѣсяцъ.

Изъ сказаннаго можно себѣ составить понятіе о Карлѣ Карловичѣ: это лицо изъ легендъ реформаціи, изъ времени пуританизма во всей чистотѣ его. И Бушо былъ человѣкъ добрый, такъ точно, какъ лошадь — звѣрь добрый, по инстинкту, и къ нему однако, какъ къ лошади, не всякій рѣшился бы подойти ближе размѣра ноги и копытъ. Онъ уѣхалъ изъ Парижа въ самый разгаръ революціи, и, припоминая теперь его слова и лицо, я воображаю, что citoyne Bouchot не былъ лишнимъ или празднымъ ни при взятіи Бастиліи, ни 10 августа; онъ обо всемъ говорилъ съ пренебреженіемъ, кромѣ Меца и тамошней соборной церкви; о революціи онъ почти никогда не говорилъ, но какъ-то грозно улыбаясь молчалъ о ней. Холостой, серьёзный, важный, онъ со мной не тратилъ словъ, спрягалъ глаголы, диктовалъ изъ les Incas de Marmontel, разставливалъ послѣ accent grave и aigu, отмѣчалъ на полѣ, сколько ошибокъ, бранился и уходилъ, опираясь на огромную сучковатую палку; — его никто никогда не билъ.

Не смотря на занимательность педагоговъ, я скучалъ; мнѣ некуда было дѣть мою дѣятельность, охоту

играть, потребность раздѣлить впечатлѣнія и игры съ другими дѣтьми. Одинъ товарищъ, одна подруга была у меня—Берта, полу-шарлотъ и полу-испанская собака батюшки. Много дѣлилъ я съ нею времени, запрягалъ ее бывало, ѣздилъ на ней верхомъ, дразнилъ ее, а въ зимніе дни сидѣлъ съ нею у печки: я пою пѣсни, а она спитъ—и время идетъ незамѣтно. Тогда она была ужь очень стара, а все еще кокетничала и носила длинныя уши съ мохнатой коричневой шерстью. Не я одинъ любилъ Берту: лакей нашъ Яковъ Игнатьевичъ не могъ пережить ея, просто умеръ съ горя и съ вина, черезъ недѣлю послѣ ея смерти. Кромѣ Берты, былъ у меня еще ресурсъ: дѣти повара, никогда не утиравшія носъ и вѣчно валявшіяся гдѣ нибудь въ дряни на дворѣ. Но съ ними играть было мнѣ строго запрещено, и я, побѣждая разныя опасности, могъ едва на нѣсколько минутъ ускользнуть на дворъ, чтобъ порубить съ ними ледъ около кухни зимою, или замараться въ грязи лѣтомъ. Сверхъ того, я и играть почти не умѣлъ съ другими: малѣйшая оппозиція меня бѣсила, оттого что игрушки не перечили ни въ чемъ; а дѣти вообще большіе демократы и не терпятъ товарища, который беретъ верхъ надъ ними.

Между тѣмъ, важныя обстоятельства совершались. Лизавета Ивановна занемогла. Домовый лекарь сказалъ, что это легкая простуда, затопилъ ей внутренность ромашкой, залѣпилъ болѣзнь мушкой и очень удивился, заставъ однимъ добрымъ утромъ свою выздоравливающую на столѣ. Да; она умерла. Карлъ Кар-

ловичъ былъ ея душеприкащикомъ и тогда поссорился съ племянникомъ Лизаветы Ивановны, каретникомъ Шмалцгофомъ, у котораго носъ былъ красно-фіолетовый. Какъ теперь помню ея похороны: я провожалъ тѣло старухи на католическое кладбище и плакалъ.

Въ жизни моей много перемѣнилось: кончились разсказы Лизаветы Ивановны, кончилось патріархальное царствованіе ея надо мною; кончилась непомѣрная благость, съ которой она вступалась за обиды, нанесенныя мнѣ. Словомъ, весь прежній бытъ низпровергнулся; во время Лизаветы Ивановны ходила за мною няня, столько же добрая, какъ она, Вѣра Артамоновна, какъ двѣ капли воды похожая на нидѣйку въ косынкѣ: такая же шея въ складочкахъ и морщинахъ; тотъ же видъ ingénu. Теперь приставили ко мнѣ каммердинера Ванюшку, которому я обязанъ первыми основаніями искусства курить табакъ (завертывая его въ мокрую бумажку, свернутую трубочкой) и богатой фразеологіей, въ которой хозяйномъ раскинулся русскій духъ. Время, въ которое ребенка передаютъ съ женскихъ рукъ въ мужскія, — эпоха, переломъ; съ мальчикомъ это бываетъ лѣтъ въ семь, восемь; съ дѣвочкой лѣтъ въ семнадцать, восемьнадцать.

Ребячество оканчивалось преждевременно; я бросилъ игрушки и принялся читать. Такъ иногда въ теплые дни февраля наливаются почки на деревьяхъ, подвергаясь ежедневно опасности погибнуть отъ мороза и лишить дерево лучшихъ соковъ. За книги принялся я скуки ради —само собою разумѣется не за учебныя. Развившаяся

та къ чтенію выучила меня очень скоро по французски и по нѣмецки, и съ тѣмъ вмѣстѣ послужила вѣчнымъ препятствіемъ доучиться. Первая книга, которую я прочелъ con amore, была «Лолотта и Фанфанъ», вторая «Алексисъ или домикъ въ лѣсу». Съ легкой ручки мамзель Лолотты, я пустился читать безъ устали, понимая, не понимая, сторое и новое, трагедіи Сумарокова, «Россіаду», «Россійскій Θеатръ» etc. etc. И, повторяю, это неумѣренное чтеніе было важнымъ препятствіемъ ученію. Покидая какой нибудь томъ «Дѣтей Аббатства» и весь занятый лордомъ Мортимеромъ, могъ ли я съ охотой заниматься грамматикой и спрягать глаголъ aimer съ его адъютантами être и avoir, послѣ того какъ я зналъ, какъ спрягается онъ жизнію и въ жизни. Къ тому же, романы я понималъ, а грамматику нѣтъ; то, что̀ теперь кажется такъ ясно текущимъ изъ здраваго смысла, тогда представлялось какими-то путами, нарочно выдуманными затрудненіями. Бушо не любилъ меня и съ сквернымъ мнѣніемъ обо мнѣ уѣхалъ въ Мецъ. Досадно! когда поѣду во Францію, заверну къ старику. Чѣмъ же мнѣ убѣдить его? Онъ измѣряетъ человѣка знаніемъ французской грамматики и то не какой нибудь, а именно восьмымъ изданіемъ ломондовой — а я только не дѣлаю ошибокъ на санскритскомъ языкѣ, и то потому, что не знаю его вовсе. Чѣмъ же? Есть у меня доказательство—ну ужь, это мой секретъ, старикъ сдастся, какъ бы только онъ не поторопился на тотъ свѣтъ; — впрочемъ, я и туда поѣду: мнѣ очень хочется путешествовать.

Перечитавъ всѣ книги, найденныя мною въ сундукѣ, стоявшемъ въ кладовой, я сталъ промышлять другія, и провизоръ на Маросейкѣ, приносившій когда-то зандовъ портретъ и всегда запахъ ребарбара съ розой, прислалъ мнѣ засаленные и ощипанные томы Лафонтена; томы эти совершенно свели меня съ ума. Я началъ съ романа «Der Sonderling» и пошелъ, и пошелъ!.. Романы поглотили все мое вниманіе: читая, я забывалъ себя въ камлотовой курточкѣ, и переселялся послѣдовательно въ молодаго Бургарда, Алкивіада, Ринальдо Ринальдини и т. д. Но какъ мое умственное обжорство не знало мѣры, то вскорѣ не достало въ фармаціи на Маросейкѣ романовъ, и я началъ отъискивать вездѣ всякую дрянь, между-прочимъ отрылъ и «Письмовникъ Курганова» — этотъ блестящій предшественникъ извѣстной нравственно-сатирической школы въ нашей литературѣ. Богатымъ запасомъ истинъ и анекдотовъ украсилъ Кургановъ мою память; даже до сихъ поръ не забыты нѣкоторые, напр.: «Нѣкій польскій шляхтичъ вѣтрогоннаго нрава, желая оконфузить одного ученаго, спросилъ его, что значитъ оболъ, параболъ, фариболъ. Сей отвѣчалъ ему» и т. д... Можете въ самомъ источникѣ почерпнуть острый отвѣтъ.

Полезныя занятія Кургановымъ и Лафонтеномъ были вскорѣ прерваны новымъ лицомъ. Къ человѣку французской грамоты присоединился человѣкъ русской грамматики, Василій Евдокимовичъ Пациферскій, студентъ медицины. Господи Боже мой, какъ онъ, бывало, стучитъ дверью, когда придетъ, какъ снимаетъ калоши,

какъ топаетъ. Волосы носилъ онъ ужасно длинные и никогда не чесалъ ихъ по выходѣ изъ рязанской епархіальной семинаріи; на иностранныхъ словахъ ставилъ онъ дикія ударенія школы, а французскія щедро снабжалъ греческой λ и русскимъ ъ на концѣ. Но благодарность студенту медицины: у него была теплая человѣческая душа, и съ нимъ съ первымъ сталъ я заниматься, хотя и не съ самаго начала.

Пока дѣло шло о грамматикѣ, которая шла въ корню, и о географіи и ариѳметикѣ, которыя бѣжали на пристяжкѣ, Пациферскій находилъ во мнѣ упорную лѣнь и разсѣянность, приводившую въ удивленіе самого Бушо, не удивлявшагося ничему (какъ было сказано), кромѣ соборной церкви въ Мецѣ. Онъ не зналъ, что̀ дѣлать, не принадлежа къ числу записныхъ учителей, готовыхъ за билетъ часъ цѣлый толковать свою науку каменной стѣнѣ. Василій Евдокимовичъ краснѣя бралъ деньги и нѣсколько разъ хотѣлъ бросить уроки. Наконецъ онъ перемѣнилъ одну пристяжную и, наскоро прочитавши въ Геймѣ, изданномъ Титомъ Каменецкимъ, о ненужной и только для баланса выдуманной части свѣта Австраліи, принялся за исторію, и вмѣсто того, чтобъ задавать въ Шреккѣ *до отмѣтки ногтемъ*, онъ мнѣ разсказывалъ, что̀ помнилъ и какъ помнилъ; я долженъ былъ на другой день ему повторять *своими* словами, и исторіей началъ заниматься съ величайшимъ прилежаніемъ. Пациферскій удивился и, утомленный моею лѣнью въ грамматикѣ, онъ поступилъ какъ настоящій студентъ, положилъ ее къ сторонѣ, и, вмѣсто того, чтобъ

мучить меня мѣстничествомъ между *е* и *ъ*, онъ принялся за *словесность*. Повторяю, у него душа была человѣческая, сочувствовавшая изящному — и лѣнивый ученикъ, занимавшійся во время класса вырѣзываніемъ іероглифовъ на столѣ, быстро усвоивалъ себѣ школьно-романтическія воззрѣнія будущаго медико-хирурга. Уроки Пациферскаго много способствовали къ раннему развитію моихъ способностей. Въ двѣнадцать лѣтъ я помню себя совершеннымъ ребенкомъ, не смотря на чтеніе романовъ; черезъ годъ я уже любилъ заниматься, и мысль пробудилась въ душѣ, жившей дотолѣ однимъ дѣскимъ воображеніемъ.

Но въ чемъ же состояло преподаваніе словесности Василія Евдокимовича, — мудрено сказать; это было какое-то отрицательное преподаваніе. Принимаясь за реторику, Василій Евдокимовичъ объявилъ мнѣ, что она пустѣйшая вѣтвь изъ всѣхъ вѣтвей и сучковъ древа познанія добра и зла, вовсе ненужная; ибо кому Богъ не далъ способности красно говорить, того ни Квинтиліанъ, ни Цицеронъ не научатъ; а кому далъ, тотъ родился съ реторикой. Послѣ такого введенія, онъ началъ по порядку толковать о фигурахъ, метафорахъ, хріяхъ. Потомъ онъ мнѣ предписалъ diurna manu nocturnaque переворачивать листы *Образцовыхъ Сочиненій*, гигантской христоматіи, томовъ въ двѣнадцать, и прибавилъ, для поощренія, что десять строкъ «Кавказскаго Плѣнника» лучше всѣхъ образцовыхъ сочиненій Муравьева, Капниста и компаніи. Не смотря на всю забавность отрицательнаго преподаванія, — въ совокуп-

ности всего, что̀ говорилъ Василій Евдокимовичъ, проглядывалъ живой, широкій современный взглядъ на литературу, который я умѣлъ усвоить и, какъ обыкновенно дѣлаютъ послѣдователи, возвелъ въ квадратъ, въ кубъ всѣ односторонности учителя. Прежде я читалъ съ одинакимъ удовольствіемъ все, что̀ попадалось: трагедіи Сумарокова, сквернѣйшіе переводы восьмидесятыхъ годовъ разныхъ комедій и романовъ: теперь я сталъ выбирать, цѣнить. Пацциферскій былъ въ восторгѣ отъ новой литературы нашей, и я, бравши книгу, справлялся тотчасъ, въ которомъ году печатана, и бросалъ ее, ежели она была печатана больше пяти лѣтъ тому назадъ, хотя бы имя Державина или Карамзина предохраняло ее отъ такой дерзости. За то поклоненіе юной литературѣ сдѣлалось безусловно, — да она и могла увлечь именно въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь. Великій Пушкинъ явился царемъ-властителемъ литературнаго движенія; каждая строка его летала изъ рукъ въ руки; печатные экземпляры не удовлетворяли, списки ходили по рукамъ. «*Горе отъ Ума*» надѣлало болѣе шума въ Москвѣ, нежели всѣ книги, писанныя по-русски отъ «Путешествій Коробейникова» къ Святымъ Мѣстамъ» до «Плодовъ чувствованій» князя Шаликова. «Телеграфъ» начиналъ энергически свое поприще и неполными, угловатыми знаками своими быстро передавалъ европеизмъ; альманахи съ прекрасными стихами, поэмы сыпались со всѣхъ сторонъ; Жуковскій переводилъ Шиллера, Козловъ Байрона, и во всемъ, у всѣхъ была бездна надеждъ, упованій, вѣрованій го-

рячихъ и сердечныхъ. Что за восторгъ, что за восхищенье, когда я сталъ читать только-что вышедшую первую главу «Онѣгина»! Я ее мѣсяца два носилъ въ карманѣ, вытвердилъ на память. Потомъ, года черезъ полтора я услышалъ, что Пушкинъ въ Москвѣ. О Боже мой, какъ пламенно я желалъ увидѣть поэта! казалось, что я выросту, поумнѣю, поглядѣвши на него. И я увидѣлъ наконецъ, и всѣ показывали съ восхищеньемъ, говоря: «вотъ *онъ*, вотъ *онъ*»...

Чацкій.

Вы помните?

Софья.

Ребячество!

Чацкій.

Да-съ, а теперь...

Нѣтъ, лучше промолчимъ, потому-что Софья Павловна Фамусова совсѣмъ не паралелльно развивалась съ нашей литературой... О другомъ, о другомъ.

Бушо уѣхалъ въ Мецъ; его замѣнилъ m-r Маршаль. Маршаль былъ человѣкъ большой учености (въ французскомъ смыслѣ), нравственный, тихій, кроткій; онъ оставилъ во мнѣ память яснаго лѣтняго вечера безъ малѣйшаго облака. Маршаль принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые отъ роду не имѣли знойныхъ страстей, которыхъ характеръ свѣтелъ, ровенъ, которымъ дано на столько любви, чтобъ они были счастливы, но не на столько, чтобъ она сожгла ихъ. Всѣ люди такого рода классики par droit de naissance; его пре-

красныя познанія въ древнихъ литературахъ дѣлали его сверхъ того классикомъ par droit de conquête. Откровенный почитатель изящной, ваятельной формы греческой поэзіи и вываянной изъ нея поэзіи вѣка Людовика XIV, онъ не зналъ и не чувствовалъ потребности знать глубоко-духовное искусство Германіи. Онъ вѣрилъ, что послѣ трагедій Расина нельзя читать варварскія драмы Шекспира, хотя въ нихъ и проблескиваетъ талантъ; вѣрилъ, что вдохновеніе поэта можетъ только выливаться въ глиняныя формы Бате и Лагарпа; вѣрилъ, что бездушная поэма Буало есть Corpus juris poëticis; вѣрилъ, что лучше Цицерона никто не писалъ прозой; вѣрилъ, что драмѣ такъ же необходимы три единства, какъ жиду одно обрѣзанье. При всемъ этомъ, ни въ одномъ словѣ Маршаля не было пошлости. Онъ сталъ со мною читать Расина въ то самое время, какъ я попался въ руки шиллеровымъ «Разбойникамъ»,—ватага Карла Моора увела меня надолго въ богемскіе лѣса романтизма. Василій Евдокимовичъ неумолимо помогалъ разбойникамъ, и китайскіе башмаки лагарповскаго воззрѣнія рвались по швамъ и по кожѣ.

Изъ сказаннаго уже видно, что все ученье было безсистемно; отъ того я выучился очень немногому, и, вмѣсто стройнаго цѣлаго, въ головѣ моей образовалась безпорядочная масса разныхъ свѣдѣній, общихъ мѣстъ, переплетенныхъ фантазіями и мечтами. Наука за то для меня не была мертвою буквой, а живою частью моего бытія; но это увидимъ послѣ. Ко времени, о которомъ рѣчь, относится самая значительная статья

моего дѣтства. Міръ книжный не удовлетворилъ меня; распускавшаяся душа требовала живой симпатіи, ласки, товарища, любви, а не книгу, — и я вызвалъ наконецъ себѣ симпатію и еще изъ чистой груди дѣвушки.

—

Jetzt mit des Zuckers
Linderndem Saft
Zähme die herbe, brennende Kraft.
Schiller.

Еще въ тѣ времена, когда были живы m-me Прово и m-me Берта, Бушо не уѣзжалъ въ Мецъ, а Карлъ Карловичъ не улеталъ въ рай съ звуками органа, гостила у насъ иногда родственница, пріѣзжавшая изъ Владимірской губерніи; сначала она была маленькая дѣвочка, потомъ дѣвочка побольше. Пріѣзжала она изъ Меленокъ всегда въ сопровожденіи своей тетки, разительно похожей на принцессу ангулемскую и на брабантскія кружева; эта тетка имѣла пріятное обыкновеніе ежегодно класть деньги въ Ломбардъ. У меленковской родственницы была душа добрая, мечтательная: дѣвицы вообще несравненно экспансивнѣе нашего брата; въ нихъ есть теплота всегда грѣющая, есть симпатія всегда готовая любить; у нихъ рѣдко чувства подавлены эгоизмомъ и нѣтъ мужскаго, разсчетливаго ума. Она въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ приголубила меня, приласкала; ей стало жаль, что я такъ одинокъ, такъ безъ привѣта; она со мною, тринадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, стала обходиться какъ съ большимъ; я полюбилъ ее отъ всей души за это; я подалъ ей съ горяч-

ностью мою маленькую руку, поклялся въ дружбѣ, въ любви, и теперь, черезъ 13 другихъ лѣтъ, готовъ снова протянуть руку, — а сколько обстоятельствъ, людей, верстъ протѣснилось между нами!... Свѣтлымъ призракомъ прилетала она съ береговъ Клязьмы и надолго исчезала потомъ; тогда я писалъ всякую недѣлю эпистолы въ Меленки и въ этихъ эпистолахъ сохранились всѣ тогдашнія мечты и вѣрованія. Она въ долгу не оставалась, отвѣчала на каждое письмо и расточала съ чрезвычайной щедростью существительныя и прилагательныя для описанія меленковскихъ окрестностей, своей комнаты съ зелеными сторочками и съ лиловыми левкойчиками на окнахъ. Но я мало довольствовался письмами и ждалъ съ нетерпѣніемъ ея самой; рѣшено было, что она пріѣдетъ къ намъ на цѣлые полгода; я разсчитывалъ по пальцамъ дни... И вотъ, однимъ зимнимъ вечеромъ, сижу я съ Васильемъ Евдокимовичемъ; онъ толкуетъ *о четырехъ родахъ* поэзіи и запиваетъ квасомъ каждый родъ. Вдругъ шумъ, поцалуи, громкій разговоръ радости, ея голосъ... Я отворилъ дверь: по залѣ таскаютъ узелки и картончики; щеки вспыхнули у меня отъ радости, я не слушалъ больше, что́ Василій Евдокимовичъ говорилъ о дидактической поэзіи (можетъ, потому и поднесь не понимаю ея, хотя съ тѣхъ поръ и имѣлъ случай прочесть петрозиліусову поэму «О фарфорѣ»); черезъ нѣсколько минутъ, она пришла ко мнѣ въ комнатку и послѣ оскорбительнаго «Ахъ, какъ ты выросъ?» она спросила, чѣмъ мы занимаемся. Я гордо отвѣчалъ: «разборомъ поэтическихъ сочине-

ній». Даже красное мериносовое платье помню, въ которомъ она явилась тогда передо мною. Но, увы! времена перемѣнились: она волосы зачесала въ косу; это меня оскорбило, меня, съ воротничками à l'enfant: новая прическа такъ рѣзко переводила ее въ совершеннолѣтнюю. Она знала мою скорбь о локонахъ, и въ мое рожденье, 25-го марта, причесалась опять по-дѣтски. Чудный день былъ моего рожденія! она подарила мнѣ кольцо чугунное на серебряной подкладкѣ; на немъ было вырѣзано ея имя, какой-то девизъ, какой-то знакъ, змѣиная голова и проч.; вечеромъ мы читали на память отрывокъ изъ «Фингала»—она была Моина, я Фингалъ (вѣроятно я сюрпризомъ для себя твердилъ ко дню рожденья стихи), съ тѣхъ поръ еще ни раза я не развертывалъ Озерова. Лѣнивѣе опять пошло ученье: живая симпатія мнѣ нравилась больше книги. Ни съ кѣмъ и никогда до нея я не говорилъ о чувствахъ, а между тѣмъ ихъ было ужь много, благодаря быстрому развитію души и чтенію романовъ; ей-то передалъ я первыя мечты, мечты пестрыя, какъ райскія птицы, и чистыя, какъ дѣтскій лепетъ; ей писалъ я разъ двадцать въ альбомъ по-русски, по-французски по-нѣмецки, даже помнится, по-латинѣ. Она пресерьозно выслушивала меня и увѣряла еще больше, что *я рожденъ быть* Роландомъ Роландини или Алкивіадомъ; я еще больше полюбилъ ее за эти удостовѣренія. Отогрѣвался я тогда за весь холодъ моей короткой жизни милою дружбою меленковской перп. Передавъ другъ другу плоды чувствованій, мы принялись вмѣстѣ читать—сначала раз-

ныя повѣсти, «Вакефильдскаго Священника», «Нуму Помпилія», Флоріана, и т. п., обливая ихъ рѣками горючихъ слезъ; потомъ принялись за «Анахарсисово Путешествіе», и она имѣла самоотверженіе слушать эту — положимъ, чрезвычайно ученую, полезную и умную, но тѣмъ не менѣе скучную и безжизненную компиляцію въ семь томовъ.

Не знаю, было ли ея вліяніе на меня хорошо во всѣхъ смыслахъ. При многихъ истинныхъ и прекрасныхъ достоинствахъ, меленковская кузина не была освобождена отъ натянутой «сантиментальности», которая прививается дѣвушкамъ въ дортуарахъ женскихъ пансіоновъ, гдѣ онѣ выкалываютъ булавками вензеля на рукѣ, гдѣ даютъ обѣты годъ не снимать такой-то ленточки; не была она также свободна отъ моральныхъ сентенцій, этой лебеды, наполнявшей романы и комедіи прошлаго вѣка. Она любила, чтобъ ее звали Темирой, и всѣ родственники звали ее такъ,—ужь это одно доказываетъ сантиментальность; право, просто человѣкъ не согласится въ XIX вѣкѣ называться Пленирой, Темирой, Селеной, Усладомъ. Я вскорѣ взбунтовался противъ классическаго имени, совѣтовалъ ей, на зло Буало (*), назваться Toinon; а когда вышла вторая книжка «Онѣгина», совѣтовалъ рѣшительно остаться Татьяной, какъ священникъ крестилъ. Перемѣна имени мало помогла: Таня, по прежнему,

(*) Et changer, sans respect de l'oreille et du son
Lycidas en Pierrot, et Philis en Toinon. *Art Poëtique.*

при каждой встрѣчѣ съ блѣдной подругой земнаго шара, дѣлала къ ней лирическое воззваніе, по прежнему сравнивала свою жизнь съ цвѣтками, брошенными въ «буйныя волны» Клязьмы; любила она въ досужные часы поплакать о своей горькой участи, о гоненіяхъ судьбы (которая гнала ее впрочемъ очень скромно, такъ что со стороны ея удары были вовсе незамѣтны), о томъ, что «никто въ мірѣ ея не понимаетъ». Это лафонтеновскій элементъ; не лучше его былъ и жанлисовски моральный: она — меня, который читалъ чортъ-знаетъ что, умоляла не дотрогиваться до Вертера, рекомендовала нравственныя книги, и проч. Теперь все это мнѣ кажется смѣшно, но тогда Таня была для меня валкирія: я покорно слушался ея прорицаній. Она очень хорошо знала свой авторитетъ и потому угнетала меня; когда же я возмущался, и она видѣла опасность потерять власть, слезы текли у ней изъ глазъ, дружескіе, теплые упреки изъ устъ; мнѣ становилось жаль ея; я казался себѣ виноватымъ, и тронъ ея стоялъ опять незыблемо. Надобно замѣтить, дѣвушки лѣтъ въ 18-ть вообще любятъ пошколить мальчика, который имъ попадется въ руки и надъ которымъ онѣ пробуютъ оружіе, приготовленное для завоеваній болѣе важныхъ; за то какъ же и ихъ школютъ мальчики потомъ, лѣтъ восьмнадцать къ ряду, и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже! И такъ, я слушался Тани, сантиментальничалъ, и подъ-часъ нравственныя сентенціи, блѣдныя и тощія, служили финаломъ моихъ рѣчей. Воображаю, что въ эти минуты я былъ очень смѣшонъ; живой ха-

рактеръ мой мудрено было обвязать конфектнымъ билетомъ ложной чувствительности, и вовсе мнѣ не было къ лицу ваять нравственныя сентенціи изъ патоки безъ имбиря жанлисовской морали. Но что̀ дѣлать! я прошелъ черезъ это, а, можетъ, оно и недурно: сантиментальность развела, подсластила «жгучую силу» и, слѣдственно, поступила по фармакопеѣ Шиллера (*); самый возрастъ отчасти способствовалъ къ развитію нѣжности. Для меня наставало то время, когда ребячество оканчивается, а юность начинается: это обыкновенно бываетъ въ 16 лѣтъ. Ребячья наивная красота пропадаетъ, юношеская еще не является; въ чертахъ дисгармонія: онѣ дѣлаются грубѣе, нѣтъ граціи; голосъ переливается изъ тонкаго въ толстый, глаза томны, а подъ-часъ заискрятся, щеки блѣдны, а подъ-часъ вспыхнутъ,—физическое совершеннолѣтіе наступаетъ. То же происходитъ въ душѣ: неопредѣленныя чувства, зародыши страстей, волненіе, томность, чувство чего-то тайнаго, невѣдомаго, и вслѣдъ за тѣмъ юность, восторженный лиризмъ, полный любви, раскрытыя объятія всему міру Божьему... Ранній цвѣтокъ, я скорѣе достигъ этой эпохи, и распуколки въ моей душѣ развернулись въ 14 лѣтъ; я чувствовалъ, что ребячество кончилось, а юность началась, и обижался, что никто не замѣчаетъ перелома въ моемъ бытіи. По несчастію, замѣтилъ это Василій Евдокимовичъ и началъ въ силу того преподавать мнѣ эстетику, въ которой,

(*) См. вышеприведенный эпиграфъ.

не тѣмъ будь помянутъ, онъ былъ крайне недалекъ, и тогда же заставилъ меня писать статьи. Жаль, очень жаль, что когда мы переѣзжали изъ стараго дома въ новый, пропали эти статьи! Съ какимъ наслажденіемъ перечиталъ бы я ихъ теперь! Чего я не писалъ! Были статьи, писанныя взапуски съ Темирой, были литературные обзоры, и въ нихъ я «уничтожалъ» классицизмъ. Василій Евдокимовичъ приходилъ въ восторгъ, поправляя ихъ(и немудрено—его же мысли повторялись мною). Я перевелъ свои обзоры на французскій языкъ и гордо подалъ Маршалю: «вотъ, молъ, какъ я уважаю вашего Буало». Были и историческія статьи: сравненіе Марѳы Посадницы (то есть не настоящей, а той спартанской Марѳы, о которой повѣсть написалъ Карамзинъ) съ Зиновіей пальмирской; Бориса Годунова съ Кромвелемъ. Жаль, что я не писалъ моихъ сравненій по французски, а то я увѣренъ, что они были на столько негодны, что попали бы образцами въ ноэлевъ Курсъ Словесности, въ отдѣленіе Paralèles et Caractères.

Такъ оканчивался періодъ прозябенія моей жизни. Вотъ предъидущее, съ которымъ я вошелъ въ пропилеи юности. Маршаль завѣщалъ мнѣ любовь къ изящной формѣ, любовь къ Греціи и Риму, логическую ясность, исторію французской литературы и art poetique Буало, котораго первую пѣснь помню до сихъ поръ; Василій Евдокимовичъ завѣщалъ поклоненіе Пушкину и юной литературѣ, метафизическую неясность романтизма и тетрадь *писанныхъ* стиховъ, которые я еще

лучше вытвердилъ на память, нежели Буало; Темира —искреннее, теплое чувство любви и дружбы, слезу о «Вакефильдскомъ Священникѣ» и пототъ о ней самой, когда осенью уѣхала она въ Меленки. Ergo, съ одной стороны классицизмъ въ видѣ Маршаля, съ другой романтизмъ въ видѣ Пацциферскаго, и жизнь въ видѣ Темиры, — а въ средоточіи всего я самъ, мальчикъ пылкій, готовый ко всякимъ впечатлѣніямъ, не по лѣтамъ умудрившійся, развитый отчасти насильственно, или вѣрнѣе, искуственно, чтеніемъ романовъ и вѣчнымъ одиночествомъ.

Такъ продолжалась моя жизнь до пятнадцатаго года.

II.

ЮНОСТЬ.

Respekt vor den Träumen deiner Jugend!

SCHILLER.

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!

Прелестное время въ развитіи человѣка, когда дитя сознаетъ себя юношею и требуетъ въ первый разъ доли во всемъ человѣческомъ: дѣятельность кипитъ, сердце бьется, кровь горяча, силъ много; а міръ такъ хорошъ, новъ, свѣтелъ, исполненъ торжества, ликованія, жизни.... Удаль Ахиллеса и мечтательность Позы наполняютъ душу. Время благородныхъ увлеченій, самопожертвованій, платонизма, пламенной любви къ

человѣчеству, безпредѣльной дружбы: блестящій прологъ, за которымъ часто-часто слѣдуетъ пошлая, мѣщанская драма.

Разумъ восходитъ — но, проходя черезъ облака фантазій, онъ обливаетъ, какъ восходящее солнце, пурпуромъ весь міръ. Освѣщеніе истинное, которое исчезаетъ, должно исчезнуть, но прелестное, какъ лѣтнее утро на берегу моря. О, юность, юность!..

И я въ Аркадіи родился!

Беззаботно отдался я стремительнымъ волнамъ; онѣ увлекли меня далеко за предѣлы тихаго русла частной жизни! Мнѣ нравились упругія волны, безконечность; будущее рисовалось какимъ-то иподромомъ, въ концѣ котораго ожидаетъ стоустая слава и дѣва любви,вѣнокъ лавровый и вѣнокъ миртовый; я предчувствовалъ, какъ моя жизнь вплетается блестящей пасмой въ жизнь человѣчества, воображалъ себя великимъ, доблестнымъ... сердце раздавалось, голова кружилась... Право, хороша была юность! Она прошла; жизнь не кипитъ больше какъ пѣнящееся вино; элементы души приходятъ въ равновѣсіе, тихнутъ; наступаетъ совершеннолѣтній возрастъ, и да будетъ благословенно и тогдашнее бѣшеное кипѣніе, и нынѣшняя предвозвѣстница гармоніи! Каждый моментъ жизни хорошъ, лишь бы онъ былъ вѣренъ себѣ; дурно, если онъ является не въ своемъ видѣ. Не люблю я скромныхъ, чопорныхъ,образцовыхъ молодыхъ людей; они мнѣ напоминаютъ Алексѣя Степановича Молчалина; они не постигли жизни, они не питали теплой кровью своего сердца отрад-

ныхъ вѣрованій, не рвались участвовать въ міровыхъ подвигахъ. Они не жили надеждами на великое призваніе; они не лили слезъ горести, при видѣ несчастія, и слезъ восторга, созерцая изящное; они не отдавались бурному восторгу оргіи; у нихъ не было потребности друга — и не полюбитъ ихъ дѣва любовью истинной; ихъ удѣлъ утонуть съ головою въ толпѣ. Пусть юноши будутъ юношами. Совершеннолѣтіе покажетъ, что Провидѣніе не отдало такъ много во власть каждаго человѣка; что человѣчество развивается по своей міровой логикѣ, въ которой нельзя перескочить черезъ терминъ въ угоду индивидуальной воли; совершеннолѣтіе покажетъ необходимость частной жизни; почка, принадлежавшая человѣчеству, разовьется въ отдѣльную вѣтвь; но, какъ говоритъ Жуковскій о волнѣ:

Влившись въ море, она назадъ изъ моря не польется.

Душа, однажды предавшаяся универсальной жизни, высокимъ интересамъ, — и въ практическомъ мірѣ будетъ выше толпы, симпатичнѣе къ изящному; она не забудетъ моря и его пространства... Но я забываю себя; вотъ что значитъ заговорить о юности.

Темира уѣхала въ Меленки. Я долго смотрѣлъ на ворота, пропустившія коляску-бричку, въ которой повезли ее; день былъ мертво-осенній. Печально воротился я въ свою комнатку и развернулъ книгу. Старый другъ... опять книга, одна книга оставалась товарищемъ; я принялся тщательно перечитывать греческую исторію. Разумѣется, я за исторію принялся не такъ, какъ за книгу народовъ, зерцало того и сего, а опять какъ за

романъ и читалъ ее по той же методѣ, то есть самъ выступая на сцену въ Акрополисѣ и на форумѣ. Еще больше разумѣется, что Грецiя и Римъ, возстановленные по Сегюру, были нелѣпы, но живы и соотвѣтствовали тогдашнимъ потребностямъ. Театральныхъ натяжекъ всѣхъ этихъ Курцiевъ, бросающихся въ пропасти, вовсе не существующiя, Сцеволъ, жгущихъ себѣ руки по локоть, и пр.. я не замѣчалъ, а гражданскiя добродѣтели ихъ понималъ. Напрасно нынче возстаютъ противъ прежней методы пространно преподавать дѣтямъ древнюю исторiю: это эстетическая школа нравственности. Великiе люди Грецiи и Рима имѣютъ въ себѣ ту поражающую, пластическую, художественную красоту, которая навѣкъ отпечатлѣвается въ юной душѣ. Оттого-то эти величественныя тѣни Ѳемистокла, Перикла, Александра провожаютъ насъ черезъ всю жизнь, такъ, какъ ихъ самихъ провожали величественные образы Зевса, Аполлона. Въ Грецiи все было такъ проникнуто изящнымъ, что самые великiе люди ея похожи на художественныя произведенiя. Не напоминаютъ ли они собою, напримѣръ, свѣтлый міръ греческаго зодчества? та же ясность, гармонiя, простота, юношество, благодатное небо, чистая дѣтская совѣсть; даже черты лица плутарховыхъ героевъ такъ же дивно изящны, открыты, исполнены мысли, какъ фронтоны и портики Парѳенона. Самое тріединое зодчество Грецiи имѣетъ параллель съ героями ея трехъ эпохъ; такъ изящное тѣсно спаяно было у нихъ съ ихъ жизнiю. Гомерическiе герои не дорическiя

ли это коллонны, твердыя, безъискусныя? Герои персидскихъ войнъ и пелопонезской не сродни ли іоническому стилю, такъ, какъ изнѣженный Алкивіадъ—тонкой, кудрявой коринѳской колоннѣ. Пусть же встрѣчаютъ эти высоко-изящныя статуи юношу при первомъ шагѣ его въ область сознанія, съ высоты величія своего вперятъ ему первые уроки гражданскихъ добродѣтелей...

Сильно дѣйствовало на меня чтеніе греческой и римской исторіи. Я скорбѣлъ о томъ, что этотъ міръ добродѣтелей и энергіи давно схороненъ; плакалъ на его могилѣ—какъ вдругъ болѣе внимательное чтеніе одного автора, бывшаго въ моихъ рукахъ, доказало мнѣ, что и тотъ міръ, который окружаетъ меня, въ которомъ я живу,—не изъятъ доблестнаго и великаго. Открытіе это сдѣлало переворотъ въ моемъ бытіи.

Шиллеръ! благословляю тебя, тебѣ обязанъ я святыми минутами начальной юности! Сколько слезъ лилось изъ глазъ моихъ на твои поэмы! какой алтарь я воздвигнулъ тебѣ въ душѣ моей! Ты по превосходству поэтъ юношества. Тотъ же мечтательный взоръ, обращенный на одно будущее,—«туда, туда!» тѣ же чувства, благородныя, энергическія, увлекательныя; та же любовь къ людямъ и та же симпатія къ современности... Однажды взявъ Шиллера въ руки, я не покидалъ его, и теперь, въ грустныя минуты, его чистая пѣснь врачуетъ меня. Долго ставилъ я Гёте ниже его. Для того, чтобъ умѣть понимать Гёте и Шекспира, надобно, чтобъ всѣ способности развернулись, надобно познакомиться съ жизнію, надобны грозные опыты,

надобно пережить долю страданій Фауста, Гамлета, Отелло:—стремленіе къ добродѣтели, горячая симпатія къ высокому достаточны, чтобъ сочувствовать Шиллеру. Я боялся Гете; онъ оскорблялъ меня своимъ пренебреженіемъ, своимъ несимпатизированіемъ со мною—симпатіи со вселенной я понять тогда не могъ. Пусть, думалъ я, Гете—море, на днѣ котораго невѣсть какія драгоцѣнности, я люблю лучше германскую рѣку, этотъ Рейнъ, льющійся между феодальными замками и виноградниками, Рейнъ, свидѣтель тридцатилѣтней войны, отражающій Альпы и облака, покрывающія ихъ вершины. Я забывалъ тогда, что рѣка вливается тоже въ море, въ землеобнимающій океанъ, равно нераздѣльный съ небомъ и съ землею. Гораздо послѣ, мощный Гете увлекъ меня; я тогда еще не вполнѣ понялъ его, но почувствовалъ его *морскую* волну, его глубину, его пространство и (болѣзнь юности — никогда не знать вѣса и мѣры!) на Шиллера взглянулъ иначе, тѣмъ взглядомъ, которымъ юноша, пріѣхавшій въ отпускъ, смотритъ на добрыя черты старца-воспитателя, привыкнувъ къ строгому лицу своего начальника: немножко внизъ, немножко съ благосклонностью. Но я скоро опомнился, покраснѣлъ отъ своей неблагодарности и съ горячими слезами раскаянія бросился въ объятія Шиллера. Имъ обоимъ не тѣсно было въ мірѣ — не тѣсно будетъ и въ моей груди; они были друзьями — такими да идутъ въ потомство.

Но въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, я никакъ не могъ понимать Гете; у него въ груди не билось такъ

человѣчески-нѣжное сердце, какъ у Шиллера. Шиллеръ съ своимъ Максомъ, Донъ Карлосомъ, жилъ въ одной сферѣ со мною, какъ же мнѣ было не понимать его! Суха душа того человѣка, который въ юности не любилъ Шиллера, завяла у того, кто любилъ, да пересталъ!

У меня страсть перечитывать поэмы великихъ maëstri: Гете, Шекспира, Шиллера, Пушкина, Вальтеръ-Скотта. Казалось бы, зачѣмъ читать одно и то же, когда въ это время можно «украсить» свой умъ произведеніями гг. А. В. С.? Да въ томъ-то и дѣло, что это не одно и то же; въ промежутки какой-то духъ мѣняетъ очень много въ вѣчно живыхъ произведеніяхъ маэстровъ. Какъ Гамлетъ, Фаустъ прежде были шире меня, такъ и теперь шире, не смотря на то, что я убѣжденъ въ своемъ расширеніи. Нѣтъ, я не оставлю превычки перечитывать, поэтому я наглазно измѣряю свое возрастаніе, улучшеніе, паденіе, направленіе. Прошли годы первой юности, и надъ Моромъ, Позой выставилась мрачная, задумчивая тѣнь Валленштейна, и выше ихъ парила Дѣва Орлеанская; прошли еще годы—и Изабелла, дивная мать, стала рядомъ съ гордой дѣвственницей. Гдѣ же прежде была Изабелла? Мѣста, приводившія меня пятнадцатилѣтняго въ восторгъ, поблекли, напр. студентскія выходки, сентенціи въ «Разбойникахъ»; а тѣ, которыя едва обращали вниманіе, захватываютъ душу. Да, надобно перечитывать великихъ поэтовъ, и особенно Шиллера, поэта благородныхъ порывовъ, чтобъ поймать свою душу, если

она начнетъ сохнуть! Человѣчество своимъ образомъ перечитываетъ цѣлыя тысячелѣтія Гомера, и это для него оселокъ, на которомъ оно пробуетъ силу возраста. Лишь только Грецiя развилась,—она Софокломъ, Праксителемъ, Зевксисомъ, Еврипидомъ, Эсхиломъ повторила образы, завѣщанные колыбельной пѣснью ея, Иліадой; потомъ Римъ попытался возсоздать ихъ по своему, стоически, Сенекою; потомъ Франція напудрила ихъ и надѣла башмаки съ пряжками — Расиномъ; потомъ падшая Италія перечитала ихъ чернымъ Альфіери; потомъ Германія возсоздала своимъ Гете Ифигенію, и на ней увидѣла всю мощь его. . . .

. . . . . .

Тутъ недостаетъ нѣсколькихъ страницъ... А досадно.... должно быть, онѣ занимательны. Кстати, я не догадался объяснить въ предисловіи (можетъ быть потому, что его вовсе нѣтъ), какъ мнѣ попалась эта тетрадь, и потому, пользуясь свободнымъ мѣстомъ, оставленнымъ выдранными страницами, я объяснюсь въ *междусловіи*, и притомъ считаю это необходимымъ для предупрежденія догадокъ, заключеній и пр. — Тетрадь, въ которой описываются похожденія любезнаго молодаго человѣка, попалась мнѣ въ руки совершенно нечаянно и—чему не всякій повѣритъ—въ Вяткѣ, окруженной лѣсами и черемисами, болотами и исправниками, вотяками и становыми приставами,—въ Вяткѣ, засыпанной снѣгомъ и всякаго рода дѣлами, кромѣ литературныхъ. Но должно ли дивиться, что какая нибудь тетрадь попалась въ Вятку?.. «Нашъ вѣкъ—вѣкъ чудесъ», говаривалъ Фонтенель, жившій въ прошломъ вѣкѣ... Тетрадь молодаго человѣка была забыта вѣроятно самимъ молодымъ человѣкомъ на станціи; смотритель, возивши для ревизованія книгу въ губернскій городъ, подарилъ ее почтовому чиновнику. Почтовый чиновникъ далъ ее мнѣ — я ему не отда-

валъ ея. Но прежде меня онъ давалъ ее поиграть черной quasi-датской собакѣ; собака, болѣе скромная, нежели я, не присвоивая себѣ всей тетради, выдрала только мѣста, особенно пришедшія на ея quasi-датскій вкусъ; и, говоря откровенно, я не думаю, чтобъ это были худшія мѣста. Я буду отмѣчать, гдѣ выдраны листы, гдѣ остались одни городки, и прошу помнить, что единственный виновникъ — черная собака: имя же ей Пультусъ.—Послѣ выдранныхъ страницъ продолжается рукопись такъ:

. . . . . .

Поза, Поза! гдѣ ты? гдѣ ты, юноша-другъ, съ которымъ мы обручимся душою, съ которымъ выйдемъ, рука объ руку, въ жизнь, крѣпкіе нашей любовью? Въ этомъ вопросѣ будущему было упованіе и молитва, грусть и восторгъ. Я вызывалъ симпатію, потому что не было мѣста въ одной груди вмѣстить все, волновавшее ее. Мнѣ надобна была другая душа, которой я могъ высказать свою тайну; мнѣ надобны были глаза, полные любви и слезъ, которые были бы устремлены на меня; мнѣ надобенъ былъ другъ, къ которому я могъ бы броситься въ объятія, и въ объятіяхъ котораго мнѣ было бы просторно, вольно. Поза, гдѣ же ты?..

Онъ былъ близокъ.

Въ мірѣ все подтасовано: это старая истина; ее разсказалъ какой-то аббатъ на вечерѣ у Дидро. Одни *честные* игроки не догадываются и ссылаются на случай. Счастливый случай, думаютъ они, вызвалъ любовь Дездемоны къ Мавру; несчастный случай затворилъ душу Эсмеральды для Клода Фролло. Совсѣмъ нѣтъ, все подтасовано, — и лишь только потребность истинная, сильная, потребность друга захватила мою душу.

онъ явился, прекрасный и юный,какимъ мечтался мнѣ, какимъ представлялъ его Шиллеръ. Мы сблизились по какому-то тайному влеченію, такъ, какъ въ растворѣ сближаются два атома однороднаго вещества непонятнымъ для нихъ сродствомъ.

Въ маломъ числѣ моихъ знакомыхъ былъ полу-юноша, полу-ребенокъ, однихъ лѣтъ со мною, кроткій, тихій, задумчивый; печально сидѣлъ онъ обыкновенно на стулѣ и какъ то невнимательно смотрѣлъ на окружающіе предметы своими большими сѣрыми глазами, особо разсѣченными и того сѣраго цвѣта, который лучше голубаго. Непонятною силою тяготѣли мы другъ къ другу; я предчувствовалъ въ немъ брата, близкаго родственника душѣ—и онъ во мнѣ то же. Но мы боялись показать начинавшуюся дружбу; мы оба хотѣли говорить *ты*—и не смѣли,не смѣли даже въ запискахъ употреблять слово «другъ», придавая ему смыслъ обширный и святой... Милое время дѣтской непорочности и чистоты душевной!.. Мало по малу слова дружбы и симпатіи начали врываться стороною, какъ бы нехотя; посылая мнѣ «Идилліи» Геснера, онъ написалъ маленькое письмецо и въ раздумьи подписалъ: «вашъ другъ ли—не знаю еще». Передъ отъѣздомъ моимъ въ деревню онъ приносилъ томъ Шиллера, гдѣ его «Philosophische Briefe», и предложилъ читать вмѣстѣ... Ахъ, какъ билось сердце, слезы навертывались на глазахъ! Мы тщательно скрывали слезы. «Ты уѣхалъ, Рафаилъ— и желтыя листья валятся съ деревьевъ, и мгла осенняго тумана, какъ гробовой покровъ, лежитъ на вымер-

шей природѣ. Одиноко брожу я по печальнымъ окрестностямъ, зову моего Рафаила, и больно, что онъ не откликается мнѣ». Я схватилъ Карамзина и читалъ въ отвѣтъ: «Нѣтъ Агатона, нѣтъ моего друга». Мы явно понимали, что каждый изъ насъ адресуетъ эти слова отъ себя, но боялись прямо сказать. Такъ дѣлаютъ *неопытные* влюбленные, отмѣчая другъ другу мѣста въ романахъ; да мы и были à la lettre влюбленные, и влюблялись съ каждымъ днемъ больше и больше. Дружба, прозябнувшая подъ благословеніемъ Шиллера, подъ его благословеніемъ расцвѣтала: мы усвоивали себѣ характеры всѣхъ его героевъ. Не могу выразить всей восторженности того времени. Жизнь раскрывалась передъ нами торжественно, величественно; мы откровенно клялись пожертвовать наше существованіе во благо человѣчеству; чертили себѣ будущность несбыточную безъ малѣйшей примѣси самолюбія, личныхъ видовъ. Свѣтлые дни юношескихъ мечтаній и симпатіи! они проводили меня далеко въ жизнь...

(Здѣсь опять недостаетъ двухъ-трехъ страницъ).

..... Въ деревнѣ я сдѣлалъ знакомство, достойное сдѣланнаго въ Москвѣ: я въ первый разъ послѣ ребячества явился лицомъ къ лицу съ природой, и ея выразительныя черты сдѣлались понятны для меня. Это отдохновеніе отъ школьныхъ занятій было на мѣстѣ; я закрылъ учебную книгу, не смотря на то, что надобно было готовиться къ университету. Колоссальная идиллія лежала развернутая передо мной, и я не могъ наглядѣться на нее: такъ нова она была мнѣ, выросшему

въ третьемъ этажѣ на Пречистенкѣ. Читалъ я мало, и то одного Шиллера; на высокой горѣ, съ которой открывались пять-шесть деревенекъ, пробѣгалъ я «Телля», и въ мрачномъ лѣсу перечитывалъ Карла Мора— и, казалось, молодецкій посвистъ его ватаги и топотъ конницы, окружавшей его, раздавался между соснами и елями. Но чаще всего я бросалъ книгу и долго-долго смотрѣлъ на окружающія поля, на рѣку, перерѣзывающую ихъ, на храмъ Божій, бѣлый какъ лилія и какъ лилія окруженный зеленью. Иногда мнѣ казалось, что вся эта даль — продолженіе меня, что гора со всѣмъ окружающимъ—мое тѣло, и мнѣ слышался пульсъ ея, и мы вмѣстѣ вдыхали и выдыхали воздухъ. Иногда мнѣ казалось, что я совершенно потерянъ въ этой безконечности — листокъ на огромномъ деревѣ; но безконечность эта не давила меня: мнѣ было хорошо лежать на моей горѣ; я понималъ, что я дома, что все это родное...

Смѣшно, что я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ медоваго мѣсяца моей жизни; я очень знаю, что всѣ видали природу днемъ и ночью и чувствовали при этомъ и то и се; что тысяча лѣтъ тому назадъ люди восхищались ею, потому что въ ней также просвѣчивалъ на каждой точкѣ ея Творецъ; но... но... но пожалуй, воротимся въ Москву. Вотъ глубокая осень, грязь по колѣно; иное утро подмерзнетъ, иное льется мелкій дождь; работы оканчиваются; одинъ цѣпъ стучитъ въ тактъ; сборы, хлопоты; священникъ съ просвирою и напутственнымъ благословеніемъ... Староста провожаетъ

верхомъ за десять верстъ на мірской лошади, чтобъ убѣдиться, что господа точно уѣхали... Карета вязнетъ въ грязи проселочной дороги, едва двигается, иногда склоняется на бокъ, и всякій разъ батюшкинъ каммердинеръ, преданный, какъ въ «Ивангоэ» Гуртъ Седрику Саксонцу, выходитъ изъ кибитки и поддерживаетъ карету; а самъ такой щедушный, что десяти фунтовъ не подыметъ. Наконецъ, вотъ Драгомиловскій мостъ, освѣщенныя лавочки, «калачи горячи»,—и мы въ Москвѣ.

Такъ доѣхалъ я чрезъ Драгомиловскій мостъ до окончанія первой части моей юности. Отсюда начинается новая жизнь, жизнь аудиторіи, жизнь студента; отселѣ не пустынныя четыре стѣны родительскаго дома, а семья трехсотголовая, шумная и неугомонная...

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОДНОГО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.

—

ОТЪ НАШЕДШАГО ТЕТРАДЬ.

Помѣстивъ отрывокъ изъ первой тетради «Записокъ одного Молодаго Человѣка» въ XIII томѣ «Отеч. Записокъ» (кн. 12, 1840), мы объяснили въ приличномъ «междусловіи», какъ намъ досталась тетрадь и какъ не достались нѣкоторые листы изъ нея. Теперь пришло намъ на мысль помѣстить отрывокъ изъ второй тетради. Между первой и второй тетрадями потеряны годы, версты, дести. Мы разстались съ молодымъ человѣкомъ у Драгомиловскаго моста на Москвѣ-рѣкѣ, а встрѣчаемся на берегу Оки рѣки, да притомъ вовсе безъ моста. Тогда молодой человѣкъ шелъ въ университетъ, а теперь ѣдетъ въ городъ Малиновъ, худшій городъ въ мірѣ, ибо ничего нельзя хуже представить для города, какъ совершенное несуществованіе его. *Молодой человѣкъ* дѣлается *просто* «*человѣкъ*» (не сочтите этого двусмысленнаго слова за намёкъ, что онъ пошелъ въ лакеи). Завиральныя идеи начинаютъ обле-

тать какъ желтые листья. Въ третьей тетради—*полное развитіе:* тамъ никакихъ уже нѣтъ идей, мыслей, чувствъ; отъ этого она дѣльнѣе, и видно, что молодой человѣкъ «въ умъ вошелъ»; вся третья тетрадь состоитъ изъ расходной книги, формулярнаго списка и двухъ довѣренностей, засвидѣтельствованныхъ въ гражданской палатѣ. Пока вотъ отрывокъ изъ начала второй тетради, будетъ и изъ третьей, если того захотятъ, во первыхъ, читатели,во вторыхъ, издатель «Отеч. Записокъ», въ третьихъ... кто бишь въ третьихъ, дай Богъ память... Вспомню, скажу послѣ.

ГОДЫ СТРАНСТВОВАНІЯ.

So bleibe denn die Sonne mir im Rücken
Am *farbigen Abglanz* haben wir das *Leben.*
FAUST. II THEIL.

II.

Per me si va nella citta dolente!
DANTE. DE L'INFERNO.

Я устроенъ чрезвычайно гуманно. Читая розенкранцеву «Психологію», имѣлъ я случай убѣдиться, что устроенъ рѣшительно по хорошему современному руководству. Отъ того меня нисколько не удивляетъ, что всякое первое впечатлѣніе бываетъ смутнѣе, слабѣе нежели отчетъ въ немъ. Непосредственность только пьедесталъ жизни человѣческой, и именно отчетомъ поднимается человѣкъ въ ту сферу, гдѣ вся мощь и доблесть его. Въ самомъ дѣлѣ, не знаю, какъ съ другими

бываетъ, а я никогда не чувствовалъ всей полноты наслажденія — въ самую минуту наслажденія (само собой разумѣется, что рѣчь идетъ не о чувственномъ наслажденіи: котлеты въ воспоминаніи право меньше привлекательны, нежели во рту). Наслаждаясь, я дѣлаюсь страдателенъ, воспринимающъ. Послѣ — блаженство какъ-то дѣятельно струится изъ меня, и я постигаю по этой исходящей силѣ всю полноту его. То же въ горестяхъ: никогда не чувствовалъ я всей горечи разлуки такъ сильно, какъ отъѣхавъ нѣсколько станцій. Впрочемъ, такая организація не есть исключительно гуманная. Покойникъ А. Л. Ловецкій, Professor ord. Mineralogiae etc. etc., читалъ, когда еще былъ въ бренной оболочкѣ, о камнѣ, называемомъ болонскимъ, который, полежавши на солнцѣ, затаитъ въ себѣ свѣтъ, а послѣ ночью свѣтится (не знаю, имѣютъ ли то же свойство болонскія собаки, но сомнѣваюсь). Такъ случилось и теперь; съ какимъ-то тяжело-смутнымъ, дурно-неяснымъ чувствомъ проскакалъ я 250 верстъ. Было начало апрѣля. Ока разлилась широко и величественно, ледъ только что прошелъ. На большой парѣмъ поставили мою коляску, бричку какого-то коннаго офицера, ѣхавшаго получать богатое наслѣдство, и коробочку на колесахъ ревельскаго купца въ ваточномъ халатѣ, сверхъ котораго рисовалась шинель water proof. Мы ѣхали вмѣстѣ третью станцію, и я радъ былъ встрѣчѣ съ людьми, хотя въ сущности радоваться было нечему. Офицеръ разсказывалъ съ необычайною плодовитостью свои похожденія въ Москвѣ, съ казарменнымъ цинизъ-

момъ, кричалъ въ интервалахъ ужаснымъ голосомъ: «Юрка, трубку!», и бурнымъ потокомъ словъ обдавалъ каждаго смотрителя. Купецъ ревельскій, чрезвычайно похожій на Пріапа, былъ въ восторгѣ отъ геройскихъ подвиговъ господина офицера, и только съ чувствомъ глубокой грусти иногда говорилъ, качая головой: «хорошо имѣть эполеты, а вотъ нашъ братъ...» Офицеръ самодовольно поглаживалъ усы послѣ такого замѣчанія и еще громче кричалъ: «Юрка, трубку!»... А все-таки я радовался встрѣчѣ.

Небо было безоблачно; солнце свѣтило; какой-то особый запахъ весны носился надъ водою. Плавно, тихо двинулся парóмъ; разливъ простирался верстъ на десять. Прѣсненскіе Пруды въ Москвѣ были наибольшее количество воды, видѣнное мною прежде. Меня поразила рѣка. Ревельскій Пріапъ вытащилъ фляжку съ ромомъ и, наливая въ крышку, подалъ мнѣ, говоря: «Я купилъ этотъ ромъ у Кистера, въ Москвѣ; онъ очень хорошъ: пейте; вамъ *долго* не придется пить такого рома; *тамъ* продаютъ кизлярку съ мадерой за ромъ... На водѣ же не мѣшаетъ.» Я выпилъ, повернулся лицомъ къ водѣ и оперся на загородку. «Долго не придется», повторилъ я, и неопредѣленныя чувства, тяготившія грудь, вдругъ стали проясняться; грусть острая, жгучая развивалась и захватывала душу. Я пристально смотрѣлъ на гладкую, лоснящуюся поверхность Оки. Московскій берегъ отодвигался далѣе и далѣе; глубь, вода, пространство, препятствія отдѣляли меня болѣе и болѣе... А тотъ берегъ — чуждый, не-

пріязненный, изъ темносиней полосы превращался въ поля; деревни становились ближе, ближе... На московскомъ берегу у меня все: впалыя щеки старца, по которымъ недавно катилась слеза... и другія слезы... О, Боже!.. А на томъ берегу ничего для меня, не желанія ступить на него, ни воли не ступать. Слезы полились изъ глазъ; это бываетъ рѣдко со мною, и я опять твердилъ: «долго, долго»... Ярче я никогда не чувствовалъ разлуки. Тихое, спокойное движеніе по водѣ само собою наводитъ грусть; рѣка была какимъ-то олицетвореніемъ препятствій и ихъ возрастанія, рубежей и ихъ непреодолимости, семи тяжелыхъ замковъ, которыми запирается все милое. Потомъ прошедшее осѣнило меня какъ-бы въ утѣшеніе, и грустная, но воспрянувшая душа придавала ему чудное изящество: образъ друга, окруженный свѣтомъ заходящаго солнца на горахъ, образъ дѣвы-утѣшительницы, окруженный полумракомъ среди надгробныхъ памятниковъ кладбища, слетѣли съ неба. Когда они были близко, когда я могъ осязать ихъ, они были еще люди; разлука придала имъ идеальную невещественность; они мнѣ казались тогда свѣтлыми видѣніями... И я былъ даже счастливъ въ эти минуты тяжкой грусти...

Парóмъ стукнулся и остановился. Офицеръ хотѣлъ перескочить на берегъ прежде, нежели положили доску, и по колѣни увязъ въ грязи.

— Можетъ ли что́ нибудь быть ужаснѣе! кричалъ онъ, бѣсясь отъ досады. — Юрка, Юрка!

— Можетъ, отвѣчалъ я. Но ему было не до моихъ возраженій.

— А что̀? спросите вы.

— Быть отложительнымъ глаголомъ латинской грамматики и спрягаться страдательно, не будучи страдательнымъ.

—

На Волгѣ я чуть не потонулъ — однакожь не потонулъ, что́ очень хорошо.

—

Наконецъ, послѣ разнообразнѣйшихъ приключеній, я благополучно сталъ на якорѣ передъ городомъ Малиновымъ, и его-то именно я хочу описать. Жаль только, что у меня голова устроена какъ-то безсмысленно. Плано-Карпини, напримѣръ, разсказываетъ свое путешествіе какъ по писанному, и, сказавъ въ началѣ: dicendo de cibis dicendum est de moribus, знаетъ уже́, что какъ опишешь десертъ, такъ и слѣдуетъ о нравахъ. Я сколько ни думалъ, не придумалъ, въ какой порядокъ привести *любопытные* отрывки изъ моего журнала, и помѣщаю его въ томъ видѣ, какъ онъ былъ писанъ.

ПАТРІАРХАЛЬНЫЕ НРАВЫ ГОРОДА МАЛИНОВА.

Посвящаю памяти Кука и его (вѣроятно) превосходительству Дюмон-д'Юрвилю, Capitaine de Vaisseau.

Великіе океаниды! вы не пренебрегали бѣдными островами, которыхъ все населеніе составляютъ гладкіе слизняки, двѣ-три птицы съ необыкновеннымъ клювомъ, и столбъ, вами же поставленный. Отвергнете ли вы городъ Малиновъ?

Тщетно искалъ я въ вашихъ вселенскихъ путешествіяхъ, въ которыхъ описанъ весь кругъ свѣта, чего нибудь о Малиновѣ. Малиновъ лежитъ не въ кругѣ свѣта, въ сторону отъ него (отъ того тамъ вѣчныя сумерки). Я не видалъ всего круга свѣта и, будто въ пику вамъ и себѣ, видѣлъ одинъ Малиновъ (*); — посвящаю его вамъ и себя съ нимъ повергаю на палубу вашихъ землеоблетающихъ фрегатовъ.

Summâ cum pietate
etc. etc. etc.

—

. . . . . Паро́мъ двигался тихо; крутой берегъ, гдѣ грѣлось на солнцѣ желтое длинное зданіе присутственныхъ мѣстъ, едва приближался, и мнѣ было грустно — разлука, или предчувствіе были причиною — не знаю: вѣроятно, то и другое. Для меня, въѣздъ въ новый городъ всегда полонъ думъ, и думъ торжественныхъ; кучка людей, живущихъ тутъ, не имѣла понятія обо мнѣ, я объ нихъ; они родились, выросли, страдали и радовались безъ меня, я безъ нихъ— и вдругъ наши жизни коснутся! и, почему знать, можетъ, въ этой кучкѣ найду я себѣ друга, который проведетъ меня черезъ всю жизнь,—врага, который по-

(*) Правдивость заставляетъ сказать, что до меня одинъ путешественникъ былъ въ Малиновѣ и вывезъ оттуда экземпляръ безхвостой обезьяны, названной имъ по-латинѣ *Bedovik*. Она чуть не пропала между Петербургомъ и Москвой (См. «Отеч. Зап.» 1839. Т. III, Отд. III, стр. 136—245: «Бѣдовикъ»).

шлетъ пулю въ лобъ. Если же и ничего этого не будетъ, все же ихъ жизни для меня раскроются, и я, какъ дѣятельный элементъ, войду въ кругъ чуждый и почему знать, какъ я подѣйствую на него, какъ онъ подѣйствуетъ на меня..

Паро́мъ остановился, коляску заложили, и я въѣхалъ въ Богомъ хранимый градъ Малиновъ, шагомъ тащась на гору по глинистой землѣ. Благочестивый городъ не завелъ еще гостинницы: я остановился на постояломъ дворѣ, довольно грязномъ и чрезвычайно душномъ. Первымъ дѣломъ было раскрыть окно: низенькіе домики стоятъ по обѣимъ сторонамъ улицы, травка ростетъ возлѣ деревянныхъ троттуаровъ и изрѣдка проѣзжаютъ, особымъ образомъ дребезжа, какія нибудь желтыя или свѣтлозеленыя дрожки, дѣланныя до Француза. «Должно быть, эти люди въ простотѣ душевной живутъ себѣ тихо и хорошо», думалъ я, и (такъ какъ это было на другой годъ послѣ университета) прибавилъ: «Beatus ille qui procul negotiis ѣздитъ по улицамъ, на которыхъ ростетъ трава».

Такъ какъ идиллическое расположеніе не могло меня насытить, то я спросилъ хозяина, что́ у него есть съѣстнаго. «Есть, пожалуй, рыба славная.» — Дай рыбу!— Онъ принесъ черезъ полчаса кусокъ рыбы съ запахомъ лимбургскаго сыра; я люблю, чтобъ каждая вещь пахла сама собою, и потому не могъ въ ротъ взять рыбы.— Еще что́ есть?—«Да ничего, *пожалуй*, нѣтъ». Хозяйка пожалѣла обо мнѣ и изъ другой комнаты, минутъ черезъ пять, принесла яичницу, въ которой были куски сыро-

мятной кожи, состоявшіе въ должности ветчины, какъ надобно думать. Дѣлать было нечего: я наѣлся яичницы. Такъ какъ дѣло шло къ вечеру, а я былъ разбитъ весенней дорогой, то и легъ спать.

—

Черезъ недѣлю.

Я переѣхалъ изъ нечистаго постоялаго двора на нечистую квартиру одного изъ самыхъ большихъ домовъ въ городѣ. Домъ этотъ состоитъ изъ разныхъ пристроекъ, дополненій, прибавленій, и отдается въ наймы разнымъ семьямъ, которыя всѣ пользуются садомъ, заросшимъ крапивою и лапушникомъ. Вчера вечеромъ мнѣ вздумалось посѣтить нашъ паркъ; я нашелъ тамъ, во первыхъ, хозяина дома, во вторыхъ, всѣхъ его жильцовъ. Хозяинъ дома—холостой человѣкъ лѣтъ 45, отростившій большіе бакенбарды для того, чтобъ жениться, болтунъ и дуракъ,—дружески адресовался ко мнѣ и тотчасъ началъ меня рекомендовать и мнѣ рекомендовать. Тутъ былъ какой-то старикъ подслѣпый, съ анной въ петлицѣ нанковаго сюртука, отставленный членъ межевой конторы; какая-то блѣдная семинарская фигура съ тѣмъ видомъ рѣшительнаго идіотизма, который мы преимущественно находимъ у такъ называемыхъ «ученыхъ», — и въ самомъ дѣлѣ, это былъ учитель Малиновской Гимназіи. Межевой членъ, поднося мнѣ табакерку: спросилъ: «Изволите служить?» — Теперь нѣтъ; дѣла мои требовали, чтобъ я покинулъ службу на нѣкоторое время. — «А ежели смѣю спро-

сить, имѣете чинъ?»—Титулярный совѣтникъ.—«Боже мой!» сказалъ онъ съ видомъ глубокаго оскорбленія: «я думаю, вы не родились, а я уже былъ помощникомъ землемѣра при генеральномъ межеваніи, и мы въ одномъ чинѣ! Хоть бы при отставкѣ дали ассесора! Единъ Богъ знаетъ мои труды! Да за что же васъ произвели въ такой рангъ?» Мнѣ было немножко досадно; однако, уважая его лѣта, я ему объяснилъ университетскія права. Онъ долгъ качалъ головою, повторяя: «И служи послѣ этого до сѣдыхъ волосъ!» Въ то время, когда участникъ генеральнаго межеванія страдалъ отъ университетскихъ правъ, учитель гимназіи принялъ важный видъ и самодовольно замѣтилъ, что и онъ, на основаніи права лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, состоитъ въ 9 разрядѣ, и протянулъ мнѣ руку, какъ гражданинъ reipublicae litterarum своему согражданину. Человѣкъ этотъ чрезвычайно безобразенъ, нечистъ и, судя по видимымъ образчикамъ его бѣлья, надобно думать, что онъ мѣняетъ его только въ день Кассіана Римлянина. «Какого факультета-съ?» — Математическаго.— «И я-съ; да знаете, трудная наука, сушитъ грудь-съ; напряженіе вниманія очень нездорово; я оставилъ теперь математику и преподаю реторику»... Хозяинъ потащилъ меня, перерывая педагога, рекомендовать дамамъ; вообще, онъ старался показать, что со мною старый знакомый, и какія границы я ни ставилъ его дружбѣ, она, какъ всѣ сильныя чувства, ломала ихъ. «Вотъ нашъ столичный гость», кричалъ онъ *прекрасному полу*, си-

дѣвшему подъ качелями, рѣшительно похожими на висѣлицу. Старуха, съ померанцовыми лентами на чепцѣ, начала меня тотчасъ распрашивать о Москвѣ и о прочемъ. Потомъ звала приходить къ нимъ *поскучать* и, указывая на трехъ барышенъ, изъ которыхъ двѣ смотрѣли мнѣ прямо въ глаза, а третья, довольно хорошенькая, сидѣла поодаль съ книгой, объявила, что это ея дочери. Учитель гимназіи приступилъ ко мнѣ съ неотступной просьбой идти къ нему чай пить. Дивясь такой необыкновенной учтивости, я пошелъ. Учитель привелъ меня въ комнату, въ которой сидѣла премолоденькая женщина и, сказавъ: «Сé ма фамъ», прибавилъ: «прошу безъ церемоніи трубочку Фаллеру; у насъ, ученыхъ, нѣтъ церемоніи». Жена его премиленькая и проста до безконечности; она говорила, что ей скучно жить на свѣтѣ, что хочетъ умереть, и при этомъ дѣлала такіе предсмертные глазки, что мнѣ пришли въ голову фантазіи совершенно противоположныя смерти; въ послѣдствіи я убѣдился, что я не такъ далекъ былъ отъ ея мыслей въ этой противоположности.

Конечно, все это смѣшно; но гдѣ же найдешь въ большомъ городѣ такое радушіе, гостепріимство? Люди всегда судятъ по наружности; что́ за дѣло до формы (*)!

(*) Напередъ предувѣдомляемъ читателей:: мы увѣрены, что неизвѣстный намъ авторъ «Записокъ» все предыдущее и послѣдующее въ этой статьѣ о городѣ Малиновѣ—просто *выдумалъ*, и что ничего изъ разсказываемаго имъ въ дѣйствительности не было и быть не могло, точно такъ же, какъ нѣтъ и никогда не бывало въ мірѣ города *Малинова*, котораго не найдете ни на какихъ картахъ древняго и новаго свѣта. *Ред.*

Черезъ двѣ недѣли.

Жаль, право, что эти добрые люди такъ сплетничаютъ; это отнимаетъ всюохоту ходить къ нимъ. Я начинаю думать, что все гостепріимство ихъ основано на скукѣ: они другъ другу страшно надоѣли, и новый, пріѣзжій, особенно изъ столицы, для нихъ аккробатъ фокусникъ, обязанный занимать ихъ, разсказывать имъ новости; за это они строятъ ему куры, кормятъ на убой, поятъ до-нельзя заставляютъ для него дочерей пѣть, аккомпанируя на пяти-октавномъ фортепьяно съ сковородными звуками. Когда выспросятъ его обо всемъ, и тогда даже интересъ его далеко не исчерпанъ: они начинаютъ всѣми средствами узнавать о его дѣлахъ, о его родныхъ; иные дѣлаютъ это изъ видовъ; наприм. старуха совѣтница, живущая противъ меня (я каждое утро вижу, какъ она, повязанная платкомъ, изъ-подъ котораго торчитъ нѣсколько сѣдыхъ волосъ въ палецъ толщиною, осматриваетъ свое хозяйство), познакомилась у воротъ съ моимъ каммердинеромъ Петромъ Ѳедоровичемъ и спрашивала его, женатъ я или нѣтъ, и если нѣтъ, имѣю ли охоту и склонность къ браку. Въ это время выбѣгала за нею (разумѣется, ненарочно) дочка, рыжая и курносая, у которой не только на лицѣ, но и на платьѣ были веснушки. Другіе находятъ просто поэтическое удовольствіе въ томъ, чтобъ знать всѣ домашнія дѣла новоприбывшаго....

—

Черезъ мѣсяцъ.

Былъ на большомъ обѣдѣ у одного изъ здѣшнихъ аристократовъ. Ужасно смѣшно все безъ исключенія, начиная отъ хозяина въ свѣтло-яхонтовомъ фракѣ и съ волосами, вычесаннымъ вгладь, до креселъ изъ цѣльнаго краснаго дерева тяжелѣе 10 фунтоваго орудія, украшенныхъ позолоченной рѣзьбою въ видѣ раковинъ и амуровъ. Торжественной процессіей отправился beau monde въ столовую: губернаторъ съ хозяйкой дома впередъ; за нимъ всѣ въ почтительномъ разстояніи и въ томъ порядкѣ, въ какомъ чиновники пишутся въ Адресъ-Календарѣ. Толпа лакеевъ въ какихъ-то чижоваго цвѣта сюртукахъ, пестрыхъ галстукахъ и съ бисерными шнурками по жилетамъ,суетилась за стульями подъ предводительствомъ дворецкаго, котораго брюхо доказывало, что онъ вполнѣ пользуется правомъ ѣсть съ барскаго стола. Изъ-за полузатворенной двери выглядывала босая баба, одѣтая въ грязь, съ тарелкой въ рукѣ и съ полотенцемъ. Вице-губернаторъ хотѣлъ было сѣсть за второй столъ, за которымъ помѣстились барышни и молодые люди; но старуха или мать хозяина начала кричать: «помилуйте, Сергѣй Львовичъ, что̀ вы дѣлаете; куда это вы сѣли?» — Да развѣ вы меня считаете старикомъ? — «Охъ, батюшка», отвѣчала старуха: «лѣтами-то ты молодъ, да чинъ-то твой старъ». Малиновъ смѣло можетъ похвастать порядкомъ распредѣленія мѣстъ за обѣдомъ.

Главное дѣйствующее лицо за обѣдомъ былъ док-

торъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ забывшій медицину и учившійся, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ Гёттингенѣ. Онъ поѣхалъ въ Россію съ твердымъ убѣжденіемъ, что въ Москвѣ по улицамъ ходятъ медвѣди, и, занесенный въ Малиновъ нѣмецкой страстью пытать счастія по всему бѣлому свѣту, обжился здѣсь, привыкъ и остался дожидаться, пока разстройство животной экономіи и засореніе vasorum absorbentium превратитъ его самого въ соръ. Этотъ старичокъ, весьма веселый и крошечнаго роста, лукаво посматривалъ сѣренькими глазками, острилъ въ глаза надъ всѣми, шутилъ, отпускалъ вольтеровскія замѣчанія, смѣшилъ двусмысленностями и приводилъ въ ужасъ матеріализмомъ. При этомъ онъ умѣлъ принять такой видъ кліентизма и уничиженія, такой видъ бономіи и самоуничтоженія, что его вылазки даже на особу его превосходительства принимались милостиво. Я воображаю, что подобную роль играли жиды въ замкахъ рыцарей, когда они имъ были нужны. Его всѣ любили и онъ всѣхъ любилъ. Это поколѣніе родилось, выросло, занемогло, выздоровѣло при немъ, отъ него; онъ не только зналъ ихъ наружность, но зналъ ихъ внутренности, —и еще больше, нежели наружность и внутренности: я замѣтилъ это по нѣкоторымъ сардоническимъ взглядамъ, отъ которыхъ пылали нѣкоторыя щечки.

За обѣдомъ первый тостъ пили за *здравіе* его превосходительства, съ благоговѣйнымъ чиномъ, вставши. Докторъ сложилъ руки на груди и сказалъ: «Ваше превосходительство, ну могу ли я откровенно пить

такой ужасный тостъ для меня?»... Всѣ захохотали; чиновники качали головой, будто говоря: «экій смѣльчакъ!» и я хохоталъ, потому что въ самомъ дѣлѣ выходка была смѣшна.

Когда кончился обѣдъ съ своими 26-ю блюдами и 15 тостами, всѣ бросились къ карточнымъ столамъ. Барышни столпились въ уголъ залы. Докторъ, слѣдуя гигіеническимъ правиламъ, еще возложеннымъ въ Геттингенѣ и отъ которыхъ онъ никогда не отступалъ, сталъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ, всякій разъ стрѣляя остротами, когда подходилъ къ барышнямъ. Я ушелъ.

—

Черезъ полтора мьсяца.

Жена почтмейстера, принимающая во мнѣ родственное участіе, сказала, что на меня дуется весь городъ, зачѣмъ я не дѣлалъ визитовъ. Безъ вины виноватъ! Мнѣ отроду не приходила въ голову возможность ѣхать въ незнакомый домъ. Завтра нанимаю я у хозяина дома дрожки (досадно только, что онѣ обиты кирпичнаго цвѣта сукномъ) и ѣду.

—

На другой день.

Вездѣ приняли какъ роднаго и подчивали водкой. Право, они предобрые люди! Глупы ужасно—ну, да что жь дѣлать. Дамы намекали что-то на то, что я прежде

познакомился съ почтмейстершей. Какое вниманіе ко мнѣ! Немного досадно, что онѣ такъ дурно думаютъ о моемъ вкусѣ. Жена тощаго учителя въ тысячу разъ милѣе и ближе къ натурѣ. Вчера мы съ ней гуляли по саду въ лунный вечеръ. Луна и здѣсь такъ же сантиментальна, какъ вездѣ. Въ саду есть бесѣдка, изъ оконъ которой прекрасно смотрѣть на луну...

—

Черезъ полгода.

Бѣдная, жалкая жизнь! не могу съ нею свыкнуться... Пусть человѣкъ, гордый своимъ достоинствомъ, пріѣдетъ въ Малиновъ посмотрѣть на тамошнее общество— и смирится. Больные въ домѣ умалишенныхъ меньше безсмысленны. Толпа людей, двигающаяся и влекущаяся къ однимъ призракамъ, по горло въ грязи, забывшая всякое достоинство, всякую доблесть (прошу не забывать, что я говорю о Малиновѣ); тѣсныя, узкія понятія, грубыя, животныя желанія... Ужасно и смѣшно! Въ природѣ есть какая-то сардоническая логика, по которой она безжалостно развиваетъ нелѣпости чрезвычайно послѣдовательно. И именно въ этихъ-то развитіяхъ тѣсно спаянъ, какъ въ шекспировскихъ драмахъ, глубоко-трагическій элементъ съ уморительно-смѣшнымъ. И жаль ихъ отъ души, и не удержишься отъ смѣха... Бѣдные люди! Они подъ тяжелымъ фатумомъ; виноваты ли они, что съ молокомъ всосали въ себя понятія нечеловѣческія, что воспитаніемъ они исказили всѣ порывы, заглушили всѣ высшія потребности? Такъ

же невиноваты, какъ альбиносы, которые вдыхаютъ въ себя сѣверный болотный воздухъ, лишающій ихъ силъ и заражающій ихъ организмъ.

И этотъ міръ нелѣпости чрезвычайно послѣдовательно учредился, такъ, какъ Японія, и въ немъ всякое измѣненіе на сію минуту невозможно, потому что онъ твердо ростетъ на прошедшемъ и вѣренъ своей почвѣ. Вся жизнь сведена на матеріальныя потребности: деньги и удобства — вотъ граница желаній, и для достиженія денегъ тратится вся жизнь. Идеальная сторона жизни малиновцевъ — честолюбіе, честолюбіе дѣтское, микроскопическое, вполнѣ удовлетворяющееся приглашеніемъ на обѣдъ къ губернатору и его пожатіемъ руки. Утромъ, Малиновъ на службѣ; въ два часа, Малиновъ ѣстъ очень много и очень жирно, что́ и обусловливаетъ необходимость двухъ большихъ рюмокъ водки, чтобъ сдѣлать снисходительнымъ желудокъ. Послѣ обѣда, Малиновъ почиваетъ, а вечеромъ играетъ въ карты и сплетничаетъ. Такимъ образомъ жизнь наполнена, законопачена и нѣтъ ни одной щелки, куда бы прорѣзался лучъ восходящаго солнца, въ которую бы подулъ свѣжій, утренній вѣтеръ. И, что̀ меня выводитъ пуще всего изъ себя, это удушливое однообразіе, это отвратительное semper idem. Ежели танцуютъ — все тѣ же кавалеры и тѣ же фраки; иногда мѣняются перчатки. Какъ теперь вижу красное платье цвѣту давленой брусники на женѣ директора гимназіи; это платье пятьдесятъ разъ мелькало передо мною въ разныя времена года, въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, въ разныхъ тан-

цахъ. Даже мнѣ намятенъ особый, померанцовый запахъ отъ него, въ родѣ кюрасо. —И говорятъ все одно и то же. Всякій вечеръ играютъ четыре мученика другъ съ другомъ въ бостонъ, и всякій разъ однѣ и тѣ же остроты. Одинъ скажетъ: «пришестнемъ» вмѣсто шесть, «не вистъ, а вистище», и трое другихъ хохочутъ всякій разъ! Да вѣдь это ужасно! Человѣчество можетъ ходить взадъ и впередъ, Лиссабонъ проваливаться, государства возникать, поэмы Гёте и картины Брюлова являться и исчезать — Малиновцы этого не замѣтятъ. Наполеону надобно было предпринять походъ 1812 года и пройдти нѣсколько тысячъ верстъ самъ-полмильона для того, чтобъ обратить на себя ихъ вниманіе. И то какое вниманіе! О французѣ они услышали, какъ о саранчѣ; вѣдь никто не спрашиваетъ, откуда саранча и зачѣмъ—довольно знать, что хлѣбъ дороже будетъ.

Встрѣчались люди, у которыхъ сначала былъ какой-то зародышъ души человѣческой, какая-то возможность, — но они крѣпко заснули въ жалкой, узенькой жизни. Случалось говорить съ ними о смертномъ грѣхѣ противъ духа — обращать человѣческую жизнь въ животную: они просыпались, краснѣли; душа, вспоминая свою орлиную натуру, расправляла крылья; но крылья были тяжелы, и они, какъ куры, только хлопали ими, на воздухъ не поднялись и продолжали копаться на заднемъ дворѣ. Я глядѣлъ на нихъ и чуть не плакалъ.

Чтобъ познакомить еще болѣе съ жизнію Малиновцевъ, я опишу типическій день отъ 8 часовъ утра до 3 часовъ ночи.

Праздникъ ✝. На дворѣ трескучій морозъ, на улицахъ снѣгу на аршинъ; плохо разсвѣло, а снѣгъ ужь скрипитъ подъ санями непремѣннаго члена приказа, который отправляется къ губернатору рапортовать о состояніи богоугодныхъ заведеній и поздравить его съ праздникомъ. Онъ увѣренъ, что губернаторъ еще спитъ, что онъ его прождетъ часа полтора; но въ томъ-то и сила, чтобъ придти раньше всѣхъ, — почтительнѣе. Сальные лакеи для него не встанутъ; шубу онъ самъ снялъ на первой ступенькѣ лѣстницы; калоши оставилъ въ саняхъ, а сани у воротъ. Черезъ полчаса начинаютъ подъѣзжать къ воротамъ чиновники низшаго разряда — все это, чтобъ поздравить «генерала» съ праздникомъ; наконецъ являются аристократы; они гордо въѣхали на дворъ и смѣло вошли въ переднюю въ шубахъ. Зала наполняется. Смиренно въ углу стоитъ какой нибудь исправникъ; онъ всѣмъ кланяется, всѣхъ уважаетъ; онъ дрожитъ до тѣхъ поръ, пока не доберется опять до своихъ лѣсовъ. Полиціймейстеръ, въ мундирѣ безъ эполетъ, держитъ рапортъ о благосостояніи города; правитель канцеляріи съ портфѣлью ждетъ у дверей кабинета; исправникъ бросаетъ тоскливые взоры на эту портфѣль... Погодя немного, съ шумомъ влетаетъ изъ внутреннихъ дверей — notez bien celà — чиновникъ особыхъ порученій, безъ шляпы: «мы, де-скать, свои люди». Онъ одинъ громко говоритъ — остальные шепчутъ; исправникъ похудѣлъ, когда онъ вошелъ, и поклонился низко; чиновникъ особыхъ порученій потолстѣлъ, увидѣвъ исправника, и покло-

нился ему наизнанку, то есть закинувъ голову на спину. Между тѣмъ, компанія раздѣлилась на двѣ части, — аристократы сами-по-себѣ, плебеи сами по себѣ. Да кто же тутъ аристократы? Сейчасъ объясню вамъ это. Есть чиновники, сидящіе за перегородкой, передъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ; эти чиновники пишутъ по одному слову на каждой бумагѣ — это совѣтники, аристократы; это люди, которые приглашаются къ обѣденному столу его превосходительства; есть другіе чиновники, сидящіе по сю сторону перегородки, передъ столами, которые покрыты чернильными пятнами: эти пишутъ по одному мильону словъ на каждомъ листѣ, но они не аристократы, они — канцелярскіе. Эти два міра нигдѣ не смѣшиваются; одинъ переходный мостъ между ними — секретарь; секретарь, какъ Лафайетта называли, — человѣкъ двухъ міровъ. Безъ него совѣтникамъ было бы нѣчего подписывать, а канцелярскимъ списывать. Онъ и въ обществѣ играетъ ту же ролю. Если нѣтъ вблизи четвертаго, его сажаютъ съ собою за бостонъ аристократы, и онъ надѣваетъ бѣлый галстукъ. А завтра, на именинахъ у *канцелярскаго*, для него составятъ бостонъ изъ двухъ столоначальниковъ и частнаго пристава, и онъ придетъ въ сюртукѣ и разстегнетъ двѣ пуговки на жилетѣ. Есть еще разные двусмысленные чиновники, Zwittergestalten, лавирующіе между двумя мірами и, смотря по обстоятельствамъ, прикрѣпляющіеся то къ одному, то къ другому: губернскій стряпчій, правитель дѣлъ губернатора; но истинно завидное общественное положеніе

принадлежитъ чиновнику особыхъ порученій. Партизанъ юридическихъ набѣговъ, онъ съ презрѣніемъ смотритъ на все, кромѣ губернатора; его аристократы боятся, плебеи ему удивляются, всѣ завидуютъ; онъ въ синемъ фракѣ обѣдаетъ у губернатора, онъ отправляетъ на почту письма его превосходительства.— Около міровъ губернскаго чиновничества обращаются міры уѣздныхъ; о нихъ въ другой главѣ. Внѣ всего этого, шага на два, отдѣльные владѣтельные князья: прокуроръ, директоръ гимназіи, удѣльный начальникъ; ихъ отношенія не такъ правильно истекаютъ изъ главной идеи, какъ въ мірѣ, подчиненномъ губернатору. Но двери въ кабинетъ растворились, и «генералъ» вышелъ; съ нимъ его гость и другъ, малиновскій откупщикъ, толстый мужчина съ свиными глазами. Губернаторъ Малинова говоритъ съ тремя-четырьмя изъ аристократовъ, на остальныхъ не обращаетъ вниманія; а ежели кому случится встрѣтиться съ его взглядомъ, тотъ тотчасъ кланяется, хотя бы въ пятый разъ; многіе выставляются, чтобъ заявить свое присутствіе. Директоръ гимназіи, пріѣхавшій позже всѣхъ, поднимаетъ голосъ: «Ваше превосходительство, не соблаговолите ли ѣхать въ каѳедральный соборъ? Отецъ ректоръ семинаріи, высокопреподобный Макридій будетъ говорить слово». — Какъ же! непремѣнно. Онъ хорошо говоритъ. — «Ораторское искусство Цицерона, ваше превосходительство», и директоръ гордо смотритъ на окружающихъ. Губернаторъ, обращаясь ко всѣмъ, произноситъ: «И вы вѣроятно въ соборъ? надобно молить-

ся!»—и всѣ ѣдутъ въ соборъ. Обѣдъ я описывалъ. Вечеромъ балъ у полиціймейстера. Губернаторъ отдаетъ приказъ, чтобъ раньше собирались: онъ не любитъ, когда кто нибудь позже его пріѣзжаетъ. Выспавшись, городъ начинаетъ торопиться, надѣваетъ пестрый жилетъ, коричневый фракъ, надѣваетъ всего чаще вицъ-мундиръ и ѣдетъ на балъ. Дамскій туалетъ я описать не возьмусь: отъ одного описанія можетъ зарябѣть въ глазахъ. Плошки горятъ у воротъ полиціймейстера; въ окнахъ свѣтъ. Въ восьмомъ часу начинаетъ собираться beau monde, пьяный сторожъ снимаетъ шубы и прячетъ ихъ, чтобъ никто не уѣхалъ; въ передней тѣсно: четыре семинариста въ затрапезныхъ халатахъ, два солдата и канцелярскій служитель во фризовой шинели, подпоясанный бѣлымъ полотенцемъ, составляютъ оркестръ. Начинаютъ подъѣзжать экипажи, и огромный возокъ почтмейстера, мыча и скрыпя, остановился у крыльца. Возокъ этотъ дѣланъ около царствованія Анны Іоанновны и, отодвигаясь каждое двадцатипятилѣтіе на нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга, оканчивалъ преклонныя лѣта свои въ сараѣ почтмейстера. Встарь онъ былъ внутри покрытъ мѣхомъ; теперь оплѣшивѣлъ, и окна качаются у него, какъ зубы у старухи. Изъ возка вынимаютъ человѣкъ восемь обоего пола: какъ они помѣстились, съ накрахмаленными юбками, съ Станиславомъ (во весь ростъ) на шеѣ у почтмейстера, съ цвѣтами на челѣ почтмейстерши—трудно постигнуть; но кому же и умѣть укладываться, какъ не почтовымъ? Это гости почетные, и ихъ полиціймей-

стеръ встрѣчаетъ въ передней. Въ залѣ становится людно и сильно пахнетъ духами, которые *троитъ* á Paris Мусатовъ. Но ни картъ не даютъ, ни чаю; ни музыка не играетъ. Подполковница гарнизоннаго батальона — дама отважная, дама хорошо воспитанная въ разныхъ казармахъ и кордегардіяхъ, начинаетъ роптать и повторяетъ свою вѣчную фразу: «когда я стояла съ мужемъ въ Молдавіи, то самъ господарь...» Квартальный сбиваетъ гостей съ ногъ, ищетъ хозяина и кричитъ: «ваше высокоблагородіе! его превосходительства карета *изволила* на мостъ въѣхать!» Полиціймейстеръ, прихрамывая отъ тарутинской пули, бѣжитъ съ лѣстницы, чтобъ встрѣтить генерала. Генералъ пріѣхалъ съ откупщикомъ. Входитъ. Музыка гремитъ польскій; генералъ открываетъ балъ и отправляется за карточный столъ. Машина спущена. Чай подается, карты сдаются, vis-á-vis выбираются, пары становятся... Балъ провинціальный описывали тысячи разъ; разумѣется, онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ столичнымъ баломъ—такъ, какъ есть же общее въ портретахъ Кутузова—цѣною въ десять рублей и цѣною въ десять копѣекъ. Иногда танцующіе ссорятся за мѣста, и тутъ не далеко до членовредительства; есть дамы, въ томъ числѣ подполковница, которая непремѣнно хочетъ быть въ первой парѣ мазурки и готова щипать несчастную даму, стоящую передъ ней. Есть кавалеры, которые какъ-то прищелкиваютъ каблуками, такъ что изъ другой комнаты можно думать, что дверью кто нибудь давитъ грецкіе орѣхи. За то есть голыя плечи, ни чуть

не хуже столичныхъ, пластически прелестныя, отъ которыхъ трудно отвести глаза, особенно стоя за стуломъ; есть свѣжія лица, очень хорошенькія; но глазъ съ выраженьемъ нѣтъ. Во всемъ Малиновѣ было три глаза выразительные: два изъ нихъ принадлежали одной пріѣзжей барышнѣ, третій кривой болонкѣ губернаторской. Въ антрактахъ между одной кадрилью и другою наполняютъ «желудка бездонную пропасть», какъ говоритъ Гомеръ: дамамъ сластями, мужчинамъ водкой, виномъ и солеными закусками. Отсюда немудрено понять, что балъ разгорается болѣе и болѣе. Матери семействъ, сидящія неподвижно около стѣнъ, громче сплетничаютъ; лица барышенъ разгораются, юность и веселье берутъ верхъ надъ этикетомъ, — словомъ, балъ во всей красѣ. Въ двѣнадцать часовъ губернаторъ окончилъ бостонъ, выходитъ въ залу и танцуетъ кадриль съ хозяйкой дома. Въ Малиновѣ всѣ танцуютъ — отъ грудныхъ дѣтей до столѣтнихъ старцевъ, такъ, какъ всѣ играютъ въ бостонъ. Можно думать, что всѣ жители заражены пляской Вита. Потомъ трескъ, шумъ, sensation... «Ваше превосходительство, еще минуту!» Генералъ неумолимъ, генералъ твердъ, генералъ не ужинаетъ, генералъ въ шубѣ, генералъ уѣхалъ. Нѣсколько человѣкъ, не смѣвшіе танцовать съ нимъ подъ одной крышей, являются на паркетѣ; уѣздный казначей кричитъ въ котильонѣ: «окончимъ *попурями*, я смерть люблю попури». Отъ *попурей* за ужинъ; съ ужина матери семействъ укладываются, цалуются, уѣзжаютъ съ дочерями; изъ дамъ остается одна под-

полковница—ее не испугаешь ничѣмъ, бывалый человѣкъ. Шампанское льется рѣкой. Пьяный подполковникъ умоляетъ жену пройдти съ нимъ «русскую»: одни свои, чужіе разъѣхались. Канцелярскій въ фризовой повелъ смычкомъ «барыню»,—и салонъ незамѣтно переливается въ *Перовъ* трактиръ. Часа въ четыре гости разъѣзжаются. Хозяинъ доволенъ и потираетъ себѣ руки, говоря: «жаркій денекъ удался»...

Но довольно вязнуть въ этомъ болотѣ; тяжело ступать, тяжело дышать. Перейдемъ въ сферу, гдѣ человѣкъ отъ животныхъ отдѣляется не одними зоогностическими признаками, которые упрочиваютъ за нимъ почетное мѣсто возлѣ обезьянъ и лемуровъ.

Вотъ одна человѣческая встрѣча въ Малиновѣ, и очень странная притомъ.

Недалеко отъ Малинова города, живетъ какой-то помѣщикъ, разсказы о которомъ безконечны у малиновцевъ, — богатый человѣкъ, выписывающій вещи изъ Парижа и изъ Лондона, устроившій свое имѣніе по-ученому, по *агрономіи*, польско-прусскій дворянинъ, и проч. и проч.

«Почему онъ не женится?» говорили одни. «Потому что онъ фармазонъ, а въ ихъ вѣрѣ даютъ обѣтъ монашества; масоны и іезуиты — вѣдь это одно», отвѣчали люди мудрые, вершавшіе окончательно трудные вопросы, которые изрѣдка возникали въ малиновскихъ головахъ. «Онъ скупъ какъ Кащей», говорили чиновники: «ни одного *стола* не сдѣлалъ во всю жизнь; нашъ братъ живетъ лучше его, не смотря на бѣдные оклады».

»Онъ развратилъ своихъ крестьянъ», говорили помѣщики: «до того, что они въ будни ходятъ въ сапогахъ, да еще имѣютъ у себя батраковъ». «Сумасшедшій, просто сумасшедшій», увѣрялъ пятидесятилѣтній корнетъ, обладатель 20-ти душъ и каммердинера въ плисовыхъ панталонахъ. Наконецъ я познакомился съ нимъ.

Трензинскій сдѣлалъ на меня самое странное впечатлѣніе. Чортъ знаетъ, какъ онъ съ такимъ апатическимъ равнодушіемъ умѣлъ соединить силу дѣйствовать на душу странными мнѣніями и парадоксами. Ему удалось нанести глухой ударъ нѣкоторымъ изъ теплыхъ вѣрованій моихъ. Да что это, какъ я слабъ, или какъ слабы мои теоріи, когда первый встрѣчный можетъ потрясти ихъ! И прескверная манера у него: онъ почти не споритъ; онъ на теоретическія разрѣшенія вопросовъ смотритъ какъ на что-то постороннее, школьное, безъ вліянія на жизнь и безъ корня въ ней. Оттого, вмѣсто спора и опроверженія, онъ преравнодушно соглашается, и иной разъ, кажется, откровенно.

Я ему былъ рекомендованъ единственнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ съ нимъ постоянныя сношенія, докторомъ медицины, проживавшимъ въ одномъ изъ большихъ заводовъ малиновскихъ. Самъ докторъ лицо примѣчательное. Имѣя практику въ городѣ, онъ въ недѣлю раза два являлся въ Малиновъ. Я часто встрѣчался съ нимъ, но никогда не слыхалъ отъ него ни одного слова, которое относилось бы къ чему нибудь постороннему для его занятій, ни даже о погодѣ, о дорогѣ, и проч. А между тѣмъ, проническая улыбка и яркіе

глаза показывали, что онъ многое могъ бы сказать, и что ему дорого стоитъ прилѣпить языкъ къ гортани. Мнѣ не здоровилось, и я просилъ доктора заѣхать; онъ явился, и не знаю какъ, но у меня онъ не игралъ своей молчаливой роли. Говорятъ, что храмовые рыцари вездѣ узнавали другъ друга, узнавали даже степень свою въ таинствахъ и силу въ орденѣ при встрѣчѣ. Это только съ перваго взгляда кажется удивительнымъ: мы всѣ храмовые рыцари, и свой своего узнаетъ по тремъ, четыремъ словамъ. И такъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что два выходца университета поняли тотчасъ другъ друга въ Малиновѣ. Докторъ посѣщалъ меня вдвое чаще, нежели требовала моя полуболѣзнь, и сидѣлъ вдвое долѣе, нежели у всѣхъ больныхъ малиновцевъ. Онъ говорилъ съ восхищеніемъ о Трензинскомъ. И однимъ добрымъ утромъ мы поѣхали къ нему.

Трензинскій принялъ европейски-учтиво, т. е. малиновски-грубо, безъ полуварварскаго гостепріимства, безъ трехъ четвертей варварскихъ церемоній и безъ вполнѣ-варварскаго принужденія пить и ѣсть, когда не хочется. Поговоривъ о томъ, о семъ, онъ сказалъ намъ, что въ это время ежедневно осматриваетъ заводъ, и просилъ или идти съ нимъ, или, пока онъ возвратится, погулять въ саду. Мы пошли на заводъ.—Трензинскій человѣкъ высокаго роста, чрезвычайно худой; лицо нѣжное, очень бѣлое; эта бѣлизна придаетъ что-то мертвое, отжившее всѣмъ чертамъ, и если бъ не большіе сѣро-голубоватые глаза и улыбка на губахъ, то онъ былъ бы похожъ на хорошо сдѣланную восковую фи-

гуру. И улыбка его примѣчательна: сначала она кажется добродушіемъ, потомъ насмѣшкой, и наконецъ убѣждаешься, что этотъ ротъ вовсе не можетъ улыбаться, а что движеніе губъ его болѣзненно-судорожное сжиманіе. Ему за пятьдесятъ; но онъ прямъ и бодръ; «чело какъ черепъ голый». Исторія его жизни, должно быть, представляетъ длинную повѣсть мыслей, страстей, ощущеній, коллизій; но повѣсть кончена, а жизнь продолжается. Такъ казалось мнѣ, когда я пристально всматривался въ его лицо; оно мнѣ напомнило мраморные, холодные, гладкіе надгробные памятники, поставленные надъ прахомъ, въ которомъ клокоталъ когда-то огонь. Въ его кабинетѣ мало книгъ: Mémorial de S-te Helène» и какой-то трактатъ о черепословіи лежали на столѣ между Тэромъ, Берцеліусомъ и книгами, прямо относящимися къ заводскому дѣлу. На окнахъ стояли реторты, стклянки и банки, а на стѣнахъ висѣло нѣ сколько видовъ Венеціи, копія съ рембрандова Яна Собѣскаго, двѣ-три головы съ свѣтлыми усами и картина, тщательно завѣшанная тафтою.

Осмотрѣвъ заводъ, пришли мы въ садъ и сѣли на террасѣ; день былъ очень хорошъ; запахъ воздушныхъ жасминовъ и тополей доносился къ намъ вмѣстѣ съ неопредѣленнымъ лѣтнимъ говоромъ природы, — говоромъ, въ которомъ перепутаны и шелестъ листьевъ, и чириканье птицъ, и звуки кузнечика, и жужжанье пчелъ, и еще сотня разныхъ звуковъ, свидѣтельствующихъ, что все вокругъ васъ живо, весело и радуется солнцу. Ничего нѣтъ удивительнаго, что разговоръ

мало по малу оживился и сдѣлался откровеннымъ. Человѣку вовсе несвойственно безпрерывно корчить дипломата, и надобно ему пройдти великую школу разврата духовнаго, чтобъ подозрительно затаивать всякую мысль отъ каждаго вновь встрѣтившагося человѣка.

— Славно живете вы, сказалъ я: — особенно въ хорошую погоду; но, признаюсь, удивляюсь, какъ вамъ не скучно въ такомъ одиночествѣ и въ такой глуши.

— Конечно, подъ-часъ бываетъ скучно, но не думайте, чтобъ болѣе, нежели гдѣ нибудь. Скука внутри имѣетъ зародышъ. Повѣрьте, кто понялъ душею, что на свѣтѣ *можетъ быть* очень скучно, тому придется иной разъ поскучать, гдѣ бы онъ ни жилъ—отъ Нью-Йорка до Малинова. Вообще, здѣсь я меньше скучаю, нежели скучалъ прежде, кочуя изъ города въ городъ; здѣсь у меня положительныя занятія.

— Я не понимаю, откровенно говоря, возможности жить и не имѣть подлѣ себя ни одного близкаго существа.

— Вамъ, кажется, лѣтъ двадцать, а мнѣ пятьдесятъ шесть. И не смотря на то, что есть много истиннаго въ вашемъ замѣчаніи, я увѣряю васъ, что человѣкъ можетъ всячески жить: таково устройство его, и я въ этомъ нахожу высочайшую премудрость; брошенный совершенно во власть случайности, не имѣя возможности измѣнить внѣшнее на волосъ, онъ былъ бы несчастнѣйшимъ существомъ, еслибъ недоставало ему эластичности, хорошо прилаживающейся къ обстоятельствамъ.

Вы не имѣете повода думать, чтобъ я отталкивалъ отъ себя симпатію; одинъ человѣкъ, образованный и съ душою на 300 верстъ кругомъ,—это докторъ, и онъ бываетъ у меня; давно ли пріѣхали вы въ Малиновъ, и такъ ли, иначе ли, вы здѣсь, — и я чрезвычайно радъ. Но понимаю, что тотъ же случай могъ сдѣлать, и съ тою же безсознательностью, чтобъ вы не были въ Малиновѣ, чтобъ вмѣсто доктора, привезеннаго ко мнѣ моимъ управляющимъ безъ моего вѣдома, пріѣхалъ нѣмецъ Буффъ, котораго, вѣроятно, вы видѣли. И я былъ бы одинъ. Власти надъ случаемъ у меня нѣтъ: что́ жь бы мнѣ дѣлать? писать элегіи—лѣта ушли. Съ тѣхъ поръ, какъ я понялъ, что часто случай управляетъ индивидуальнымъ существованіемъ и цѣлыми семействами, я отдался ему во власть; онъ меня бросилъ въ Малиновъ, тогда какъ я и имени этого города не слыхалъ прежде; могъ бы бросить въ Канаду, и я сдѣлался бы тамъ куперовскимъ колонистомъ...

— Случай, которому вы, кажется, придаете всю мощь греческаго фатума, имѣетъ вліяніе надъ внѣшнею стороной жизни, такъ сказать—надъ обстановкой. Въ томъ-то вся и задача, чтобъ, подобно какому нибудь Гете, стоять головою выше всѣхъ обстоятельствъ и ихъ покорять,—чтобъ внутренній міръ сдѣлать независимымъ отъ наружнаго.

— Гете вы поставили не совсѣмъ хорошо въ примѣръ. Тотъ же случай, о которомъ я говорю, далъ, во первыхъ, ему огромную дозу эгоизма и, во вторыхъ, организацію холодную къ многому, волнующему дру-

гихъ. Тутъ нѣтъ побѣды, что человѣкъ, не чувствующій потребности пить вино, не пьянствуетъ. Что́ касается до вашего внутренняго міра, все это хорошо въ стихахъ и въ трактатахъ, а не на самомъ дѣлѣ и не для всѣхъ. Я тоже сошлюсь на Гете: онъ чрезвычайно-глубокомысленно сказалъ въ одной эпиграммѣ, которая, вѣроятно, вамъ извѣстна, что жизнь не имѣетъ *ни ядра, ни скорлупы*. Съ другой стороны, я не спорю, внутренняя полнота, особенно при экзальтаціи воображенія, можетъ сдѣлать человѣка совершенно независимымъ отъ всего внѣшняго; но еще разъ — это не для всѣхъ: для этого надобно имѣть, можетъ быть, слабонервныхъ родителей, вообще склонность къ сумасшествію... Вѣдь и сумасшествіе есть независимость отъ внѣшняго міра.

— Помилуйте! вскричалъ я, выведенный изъ себя результатомъ: — идеалъ высшаго гармоническаго существованія кажется вамъ болѣзнью, близкой къ сумасшествію, и совершенную потерю божественной искры въ человѣкѣ вы сравнили съ безконечною высотою духа, пренебрегающаго всѣми суетами и гордо находящаго цѣлый міръ въ себѣ!

— А вы сейчасъ сказали, что не понимаете жизни безъ близкаго существа. Тутъ противорѣчіе. Это близкое существо будетъ внѣ васъ,и случай—сквозной вѣтеръ, напримѣръ,—можетъ отнять его у васъ; ну,что-то тутъ скажетъ ваша теорія внутренней полноты?

— Она самоотверженно склонитъ главу и воспоминаніемъ, самою грустью замѣнитъ былое.

— Хорошо, что у ней гибкая шея. А еслибъ у нея была непреклонная выя Байрона, еслибъ самоотверженіе для нея было столько же невозможно, какъ для рыбы дышать воздухомъ?... Конечно, и спорить нѣчего: воздухъ славная среда для дыханія, жиденькая, прозрачная — а рыба умираетъ въ ней. Я вижу, вы большой идеалистъ. Это дѣлаетъ вамъ честь; идеализмъ доступенъ только высшимъ натурамъ; идеализмъ одна изъ самыхъ поэтическихъ ступеней въ развитіи человѣка и совершенно по плечу юношескому возрасту, который все пытаетъ словами, а не дѣломъ. Жизнь послѣ покажетъ, что всѣ громкія слова только прикрываютъ кисейнымъ покровомъ пропасти, и что ни глубина, ни ширина ихъ не уменьшается отъ-того ни на волосъ. Увидите сами.

— Увѣряю васъ, что я не позволю какому нибудь отдѣльному, случайному факту, несчастію, потрясти моихъ убѣжденій.

— Богъ знаетъ; судя по живости вашей, я не думаю, чтобъ вы могли пасть въ незавидное положеніе нѣмецкихъ ученыхъ, которые, выдумавъ теорію, всю жизнь ее отстаиваютъ, хотя бы каждый день опровергали ее. Конечно, это такъ невинно и безвредно, что жаль ихъ бранить, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно смѣшно. Они мнѣ напоминаютъ старика англичанина, съ которымъ я познакомился въ началѣ нынѣшняго вѣка. Благородный лордъ доказывалъ ясно, какъ $2 \times 2 = 4$, что Наполеона не должно признавать императоромъ, и называлъ его «генераломъ Бонапарте». Это навлекло на

него разныя гоненія, и онъ долженъ былъ безпрерывно оставлять городъ за городомъ; наконецъ поселился въ Вѣнѣ — тутъ ему было раздолье опровергать права Наполеона. На-бѣду, генералъ Бонапарте сталъ близокъ австрійскому императору, лордъ покинулъ Австрію, увѣряя, что ежели весь міръ признаетъ Бонапарте императоромъ, то онъ одинъ станетъ противъ всего міра и скорѣй положитъ свою сѣдую голову на плаху, нежели назоветъ его государемъ. Почтенный человѣкъ! и я всегда съ любовью протягивалъ ему руку: душа отдыхала, находя въ ту эпоху флюгерства человѣка съ такимъ мощнымъ убѣжденіемъ, — а бывало, слушая его, внутренно смѣешься, переносясь въ Парижъ, гдѣ короли ждутъ большаго выхода и склоняются передъ Наполеономъ.

— Всякая крайность имѣетъ свою смѣшную сторону. Но я никогда не думалъ, чтобъ толпа, погруженная въ ежедневность и направляемая ею, не знающая, что завтра будетъ дѣлать, и которой вся жизнь опредѣляется внѣшнимъ стеченіемъ обстоятельствъ, была ближе къ назначенію человѣка, нежели гордый духъ, отвергающій всякое внѣшнее вліяніе и не покоряющійся ничему имъ непризнанному.

— То и другое, кажется, дурно. Толпа виновата тѣмъ, что она не понимаетъ, почему она такъ живетъ; а гордый духъ, говоря вашими словами, виноватъ вдвое тѣмъ, что, умѣя понимать, не признаетъ очевидной власти обстоятельствъ и тратитъ силу свою на отстаиваніе мѣста, то есть на чисто отрицательное

дѣло. Не лучше ли, куда бы и какъ бы судьба ни забросила, стараться дѣлать maximum пользы, пользоваться всѣмъ настоящимъ, окружающимъ,—словомъ, дѣйствовать въ той сферѣ, въ которую попалъ, какъ бы ни попалъ.

— Извините, я не могу удержаться отъ вопроса, какъ вы, напримѣръ, попали на мысль сдѣлаться малиновскимъ помѣщикомъ? Этотъ вопросъ идетъ прямо къ вашимъ словамъ.

— Моя жизнь нейдетъ въ примѣръ. Для того, чтобъ быть брошену такъ безцѣльно, такъ нелѣпо въ мірѣ, какъ я, надобенъ цѣлый рядъ исключительныхъ обстоятельствъ. Я никогда не зналъ ни семейной жизни, ни родины, ни обязанностей, которыя вростаютъ въ сердце съ колыбели. Но замѣтьте, я нисколько не былъ виноватъ, я не навлекъ на себя этого отчужденія отъ всего человѣческаго: обстоятельства устроили такъ. Когда нибудь я разскажу больше; теперь только скажу о пріѣздѣ сюда. Въ 1815 году жилъ я въ Карлсбадѣ; это время мнѣ очень памятно; я никогда не страдалъ такъ, какъ тогда. Побѣдители Франціи возвращались гордые и ликующіе. Политическія партіи кипѣли; одни хвалились своими ранами, другіе своими проектами; все было занято — побѣжденные слезами, униженными воспоминаніями, но все же заняты. Я одинъ былъ посторонній во всемъ, какимъ-то дальнимъ родственникомъ человѣчества... Это давило меня, я былъ еще помоложе. Всѣ больные разъѣхались; я оставался, потому что не могъ придумать, куда ѣхать и зачѣмъ. Жилъ

цѣлую зиму; пришла весна; явились новые больные, и я вмѣстѣ съ ними принялся пить шпрудель. Я велъ большую игру и — вѣрьте или нѣтъ, съ радостью видѣлъ, какъ мое богатство утекало широкою рѣкой, предвидя, что наконецъ нужда рѣшитъ вопросъ о томъ, что мнѣ дѣлать. Разъ въ Казино мечу я банкъ; русскій князь, бросавшій деньги горстями и дѣлавшій удивительныя глупости, о которыхъ, я полагаю, до сихъ поръ говорятъ въ Карлсбадѣ, подошелъ къ столу. «Сколько въ банкѣ?» спросилъ онъ. — Тысяча червонцевъ. — «Не стоитъ и руки марать», замѣтилъ князь съ презрительной улыбкой. Это взбѣсило меня.—Князь! закричалъ я ему вслѣдъ: — я отвѣчаю за банкъ, сколько бы вы ни выиграли; вотъ небольшая гарантія — и бросилъ на столъ заемное письмо банкира въ огромную сумму. «Теперь посмотримъ»,сказалъ князь, вынулъ карту и поставилъ на нее тысячу червонцевъ. Нѣсколько игроковъ и больныхъ, стоявшихъ возлѣ, взглянули на него, какъ на великаго человѣка. Этого-то онъ и хотѣлъ, и за это заплатилъ тысячу червонцевъ, потому-что карта была убита. Игра завязалась; и довольно сказать, что въ пять часовъ утра князь дрожащимъ мѣломъ сосчиталъ 630,000 франковъ, два раза провѣрилъ, и съ пятнами на лицѣ признался, что у него такой суммы теперь нѣтъ. На другой день онъ мнѣ прислалъ билетъ въ 130,000 франковъ и предложеніе заложить свое имѣніе въ Малиновской губерніи. Новая мысль блеснула у меня въ головѣ; я просилъ за долгъ уступить имѣніе; онъ обрадовался, — и я сдѣ-

лался властителемъ и обладателемъ 550 душъ въ Малиновской губерніи. Въ 1818 году, я пріѣхалъ съ княземъ въ Россію и, по окончаніи нужныхъ формъ, явился сюда. Десять лѣтъ я работалъ денно и нощно. Представьте, не зная ни слова по-русски, будучи незнакомъ съ нравами, видя, что мои нововведенія принимаются съ ропотомъ и неудовольствіемъ — я, разомъ ученикъ и распорядитель, впадалъ въ грубѣйшія погрѣшности, судилъ о русскомъ мужичкѣ à la Robert Owen, а въ то же самое время усердно занимался химіей и заводскими дѣлами. Это счастливѣйшіе годы моей жизни! Въ 1829 году, поѣхалъ я посмотрѣть Петербургъ, пробылъ тамъ зиму, соскучился и воротился сюда. Вотъ была для меня минута, полная наслажденія. Тутъ только увидѣлъ я разомъ плоды десятилѣтнихъ трудовъ. Поля моихъ крестьянъ отличались отъ сосѣднихъ какъ небо отъ земли; ихъ одежда... ну, словомъ, ихъ благосостояніе тронуло меня до слезъ. Съ тѣхъ поръ продолжаю я еще ревностнѣе устроивать мое имѣніе, хочу осушить болота, увеличить заводъ, и меня тѣшитъ явное улучшеніе того клочка земли, который судьба мнѣ дала. Я работаю, а между тѣмъ жизнь идетъ да идетъ. Et, c'est autant de pris sur le diable!

— Прошу въ столовую, прибавилъ онъ, вставая и принимая опять свой холодный видъ, котораго онъ было лишился, разсказывая свою агрономическую поэму.

Я остался въ раздумьи отъ этой встрѣчи. Въ умномъ хозяинѣ моемъ не было ничего мефистофельскаго, ни бальзаковскихъ yeux fascinateurs, ни лихорадочнаго взо-

ра героевъ Сю, ни... ни всѣхъ необходимыхъ діагностическихъ и прогностическихъ признаковъ разочарованныхъ, мизантроповъ, бѣснующихся девятнадцатаго вѣка. Совсѣмъ напротивъ: въ немъ было много добраго, а между тѣмъ, его слова производили какое-то тяжкое, грустное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ нихъ была доля истины и что онъ жизнію дошелъ до своихъ результатовъ.

Послѣ обѣда люди дѣлаются вообще гораздо-добрѣе. Это одно изъ тѣхъ убійственныхъ замѣчаній, которыя глубоко оскорбляютъ душу мечтательную, а между тѣмъ, оно до того справедливо, что Гомеръ въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» и Шекспиръ, не помню гдѣ, говорятъ объ этомъ. И такъ, мы сдѣлались добрѣе и сѣли на турецкій диванъ въ маленькой угольной комнатѣ, потому что солнце свѣтило теперь прямо на террасу. На стѣнѣ висѣло нѣсколько эстамповъ; я всталъ, чтобъ посмотрѣть ихъ и остановился передъ гравюрой съ раухова бюста Гете. Господи, какъ въ преклонныя лѣта сохранилась такая мощная и величественная красота! Эта голова могла бы послужить типомъ для греческаго ваятеля. Это чело, возвышенное и мощное по самой формѣ, эти спокойныя очи, эти брови... Самое слабое, старческое тѣло придало глубокій смыслъ его лицу, смыслъ, понятный тѣмъ изъ его современниковъ, который по многому могъ стать возлѣ него. Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и

красотѣ своей безтѣлесности (*). Я долго стоялъ передъ изображеніемъ поэта и спросилъ у Трензпнскаго:—видали ли вы Гете и похожъ ли этотъ бюстъ?

— Два раза, отвѣчалъ онъ. — Да, онъ въ иныя минуты былъ похожъ на свой бюстъ. Раухъ точно геніально умѣлъ схватить высшее выраженіе его лица.

— Разскажите пожалуйста, гдѣ и какъ вы его видѣли. Я страстно люблю разсказы очевидцевъ о великихъ людяхъ.

— Я не думаю, чтобъ вамъ понравился мой разсказъ: вы мечтатель, вамъ вѣроятно Гете все представляется молніеноснымъ Зевсомъ, глаголющимъ міровыя истины и великія слова. Я, напротивъ, никогда не умѣлъ уничтожаться въ поклоненіи и адуляціи знаменитыхъ индивидуальностей, и смотрѣлъ на нихъ безъ заготовленныхъ теорій — и большею частію видѣлъ, что онѣ sont ce que nous sommes, — имѣютъ лицевую сторону и изнанку. Вы, поэты, именно изнанки-то и не хотите знать, а безъ нея индивидуальность неполна, не жива. Вотъ вамъ моя встрѣча, послѣ предисловія, за которое прошу не сердиться. Первый разъ я видѣлъ его мальчикомъ, лѣтъ 16. При началѣ революціи, отецъ мой былъ въ Парижѣ и я съ нимъ. Régime de terreur какъ-то проглядывалъ сквозь сладкоглаголивую жиронду. Люди совершенно безумные, съ растрепанными волосами и въ сальныхъ кафтанахъ, показались въ парижскихъ салонахъ и проповѣдывали

(*) Гегель въ «Эстетикѣ».

громко уничтоженіе всѣхъ прежнихъ общественныхъ связей. Иностранцамъ было опасно ѣхать и еще опаснѣе оставаться. Отецъ мой рѣшился на первое, и мы тайкомъ выбрались изъ Парижа. Много было хлопотъ, пока мы доѣхали до Альзаса. Еслибъ я былъ настоящій пруссакъ, я издалъ бы непремѣнно толстую книгу на обверточной бумагѣ подъ заглавіемъ «Ausserordentliche Reise-Abenteuer eines Flüchtlings aus der Hauptstadt der Franzosen zur Zeit der grossen Umwälzung Anno 1792 nach d. Erlösung etc.». Въ самомъ дѣлѣ, мы нѣсколько разъ подвергались опасности быть принятыми за переметчиковъ. Наконецъ, кривой мальчишка, провожавшій насъ черезъ лѣсъ, указалъ вдали огни и сказалъ: V'là vos chiens de Brunswick», взялъ обѣщанный червонецъ и скрылся въ лѣсу, крича во все горло «Ça ira». Насъ остановили на цѣпи, и пока фельдфебель ходилъ съ паспортомъ, не знаю куда, я съ удивленіемъ смотрѣлъ на солдатъ. Караулъ былъ занятъ австрійцами; я такъ привыкъ къ живымъ, одушевленнымъ физіономіямъ французовъ, что меня поразила холодная нѣмота этихъ лицъ съ свѣтлыми усами и въ бѣлыхъ мундирахъ. Неподвижно, угрюмо стояли они, точно загрязнившіяся статуи командора изъ «Донъ Жуана». Насъ повели къ генералу, и послѣ разныхъ допросовъ и распросовъ позволили ѣхать далѣе; но возможности никакой не было достать лошадей: всѣ были взяты подъ армію, для которой тогда наступило самое критическое время. Армія гибла отъ голода и грязи. На другой день пригласилъ насъ одинъ владѣтельный

князь на вечеръ. Въ маленькой залѣ, принадлежавшей сельскому священнику, мы застали нѣсколько полковниковъ, какъ всѣ нѣмецкіе полковники, съ сѣдыми усами, съ видомъ честности и не слишкомъ большой дальновидности. Они грустно курили свои сигары. Два, три адъютанта весело говорили по французски, коверкая германизмомъ каждое слово; казалось, они еще не сомнѣвались, что имъ придется попировать въ Palais Royal и тамъ оставить свой здоровый цвѣтъ лица, завѣтный локонъ, подаренный при разлукѣ, и нѣмецкую способность краснѣть отъ двусмысленнаго слова. Вообще было скучно. Довольно поздно явился еще гость, во фракѣ, мужчина хорошаго роста, довольно плотный, съ гордымъ, важнымъ видомъ. Всѣ привѣтствовали его съ величайшимъ почтеніемъ; но его взоръ не былъ привѣтливъ, не вызывалъ дружбы, а благосклонно принималъ привычную дань вассальства. Каждый могъ чувствовать, что онъ не товарищъ ему. Князь предложилъ кресло возлѣ себя; онъ сѣлъ, сохраняя ту особенную Steifheit, которая въ крови у нѣмецкихъ аристократовъ. «Ныньче утромъ»,сказалъ онъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій: «я имѣлъ необыкновенную встрѣчу. Я ѣхалъ въ каретѣ герцога, какъ всегда; вдругъ подъѣзжаетъ верхомъ какой-то военный, закутанный шинелью отъ дождя. Увидѣвъ веймарскій гербъ и герцогскую ливрею, онъ подъѣхалъ въ каретѣ и — представьте взаимное наше удивленіе — когда я узналъ въ военномъ его величество короля, а его ве-

личество нашелъ, вмѣсто герцога, — меня. Этотъ случай останется у меня долго въ памяти».

Разговоръ обратился отъ разсказа чрезвычайной встрѣчи къ королю и естественно переши къ тѣмъ вопросамъ, которые тогда занимали всѣхъ бывшихъ въ залѣ, т. е. къ войнѣ и политикѣ. Князь подвелъ моего отца къ дипломату и сказалъ, что отъ него можно узнать самыя новыя новости. «Что дѣлаетъ генералъ Лафайетъ и всѣ эти антропофаги?» спросилъ дипломатъ. — Лафайетъ, отвѣчалъ мой отецъ:—неустрашимо защищаетъ короля и въ открытой борьбѣ съ якобинцами.—Дипломатъ покачалъ головою и выразительно замѣтилъ: «Это одна маска; Лафайетъ, я почти увѣренъ, за одно съ якобинцами». — Помилуйте! возразилъ мой отецъ: — да съ самаго начала у нихъ непримиримая вражда. Дипломатъ иронически улыбнулся и, помолчавъ, сказалъ: «Я собирался ѣхать въ Парижъ, года два тому назадъ; но я хотѣлъ видѣть Парижъ Лудовика великаго и великаго Аруэта, а не орду гунновъ, неистовствующихъ на обломкахъ его славы. Можно ли было ожидать, чтобъ буйная шайка демагоговъ имѣла такой успѣхъ? О, еслибъ Неккеръ въ свое время принялъ иныя мѣры, еслибъ Лудовикъ XVI послушался не ангельскаго сердца своего, а преданныхъ ему людей, которыхъ предки столѣтія процвѣтали подъ лиліями, намъ не нужно бы было теперь подниматься въ крестовый походъ! Но нашъ Готфредъ скоро образумитъ ихъ, въ этомъ я не со-

мнѣваюсь, да и сами французы ему помогутъ; Франція не заключена въ Парижѣ».

Князь былъ ужасно доволенъ его словами.

Но кто не знаетъ откровенности германскихъ воиновъ, да и воиновъ вообще? Ихъ разрубленныя лица, ихъ прострѣленныя груди даютъ имъ право говорить то, о чемъ мы имѣемъ право молчать. По несчастію, за княземъ стоялъ, опершись на саблю, одинъ изъ сѣдыхъ полковниковъ; по его наружности было видно, что онъ провелъ жизнь съ 10 лѣтъ на бивуакахъ и въ лагеряхъ, что онъ хорошо помнитъ стараго Фрица; черты его выражали гордое мужество и безусловную честность. Онъ внимательно слушалъ слова дипломата и наконецъ сказалъ:

—«Да неужели вы нешутя вѣрите до сихъ поръ, что французы насъ примутъ съ распростертыми объятіями, когда всякій день показываетъ намъ, какой свирѣпо-народный характеръ принимаетъ эта война, когда поселяне жгутъ свой хлѣбъ и свои дома, для того, чтобъ затруднить насъ? Признаюсь, я не думаю, чтобъ намъ скоро пришлось обращать Парижъ на путь истинный, особенно, ежели будемъ стоять на одномъ мѣстѣ».

— «Полковникъ не въ духѣ», возразилъ дипломатъ и взглянулъ на него такъ, что мнѣ показалось, что онъ придавилъ его ногой.—«Но я полагаю, вы знаете лучше меня, что осенью, въ грязь, невозможно идти впередъ. Въ полководцѣ не благородная запальчивость, а благоразуміе дорого; вспомните Фабія Кунктатора.»

Полковникъ не струсилъ ни отъ взора, ни отъ словъ

дипломата. «Разумѣется, теперь нельзя идти впередъ, да и назадъ трудно. Впрочемъ, вѣдь осень въ нынѣшнемъ году не первый разъ во Франціи, грязь можно было предвидѣть. Я молю Бога, чтобъ дали генеральное сраженіе; лучше умереть передъ своимъ полкомъ съ оружіемъ въ рукѣ отъ пули, нежели сидѣть въ этой грязи...» И онъ жалъ рукою эфесъ сабли. Началось шептанье и издали слышалось: ja, ja, der Obrist hat Recht... Wäre der grosse Fritz, oh! der grosse Fritz.»! Дипломатъ, улыбаясь, обернулся къ князю и сказалъ: «Въ какой бы формѣ ни выражалась эта жажда побѣдъ воиновъ тевтонскихъ, нельзя ее видѣть безъ умиленія. Конечно, наше настоящее положеніе не изъ самыхъ блестящихъ, но вспомнимъ, чѣмъ утѣшался Жуанвиль, когда былъ въ плѣну съ Святымъ Лудовикомъ: Nous en parlerons devant les dames.»

—«Покорно благодарю за совѣтъ!»возразилъ неумолимый полковникъ. «Я своей женѣ, матери, сестрѣ (еслибъ онѣ у меня были) не сказалъ бы ни слова объ этой кампаніи, изъ которой мы принесемъ грязь на ногахъ и раны на спинѣ. Да и объ этомъ, пожалуй, нашимъ дамамъ прежде насъ разскажутъ эти чернильные якобинцы, о которыхъ насъ увѣряли, что они исчезнутъ какъ дымъ при первомъ выстрѣлѣ.»

Дипломатъ понялъ, что ему не совладать съ такимъ соперникомъ, и онъ, какъ Ксенофонтъ, почетно отступилъ съ слѣдующими 10,000 словами: «Міръ политики мнѣ совершенно чуждъ; мнѣ скучно, когда я слушаю о маршахъ и эволюціяхъ, о преніяхъ и мѣрахъ государ-

ственныхъ. Я не могъ никогда безъ скуки читать газетъ; все это что-то такое преходящее, временное, да и вовсе чуждое по самой сущности намъ. Есть другія области, въ которыхъ я себя понимаю царемъ: зачѣмъ же я пойду безъ призыва, дюжиннымъ резонеромъ, вмѣшиваться въ дѣла, возложенныя Провидѣніемъ на избранныхъ имъ нести тяжкое бремя управленія? И что мнѣ за дѣло до того, что дѣлается въ этой сферѣ!»

Слово «дюжинный резонеръ» попало въ цѣль: полковникъ сжалъ сигару такъ, что дымъ у нея пошелъ изъ двадцати мѣстъ, и впрочемъ довольно спокойно, но съ огненными глазами сказалъ: «Вотъ я, простой человѣкъ, нигдѣ себя не чувствую ни царемъ, ни геніемъ, а вездѣ остаюсь *человѣкомъ*, и помню, какъ, еще будучи мальчикомъ, затвердилъ пословицу: «Homo sum et nihil humani a me alienum puto.» Двѣ пули, пролетѣвшія сквозь мое тѣло, подтвердили мое право вмѣшиваться въ тѣ дѣла, за которыя я плачу своею кровью».

Дипломатъ сдѣлалъ видъ, что онъ не слышитъ словъ полковника; къ тому же тотъ сказалъ это, обращаясь къ своимъ сосѣдямъ.—«И здѣсь», продолжалъ дипломатъ, «среди военнаго стана, я такъ же далекъ отъ политики, какъ въ веймарскомъ кабинетѣ».

— «А чѣмъ вы теперь занимаетесь?» спросилъ князь, едва скрывая радость, что разговоръ перемѣнился.

—«Теоріею цвѣтовъ;я имѣлъ счастье третьяго дня читать отрывки свѣтлѣйшему дядюшкѣ вашей свѣтлости».

Стало, это не дипломатъ. «Кто это?» спросилъ я

эмигранта, который сидѣлъ возлѣ меня и, не смотря на бивачную жизнь, нашелъ средство претщательно наряжиться, хотя и въ короткое платье. «Ah, bah! c'est un celèbre poëte allemand m-r Koethè, qui a ecrit, qui a ecrit... Ah, bah!.. la Messiade!»—Такъ это-то авторъ романа, сводившаго меня съ ума: «Werthers Leiden»! подумалъ я, улыбаясь филологическимъ знаніямъ эмигранта. Во Франціи, кромѣ «Вертера», не было ни одного изъ его сочиненій.—Вотъ моя первая встрѣча.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Мрачный терроръ скрылся за блескомъ побѣдъ. Дюмурье, Гошъ и наконецъ Бонапарте поразили міръ удивленіемъ. То было время первой итальянской кампаніи, этой юношеской поэмы Наполеона. Я былъ въ Веймарѣ и пошелъ въ театръ. Давали какой-то политическій фарсъ гетева сочиненія. Публика не смѣялась, да и по правдѣ, насмѣшка была натянута и плосковата. Гете сидѣлъ въ ложѣ съ герцогомъ. Я смотрѣлъ издали на него и отъ всей души жалѣлъ его: онъ понялъ очень хорошо равнодушіе, кашель, разговоры въ партерѣ, и испытывалъ участь журналиста, попавшаго не въ тонъ. Между прочимъ, въ партерѣ былъ тотъ же полковникъ; я подошелъ къ нему; онъ узналъ меня. Лицо его исхудало, какъ будто лѣтъ десять мы не видались, рука была на перевязкѣ.—«Что же Гете тогда толковалъ, что политика ниже его. а теперь пустился въ памфлеты? Я дюжинный резонеръ и не понимаю тѣхъ людей, которые хохочутъ тамъ, гдѣ народы обливаются кровью, и, открывши глаза, не видятъ, что совершается передъ ними. А, можетъ быть, это право генія...»

Я молча пожалъ его руку и мы разстались. При выходѣ изъ театра, какіе-то три, вѣроятно пьяные, бурша съ растрепанными волосами въ честь Арминія и тацитова сказанія о германцахъ, съ портретомъ Фихте на трубкахъ, принялись свистать, когда Гете садился въ карету. Буршей повели въ полицію, я пошелъ домой, и съ тѣхъ поръ не видалъ Гете.

— Что вы хотите всѣмъ этимъ сказать? спросилъ я.

— Я хотѣлъ исполнить ваше желаніе и разсказать мои встрѣчи; тутъ нѣтъ внѣшней цѣли, это фактъ. Я видѣлъ Гете такъ, а не иначе; другіе видѣли его иначе, а не такъ:—это дѣло случая.

— Но вы какъ-то умѣли сократить колоссальную фигуру Гете, даже умѣли покорить его какому-то полковнику.

— Что нибудь одно: или вы думаете, что я лгу—въ такомъ случаѣ у меня нѣтъ документовъ, чтобъ убѣдить васъ въ противномъ; или вы вѣрите мнѣ,—и тогда вините себя, ежели Гете живой не похожъ на того, котораго вы создали... Всѣ мечтатели увлекаются безусловно авторитетами, строятъ въ головѣ фантастическихъ великихъ людей, односторонніхъ и, слѣдовательно, невѣрныхъ оригиналамъ. Лафатеръ, читая Гете, составилъ идею его лица по своей теоріи; черезъ нѣсколько времени они увидѣлись, и Лафатеръ чуть не заплакалъ: Гете живой нисколько не былъ похожъ на Гете a priori. Я вамъ предсказывалъ, что вы будете недовольны моимъ разсказомъ. Въ томъ-то и дѣло, что все живое такъ хитро спаяно изъ многаго множества элементовъ, что

оно почти всегда стороною или двумя ускользаетъ отъ самыхъ многообъемлющихъ теорій. Отсюда рядъ ошибокъ. Когда мы говоримъ о римлянахъ, у насъ все мелькаетъ передъ глазами театральная поза, цивическія добродѣтели, форумъ. Будто жизнь римлянъ не имѣла еще множества другихъ сторонъ! Такъ поступаютъ и съ историческими людьми. Для идеалистовъ задача: какъ Рембрандтъ могъ быть скупцомъ и великимъ художникомъ; какъ Тиверій могъ быть жестокимъ и между тѣмъ глубокомысленнымъ, проницательнымъ монархомъ. Живая индивидуальность—вотъ порогъ, за который цѣпляется ваша философія, и Шекспиръ безсомнѣнно лучше всѣхъ философовъ, отъ Анаксагора до Гегеля, понималъ *своимъ путемъ* это необъятное море противорѣчій, бореній, добродѣтелей, пороковъ, увлеченій, прекраснаго и гнуснаго,—море, заключенное въ маленькомъ пространствѣ отъ діафрагмы до черепа и спаянное неразрывно въ живой индивидуальности... Но довольно философствовали; пойдемте гулять; погода прекрасная, жаль въ комнатѣ сидѣть.

— Въ томъ-то вся великая задача, сказалъ я, вставая:—чтобъ умѣть примирить эти противорѣчія и боренія и соткать изъ нихъ одну гармоническую ткань жизни—и эту-то задачу разрѣшитъ намъ Германія, потому что она ее громко выговорила и одной ею и занимается.

— Дай Богъ успѣха! Но я боюсь, чтобъ не повторилась исторія отысканія всеобщаго лекарства отъ болѣзней, которое занимало Парацельса и умнѣйшія го-

ловы того вѣка. Спору нѣтъ, всякое примиреніе хорошо, и мы всѣ чѣмъ нибудь примиряемся съ жизнію: безъ этого пришлось бы застрѣлиться. Философы примиряются съ несчастіями, слѣпо и грубо поражающими ежедневно индивидуальность мыслью о ничтожности индивидуума. Мистикъ примиряется съ этими же несчастіями, полагая, что ими искупается паденіе Люцифера, и что за это будетъ награда... по крайней мѣрѣ это мнѣніе не такъ ледяно-холодно. А потомъ и человѣкъ чѣмъ нибудь да примиряется съ жизнію: одинъ — тѣмъ, что онъ не вѣритъ ни въ какое примиреніе, и это выходъ; другой—какъ вы, напримѣръ, вѣря, что вы убѣждены разумомъ въ томъ, во что вы вѣрите; я — тѣмъ, что будто-бы дѣлаю существенную пользу, копая землю. Повѣрьте, всѣ мы дѣти и, какъ дѣти вообще, играемъ въ игрушки и принимаемъ куклы за дѣйствительность. Мнѣ теперь пришелъ на память лордъ Гамильтонъ, ѣздившій по Европѣ и Азіи отыскивать идеалъ женской красоты между статуями и картинами. Знаете, чѣмъ онъ кончилъ?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ, что женился на доброй бѣлокуренькой ирландкѣ и кричалъ: «нашелъ! нашелъ!» Ха, ха, ха!.. ей Богу, дѣти!—Но время идетъ. Пойдемте.

Мы пошли...

1838.
Вл. н. К.

—

Примѣчаніе нашедшаго тетрадь. — Считаю себя обязаннымъ, предупреждая недоразумѣніе, сказать нѣсколько словъ о разсказѣ Трензинскаго относительно Гете. Больно было бы мнѣ думать, что разсказъ этотъ сочтутъ мелкимъ камнемъ, брошеннымъ мною въ великаго поэта, передъ которымъ я благоговѣю. Въ Трензинскомъ преобладаетъ скептицизмъ d'une existence manquée; это ровно не скептицизмъ древнихъ, ни скептицизмъ Юма, а скептицизмъ жизни, убитой обстоятельствами, безпредѣльно грустный взглядъ на вещи человѣка, котораго грудь покрыта ранами незаслуженными, человѣка, оскорбленнаго въ благороднѣйшихъ чувствахъ и между тѣмъ человѣка полнаго силы (eine kernhafte Natur). Я разскажу со временемъ всю жизнь его, и тогда можно будетъ увидѣть, какъ онъ дошелъ до своего воззрѣнія. Трензинскій—человѣкъ по преимуществу практическій, всего менѣе художникъ. *Онъ могъ* смотрѣть на Гете съ такой бѣдной точки; да и долженъ ли былъ вселить Гете уваженіе къ себѣ, подавить авторитетомъ — человѣка, который рядомъ бѣдствій дошелъ до неуваженія лучшихъ упованій своей жизни? Съ другой стороны, люди практической сферы рѣдко умѣютъ свой острый умъ прилагать къ сужденію о художникахъ и о ихъ произведеніяхъ. Фридрихъ II, прочитавъ «Гёца фон-Берлихингена», сказалъ: «Encore une mauvaise tragédie dans le genre anglais!»—Гете простилъ ему это сужденіе отъ всей души.

Сверхъ того, не увлекаясь авторитетами, мы должны будемъ сознаться, что жизнь германскихъ поэтовъ

и мыслителей чрезвычайно односторонняя; я не знаю ни одной германской біографіи, которая не была бы пропитана *филистерствомъ*. Въ нихъ, при всей космополитической всеобщности, недостаетъ цѣлаго элемента человѣчности, именно практической жизни, и хоть они очень много пишутъ, особенно теперь, о конкретной жизни, но уже самое то, что они пишутъ о ней, а не живутъ ею, доказываетъ ихъ абстрактность. Просимъ вспомнить для того, чтобъ разомъ видѣть все необъятное разстояніе между ними и людьми жизни, біографію Байрона... Трензинскій, конечно, не могъ симпатизировать съ германцами и, какъ человѣкъ, въ которомъ нѣкогда была развита именно та сторона жизни, которая вовсе не развита у нѣмцевъ, не могъ съ нею и примириться за другія стороны.

ДОЛГЪ ПРЕЖДЕ ВСЕГО.

(Повѣсть).

„Я считалъ бы себя преступнымъ еслибъ не исполнилъ и въ сей настоящій годъ священнаго долга моего и не принесъ бы Вашему Превосходительству нижусерднѣйшаго поздравленія съ наступающимъ высокоторжественнымъ праздникомъ".

I.

ЗА ВОРОТАМИ.

Сыну Миайхла Степановича Столыгина было лѣтъ четырнадцать... но съ этого начать невозможно; для того чтобъ принять участіе въ сынѣ, надобно узнать отца, надобно сколько нибудь узнать почтенное и доблестное семейство Столыгиныхъ. Мнѣ даже хотѣлось бы основательно познакомить читателей моихъ съ нимъ, но не знаю, какъ лучше приняться.

Мнѣ приходило въ голову начать съ историческихъ преданій ихъ знаменитаго рода. Я хотѣлъ слегка упомянуть, какъ Трифонъ Столыгинъ успѣлъ въ двѣ недѣли три раза присягнуть, разъ Владиславу, разъ Тушинскому вору, разъ не помню кому — и всѣмъ измѣнилъ; я хотѣлъ описать ихъ богатыя достоянія, ихъ села, въ которыхъ церкви были пышно украшены благочестивыми и смиренными приношеніями помѣщиковъ, повидимому не столь смиренныхъ въ свѣтскихъ отно-

шеніяхъ, что̀ доказывали полуразвалившіяся, кривыя, худо крытыя и подпертыя шестами избы; но боясь утомить вниманіе ваше, я скромно рѣшаюсь начать не дальше какъ за воротами большаго московскаго дома Михайла Степановича Столыгина, что на Яузѣ. Ограда около дома каменная, ворота толстаго дерева, съ одной стороны калитка истинная, съ другой ложная, для симметріи въ ней вставлена доска, на доскѣ сидитъ обтерханый старикъ, повидимому нищій.

Старикъ этотъ впрочемъ не былъ нищій, а дворникъ Михайла Степановича.

Пятьдесятъ второй годъ пошелъ съ тѣхъ поръ, какъ красивый русый юноша Ефимка вышелъ въ первый разъ за эти ворота съ метлою въ рукахъ и горькими слезами на глазахъ. Дядя Михайла Степановича, объѣзжая свои помѣстья, привезъ его изъ Симбирска, не потому что ему особенно нуженъ былъ мальчикъ, а такъ, ему понравился добрый видъ Ефимки, онъ и рѣшился устроить его судьбу. Устроилъ онъ ее прочно, какъ видите. Ефимка мелъ юношей, мелъ съ пробивающимся усомъ, мелъ съ обкладистой бородой, мелъ съ просѣдью, мелъ совсѣмъ сѣдой и теперь мететъ съ пожелтѣвшей бородой, съ ногами, которыя подгибаются, съ глазами, которые плохо видятъ. Одно сберегъ онъ отъ юности— названіе Ефимки; впрочемъ, страннѣе этого патріархальнаго названія было то, что онъ дѣйствительно не развился въ Ефимы. По мѣрѣ того, какъ онъ свыкался съ своей одинокой жизнію, по мѣрѣ того какъ страсть къ двору и къ улицѣ у него дѣлалась сильнѣе и доходила

до того, что онъ вставалъ раза два, три ночью и осматривалъ дворъ съ пытливымъ любопытствомъ собаки, не смотря на то, что ворота были заперты и двѣ настоящихъ собаки спущены съ цѣпи — въ немъ пропадала и живость, и развязность, кругъ его понятій становился уже и уже, мысли смутнѣе, тусклѣе. Разъ, лѣтъ за двадцать до нашего разсказа, ему взошла въ голову дурь — жениться на кучёровой дочери; она была и не прочь, но баринъ сказалъ, что это вздоръ, что онъ съ ума сошелъ, съ какой стати ему жениться — тѣмъ дѣло и кончилось. Ефимка потосковалъ, никому не говорилъ о томъ ни слова и сталъ попивать. Къ старости онъ сдѣлался кроткимъ, тихимъ звѣремъ, страдавшимъ отъ холода и отъ боли въ поясницѣ, веселившимся отъ сивухи и нюхательнаго табаку, который ему поставлялъ сосѣдній лавочникъ за то, чтобъ онъ мелъ улицу передъ лавочкой. Другихъ сильныхъ страстей у него не было, если мы не примемъ за страсть его безусловной послушливости всѣмъ, кто хотѣлъ приказывать, и безграничнаго страха передъ Михайломъ Степановичемъ.

Нельзя сказать, чтобы сношенія Ефимки съ Михайломъ Степановичемъ были особенно часты или важны; они ограничивались строгими выговорами, сопряженными съ сильными угрозами за то, что мостовая портится, за то, что тротуарные столбы гніютъ, за то, что за нихъ зацѣпляются телѣги и сани; Ефимка чувствовалъ свою вину и со вздохомъ поминалъ то блаженное время, когда улицъ не мостили и тротуаровъ не чинили по очень простой причинѣ, — потому что ихъ не было.

Сношеніе другаго рода, болѣе пріятное и торжественное, повторялось всякій годъ одинъ разъ. Въ свѣтлое Воскресенье вся дворня приходила христосоваться съ бариномъ. Причемъ Михайло Степановичъ, обыкновенно угрюмый и раздраженный, мѣнялъ гнѣвъ на милость и дарилъ своихъ слугъ ласковымъ словомъ — отчасти въ предупрежденіе другихъ подарковъ. «А помнишь», говорилъ ежегодно Михайло Степановичъ Ефимкѣ, обтирая губы послѣ христосованья: «помнишь, какъ ты меня возилъ на салазкахъ и дѣлалъ снѣговую гору?» Сердце прыгало отъ радости у старика при этихъ словахъ и онъ торопился отвѣчать: «какъ же, батюшка, кормилецъ ты нашъ, мнѣ-то не помнить, оно вѣдь еще при покойномъ дядюшкѣ вашей милости, при Львѣ Степановичѣ было, помню, вотъ словно вчера.»

— «Ну, оно вчера не вчера, прибавлялъ Михайло Степановичъ, улыбаясь: а небось пятый десятокъ есть. Смотри же, Ефимка, праздникъ праздникомъ, а улицу мети, да пьяныхъ много теперь шляется, такъ ты, какъ смеркнется, ворота и запри. Что не крадутъ ли булыжникъ?»—«Словно глазъ свой берегу, батюшка, и ночью выхожу разъ, другой поглядѣть», отвѣчалъ дворникъ— и баринъ давалъ знакъ, чтобъ онъ шелъ съ краснымъ яйцомъ, даннымъ ему на обмѣнъ.

Этимъ періодическимъ разговоромъ ограничивались личныя сношенія двухъ ровесниковъ, жившихъ лѣтъ пятьдесятъ подъ одной крышей. Ефимка бывалъ очень доволенъ аристократическими воспоминаніями и обыкновенно вечеромъ въ первый праздникъ, не совсѣмъ

трезвый, разсказывалъ кому нибудь въ грязной и душной кучерской, какъ было дѣло, прибавляя: «вѣдь подумаешь, какая память у Михайла-то Степановича, помнитъ что — а вѣдь это сущая правда, бывало меня заложитъ въ салазки, а я вожу, а онъ-то знай кнутикомъ погоняетъ — ей Богу — а сколько годовъ, подумаешь!» и онъ, качая головою, развязывалъ онучи и засыпалъ на печи, подложивши свой армякъ (постели онъ еще не успѣлъ завести въ полвѣка), думая вѣроятно о суетѣ жизни человѣческой и о прочности нѣкоторыхъ общественныхъ положеній, напримѣръ дворниковъ.

И такъ Ефимка сидѣлъ у воротъ. Сначала онъ медленно, больше изъ удовольствія, нежели для пользы подгонялъ грязную воду въ канавкѣ метлой, потомъ понюхалъ табаку, посидѣлъ, посмотрѣлъ и задремалъ. Вѣроятно онъ довольно долго бы проспалъ, въ товариществѣ дворовой собаки плебейскаго происхожденія, черной съ бѣлыми пятнами, длинною жесткою шерстью и изгрызеннымъ ухомъ, котораго сторонки она приподнимала врозь, чтобъ сгонять мухъ,—если бы ихъ обоихъ не разбудила женщина среднихъ лѣтъ.

Женщина эта, тщательно закутанная, въ шляпкѣ съ опущеннымъ вуалемъ, давно показалась на улицѣ; она медленно шла по противоположному тротуару и съ безпокойнымъ вниманіемъ смотрѣла, что дѣлается на дворѣ Столыгина. На дворѣ все было тихо, казачекъ въ сѣняхъ пощелкивалъ орѣхи, кучеръ возлѣ сарая чистилъ хомутъ и курилъ изъ крошечнаго чубука, однако и этого довольно было, чтобъ отстращать ее; она прошла

мимо и черезъ четверть часа явилась на томъ тротуарѣ на которомъ спалъ Ефимъ. Собака заворчала было, но, вдругъ бросилась со всѣми собачьими изъявленіями радости къ женщинѣ, она испугалась ея ласкъ и отошла какъ можно скорѣе. — Осмотрѣвши еще разъ, что дѣлается на дворѣ, она рѣшилась подойти къ Ефиму и назвать его. «Ась», пробормоталъ Ефимъ: «чего вамъ?» Онъ не былъ такъ счастливъ, какъ его пріятель съ раздвоеннымъ ухомъ, и не узналъ, кто съ нимъ говоритъ. «Ефимушка, продолжала незнакомка:—вызови сюда Кирилловну». «Настасью Кирилловну, а на что вамъ ее?» спросилъ дворникъ, что-то запинаясь. — «Да ты меня развѣ не узнаешь?» — «Ахъ ты мать пресвятая Богородица, отвѣчалъ старикъ и вскочилъ съ лавки: глаза-то какіе стали, матушка,... экъ я кого не спозналъ, простите, матушка,изъ ума выжилъ на старости лѣтъ, такъ ужъ никуда не гожусь.»

— «Послушай, Ефимъ, мнѣ некогда, коли можно, вызови Настатью».—«Слушаю, матушка, слушаю, отчего же нельзя, — оно все можно, я сейчасъ для тебя-то сбѣгалъ бы, — да вотъ, мать ты моя родная,» и старикъ чесалъ пожелтѣлые волосы свои: «да какъ бы то есть Титъ-то Трофимовичъ не свѣдалъ?» Женщина смотрѣла на него съ состраданіемъ и молчала; старикъ продолжалъ: «Боюсь, охъ боюсь, матушка, кости старыя, лѣта какія, а вѣдь у насъ кучеръ Неннадистъ, не приведи Господь какая тяжелая рука, такъ въ конюшнѣ Богу душу и отдашь, христіанскій долгъ не исполнишь».

Старикъ еще не кончилъ своей рѣчи, какъ изъ воротъ

выскочила старушонка худощавая, подслѣпая, вся въ морщинахъ, съ сѣдыми волосами. «Ахъ, матушка, не извольте слушать, что вамъ старый сычъ этотъ напѣваетъ, пожалуйте ко мнѣ, я проведу васъ, — вѣдь изъ окна, матушка, узнала, походку-то вашу узнала, такъ сердце-то и забилось, ахъ молъ, наша барыня идетъ, шепчу я сама себѣ, да на половину къ Анатолію Михайловичу бѣгу, а тутъ попался казачекъ Ванюшка, преядовитой у насъ такой, шпіонишка мерзкой, что, спросила я, баринъ-то спитъ?—Спитъ еще—чтобъ ему тутъ, право, не при васъ будь сказано». Все это она такъ проворно говорила съ пресильной мимикой, что Марья Валеріановна не успѣла раскрыть рта и наконецъ ужъ перебила ее вопросомъ. «Настасьюшка, да здоровъ ли онъ?»—«Ничего, матушка, ну только худенькой такой. Какое и житье-то! Вѣдь аспидъ-то нашъ на то и взялъ ихъ, чтобъ было надъ кѣмъ зло изливать, человѣконенавѣстникъ, ржа, которая, на что желѣзо, и то поѣдомъ ѣстъ. У Натоль же Михайловича, изволите знать, какой нравъ, весь въ маменьку, не то, что наше холопское дѣло, выйдешь за дверь да самого обругаешь вдвое, прости Господи, ну а они все къ сердцу принимаютъ». Марья Валеріановна утерла наскоро слезу и шепнула: «пойдемъ же, Настасьюшка».

Настасья строго настрого наказала Ефимкѣ, если Титъ подошлетъ казачка спросить, съ кѣмъ она говорила за воротами и съ кѣмъ взошла, сказать—со швеей молъ, съ Ольгой Петровной, что живетъ у Покровскихъ воротъ. Послѣ этого она повела Марью Валеріановну

черезъ дворъ на заднее крыльцо, потомъ по темной лѣстницѣ, которую врядъ мели ли когда нибудь послѣ отстройки дома. Лѣстница эта шла въ маленькую коморку, отведенную Настасьѣ; эта коморка была цѣль ея желаній, предметъ домогательствъ ея въ продолженіи пятнадцати лѣтъ. Ни у кого въ домѣ не было особой комнаты, кромѣ какъ у Тита. Михайло Степановичъ наконецъ дозволилъ занять ее, съ условіемъ не считать ее своею, никогда въ ней не сидѣть, а такъ покамѣстъ положить свои пожитки. Въ этой маленькой комнаткѣ стоялъ небольшой деревянный столъ, окрашенный временемъ, на немъ покоился покрытый полотенцемъ самоваръ, въ сосѣдствѣ чайника и двухъ опрокинутыхъ чашекъ. На стѣнѣ висѣли двѣ головки, рисованныя чернымъ карандашемъ; одна изображала поврежденную женщину, которая смотрѣла изъ картины страшно вытаращивъ глаза, вмѣсто кудрей у нея были черви — должно думать, что цѣль была представить Медузу. Другая представляла какого-то жандарма въ каскѣ, вѣроятно выходившаго изъ воды, судя по голому плечу, лицо у него было отвратительно правильно, носъ въ родѣ іонійской колонны, опрокинутой волютами внизъ, голову онъ держалъ крѣпко на сторону, разумѣется, этотъ жандармъ былъ — Александръ Македонскій.

Но передъ этими картинами, нарисованными дѣтской рукой, остановилась Марья Валеріановна и не могла болѣе удерживаться. Она закрыла глаза платкомъ и Настасья плакала ото всей души, приговаривая: «да, это онъ, мой голубчикъ, въ имянины подарилъ.»

— Ну какъ кто взойдетъ сюда, Настасьюшка, что тогда дѣлать?

— Не извольте безпокоиться, матушка, фискала-то нашего дома нѣтъ. Вишь староста пріѣхалъ да обозъ съ дровами что ли пришелъ, такъ онъ и пошелъ въ трактиръ принимать; самый вредный человѣкъ и преалчный, никакой совѣсти нѣтъ, чаю пары двѣ выпьетъ съ французской водкой, какъ слѣдуетъ, да потребуетъ бутылку бѣлаго, рыбы, икры; какъ чрево выноситъ, небось седьмой десятокъ живетъ, да вѣдь что, матушка, какой неочестливой! и сына-то своего приведетъ и того угощай. Ну да онъ угодитъ еще подъ красную шапку, сынъ-то азарникъ. Покуда старой-то песъ живъ, такъ все шито и крыто, а какъ Богъ по душу пошлетъ, мы все выведемъ, и какъ синенькая у кучера пропала...

Длинная рѣчь in Titum осталась неоконченною, молодой человѣкъ лѣтъ тринадцати, стройный, милый и блѣдный отъ внутренняго движенія, бросился не говоря ни слова на шею Марьи Валеріановны и спряталъ голову на ея груди; она гладила его волосы, смѣялась, плакала, цаловала его: «ну привелъ же Богъ, привелъ же Богъ, говорила она. Да дайже посмотрѣть на тебя...» и она всматривалась долго, съ тѣмъ упоеніемъ преданнымъ, святымъ, съ какимъ можетъ смотрѣть одна любовь матери. Она была счастлива, онъ такъ хорошъ, черты его такъ невинно чисты и открыты, она молилась ему: «Дружокъ ты мой, какой ты худенькой, говорила она ему, здоровъ ли ты?»—«Я здоровъ, маменька», отвѣчалъ молодой человѣкъ. «Я только боюсь, что па-

паша узнаетъ, спроситъ меня?»—И, батюшка, вмѣшалась няня: что это, ужъ такой умникъ, и не умѣете держать отвѣтъ. Правду сказать, это только вашъ папаша воображаетъ, что его въ свѣтѣ никто не проведетъ, а его вся дворня надуваетъ. Молодой человѣкъ не отвѣчалъ, но сдѣлалъ движеніе, которое дѣлаютъ всѣ нервные люди, когда ножъ скрипитъ по тарелкѣ.

II.

ДЯДЮШКА ЛЕВЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

Кажется, что и хорошо я началъ мой разсказъ, а опять приходится отступить, далеко отступить, иначе не объяснишь сцены, происходившей въ маленькой комнаткѣ Настасьи.

Начнемте тамъ, гдѣ оканчиваются воспоминанія Ефимки; онъ возилъ молодаго барина въ салазкахъ при жизни «Дяденьки». Дяденька Левъ Степановичъ уже потому заслуживаетъ, чтобы начать съ него, что не смотря на всю патріархальную дикость свою, онъ первый ручной представитель Столыгиныхъ. Этимъ онъ обязанъ слѣпой любви родителей къ его меньшому брату. Степушку никогда бы не рѣшились они отправить на службу, отдать въ чужія руки; Левушку, напротивъ, родители не жалѣли, и какъ только онъ кончилъ курсъ своего воспитанія, то есть научился читать по

руски и писать вопреки всѣмъ правиламъ орѳографіи, его отправили въ Петербургъ. Послуживши лѣтъ десять въ гвардіи, онъ перешелъ въ гражданскую службу, былъ совѣтникомъ, былъ впослѣдствіи президентомъ какой-то коллегіи и въ большой близости съ кѣмъ-то изъ временщиковъ. Патронъ его потерялъ наконецъ равновѣсіе и исчезъ въ своихъ малороссійскихъ вотчинахъ. Помощникъ и ставленикъ его, Левъ Степановичъ, премудро и во время умѣлъ отдѣлить свою судьбу отъ судьбы патрона, премудро успѣлъ жениться на племянницѣ другаго временщика, которую тотъ не зналъ куда дѣвать, и наконецъ, что премудрѣе всего вмѣстѣ, Левъ Степановичъ, получивъ аннинскую кавалерію, вышелъ въ отставку и отправился въ Москву для устройства имѣнія, уважаемый всѣми какъ честный, добрый, солидный и дѣловой человѣкъ.

Не надобно думать, чтобъ въ его удаленіи былъ одинъ разсчетъ или дипломація; причина столькоже сильная звала его воротиться къ болѣе родной средѣ. Въ Петербургѣ, не смотря на успѣхи по службѣ, ему все было что-то неловко, точно въ гостяхъ; ему захотѣлось покоя въ почетномъ раздольи помѣщичьей жизни, захотѣлось пожить на своей волѣ; родители его давно померли, Степушка былъ отдѣленъ, имѣнье, доставшееся Льву Степановичу, было одно изъ богатѣйшихъ подъ Москвою, верстъ сотню по Можайкѣ отъ города. Какъ же не ѣхать ему было въ свои березовыя и липовыя рощи, въ свой старый отцовскій домъ, гдѣ подобострастная дворня и испуганное село готово было его

встрѣтить со страхомъ и трепетомъ, поклониться ему въ землю и подойти къ ручкѣ.

Въ Москвѣ онъ остался не долго, заложилъ на Яузѣ, вмѣсто деревяннаго дома, каменныя палаты и уѣхалъ въ Липовку, изрѣдка наѣзжая присмотрѣть за постройкой. За хозяйство Левъ Степановичъ принялся усердно; онъ и на службѣ своего имѣнья не разстроилъ, а напротивъ, къ родовымъ тысячѣ душамъ прикупилъ тысячи полторы; но теперь, не вдаваясь въ агрономическія разсужденія, онъ разомъ сдѣлался смышленымъ помѣщикомъ, съ той снаровкой, съ которой изъ лейбъ-гвардіи капитановъ сталъ въ годъ времени дѣловымъ совѣтникомъ. Удвоивая доходы, онъ улучшилъ состояніе крестьянъ. Онъ и хлѣбомъ поможетъ, и овса на посѣвъ дастъ, и корову или лошадь дастъ въ замѣну падшей, ну да послѣ держи ухо востро. Вдругъ никто не думаетъ, не гадаетъ, баринъ съ старостой и съ десятскими на дворѣ. «Эйты, Акулька, покажи-ка горшки для молока», не вымыты, тутъ бабѣ и расправа. «А ты, Нефедъ, покажь-ка соху, да и борону, выведи лошадь-то», словомъ, поучалъ ихъ какъ неразумныхъ дѣтей и мужички разсказывали долго послѣ его смерти «о порядкахъ стараго барина», прибавляя: «точно, бывало спуску не даетъ, ну а только умница былъ, все зналъ наше крестьянское дѣло досконально и праваго не тронетъ; то есть учитель былъ».

Дворовыхъ онъ держалъ безъ числа и мѣры, у него были мальчики, единственно употребляемые днемъ на то, чтобъ чистить клѣтки соловьевъ, а ночью ходить

по двору, чтобъ собаки не лаяли близь господскаго дома. У него были дѣвочки, которыхъ все назначеніе состояло въ томъ, чтобъ зимой стирать воду съ оконницъ, а лѣтомъ носить уголья и тазики для варенья. Нельзя сказать, чтобъ такое количество прислуги вводило его въ особенно важныя траты; все, начиная съ самыхъ личностей, было домашнее, рожь и гречиха, горохъ и капуста, и не одинъ кормъ... Умретъ корова, выдѣлаютъ кожу, сапожникъ сошьетъ портному сапоги, въ то время какъ портной ему кроитъ куртку изъ домашняго сукна цвѣту маренгоклеръ и широкія панталоны изъ небѣленаго холста, которымъ были обложены рабочія бабы. Притомъ у Льва Степановича былъ неотъемлемый талантъ воспитывать дворню, талантъ совершенно утраченный въ наше время; онъ вселялъ съ юныхъ лѣтъ такой страхъ, что даже его фаворитъ и долею лазутчикъ, камердинеръ Титъ Трофимовъ, гроза всей дворни, не всегда обращавшій вниманіе на приказы барыни, сознавался въ минуты откровенности и сердечныхъ изліяній, что ни разу не входилъ въ спальню барина безъ особаго чувства страха, особенно утромъ, не зная, въ какомъ расположеніи Левъ Степановичъ. Дивиться нечему. Выгоды и почетъ барскаго фавера очень недаромъ доставались Титу, особенно потому, что онъ часто попадался на глаза. Левъ Степановичъ былъ человѣкъ характерный, сдерживать себя не считалъ нужнымъ, и когда утромъ онъ выходилъ къ чаю съ красными глазами, то сама Марѳа Петровна долго не смѣла начать разговоръ. Въ эти «характерныя» мину-

ты сильно доставалось Титу — побьетъ его бывало, да и пошлетъ къ барынѣ: «поди, говоритъ, покажи ей свою рожу и скажи—вотъ молъ какъ дураковъ учатъ, людей дѣлаютъ изъ скотовъ». Для Маѳы Петровны, въ ея скучной и однообразной жизни, подобные случаи служили развлеченіемъ, даже она находила своего рода удовольствіе въ униженіи гордаго и высокомѣрнаго Тита.

Дѣйствительно, развлеченій въ ея жизни было мало, особенно свѣтскихъ. Дѣтей имъ Богъ не далъ. Пыталась она и ворожить, и заговариваться, и пить всякую дрянь, и къ Тройцѣ-Сергію ходила пѣшкомъ, и титову сестру посылала въ Кіево-Печерскую Лавру, откуда она ей принесла колечко отъ раки Варвары мученицы, но дѣтей все не было. Нельзя сказать, чтобъ Левъ Степановичъ особенно былъ отъ того несчастенъ, однако онъсердился за это, какъ за безпорядокъ и, упрекалъ въ минуты досады свою жену довольно оригинальнымъ образомъ, говоря: «у меня жену Богъ даровалъ глупѣе таракана; что такое тараканъ, нечистота, а дѣтей выводитъ». При этомъ видно было гордое сознаніе, что онъ своей стороны себя въ этомъ не винитъ, —да и въ самомъ дѣлѣ, безъ вопіющей несправедливости мудрено было винить Льва Степановича, взявъ во вниманіе хоть одно разительное сходство съ нимъ поваровыхъ дѣтей. Главное, что сердило Льва Степановича, это отсутствіе цѣли въ хозяйствѣ и устройствѣ имѣнья. «Я, говорилъ онъ, денно и нощно хлопочу, и запашку удвоилъ, и порядокъ завелъ, и лѣсъ берегу, и денегъ не

трачу; а подумаю, на что, самъ не знаю; точно управляющій братнина сына, а тотъ возьметъ все, да и спасибо не скажетъ; я его знаю, по матери пошелъ, баба продувная была, и въ немъ хамовой крови довольно. Оно конечно, это мой долгъ, на то я и поставленъ Богомъ въ помѣщики, чтобы хозяйничать, на томъ свѣтѣ съ меня спросится; все же лучше, еслибы былъ настоящій наслѣдникъ!»

И Левъ Михайловичъ грустно качалъ головою, сидя на жесткихъ креслахъ, обитыхъ черной кожей, приколоченной мѣдными гвоздочками. Марѳа Петровна горько плакивала отъ подобныхъ разговоровъ и за свѣтскія лишенія прибѣгала къ духовнымъ утѣшеніямъ.

Возлѣ самаго господскаго дома, иждивеніемъ Льва Степановича, была воздвигнута каменная церковь о трехъ предѣлахъ. Спальня выходила окнами къ колокольнѣ; припервомъ благовѣстѣ Марѳа Петровна поспѣшно одѣвалась и являлась ранѣе всѣхъ въ храмъ Божій. Левъ Степановичъ приходилъ позже и то по большимъ праздникамъ и въ воскресные дни. Марѳа же Петровна являлась при всѣхъ богослуженіяхъ, на похоронахъ, крестинахъ, бракосочетаніяхъ. Левъ Степановичъ становился впереди, подтягивалъ клиросу и бдительнымъ окомъ смотрѣлъ за порядкомъ, самъ дралъ за уши шалившихъ мальчишекъ и черезъ старосту показывалъ, когда надо было креститься и когда класть земные поклоны. Онъ былъ любитель и знатокъ богослуженія, онъ на домъ къ себѣ призывалъ молодаго діакона и мѣсяца три всякій день училъ кадить и дѣлать возгласъ,

поднимая орарь съ полуоборотомъ на амвонѣ; діаконъ дѣйствительно такъ мастерски дѣлалъ возгласъ и полоборота, что можайскіе купцы пріѣзжали любоваться и находили, что іеродіаконъ Савина монастыря далеко будетъ пониже липовскаго.

Монастырь этотъ былъ верстъ тридцать отъ усадьбы Льва Степановича. Онъ постоянно посылалъ туда не столько богатыя, сколько постоянныя приношенія: возовъ десять прошлогодняго и нѣсколько сгорѣвшаго сѣна, овесъ, негодный на сѣмена, сырыя и почернѣвшія дрова. Марѳа Петровна съ своей стороны дѣлала приношенія тоже болѣе цѣнныя по усердію, нежели по чему иному; она посылала въ монастырь розовую и мятную воду, муравьиный спиртъ, сушеную малину, нѣсколько банокъ грибовъ въ уксусѣ, искусно уложенныхъ, такъ что съ которой стороны ни посмотришь, все видно одни бѣлые грибы, а какъ ложкой ни возьмешь, все вынешь или березовикъ или масленокъ. Иноки иногда посѣщали благочестивый домъ богоприбѣжнаго помѣщика, и всегда находили радушный пріемъ Марѳы Петровны, которая любила ихъ и какъ-то боялась.

Другихъ гостей почти никогда не являлось у Столыгиныхъ. Кромѣ ихъ двоихъ, еще проживалъ у нихъ дядя Марѳы Петровны съ своей женой. Ѣхавши изъ Петербурга, Левъ Степановичъ пригласилъ къ себѣ дядю своей жены, не главнаго, а такъ дядю-старика, оконтуженнаго въ голову во время турецкой кампаніи, вслѣдствіе чего онъ потерялъ память, умъ и глаза. Настоящій дядя, не зная, куда его дѣть, намекнулъ Льву

Степановичу, который хотя уже тогда и былъ въ отставкѣ, но все же не смѣлъ поперечить особѣ. Слѣпой старикъ былъ женатъ на молдаванкѣ, у которой въ домѣ лежалъ раненый; она была не первой молодости и не смотря на большой римскій носъ и на огромные орлиные глаза отличалась великимъ смиреніемъ духа. Ее Столыгинъ употреблялъ на пріемъ талекъ, холстины, орѣховъ, на чищеніе ягодъ, сушеніе травъ, вареніе грибовъ. Марѳа Петровна, призрѣвая родственниковъ, была увѣрена, что этимъ загладитъ всѣ свои грѣхи, а можетъ сдѣлаетъ доступною и свою молитву о дарованіи дѣтей. Обращеніе, сложившееся между хозяевами и гостями, было простое, патріархальное. Марѳа Петровна называла старика дядей, но жену его не только не называла теткой, но говорила ей «ты» и въ иныхъ случаяхъ позволяла цаловать у себя руку. Левъ Степановичъ говорилъ обоимъ «ты» и обращался съ ними такъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ людьми, вполнѣ зависящими отъ насъ — съ холоднымъ презрѣніемъ и съ оскорбительнымъ выказываніемъ своего превосходства. Онъ ихъ трактовалъ какъ мебель или вещь не очень нужную, но къ которой онъ привыкъ.

Утро слѣпой обыкновенно проводилъ въ своей комнатѣ во флигелѣ, гдѣ курилъ сушеный вишневый листъ, перемѣшанный съ венгерскими корешками. Въ часъ, дѣвка, приставленная за нимъ, надѣвала на него длинный синій сертукъ, повязывала бѣлый галстукъ и приводила въ столовую. Здѣсь онъ дожидался, сидя въ углу, торжественнаго выхода Льва Степановича. Горе

бывало старику, если онъ опоздаетъ, тутъ доставалось не только ему, но и Танькѣ, служившей при немъ корнакомъ, и молдаванкѣ. Старику повязывали на шею салфетку и сажали его за столъ, гдѣ онъ смиренно дожидался, пока Левъ Степановичъ пришлетъ ему рюмку настойки, въ которую онъ ему подливалъ воды. За столомъ старикъ не смѣлъ ничего просить, да не смѣлъ ни отъ чего и отказаться; даже больше двухъ стакановъ квасу (хозяева пили кислыя щи, но для дяди съ теткой приносили людскаго квасу, кислаго, какъ квасцы) ему не дозволялось пить. Подадутъ ли дыню, Левъ Степановичъ вырѣжетъ лучшую часть, а корки положитъ ему на тарелку. Марѳа Петровна дѣлала тоже съ зрячей молдаванкой, прибавляя, что это сущій вздоръ и почти грѣхъ думать, что Богъ такъ создалъ дыню, что одну закраинку можно употреблять въ снѣдь.

Въ рѣдкія минуты, когда Левъ Степановичъ былъ веселъ, слѣпой старикъ служилъ предметомъ всѣхъ шутокъ и любезностей Льва Степановича. «А, добро пожаловать, кричалъ онъ: добро пожаловать, отецъ Ксенофонтій!—Эй, Васильичъ (такъ называлъ онъ дядю), не видишь, что ли, отецъ Ксенофонтій идетъ тебя благословить?»—«Не вижу, государь мой, не вижу», отвѣчалъ слѣпой.—«Да вотъ съ правой-то стороны»—и онъ посылалъ Тита благословлять старика и тотъ ловилъ его руку. Левъ Степановичъ хохоталъ до слезъ, не догадываясь, что самое забавное въ этой комедіи состояло въ томъ, что выжившій изъ ума старикъ, съ тою остротой слуха, которая обща всѣмъ слѣпымъ, очень хорошо

зналъ, что отецъ Ксенофонтій не входилъ, и представлялъ только для удовольствія покровителя, что обманутъ. Но верхъ наслажденія для Столыгина состоялъ въ томъ, чтобы накласть на тарелку чего нибудь скоромнаго въ постный день и когда тотъ съ спокойной совѣстью съѣдалъ, онъ его спрашивалъ: «что это ты на старости лѣтъ, въ Молдавіи что ли въ Турецкую перешелъ, въ какой день убираешь скоромное?» У старика дѣлались спазмы, онъ плакалъ, полоскалъ ротъ, дѣлался больнымъ — это очень забавляло Столыгина.

Иногда Левъ Степановичъ будилъ въ старикѣ что-то похожее на чувство человѣческаго достоинства и онъ дрожащимъ голосомъ напоминалъ Льву Степановичу, что ему грѣшно обижать слѣпца и что онъ все таки дворянинъ и премьеръ маіоръ по чину. —Ваше высокородіе, отвѣчалъ Столыгинъ, у котораго кровь бросалась въ лицо отъ такой дерзкой оппозиціи: да ты бы ѣхалъ въ полкъ—ну, я тебѣ пришелся не по нраву, прости великодушно, а ужъ переучиваться мнѣ поздно, мнѣ не подъ лѣта; да и чтоже, я тебя не на веревочкѣ держу, ступай себѣ въ Молдавію въ женино имѣнье.

— Левъ Степановичъ, робко прибавляла Марѳа Петровна:—вѣдь какъ бы то ни было, онъ мнѣ дядя и вамъ сродственникъ.

— Вотъ? Въ самомъ дѣлѣ? возражалъ еще болѣе разъяренный Столыгинъ.—Скажите пожалуста, новости какія! А знаешь ли ты, что еслибы онъ не былъ твой дядя, такъ у меня не толькобъ не сидѣлъ за столомъ, да и подъ столомъ? Испуганная маіорша дергала мужа

за рукавъ, начинала плакать, прося простить неразумнаго слѣпца, не умѣющаго цѣнить благодѣяній. У старика текли по щекамъ тоже слезы, но какъ-то очень жалкія, онъ походилъ на безпомощнаго ребенка, обижаемаго грубой и пьяной толпой.

Послѣ обѣда баринъ ложился отдохнуть. Титъ долженъ былъ стоять у дверей, и когда Левъ Степанычъ ударитъ въ ладоши, подать ему графинъ кислыхъ щей. Иногда въ это время Титъ бѣгалъ въ дѣвичью и приказывалъ по имяному назначенію той или другой горничной налить ромашки и подать барину, что «де на животѣ не хорошо», и горничная съ какимъ-то страхомъ бѣжала къ Агафьѣ Ивановнѣ. Агафья Ивановна, ворча сквозь зубы, сыпала вонючую траву въ чайничекъ. Марѳа Петровна никогда не навѣщала мужа во время его гастрическихъ припадковъ; она ограничивала свое участіе развѣдываніемъ, кто именно носилъ ромашку, для того чтобы при случаѣ припомнить такую услугу и такое предпочтеніе.

Левъ Степанычъ, запивши кислыми щами или ромашкой сонъ, отправлялся побродить по полямъ и работамъ, и часовъ въ шесть являлся въ чайную комнату, гдѣ у стѣны уже сидѣлъ на большихъ креслахъ слѣпой маіоръ и вязалъ чулокъ, единственное умственное занятіе, которое осталось у него. Иногда старикъ засыпалъ, Левъ Степановичъ разумѣется этого не могъ вынести и тотчасъ кричалъ горничной: «Танька, не зѣвай!» и Танька будила старика, который проснувшись увѣрялъ, что онъ и не думалъ спать, что онъ и по ночамъ

плохо спитъ, отъ поясницы. Послѣ чая, Столыгинъ вынималъ довольно не новую колоду картъ и игралъ въ дураки съ женою и молдаванкой. Если онъ бывалъ въ особенно хорошемъ расположеніи, то середи игры разсказывалъ въ тысячный разъ отрывки изъ аристократическихъ воспоминаній своихъ: какъ покойникъ графъ его любилъ, какъ ему довѣрялъ, какъ совѣтывался съ нимъ; но притомъ дружба дружбой, а служба службой. «Бывало задастъ такую баню и бумаги всѣ по полу разбросаетъ и раскричится. Ну, иной разъ и чувствуешь, что правъ, да не отвѣчаешь, надо дать мѣсто гнѣву. Онъ же у насъ терпѣть не могъ,какъ отвѣчаютъ; тогда было жутко, а теперь съ благодарностью вспоминаю».

Всего же болѣе любилъ онъ останавливаться съ большими подробностями на томъ, какъ графъ его посылалъ однажды съ бумагой къ князю Григорью Григорьевичу... «Утромъ всталъ я часовъ въ пять. Титъ тогда мальчишкой былъ, не разъѣдался еще, какъ теперь, такъ что гадко смотрѣть—ну только и тогда былъ прелѣнивый и преглупый. Вхожу я въ переднюю, насилу его растолкалъ, чтобы скорѣй за парикмахеромъ сбѣгалъ. Парикмахеръ пришелъ, причесалъ меня.... тогда носпли вотъ такъ, три пукли одна надъ другой; я надѣлъ мундиръ и отправляюсь къ князю. Вхожу въ переднюю, говорю оффиціанту, что вотъ по такому дѣлу отъ графа къ его свѣтлости присланъ. Оффиціантъ посмотрѣлъ на меня, видитъ, съ двумя лакеями пріѣхалъ—и говоритъ: «раненько изволили пожаловать, князь не встаетъ раньше де-

сяти, а въ десять я молъ камердинеру доложу».—А можно, говорю я ему, гдѣ нибудь обождать?—«Какъ не можно, комнатъ у насъ довольно. Вотъ пожалуйте въ залу». Я взошелъ, люди полы метутъ да пыль стираютъ, я сѣлъ въ уголокъ и сижу. Часика такъ черезъ два, вышелъ секретарь ли, камердинеръ ли, и прямо ко мнѣ.—«Вы отъ графа?»—Я, батюшка, я.—«Пожалуйте за мною къ его свѣтлости въ гардеробную». Вхожу я, князь изволитъ въ пудермантелѣ сидѣть и одинъ парикмахеръ въ шитомъ французскомъ кафтанѣ причесываетъ, а другой держитъ на серебряномъ блюдѣ помаду, пудру и гребенки. Князь, взявши бумагу, такимъ громкимъ ласковымъ голосомъ мнѣ и молвили: «благодари графа, я сегодня доложу объ этомъ дѣлѣ. Мнѣ графъ говорилъ о тебѣ, что ты дѣловой и усердный чиновникъ, старайся впередъ заслуживать такой отзывъ».—Свѣтлѣйшій молъ князь, жизнь свою предпочитаю положить за службу.

«Хорошо, хорошо», сказалъ князь и изволилъ со стола взять табакерку золотую. «Государыня тебѣ жалуетъ въ поощреніе». Какъ онъ это изволилъ сказать, у меня слезы въ три ручья. Я хотѣлъ было руку поцаловать, но онъ отдернулъ. Я его въ плечо, князь взглянулъ на меня да пальчикомъ парикмахеру показалъ — да оба такъ и вспрыснули отъ смѣха. Я ничего не понимаю, что за причина. А дѣло-то было просто: цалуя свѣтлѣйшаго въ плечо, я весь вымарался въ пудрѣ. Князь потомъ за ея величества столомъ разсказывалъ объ этомъ, ей Богу». И во всемъ лицѣ Льва Степановича распространялась гордая радость.

*

Но большей частію, вмѣсто аристократическихъ разсказовъ и воспоминаній, Левъ Степановичъ, угрюмый и «гнѣвный», какъ выражалась молдаванка, притѣснялъ ее и жену за игрой всевозможными мелочами, бросалъ сдавая карты на полъ, дразнилъ молдаванку, съ бѣшенствомъ критиковалъ каждый ходъ и такъ добивалъ вечеръ до ужина. Въ десятомъ часу Левъ Степановичъ отправлялся въ спальню, замѣчая: «ну, слава Богу, вотъ день-то и прошелъ», какъ будто онъ ждалъ чего-то, или какъ будто ему хотѣлось поскорѣе скоротать свой вѣкъ.

Передъ спальней была образная, маленькая комната, которой восточный уголъ былъ уставленъ большими и драгоцѣнными иконами, въ кіотѣ краснаго дерева. Двѣ лампадки горѣли безпрестанно передъ образами. Левъ Степановичъ всякій вечеръ молился иконамъ, кладя земные поклоны или по крайней мѣрѣ касаясь перстомъ до земли. Потомъ онъ отпускалъ Тита. Титъ, пользуясь единственнымъ свободнымъ временемъ, отправлялся на село къ Исаю рыбаку или къ обручнику Никифору, всего же чаще къ старостѣ, который на мірской счетъ покупалъ для дворовыхъ сивуху. Титъ бралъ съ собою кого нибудь изъ лакеевъ, особенно же Митьку цирюльника, отлично игравшаго на гитарѣ.

Долго жилъ такъ доблестный помѣщикъ Левъ Степановичъ, Богъ знаетъ, для чего устраивая и улучшая свое имѣнье, усугубляя свои доходы и не пользуясь ими. Домъ его съ селами и деревнями составлялъ какой-то особенный міръ, разобщенный со всѣмъ остальнымъ міромъ чертою, проведенной генеральнымъ межеваніи-

емъ. Даже «Московскія Вѣдомости» не получались въ Липовкѣ. Войны раздирали Европу, миры заключались, троны падали; въ Липовкѣ все шло нынче, какъ вчера, вечеромъ игра въ дурачки, утромъ сельскія работы, та же жирная буженина подавалась за обѣдомъ, Титъ все также стоялъ у дверей съ квасомъ, и никто не только не говорилъ, но и не зналъ и не желалъ знать всемірныхъ событій, наполнявшихъ собою весь свѣтъ.

Но такъ какъ всему временному есть конецъ, то пришелъ конецъ и этому застою, и притомъ очень крутой. Однажды послѣ обѣда, Левъ Степановичъ, употребивши довольно разсольника съ потрохами, жирной индѣйки и разныхъ сдобныхъ и слоеныхъ пирожковъ и смочивъ все это кислыми щами, перешелъ въ гостиную закусить обѣдъ арбузомъ и выпить княжевишной наливки. Освѣжившись арбузомъ и разгорячившись наливкой, онъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа пошелъ въ кабинетъ уснуть. Но какъ нарочно въ залѣ засталъ Настьку, говорившую въ дверяхъ передней съ извѣстнымъ намъ музыкантомъ и цирюльникомъ Митькой. Левъ Степановичъ былъ чрезвычайно ревнивъ во всемъ, что касалось до горничныхъ. Ему что-то померещилось не совсѣмъ хорошее въ выраженіи Митькина лица. Онъ закричалъ страшнымъ голосомъ и схватилъ въ углу стоящую палку. Митька, горячая голова, какъ всѣ артисты, ударился бѣжать. Столыгинъ за нимъ, со всемъ грузомъ индѣйки, потроховъ, подъ квасомъ и арбузомъ; Митька отъ него, онъ за нимъ, Митька на чердакъ по узенькой лѣстницѣ, Столыгинъ сунулся было, но уви-

дѣлъ, что судьба его не создала матросомъ. На крикъ барина сбѣжалась вся дворня. Багровый отъ гнѣва, сбиваясь въ словахъ и буквахъ, баринъ велѣлъ поймать Митьку, гдѣ бы онъ ни былъ, и посадить въ колодку, пока онъ рѣшитъ его судьбу; отдавши приказъ, онъ, усталый и запыхавшись, удалился въ кабинетъ.

Случай этотъ распространилъ ужасъ и безпокойство въ домѣ, въ людскихъ, въ кухнѣ, на конюшнѣ и наконецъ во всемъ селѣ. Агафья Иванова ходила служить молебенъ и затеплила свѣчку въ дѣвичьей передъ иконой всѣхъ скорбящихъ Заступницы. Молдаванка, сбивавшаяся во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ на поврежденную, бормотала сквозь зубы «о царѣ Давидѣ и всей кротости его» и безпрестанно повторяла: «святъ, святъ святъ», какъ передъ громовымъ ударомъ.

Титу не пришлось долго Митьку искать; онъ сидѣлъ босикомъ въ питейномъ домѣ, уже выпивши на сапоги сивухи, и громко кричалъ: «не хочу служить аспиду такому, хочу царю служить, въ солдаты пойду, у меня нѣтъ ни отца, ни матери, за народъ послужу, а ужъ я ему не слуга, и назадъ не пойду, а силой возьметъ, такъ грѣхъ надъ собой совершу, ей Богу совершу».

— Митрій, Митрій, ты не горлань, говорилъ ему Титъ:—и такого вздора не ври; барина рука длинная, она тебя вездѣ достанетъ, а ты лучше ступай со мной, а не то вѣдь и руки свяжемъ, на то барскій приказъ.

Краснорѣчіе Тита побѣдило наконецъ Митьку и онъ, протестуя и говоря, что завтра же грѣхъ совершитъ пошелъ, прибавляя: «нѣтъ, Титъ Трофимовичъ, вязать

меня не нужно, я не воръ и не собака, чтобы меня на веревкѣ водить — мы дойдемъ и безъ веревки». На дорогѣ Митька во весь голосъ пѣлъ: «Ай барыня, барыня!» съ тѣми богатыми варіантами, которыми изобилуютъ всѣ передни.

Неумытный Титъ, посадивъ своего друга въ колодку, побѣжалъ къ дверямъ съ кислыми щами. Въ пять часовъ Марѳа Петровна присылала узнать, проснулся ли баринъ; Титъ молча помахалъ рукой и приложилъ палецъ къ губамъ. Въ шесть пришла сама Марѳа Петровна къ дверямъ. «Кажется, еще не изволили просыпаться,» доложилъ Титъ. Марѳа Петровна тихо отворила дверь и такъ вскрикнула вдругъ, что Титъ опрокинулъ кувшинъ съ кислыми щами. Закричать было не мудрено. Старый баринъ лежалъ растянувшись возлѣ кровати, одинъ глазъ былъ прищуренъ, другой совершенно открытъ, съ тупымъ и мутно стекляннымъ выраженіемъ; ротъ былъ перекошенъ и нѣсколько капель кровавой пѣны текло по губамъ. Съ минуту продолжалась совершенная тишина, но вдругъ, откуда ни возьмись, хлынула въ комнату вся дворня; грозный Титъ не препятствовалъ, а стоялъ какъ вкопаный. Марѳу Петровну вынесли въ обморокѣ и положили ей подъ ложечку образъ, въ которомъ были мощи св. Антипія; молдаванка вбѣжала въ комнату съ какимъ-то неестественнымъ хныканьемъ и, поскользнувшись въ лужѣ кислыхъ щей, чуть не сломила ногу.

Титъ, какъ болѣе сильный характеръ, первый пришелъ въ себя и снова тѣмъ повелительнымъ голосомъ,

которымъ отдавалъ барскіе приказы лѣтъ двадцать, сказалъ: «Ну, что тутъ зѣвать! Сенька, вташи сюда корыто да воды. А ты, Ларивонъ, сбѣгай-ка за батюшкой. Да нѣтъ ли у васъ, Агафья Ивановна, мѣднаго пятака, на правой глазъ-то ему надобно положить...» И все пошло какъ по маслу.

Освобожденный арестантъ Митька, безъ малѣйшаго злопамятства, приготовлялся, какъ записной грамотѣй, ночью читать въ запуски псалтырь съ земскимъ и пономаремъ, и просилъ только молдаванку дать ему табаку позабирательнѣе, на случай если сонъ клонить будетъ.

Дворня была испугана. Она доставалась человѣку неизвѣстному; къ нраву стараго барина примѣнились, теперь приходилось вновь начинать службу, а какъ, и что будетъ, и кто останется въ Липовкѣ, кто поѣдетъ въ Питеръ, на какомъ положеніи, все это волновало умы и заставляло почти жалѣть покойника.

Черезъ два дня, послѣ необыкновенныхъ напряженій, написалъ Титъ будущему обладателю слѣдующее письмо:

«Все Милостивейшій Государь,
Государь батюшка и единственной заступникъ
нашъ Михайло Степановичъ.

«По приказанію Ея Превосходительства тетушки вашей, а нашей госпожи Марфы Петровны. Приемлю смѣлость начертать Вамъ, батюшка Михайла Степановичъ сіи строки, такъ какъ по большему огорченію они сами писать силъ не чувствуютъ Богу же угодно было посѣ-

тить ихъ великимъ несчастіемъ утратою ихъ и нашего отца и благодѣтеля о успокоеніи души коего должны до скончанія дней нашихъ молить Господа и Дядюшки вашего нынѣ въ бозѣ представившагося Его превосходительства Льва Степановича, изволившагося скончатся въ двадцать третье мѣсяца число, въ 6 часовъ пополудни. Онаго же тѣлу выносъ завтрашняго числа.

«Такъ какъ мы по извѣстности ваши, то батюшка и все милостивѣйшій Государь, могите призрѣть насъ яко сиротъ отца лишенныхъ и не оставить милосердіемъ вашимъ недостойныхъ подданныхъ а мы чувствуемъ какъ обязаны усердіемъ Вашему здоровью до конца нашей жизни, что покойному дядюшки такъ и вамъ все едино, какъ вся дворня такъ и выборный Трофимъ Кузьминъ съ міромъ.

«Пребывая Ни жайщій рабъ вашъ Титъ—если изволите помнить что при покойном Дядюшкѣ камардинеромъ находился.

Село Липовка. 1794 года іюня 25 дня.

III.

Нѣжный братецъ покойнаго дядюшки.

Михайло Степановичъ былъ сынъ брата Льва Степановича, Степана Степановича. Въ то время какъ Левъ Степановичъ посвящалъ дни свои блестящей гражданской дѣятельности, получалъ высокіе знаки милости и цаловалъ свѣтлѣйшее плечо, карьера его меньшаго брата разъигрывалась на иномъ поприщѣ, не столько громкомъ, но болѣе сердечномъ.

Любимецъ родителей, баловень и «нѣженка», какъ выражалась дворня, онъ постоянно оставался въ деревнѣ подъ крыломъ материнскимъ. Въ двѣнадцать лѣтъ старуха няня мыла его еще всякую субботу въ корытѣ и приносила ему съ села лепешки, чтобы онъ хорошенько позволилъ промылить голову и не кричалъ бы на весь домъ, когда мыльная вода попадала въ глаза. Лѣтъ четырнадцати, признаки ранняго совершеннолѣтія начинали ясно оказываться въ отношеніяхъ Степушки къ дѣвичьей. Матушка его, не слышавшая въ немъ души, не токмо не препятствовала развитію его раннихъ способностей, но даже не безъ удовольствія смотрѣла на удаль сынка и исподволь помогала ему, что при ея средствахъ и гражданскихъ отношеніяхъ къ дѣвичьей не представляло непреоборимыхъ трудностей. Нѣжныя чувства, питаемыя съ такого нѣжнаго возраста, вскорѣ

поглотили всего Степушку; любовь, какъ выражаются поэты, была единственнымъ призваніемъ его, онъ до кончины своей былъ вѣренъ избранному пути буколико-эротическаго помѣщика.

Степушка не долго пользовался покровительствомъ родителей. Ему было семнадцать лѣтъ, когда онъ лишился матери, года черезъ три спустя умеръ его отецъ. Смерть родителей и честное преданіе ихъ тѣла землѣ недоставили Степану Степановичу столько безпокойствъ и сердечныхъ мукъ, какъ пріѣздъ брата; онъ вообще не отличался храбростью, брата же онъ особенно боялся. Не зная, что дѣлать, онъ совѣщался съ своими подданными и не могъ безъ содроганія подумать, какъ они будутъ дѣлить дворовыхъ, къ числу которыхъ принадлежала и дѣвичья. Онъ взялъ нѣкоторыя мѣры, всѣхъ горничныхъ велѣлъ запереть въ поваровой комнатѣ, оставивши на лицо только такихъ, которыя имѣли значительные недостатки въ лицѣ, сильную шадровитость, косые глаза. Левъ Степановичъ все понялъ, обдѣлилъ брата, закупивъ его пустыми уступками, предоставилъ ему почти весь прекрасный полъ и, благословляемый имъ, уѣхалъ назадъ.

Проводивши брата, Степанъ Степановичъ принялся съ своей стороны за устройство имѣнья. Онъ купилъ двухъ музыкантовъ и приказалъ имъ учить дворовыхъ дѣвокъ пѣть. Хоры составились хоть куда, учители играли,одинъ на торбанѣ, другой на кларнетѣ. Въ праздничные дни, сгоняли послѣ обѣдни крестьянскихъ дѣвокъ и бабъ на лужокъ передъ домомъ для хороводовъ

и пѣсенъ. Степанъ Степановичъ, откушавши, выходилъ въ сѣни, въ халатѣ на распашку, окруженный горничными; тутъ онъ садился, горничныя готовили чай и обмахивали мухъ павлиными перьями. Благодѣтельный помѣщикъ угощалъ гостей цареградскими стручками, пряниками, брагой и грошевыми серьгами, иногда самъ участвовалъ въ хороводахъ, но чаще засыпалъ подъ конецъ; чай имѣлъ на него очень сильное вліяніе, хотя онъ и подливалъ французской водки, чтобы ослабить его дѣйствіе.

Матеріальной частью хозяйства Степанъ Степановичъ, какъ всѣ сантиментальныя натуры, заниматься не любилъ; староста и поваръ управляли вотчиной; до барина доступъ былъ не легокъ, кому и случалось съ нимъ молвить слово, остерегался проболтаться, баринъ все разсказывалъ горничнымъ. Случилось разъ, что крестьянка, съ большими черными глазами, пожаловалась барину на старосту, Степанъ Степановичъ, не давая себѣ труда разобрать дѣла и вѣчно увлекаемый своимъ нѣжнымъ сердцемъ, велѣлъ старосту на конюшнѣ посѣчь. Староста обмылся пѣнничкомъ и кротко вынесъ наказаніе, не думая оправдываться, не смотря на то, что онъ въ дѣлѣ былъ правъ; тѣмъ не менѣе желаніе мести сильно запало въ его душу. Спустя недѣлю, другую, староста черезъ повара доложилъ барину, что де не смотря на барское приказаніе, такая-то баба сильно балуется и находится въ очень близкихъ отношеніяхъ съ своимъ мужемъ, возвратившимся съ работы въ городѣ. Поступокъ этотъ, такъ грубо неблагодарный,

глубоко огорчилъ Степана Степановича и онъ велѣлъ бабу назначать безъ очереди въ работу. Похудѣвъ, состарясь черезъ годъ, она на себѣ носила доказательства, что приказъ былъ исполненъ въ точности. Послѣ этого примѣра никто, кромѣ горничныхъ, не смѣлъ дѣлать оппозицію старостѣ и повару.

Веселая сельская жизнь Степана Степановича стала скоро извѣстной въ околодкѣ; явились сосѣди, одни съ цѣлью его женить на дочери, другіе обыграть, третьи, болѣе скромные, познакомились потому, что имъ казалось пить чужой пуншъ пріятнѣе своего. Онъ поддавался всему, всьма вѣроятно, что его бы женили и обыграли, но нѣжное сердце его спасло. Посѣщая одного изъ своихъ сосѣдей, онъ увидѣлъ у него горничную— такъ сердце у него и опустилось... онъ пріѣхалъ домой разстроенный, влюбленный, да какъ! Ѣсть пересталъ, а пить сталъ вдвое больше. Подумалъ онъ, подумалъ, видитъ, что такой страсти переломить невозможно; опостылила ему дѣвичья, и если онъ дозволялъ себѣ кой-какія шалости, то больше чтобы не отставать отъ привычекъ, нежели изъ удовольствія.

Присталъ Степанъ Степановичъ къ сосѣду, чтобы тотъ продалъ Акульку; сосѣдъ поломался, потомъ согласился съ условіемъ, чтобы Столыгинъ купилъ отца и мать:—я, говоритъ, христіанинъ и не хочу разлучать того, что Богъ соединилъ. Степанъ Степановичъ на все согласился и заплатилъ ему три тысячи рублей; по тогдашнимъ цѣнамъ на такую сумму можно было купить пять Акулекъ и столько же Дуняшекъ съ ихъ отцами и матерями.

Сельская Брунегильда поняла, именно по суммѣ, заплоченной за нее, ширь своей власти и въ полгода привела своего господина въ полнѣйшую покорность. Померкло вліяніе повара, ослабла сила старосты. Отецъ Акулины Андреевны былъ сдѣланъ дворецкимъ, мать ключницей, да она и имъ потачки не давала, а держала ихъ въ страхѣ и повиновеніи — и всего этого было ей мало, ей хотѣлось открыто и явно быть помѣщицей, она стала питать династическіе интересы. И года черезъ два Степанъ Степановичъ поѣхалъ въ четверомѣстной колымагѣ покойнаго родителя своего въ церковь и обвѣнчался съ Акулиной Андреевной. Бракъ ихъ, не такъ, какъ бракъ Льва Степановича, не остался безплоднымъ. Въ сѣняхъ господскаго дома, когда новобрачные воротились, сперва подошли къ ручкѣ и поздравили новую барыню ея родители, а потомъ кормилица въ золотомъ повойникѣ поднесла дсятимѣсячнаго сына; бракъ ихъ былъ благословенъ заблаговременно. Грудной ребенокъ этотъ—Михайло Степановичъ, котораго Ефимка возилъ на салазкахъ, а онъ его кнутикомъ подгонялъ.

Послѣ свадьбы баринъ сдѣлался призракомъ. Акулина Андреевна приняла бразды правленія сильной рукой. Она съ глубокимъ политическимъ тактомъ взяла всѣ мѣры, чтобы упрочить свое самовластіе; но, какъ всегда бываетъ, взявши всѣ мѣры, она все-таки упустила изъ виду одну изъ возможныхъ причинъ переворота, и на ней-то все оборвалось. Мало знакомая съ врачебной наукой, она не только не ограничивала, но развивала

въ Степанѣ Степановичѣ его страсть къ наливкамъ и сладкимъ водкамъ; она не знала, что человѣческое тѣло только до извѣстной степени противодѣйствуетъ алкоголю. Лѣтъ черезъ семь послѣ бракосочетанія, спній Степанъ Степановичъ, отекшій отъ водяной, полунѣмой отъ паралича, отдалъ Богу душу — около того времени, когда Левъ Степановичъ отдѣлывалъ свой домъ на Яузѣ.

Получивъ вѣсть о смерти брата, Левъ Степановичъ, въ первыя минуты горести, попробовалъ опровергнуть бракъ покойника, потомъ законность его сына, но вскорѣ увидѣлъ, что Акулина Андреевна взяла всѣ мѣры еще при жизни мужа и что седьмую часть ей выдѣлить во всякомъ случаѣ придется, а сыну имѣніе предоставить, да еще заплатить протори. Больно было Льву Степановичу, но онъ покорился несправедливой судьбѣ и, какъ настоящій практическій человѣкъ, тотчасъ придумалъ иной образъ дѣйствія. Онъ написалъ къ вдовѣ письмо, полное родственнаго участія, звалъ ее въ Москву для окончанія дѣлъ и для того, чтобы показать ему наслѣдника его брата, а можетъ и его собственнаго, печься о которомъ онъ считалъ священной обязанностью, ибо Богомъ и закономъ назначенъ ему въ опекуны. Весьма вѣроятно, что Акулина Андреевна не повезла бы своего сына по письму дяди, но послѣ смерти Степана Степановича люди стали что-то грубо поговаривать, а иногда даже перечить съ такимъ видомъ, что Акулинѣ Андреевнѣ показалось безопаснѣе переѣхать въ Москву. Левъ Степановичъ плакалъ при свиданіи

съ Мишей, благословилъ его образомъ и взялъ на себя всѣ хлопоты по опекѣ и по управленію имѣніемъ.

Акулину Андреевну провести было не легко; но ее устранилъ совершенно неожиданный случай. Своей седьмой частью она прельстила одного поручика изъ ординарцевъ при московскомъ главнокомандующемъ, и сама прельстилась его ростомъ, его дебелой и свирѣпой красотой, совершенно противоположной аркадскому покойнику. Акулина Андреевна не могла удержаться, чтобы не выйти за него замужъ. Роли перемѣнились. Поручикъ съ четвертаго дня началъ ее бить и ужъ Акулина Андреевна, на этотъ разъ, стала пить подслащенныя наливки. Левъ Степановичъ сильно покровительствовалъ поручику и выхлопоталъ ему прибыльное мѣсто по коммиссаріатской части, гдѣ-то на Черномъ морѣ. Левъ Степановичъ требовалъ, чтобы племянникъ его остался въ Москвѣ для полученія приличнаго его званію воспитанія. Мать не хотѣла оставить его; но поручикъ прикрикнулъ и уговорилъ ее, основываясь на томъ, что мѣсто получилъ по ходатайству Столыгина и что его дружбу надо беречь на черный день.

IV.

Троюродные братья.

Мишѣ было лѣтъ десять. Воспитаніе его не было сложно;—простое, деревенское воспитаніе того времени; оно ограничивалось съ физической стороны—развитіемъ непобѣдимаго пищеваренія, съ нравственной — укорененіемъ вѣрнаго взгляда на отношеніе столбоваго помѣщика къ дворовымъ и крестьянамъ. Воспитаніе это не столько было отвлеченно и книжно, какъ практично, и потому самому имѣло несомнѣнный успѣхъ. Десятилѣтній мальчикъ былъ окруженъ толпой оборванныхъ, грязныхъ и босыхъ мальчишекъ, которыхъ онъ тѣснилъ, билъ и на которыхъ жаловался матери, бравшей всегда его сторону.

Одинъ, болѣе свободный товарищъ его игръ былъ сынъ сельскаго священника, отличавшійся бѣлыми волосами, до того рѣдкими, что они не совсѣмъ покрывали кожу на черепѣ, и способностью въ двѣнадцать лѣтъ выпивать чайную чашку сивухи не пьянѣя. Онъ иногда обижалъ Мишу, не дозволялъ ему себя тотчасъ поймать въ горѣлкахъ, обгонялъ его въ запуски, самъ ѣлъ найденныя ягоды. Мишу это оскорбляло и Акулина Андреевна не могла оставаться равнодушной къ такому нарушенію приличій; она обыкновенно подзывала къ себѣ поповича и поучала его слѣдующимъ обра-

зомъ: «ты, толоконный лобъ, ты помни, дуракъ, и чувствуй, съ кѣмъ я тебѣ позволяю играть; ты вѣдь воображаешь, что Михайло-то Степановичъ дьячковъ сынъ».

Матушка попадья, бывало, какъ услышитъ подобное слово, тотчасъ, не вступая въ дальнѣйшее разбирательство дѣла, поймаетъ сына за бѣдные волосенки, какъ-то приправленные на маслѣ, приносимомъ для лампады Тихвинской Божіей матери — и довольно удачно представляетъ, будто безпощадно деретъ его за волосы, приговаривая: «Ахъ ты грубіянъ эдакой поганый, вотъ истинно дурья порода. Простите, матушка Акулина Андреевна, изволите сами знать, какой умъ въ нашихъ дѣтяхъ, въ срамѣ и запустѣніи живутъ; а ты благодари, дуракъ, барыню, что изволить обучать» и она наклоняла его масляную голову и сама кланялась. Миша послѣ подтрунивалъ надъ пріятелемъ, но поповичъ, съ досадой улыбаясь, говорилъ: «Вѣдь все вретъ, мать - то, такъ для барыни въ угоду горячку поретъ; примѣръ дѣлаетъ».

Левъ Степановичъ не долго продержалъ у себя племянника; цѣль его была достигнута, онъ его разлучилъ съ матерью и могъ распоряжаться какъ хотѣлъ имѣніемъ. Онъ думалъ отдать Мишу въ пансіонъ; но двоюродная тетка Льва Степановича выпросила его къ себѣ воспитывать съ своимъ сыномъ, который, говорила она, былъ одинъ и скучалъ. Льву Степановичу не очень хотѣлось, но онъ побаивался княгини и согласился. Побаивался онъ ее потому, что она сильно любила болтать и имѣла большія связи въ Петербур-

гѣ; что она могла ему сдѣлать болтовней и связями, не знаю, да и онъ не зналъ, а трусилъ. Княгиня была богата, держала большой домъ и занималась дѣланіемъ визитовъ. При сынѣ находился французъ гувернеръ. Рекомендованный самимъ Вольтеромъ Шувалову, Шуваловымъ княгинѣ Дашковой, Дашковой нашей княгинѣ, онъ безусловно управлялъ воспитаніемъ. Гувернеръ былъ не глупый человѣкъ, какъ всѣ французы, и не умный человѣкъ—какъ всѣ фрацузы; онъ имѣлъ всѣ забавные недостатки своей страны, лгалъ, острилъ, былъ дерзокъ и не золъ, высокомѣренъ и добрый малый. Онъ смотрѣлъ съ улыбкой превосходства на все русское, отъ роду не слыхалъ, что есть нѣмецкая литература и англійскіе поэты, за то зналъ на память Корнеля и Расина, всѣ литературные анекдоты отъ Буало до энциклопедистовъ, онъ зналъ даже древніе языки и любилъ въ рѣчи поразить цитатою изъ Георгикъ или изъ Фарсалы.

Само собою разумѣется, что нашъ гувернеръ былъ поклонникъ Бовенарга и Гельвеція, упивался Жанъ-Жакомъ, мечталъ о совершенномъ равенствѣ и полномъ братствѣ, что не мѣшало ему ставить передъ своей звучной фамиліей Дрейякъ смягчающее «де», на которое онъ не имѣлъ права. Онъ съ улыбкой сожалѣнія говорилъ о католицизмѣ и вообще о христіанствѣ и проповѣдывалъ какую-то религію собственнаго изобрѣтенія, состоявшую изъ поклоненія закону тяготѣнія. Безъ тяготѣнія, говорилъ онъ, морща лобъ отъ усилій—былъ бы хаосъ и атомы разлетѣлись бы, тяго-

тѣніе поддерживаетъ великій порядокъ, въ которомъ раскрывается великій художникъ. При развитіи этихъ глубокихъ и ясныхъ истинъ, онъ никогда не забывалъ прибавить, что поэтому Платонъ и называлъ Бога геометромъ, а Ньютонъ снималъ шляпу, когда произносилъ имя Божіе. Сверхъ своей религіи тяготѣнія, которою онъ былъ совершенно доволенъ, онъ упорно не хотѣлъ суда на томъ свѣтѣ и язвительно смѣялся надъ людьми, вѣрившими въ адъ—хотя противъ безсмертія души онъ не только ничего не имѣлъ, но говорилъ, что оно крайне нужно для жизни.

Ученье съ де-Дрейякомъ шло весело и легко. Онъ могъ всегда говорить безъ различія времени, предмета, возраста и пола, а потому его ученики отлично выучивались, сначала слушать по французски, а потомъ говорить. Воспитаніе почти въ этомъ и состояло.

Миша сначала погрустилъ въ домѣ княгини и, утирая слезы, поминалъ о Липовкѣ. Онъ очень хорошо замѣтилъ, что первая роль не ему принадлежитъ, онъ былъ «братецъ», онъ былъ «cher cousin», въ то время какъ князь былъ самимъ собою. Различіе это Миша равно видѣлъ и въ обращеніи княгини, и въ обращеніи гостей, и еще болѣе въ обращеніи дядьки. Старикъ безъ возраженія исполнялъ приказы князя, а Мишѣ часто говорилъ, что ему некогда, что онъ можетъ послать кого нибудь помоложе. Самолюбивый мальчикъ, глубоко оскорбленный всѣмъ этимъ, дулся, сидѣлъ въ углу, смотрѣлъ изъ подлобья. Дрейякъ это относилъ къ дикости, другіе вовсе не замѣчали.

Видя безуспѣшность своихъ протестацій, Миша вдругъ сдѣлался шелковый, ласковъ, веселъ, привѣтливъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ былъ любимцемъ Дрейяка. Сама княгиня не могла надивиться, какой онъ не глупый мальчикъ: «точно можно сказать: c'est un miracle ce qu'en a fait мой Дрейякъ, онъ совсѣмъ sauvage былъ, ну и теперь эдакой дурнушка, а право премилой мальчикъ». Въ словѣ дурнушка выражалось сознаніе матери, что ея сынъ не такъ уменъ, не такъ даровитъ, и она торопилась утѣшиться его красотой. Молодой князь не любилъ учиться, онъ былъ разсѣянъ и зѣвалъ за уроками; добрый, очень добрый, раскрытый всякому чувству и благородный по натурѣ, онъ былъ вялъ, и умъ его дремалъ еще безпробудно, да и не знаю, просыпался ли впослѣдствіи когда нибудь. Лѣнь и невниманіе князя поощрили Мишу и Миша бросился на занятія со всѣмъ усердіемъ, которое даетъ зависть и затаенное желаніе превосходства. Дрейякъ чуть не плакалъ, видя, какъ ловко Миша цитируетъ мѣста изъ Кандида, изъ Дѣвы Орлеанской, изъ Жака Фаталиста....

Мало по малу воспитаніе молодыхъ людей пришло къ концу. Они писали французскія записочки правильнѣе русскихъ. При всей своей лѣни, даже князь зналъ довольно хорошо греческую миѳологію и французскую исторію—больше въ то время не требовалось; тогда у насъ еще не выдумывали своей литературы, о русскихъ журналахъ и не снилось никому, развѣ одному Новикову; русской исторіи тоже еще не было открыто. Зна-

ли только, что царствовалъ мудрый правитель Олегъ, о которомъ сама императрица изволила писать пьесу, знали еще, благодаря Вольтеру, нѣкоторыя невѣрныя подробности о царствованіи Петра I. У княгини было таки небольшое собраніе русскихъ книгъ: сочиненія Сумарокова, Россіада Хераскова, Камень вѣры Стефана Яворскаго и томовъ сорокъ записокъ вольнаго экономическаго общества, но молодые люди никогда не развертывали этихъ книгъ.

Княгиня свезла дѣтей въ гвардію и сама поселилась въ Петербургѣ. Служба тогда была легкая. Изрѣдка приходилось надѣть мундиръ, въ кои вѣки доставалось побывать въ караулѣ, это даже нравилось, какъ разнообразіе. Остальное время, кромѣ родственныхъ визитовъ, визитовъ къ важнымъ людямъ, обѣдни по воскресеньямъ въ домовой церкви княгинина брата и скучнаго обѣда у самой княгини, было въ полномъ распоряженіи молодыхъ людей. Князь радовался мундиру, радовался волѣ, пылко бросался на всѣ наслажденія, на всѣ удовольствія; отроду не останавливавшійся ни на чемъ и отроду ни на чемъ не останавливаемый, онъ часто обжигался, былъ обманутъ, ссорился и при всемъ этомъ былъ славный товарищъ и лихой малый. Столыгинъ былъ скромнѣе; онъ глядѣлъ на своего товарища съ какимъ-то снисхожденіемъ, порицая внутри все, что дѣлалось. Изъ всѣхъ исторій Столыгинъ выходилъ чистымъ, такъ мастерски онъ умѣлъ себя держать. Князь любилъ его, вѣрилъ въ его дружбу, признавалъ его превосходство и съ дѣтскимъ простосердечіемъ прибѣ-

галъ во всякомъ трудномъ случаѣ къ Мишѣ за совѣтомъ.

Князь былъ хорошъ собою: румяный, нѣжный, отрочески мужественнаго вида, съ легкимъ пухомъ на губахъ, съ чистымъ голубымъ взглядомъ, онъ нравился особенно сангвиническимъ дѣвицамъ и молодымъ вдовамъ. Столыгинъ, бравшій не столько красотою, сколько дерзкой рѣчью, любезностью и злословіемъ, не могъ простить своему другу его высокій ростъ, его красивыя черты, и старался всякій разъ затмить его остротами и колкостями.

Они занялись исключительно волокитствомъ; отъ боярскихъ палатъ до швеи иностраннаго происхожденія и до отечественныхъ охтянокъ—ничто не ускользало отъ нашихъ молодыхъ людей. Къ тому же князь успѣлъ раза два проиграться въ пухъ, надавать векселей за страстную любовь, побить какихъ-то соперниковъ, упасть изъ саней мертво пьяный, словомъ, сдѣлать все, что въ тѣ счастливыя времена называлось службой въ гвардіи.

Когда Столыгинъ замѣтилъ,что не смотря на все его краснорѣчіе, князь рѣшительно беретъ верхъ у женщинъ, онъ сталъ его подбивать ѣхать въ Парижъ. Дѣйствительно, только этого рукоположенія и недоставало нашимъ друзьямъ.

Сначала, какъ водится, княгиня не хотѣла пустить; потомъ сама имъ выпросила отпускъ. Надзоръ за дѣтьми снова былъ порученъ Дрейяку, успѣвшему въ антрактѣ образовать еще двухъ рускихъ помѣщиковъ

греческою миѳологіей и французскою исторіей. Тогда еще существовали пространство и даль, не такъ, какъ теперь,—мѣсяца два тащились они до Парижа.

...Улицы кипѣли народомъ, тамъ и сямъ стояли отдѣльныя группы, что-то читая, что-то слушая; крикъ и пѣсни, громкіе разговоры, грозные возгласы и движенія, все показывало ту лихорадочную возбужденность, ту удвоенную жизнь, то судорожное и страстное настроеніе, въ которомъ былъ Парижъ того времени; казалось, что у камней бился пульсъ, въ воздухѣ была примѣшана электрическая струя, наводившая душу на злобу и безпокойство, на охоту борьбы, потрясеній, страшныхъ вопросовъ и отчаянныхъ разрѣшеній, на все, чѣмъ были полны писатели XVIII вѣка. И все это выговорилось, заявилось, выказалось путникамъ прежде, нежели запыленый и тяжелый дормезъ остановился у отеля въ улицѣ Сентъ-Оноре и двое крѣпостныхъ слугъ стали отстегивать пряжки у важей...

И вотъ Михайло Степановичъ, напудренный и раздушенный, въ шитомъ кафтанѣ, съ крошечною шпажкой, съ подвязанными икрами, весь въ кружевахъ и цѣпочкахъ, остритъ въ Версалѣ, какъ острилъ въ Петербургѣ; онъ толкуетъ о тьерсъ-эта, превозноситъ Неккера и пугаетъ смѣлостью опасныхъ мнѣній двухъ старыхъ маркизъ, которыя отъ страха хотятъ ѣхать въ Берри въ свои имѣнія. Его замѣтили. Нѣсколько колкостей, удачно имъ сказаныхъ, повторялись.—Знаете, что меня всего болѣе удивляетъ въ этомъ marquis

hyperborée, сказалъ разъ, сдавая карты, пожилой аббатъ съ сухимъ и строгимъ лицемъ: —не столько умъ— умомъ насъ, слава Богу, нелегко удивить—нѣтъ, меня поражаетъ его способность все понимать и ни въ чемъ не брать участія; для него жизнь, кипящая возлѣ, имѣетъ тотъ же интересъ, какъ сказанія о Сезострисѣ. Это какой-то посторонній всему.—«Скиѳъ въ Аѳинахъ», замѣтилъ какой-то ученый. — Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ аббатъ: у скиѳа было бы что нибудь свое, дикое, а онъ съ виду и съ рѣчи похожъ на меня съ вами. Признаюсь вамъ, я могъ бы ненавидѣть такого человѣка, еслибъ я не жалѣлъ его. Это болѣзненное произведеніе образованія, привитаго къ корню, ненуждавшемуся въ немъ. Будьте увѣрены, что у него нѣтъ будущности. —«Помилуйте, изъ него выйдетъ отличный дипломатъ, онъ даже лицомъ похожъ на Кауница».—Въ самомъ дѣлѣ похожъ, подхватила пожилая дама, старавшаяся скрыть свои выгоды—и гиперборейскій маркизъ былъ забытъ.

Пока Столыпинъ занималъ собою гостиныя, князь успѣлъ отбить маленькую актрису у сына какого-то посла, подраться съ нимъ на шпагахъ, обезоружить его, просить и въ тотъ же вечеръ ему спустить пятьсотъ червонцевъ. Но маленькая актриса была очень мила и очень благодарна своему рыцарю.

Путешествіе князя и Столыпина окончилось прежде, нежели они предполагали: виною этого былъ Дрейякъ. Де-Дрейякъ, котораго прислуга въ трактирѣ звала мсье де-Шевалье, одобрительно и не безъ заднихъ

мыслей улыбался «успѣхамъ человѣчества и торжеству разума надъ предразсудками»; но онъ, какъ всѣ благоразумные люди, больше успѣха любилъ безопасность и больше торжества ума и разума — покой. А тутъ вышелъ вотъ какой случай. Погода разъ была чудесная, Дрейякъ пошелъ гулять утромъ; но только что онъ вышелъ на бульваръ, какъ услышалъ за собой какой-то нестройный гулъ; онъ остановился и, сдѣлавъ изъ руки зонтикъ отъ свѣта, началъ всматриваться; сначала онъ увидѣлъ облако пыли, блескъ пикъ, ружей, наконецъ вырѣзалась нестройная пестрая масса людей. Прежде нежели Дрейякъ что нибудь понялъ, высокій плечистый мужчина безъ сертука, съ засученными рукавами, съ тяжелымъ желѣзнымъ ломомъ, повязанный краснымъ платкомъ, поравнявшись съ нимъ, спросилъ его громовымъ голосомъ: «ты съ нами?» Дрейякъ, блѣдный и ужь нѣсколько нездоровый, не могъ сообразить, какое можетъ имѣть послѣдствіе отказъ, и потому медлилъ съ отвѣтомъ; но новый знакомецъ былъ нетерпѣливъ, онъ взялъ нашего Шевалье за шиворотъ и, сообщивъ его тѣлу весьма непріятное движеніе, повторилъ вопросъ. Дрейякъ, вмѣсто отвѣта, уронилъ трость; учтивая дама, почтеннаго размѣра, съ сѣдыми космами, торчавшими изъ подъ чепчика, подняла ее и, показывая болѣе и болѣе густѣвшей массѣ народа, замѣтила: «да это акапаристъ, аристократъ, посмотрите, какой набалдашникъ, золотой и съ рѣзьбою, что вы толкуете съ нимъ, на фонарь его!»—«На фонарь», сказали нѣсколько голосовъ спокойнымъ, под-

твердающимъ тономъ, исполненнымъ наивнаго убѣжденія, что дѣйствительно его необходимо повѣсить на фонарь, что это просто аксіома. Человѣка три выступили было съ очень враждебнымъ намѣреніемъ, дѣло остановилось за веревкой, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати обѣщался тотчасъ принести. Дрейякъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы сказать: «помилуйте, что вы? съ молодыхъ лѣтъ я питался писаніями нашихъ великихъ писателей и примѣрами римской и спартанской республики». — «Хорошо, очень хорошо», закричали нѣсколько человѣкъ, слышавшихъ только слово «республика».—«Я съ вами, продолжалъ ободренный ораторъ: я принадлежу народу, я изъ народа, какъ же мнѣ не быть съ вами?»—и остановившаяся кучка двинулась впередъ грозно и мрачно, принимая новыя толпы изъ всѣхъ переулковъ и улицъ и братаясь съ ними. Долго спустя раздавался еще на бульварѣ ревъ, похожій на морскія волны,гонимыя вѣтромъ въ скалистый берегъ, ревъ, иногда утихавшій и вдругъ раздававшійся торжественно и страшно.

Дрейяку удалось завернуть, подъ самымъ суетнымъ предлогомъ, въ переулокъ, вылучивъ счастливую минуту, когда все вниманіе его сосѣдей обратилось на аббата, котораго толкали впередъ три торговки; онъ далъ оттуда стречка и пришелъ домой полумертвый, съ потухшими глазами и съ изорваннымъ кафтаномъ. Дома онъ легъ въ постель, велѣлъ налить какой-то тизаны и въ первый разъ признался,что дорого бы далъ,еслибы былъ на варварскихъ, но покойныхъ берегахъ Невы. Тизана

помогла ему, онъ началъ приходить въ себя и собирался было прочесть въ Титѣ Ливіи о народномъ возмущеніи противъ Тарквинія старшаго, какъ вдругъ раздался ружейный залпъ, прогремѣла пушка, еще разъ, и еще—а тамъ выстрѣлы въ разбивку; временами слышался барабанъ и дальній гулъ, и гулъ, и барабанъ, и выстрѣлы, казалось, приближались. По улицѣ бѣжали блузники, работники съ крикомъ: «а ля бастиль, а ля бастиль!» Передъ окнами остановили офицера изъ Royal-Allemand, стащили съ лошади и повели. «О Боже мой, Боже мой, пощади насъ и помилуй», бормоталъ Дрейякъ, измѣняя закону тяготѣнія и забывая, что Платонъ Бога называлъ «великимъ геометромъ». Тутъ онъ вспомнилъ, что прислуга его называетъ Шевалье и это проклятое «де» передъ фамиліей. «Всѣ люди, говорилъ онъ гарсону, который вошелъ, чтобы вынести чайникъ: равны, всѣ люди братья и могутъ отличаться только гражданскими добродѣтелями, любовью къ народу и къ неотъемлемымъ правамъ человѣка».

Михайло Степановичъ ходилъ смотрѣть взятіе Бастиліи; Дрейякъ былъ увѣренъ, не видя его вечеромъ, что онъ убитъ, и уже начиналъ утѣшаться тѣмъ, что нашелъ славную турнюру, какъ извѣстить объ этомъ княгиню, когда явился Столыгинъ, помирая со смѣху при мысли, какъ его версальскіе пріятели обрадуются новости о взятіи Бастиліи.

Дрейякъ объявилъ, что дольше въ Парижѣ не останется и, не смотря на всѣ споры и просьбы, опираясь на полномочіе княгини, отстоялъ свое мнѣніе съ тѣмъ му-

жествомъ, которое можетъ дать одинъ сильный страхъ. Дѣлать было нечего, дѣти воротились. И маленькая француженка очутилась какъ-то въ тоже время на Литейной и сильно хлопотала объ отдѣлкѣ своей квартиры и топала ножкой съ досады, что лакей Кузьма ничего не понимаетъ, что она говоритъ.

Разъ вечеромъ князь засталъ Михаила Степановича въ слишкомъ огненномъ разговорѣ съ mademoiselle Nina. Князь былъ не въ духѣ, разсердился и обошелся колко, сухо съ Столыгиномъ. Столыгинъ и уступилъ бы, да на бѣду, онъ взглянулъ на плутовскіе глазки маленькой француженки, — глазки помирали со смѣху и, щурясь, какъ будто говорили: «какаяжъ ты дрянь». Взглядъ этотъ подзадорилъ его. Ссора разгорѣлась. Князь, не помня себя, выбросилъ Столыгина за дверь и разругалъ его такъ, что на этотъ разъ маленькая Нина ничего не поняла, а Кузьма все понялъ.

Они дрались. Дуэль кончилась почти ничѣмъ. Столыгинъ ранилъ князя въ щеку. Это подражаніе цезаревымъ солдатамъ въ фарсальской битвѣ врядъ было ли случайно, за то оно и не прошло ему даромъ; раны на щекѣ невозможно было скрыть. Княгиня узнала черезъ людей о дуэли и приказала Столыгину оставить ея домъ.

Такимъ образомъ, лѣтъ двадцати восьми отъ роду, Столыгинъ очутился впервые на собственныхъ ногахъ.

Привычный къ роскоши княгинина дома, онъ такъ испугался своей бѣдности, хотя онъ очень прилично могъ жить своими доходами, что сдѣлался отвратительнѣйшимъ скрягой. Онъ дни и ночи проводилъ въ при-

Морякъ какъ нарочно отчасти уцѣлѣлъ для благосостоянія хозяйства Столыгина; онъ леталъ на воздухъ при взрывѣ какого-то судна подъ Чесмой, онъ былъ весь израненъ, поломанъ и помятъ; но не смотря на пристегнутый рукавъ вмѣсто лѣвой руки, на отсутствіе уха и на подвязанную челюсть, эта хирургическая рѣдкость сохранила неутомимую дѣятельность, безпрерывно разлитую желчь и сморщившееся отъ худобы и злобы лицо. Онъ былъ исполнителенъ и честенъ, онъ никого бы не обманулъ, тѣмъ болѣе человѣка, которому былъ обязанъ важной услугой; но многимъ именно эта честность и эта исполнительность показались бы хуже всякаго плутовства.

Михайло Степановичъ предложилъ ему ѣхать осмотрѣть его имѣніе. Морякъ отправился.

V.

НАСЛѢДНИКЪ.

Столыгинъ ждалъ моряка съ часу на часъ со всѣми его проектами и планами, когда вмѣсто него пришло краснорѣчивое письмо Тита. Онъ немедленно поскакалъ въ Москву. Въ Москвѣ его ожидала новая радость, которой онъ не могъ и предполагать. Титъ Трофимовъ и староста, пріѣхавшіе поклониться новому барину, из-

помогла ему, онъ началъ приходить въ себя и собирался было прочесть въ Титѣ Ливіи о народномъ возмущеніи противъ Тарквинія старшаго, какъ вдругъ раздался ружейный залпъ, прогремѣла пушка, еще разъ, и еще—а тамъ выстрѣлы въ разбивку; временами слышался барабанъ и дальній гулъ, и гулъ, и барабанъ, и выстрѣлы, казалось, приближались. По улицѣ бѣжали блузники, работники съ крикомъ: «а ля бастиль, а ля бастиль!» Передъ окнами остановили офицера изъ Royal-Allemand, стащили съ лошади и повели. «О Боже мой, Боже мой, пощади насъ и помилуй», бормоталъ Дрейякъ, измѣняя закону тяготѣнія и забывая, что Платонъ Бога называлъ «великимъ геометромъ». Тутъ онъ вспомнилъ, что прислуга его называетъ Шевалье и это проклятое «де» передъ фамиліей. «Всѣ люди, говорилъ онъ гарсону, который вошелъ, чтобы вынести чайникъ: равны, всѣ люди братья и могутъ отличаться только гражданскими добродѣтелями, любовью къ народу и къ неотъемлемымъ правамъ человѣка».

Михайло Степановичъ ходилъ смотрѣть взятіе Бастиліи; Дрейякъ былъ увѣренъ, не видя его вечеромъ, что онъ убитъ, и уже начиналъ утѣшаться тѣмъ, что нашелъ славную турнюру, какъ извѣстить объ этомъ княгиню, когда явился Столыгинъ, помирая со смѣху при мысли, какъ его версальскіе пріятели обрадуются новости о взятіи Бастиліи.

Дрейякъ объявилъ, что дольше въ Парижѣ не останется и, не смотря на всѣ споры и просьбы, опираясь на полномочіе княгини, отстоялъ свое мнѣніе съ тѣмъ му-

вѣстили его о смерти Маѳы Петровны.—«А что, есть завѣщаніе?» спросилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ Михайло Степановичъ. — Покойная тетушка письмо только изволила вашей милости оставить, отвѣчалъ Титъ, вынимая бумажникъ. «Ты бы съ этого и началъ, болванъ»,замѣтилъ Столыгинъ,поспѣшно вырывая изъ рукъ Тита письмо. Лицо его просвѣтлѣло при чтеніи, онъ видѣлъ ясно, что смерть такимъ сюрпризомъ подкосила стариковъ, что они не успѣли сдѣлать «никакихъ глупыхъ распоряженій.»

— Кто при домѣ въ деревнѣ остался? За коимъ чортомъ вы оба пріѣхали? спросилъ Михайло Степановичъ.

— Агафья Петровна ключница, батюшка, и покойной тетушки дядюшка, маіоръ съ супругой.

— Они-то первые и растащутъ все, да гдѣ же бумаги?

— Въ кабинетѣ покойнаго барина, дверь вотчинной печатью запечатана и десятской приставленъ въ калидорѣ.

— Я завтра собираюсь въ Липовку, будьте готовы.

— Милости просимъ, батюшка, отвѣчалъ, низко кланяясь, староста.—Лошади дожидаются, моихъ тройка на вашемъ дворѣ, да крестьянскихъ еще двѣ придутъ подъ вечеръ въ Роговскую.

— Хорошо, ступай. А ты, эй! Титъ! сейчасъ съ Ильей Антипычемъ(такъ назывались остатки морскаго офицера, задержанные въ Москвѣ вѣстью о кончинѣ Льва Степановича) въ домѣ все по описи прими, слы-

шишь?—Слушаю, батюшка, отвѣчалъ Титъ густымъ голосомъ.

На другой день баринъ и первый министръ его отправились въ подмосковную. На границѣ Липовской земли ждали Михайла Степановича дворовые люди и депутація отъ крестьянъ съ хлѣбомъ и солью. Староста и Титъ Трофимовъ, ѣхавшіе впереди въ телѣгѣ, остановили дормезъ и доложили Михайлу Степановичу, что этотъ большой камень и эта большая яма означаютъ границу его владѣній. Онъ вышелъ изъ кареты; подданные повалились въ ноги, старикъ, сѣдой какъ лунь, съ длинной бородой и съ лицомъ буонаротіевскихъ статуй, поднесъ хлѣбъ и соль. Михайло Степановичъ указалъ Титу, чтобы онъ принялъ хлѣбъ, и дребезжащимъ голосомъ сказалъ крестьянамъ, что благодаритъ ихъ за хлѣбъ за соль, но надѣется, что они усердіе свое докажутъ на дѣлѣ. «А что, на оброчныхъ есть недоимка?» «Есть, не великое, батюшка, дѣло», отвѣчалъ староста. «А ты чего смотрѣлъ, у меня чтобы слово недоимка не было извѣстно. Слышишь! Какой оброкъ платятъ, не слыханное дѣло, дядюшка такъ попустилъ отъ старости. Я чай вамъ, православные, передъ сосѣдями совѣстно такъ мало платить.»—«Они легко могутъ платить еще по десяти рублей съ тягла», замѣтилъ морякъ.

— Еще бы! подмосковные мужики. Видите, что люди говорятъ!—«Какъ вашей милости взгодно будетъ, какъ изволите, батюшка, установить наше крестьянское дѣло сполнять», сказалъ буонаротьевскій старикъ и мужики снова поклонились въ землю, благодаря за доброе

намѣреніе лишить ихъ стыда такъ мало платить. «Объ этомъ я поговорю завтра, собери утромъ на барскій дворъ стариковъ».

— Это что за рожи? продолжалъ помѣщикъ, обращая привѣтствіе къ дворовымъ.—Откуда это покойникъ набралъ ихъ! одинъ Титъ на человѣка похожъ. Кто это, въ засаленомъ нанковомъ сертукѣ, на правото?

— Земской Василій Никитинъ, отвѣчалъ староста.— То есть онъ, батюшка, по ревизіи записанъ Львомъ, да покойный дядюшка, взямши во дворъ, изволили Васильемъ назвать.—«Сюда отъ него виномъ пахнетъ. Дорогу къ кабаку вы не будете у меня знать».

Послѣ этой рѣчи онъ быстрыми шагами пошелъ по дорогѣ съ морякомъ, который шелъ возлѣ безъ фуражки; староста и Титъ плелись нѣсколько отступя и не глядя другъ на друга, а за ними дворовые, крестьяне, дормезъ и телѣга. Никто почти ничего не говорилъ, на сердцѣ у всѣхъ было тяжело, неловко. Когда они шли по селу, дряхлые старики, старухи выходили изъ избъ и земно кланялись, дѣти съ крикомъ и плачемъ прятались за ворота, молодыя бабы съ ужасомъ выглядывали въ окна; одна собака какая-то, смѣлая и даже разсерженная процессіей, выбѣжала съ лаемъ на дорогу, но Титъ и староста бросились на нее съ такимъ остервенѣніемъ, что она, поджавши хвостъ, пустилась во весь опоръ и успокоилась только забившись подъ крышу послѣдняго овина. Такъ достигли господскаго дома, тутъ дожидались священникъ съ женою и съ сотами отъ пче-

локъ своихъ, тощій, плѣшивый діаконъ и причетники съ волосами, которыхъ расчесать не было возможности. Слѣпой маіоръ и молдаванка, повязанная бѣлымъ платкомъ и закутанная въ черную шаль покойной благодѣтельницы, встрѣтили въ сѣняхъ новаго обладателя Липовки.

Михайло Степановичъ учтиво обошелся со всѣми, но всѣмъ какъ-то стало жаль Льва Степановича больше, нежели прежде. Онъ попросилъ священника отслужить молебенъ съ водоосвященіемъ и потомъ панихиду о покойникѣ; освѣдомился, говѣютъ ли крестьяне, и отправился въ запечатанный кабинетъ, сопровождаемый моряком. Онъ нашелъ все въ порядкѣ, и деньги, и ломбардные билеты. Говорятъ, что онъ нашелъ еще записку, въ которой дядюшка изъявлялъ желаніе отпустить на волю дворовыхъ, но онъ, справедливо замѣтивъ моряку, что стало быть дядя раздумалъ, если самъ не написалъ отпускныхъ, и что въ такомъ случаѣ отпустить ихъ было бы противно желанію покойника—сжегъ эту записку на свѣчѣ.

На другой день Михайло Степановичъ возвѣстилъ маіору и его супругѣ, что, свято исполняя волю покойной тетушки, поручившей ему не оставить ихъ, онъ имъ жалуетъ двѣ тысячи рублей. Причемъ онъ вручилъ билетъ (по которому проценты были взяты). Потомъ онъ имъ объявилъ, что сколько ни желалъ бы, но не можетъ по разнымъ соображеніямъ оставить за ними комнаты и совѣтуетъ имъ переѣхать въ Москву. «Кирилѣ Васильевичу часто можетъ быть, прибавилъ онъ,

нужда въ докторѣ, ему непремѣнно надобно жить въ городѣ.» Молдаванка хотѣла было просить Михайла Степановича позволить имъ остаться хоть въ людской избѣ, но встрѣтивъ холодные глаза его съ рыжеватыми рѣсницами, она не смѣла вымолвить ни слова и пошла укладывать свои пожитки.

Осмотрѣвши прочія имѣнія и повелѣвъ безпрекословно слушать во всемъ моряка, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправился снова за границу. Гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ? Трудно сказать. И что собственно его привязывало къ заграничной жизни...?

Когда онъ воротился въ Москву, морякъ подалъ ему отчеты; другіе проживаются въ путешествіи, Михайло Степановичъ нашелъ во всемъ приращеніе, безъ всякаго труда, безъ всякихъ пожертвованій почти: онъ чрезвычайно мало давалъ моряку. Даже теперь, воротившись изъ путешествія, онъ отдѣлался золотыми нортоновскими часами, которые купилъ по случаю и о которыхъ разсказывалъ моряку, чтобъ поднять ихъ цѣну, что они принадлежали адмиралу Элфингстону.

Одинъ одинехонекъ жилъ Михайло Степановичъ въ огромномъ и запустѣломъ домѣ на Яузѣ. Что-то страшно угрюмое было въ его существованіи, онъ ни съ кѣмъ не зналъ, рѣдко выѣзжалъ, ничего не дѣлалъ, былъ скупъ до отвратительности, и скрытно, прозаически, дешево развратенъ. Каждую недѣлю пріѣзжалъ изъ Липовки морякъ и Столыгинъ оставлялъ его дня на два,

подъ предлогомъ разныхъ дѣлъ, а въ сущности изъ потребности живаго человѣка. Дворню свою онъ страшно тѣснилъ. У него въ воображеніи все носился домъ княгини и онъ хотѣлъ достигнуть чего-то подобнаго, не тратя денегъ; задача была невозможная, на всякомъ шагу онъ видѣлъ, что ему неудается, бѣсился и вымещалъ это на слугахъ. При всей своей скупости, онъ серьезно имѣніемъ не занимался, иногда только, безъ всякой нужды, онъ врывался въ управленіе моряка, распространялъ ужасъ и трепетъ, брилъ лбы, наказывалъ, бралъ во дворъ, обременялъ совершенно ненужными работами—тамъ дорогу велитъ проложить, тутъ сарай перенести съ мѣста на мѣсто.... Показавши такимъ образомъ свою власть, онъ снова предоставлялъ моряку управленіе крестьянами.

Сверхъ моряка являлся къ Столыгину раза два въ недѣлю высокій, подслѣпый мѣняла въ безконечномъ сюртукѣ; моргая глазами и пошевеливая плечомъ, онъ называлъ всѣ камни и всѣ вещи наизнанку, что вовсе ему не мѣшало быть тонкимъ знатокомъ. Черезъ него Михайло Степановичъ помѣщалъ свои деньги за баснословные проценты. Мѣняла, не удовлетворяясь куртажемъ за безносыхъ адонисовъ, за новые антики и старыя картины,—занимался въ свободное время пріятною должностью сводчика. Михайлѣ Степановичу не хотѣлось выступать ростовщикомъ, да не хотѣлось тоже и капиталъ оставлять на одни несчастные пять процентовъ, которые тогда платилъ ломбардъ, такъ онъ и прибѣгалъ къ услугамъ мѣнялы. Не смотря на всѣ пре-

досторожности его, мѣняла все таки надулъ Столыгина. Завелся процессъ. Ни одинъ сенатскій секретарь, ни одинъ герой, посѣдѣвшій въ чернилахъ, вскормленный на справкахъ и сандаракѣ, не догадался бы никогда, чѣмъ окончится этотъ процессъ.

Хожденіе по дѣлу было поручено Столыгинымъ знаменитому тогда въ Москвѣ стряпчему, отставному статскому совѣтнику Валерьяну Андреевичу Трегубскому. У стряпчаго была дочь, скромная, запуганная отцомъ, дикая отъ одиночества и очень не дурная собою. Михайлѣ Степановичу она приглянулась, онъ любилъ эти скромныя волокитства, не вовлекавшія въ большія траты. Молодая дѣвушка, совершенно неопытная и подбиваемая безпрерывно кухаркой, шла, сама не зная какъ, прямо на свою гибель. Кухарка статскаго совѣтника, помогавшая Столыгину за бѣленькую бумажку и за золотыя серги, которыя онъ обѣщалъ, но все не приносилъ, вдругъ испугалась могущихъ быть изъ этой связи послѣдствій и разъ вечеромъ, немного напившись, все разсказала отцу, разумѣется кромѣ собственнаго участія. Старикъ разомъ убѣдился въ справедливости доноса и въ томъ, что предупредить поздно, но поправить самое время.

Сказать по правдѣ, новость эта больше обрадовала его, нежели опечалила; тѣмъ не менѣе онъ съ свирѣпостью напалъ на дочь, разбранилъ ее, оттаскалъ по обычаю праотцевъ за косу, заперъ въ чуланъ, словомъ, сдѣлалъ все, что требовала оскорбленная любовь родителя. Исполнивъ эту тяжелую, хотя и святую обязан-

ность, онъ снова сдѣлался чѣмъ былъ — стряпчимъ и принялся дѣлать повальный обыскъ въ комнатѣ дочери. Нашелъ онъ и записочки, и вещицы разныя, все пересмотрѣлъ внимательно, все перечиталъ раза два, три. Прочтенное явнымъ образомъ доставляло ему удовольствіе. Онъ взялъ письмо къ себѣ, принялся самъ писать, писалъ долго, подгибая третій палецъ подъ перо и наклоняя правый глазъ къ самой бумагѣ. И перемарывалъ онъ, и перечитывалъ, и прибавлялъ, и сокращалъ, наконецъ, удовлетворенный редакціей, онъ раза два до кашля понюхалъ табаку и принялся переписывать на бѣло. Переписавши, онъ взялъ свѣчу и отправился къ дочери.

Бѣдная дѣвушка, оскорбленная, униженная, пристыженная, заплаканная, сидѣла въ углу. Старикъ на все на это разсчитывалъ какъ нельзя лучше. «Убила, говорилъ онъ ей, убила старика отца, сѣдины покрыла позоромъ», дѣвушка стояла ни живая, ни мертвая и шептала блѣдными губами: «простите, простите».—«Поди сюда, закричалъ отецъ, возьми перо, пиши, тутъ — ну же!» — «Батюшка!»—«Да ты еще не слушаться, опозорила отца, да и изъ повиновенія вышла, тебѣ говорятъ, пиши!» и онъ диктовалъ: «дочь статскаго совѣтника Марья Валеріяновна Трегубская». Дѣвушка писала въ лихорадкѣ, въ безуміи; когда отецъ взялъ у нея перо, руки ея опустились, она упала на колѣни передъ пустымъ стуломъ и прижала къ нему голову. Почтенный старецъ вышелъ, не говоря ни слова, онъ думалъ, что ему больше при-

дется ломаться, онъ былъ даже нѣсколько сконфуженъ легкой побѣдой.

На другой день Столыгинъ получилъ отъ статскаго совѣтника длинное письмо; онъ сообщалъ ему, что вѣсть о томъ, что Михайло Степановичъ, опутавъ коварными обѣщаніями, повергъ его дочь въ гибель несчастія и лишилъ его послѣдней опоры и послѣдняго утѣшенія, поразила его въ самое сердце; что онъ находитъ наконецъ положеніе жертвы его соблазна сомнительнымъ. А потому полагаетъ, что онъ навѣрно свой поступокъ покроетъ Божіимъ благословеніемъ черезъ бракъ, которымъ возвратитъ ей честь, а себѣ спокойствіе совѣсти, которое превыше всѣхъ благъ земныхъ. Буде же (чего Боже сохрани) Михайлѣ Степановичу это не угодно, то онъ съ прискорбіемъ долженъ будетъ сему дѣлу дать гласность и просить защиты у недремлющаго закона и у высокихъ особъ, Богомъ и монархомъ поставленныхъ невиннымъ въ защиту и сильнымъ въ обузданіе; въ подкрѣпленіе же просьбы, сверхъ свидѣтельства домашнихъ, онъ съ душевнымъ прискорбіемъ приведетъ разные документы, собственною Михайла Степановича рукою писанные. Въ заключеніи, оскорбленный отецъ счелъ нужнымъ присовокупить, что преступная дочь его есть съ тѣмъ вмѣстѣ его единственная наслѣдница, какъ дома, что въ Хамовнической части, въ третьемъ кварталѣ, за № 99, такъ и капитала, имѣющаго ей достаться, когда Господу Богу угодно будетъ прекратить грѣшные дни его.

Михайло Степановичъ задохнулся отъ гнѣва и отъ

страха; онъ очень хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, ему представились траты, мировыя сдѣлки, грѣхъ пополамъ. О бракѣ онъ и не думалъ, онъ считалъ его невозможнымъ. Въ своемъ отвѣтѣ онъ просилъ старика не вѣрить клеветамъ, увѣрялъ, что онъ ихъ разсѣетъ, говорилъ, что это козни его враговъ, завидующихъ его спокойной и безмятежной жизни, и главное, уговаривалъ его не торопиться въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ честь его дочери.

Валеріанъ Андреевичъ не даромъ лѣтъ сорокъ былъ стряпчимъ; онъ видѣлъ, что Столыгинъ выигрываетъ время, что слѣдственно ему его терять не слѣдуетъ. Между разными дѣлами, ввѣренными его хожденію, былъ у него на рукахъ длинный, запутанный процессъ о горныхъ заводахъ одного графа, находившагося въ большой силѣ. Трегубскій отправился къ нему и вдругъ, докладывая ему о теченіи дѣла, подобралъ нижнюю губу, опустилъ щеки, сдѣлалъ пресмѣшной видъ и началъ капать слезами. Графъ удивился, встревожился, сталъ спрашивать, старикъ просилъ прощенія, извинялся своимъ нѣжнымъ сердцемъ и безмѣрнымъ горемъ, наконецъ разсказалъ всю исторію, показалъ письма Столыгина и просьбы дочери. Графъ, забывая вовсе ненужныя въ то время воспоминанія собственныхъ продѣлокъ, принялъ сердечное участіе въ горѣ несчастнаго старца и сказалъ ему, отпуская его: «Будь покоенъ, негодяю этому даромъ это не пройдетъ. Оставь письмо дочери у меня. Да кстати, апелляціонную записку по моему дѣлу окончи поскорѣе». Старикъ успокоился.

Черезъ нѣсколько дней предводитель дворянства пригласилъ къ себѣ Михайла Степановича по «экстренному и конфиденціальному дѣлу». Освѣдомившись о состояніи его здоровья и объ урожаѣ озимыхъ хлѣбовъ, предводитель спросилъ его—какъ онъ намѣренъ окончить неосторожный пассажъ свой съ дѣвицей Трегубской, присовокупляя, что ему велѣно посовѣтовать Михайлѣ Степановичу кончить это дѣло, какъ слѣдуетъ дворянину и христіанину. Столыгинъ пустился въ рядъ объясненій. Предводитель выслушалъ ихъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и замѣтилъ, что все это совершенно справедливо, но что онъ тѣмъ не менѣе увѣренъ, что Михайло Степановичъ оправдаетъ довѣріе высокихъ особъ и поступитъ, какъ христіанинъ и дворянинъ; что впрочемъ онъ его проситъ дать себѣ трудъ прочесть письмо, полученное имъ по поводу этой непріятной исторіи.

Михайло Степановичъ прочелъ письмо и положилъ его на столъ, молча и съ измѣнившимся лицомъ.

«Не угодно ли вамъ будетъ теперь, спросилъ его предводитель, подписать вотъ эту бумажку?» Столыгинъ взялъ перо. «Позвольте — позвольте, съ жаромъ замѣтилъ предводитель, вѣжливо вырывая изъ его руки перо: это перо не хорошо, вотъ это гораздо лучше». Столыгинъ взялъ лучшее перо и нѣсколько дрожащей рукой подписалъ. Думать надобно, что первая бумага была очень краснорѣчива и вполнѣ убѣждала въ необходимости подписать вторую. Предводитель, прощаясь, сказалъ Столыгину, что онъ искренно и сердечно радъ, что дѣло кончилось келейно и что онъ такъ прекрасно,

какъ истинный патріотъ и настоящій христіанинъ, рѣшился поправить поступокъ или лучше пассажъ.

Черезъ недѣлю Михайло Степановичъ былъ женатъ. Не смотря на то, что Москва классическая страна бракосочетаній, но я увѣренъ, что со времени знаменитаго кутежа, по поводу котораго въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается имя Москвы, и до нашихъ дней, не было человѣка менѣе расположеннаго и менѣе годнаго къ семейной жизни, какъ Столыгинъ. Благодѣтельное начальство исправило эти недостатки своимъ отеческимъ вмѣшательствомъ.

Трудно себѣ представить хуже, нелѣпѣе и неловче положенія бѣдной новобрачной. Перейдя, по распоряженію высшаго правительства, изъ затворничества, въ которомъ ее держалъ старый писарь, въ чужой домъ, въ которомъ не было въ ней нужды, въ которомъ ничего не перемѣнилось отъ ея появленія — положеніе ея собственно ухудшилось. Столыгинъ ее держалъ не какъ жену, а какъ крѣпостную фаворитку. У ней не было ни одной знакомой, Столыгинъ запретилъ ей принимать какихъ-то родственницъ, раза два являвшихся изъ-за Москвы рѣки позавидовать ея счастію; она сама не хотѣла дѣлить досуги съ племянницей моряка, которую Столыгинъ хотѣлъ ввести по части супружеской тайной полиціи. Она никуда не выѣзжала, иногда только Михайло Степановичъ предлагалъ женѣ проѣхаться въ каретѣ, одной, и тутъ кучеру и лакею давалась инструкція, какими улицами ѣхать.

Нѣсколько лѣтъ оставалась она потерянной, оскорб-

ляемой и безгласной. Существо доброе, готовое любить, готовое на всякую преданность, она отдавалась молча своей судьбѣ и, вспоминая страданія, выносимыя отъ отца, она думала, что такъ и надобно, что таково положеніе женщины на свѣтѣ.

Первый утѣшитель, явившійся ей, былъ малютка Анатоль, родившійся черезъ годъ послѣ ея свадьбы; впослѣдствіи онъ же и развилъ, и воспиталъ, и освободилъ ее.

Рожденіе сына на нѣсколько степеней поправило положеніе Марьи Валеріановны. Столыгинъ былъ доволенъ сходствомъ. Онъ до того расходился въ первыя минуты радости, что съ благосклонной улыбкой спросилъ Тита: «ты видѣлъ маленькаго?» и когда Титъ отвѣчалъ, что не сподобился еще этого счастія, онъ велѣлъ кормилицѣ показать Анатоля Михайловича Титу. Титъ подошелъ къ ножкѣ новорожденнаго и со слезами умиленія три раза повторилъ: «настоящій папенька, вылитой папенька, папенькинъ потретъ».

Михайло Степановичъ, очень довольный, тутъ же отдалъ приказъ, чтобы люди вставали, когда проходитъ кормилица съ маленькимъ бариномъ; а кормилицѣ напротивъ разрѣшилъ сидѣть даже въ своемъ присутствіи, чего впрочемъ она никогда не дѣлала, повинуясь инструкціямъ моряка. Кормилица была изъ Липовки. За двѣ недѣли до родовъ Марьи Валеріановны, приказалъ Столыгинъ моряку выслать для выбора двухъ-трехъ здоровыхъ, красивыхъ и недавно родившихъ бабъ съ ихъ дѣтьми. Морякъ выслалъ шесть, и мѣра эта ока-

залась вовсе неизлишней; отъ сильнаго мороза и слабыхъ тулуповъ, двѣ лучшія кормилицы, отправленныя на пятый день послѣ родовъ, простудились, и такъ основательно, что потомъ сколько ихъ старуха птичница ни окуривала калганомъ и сабуромъ, все-таки водяная сдѣлалась; у третьей на дорогѣ съ ребенкомъ родимчикъ приключился, вѣроятно отъ дурнаго глаза, и не смотря на чистый воздухъ и прочія удобства зимняго пути въ пошевняхъ, онъ умеръ, не доѣзжая Реполовки, гдѣ обыкновенно липовскіе останавливались; такъ какъ у матери отъ этого молоко поднялось въ голову, то она и оказалась неспособною кормить грудью. Остались три для выбора, согласно желанію Михайла Степановича. Изъ нихъ онъ самъ съ повивальной бабкой избралъ женщину, дѣйствительно замѣчательную. Будучи третій годъ за мужемъ, она еще не утратила ни красоты, ни здоровья и была то, что называется кровь съ молокомъ, со сливками даже, можно сказать. На организмъ, который не только безнаказанно, но такъ торжественно вынесъ бѣдность, работу, отца, мать, жнитво, мужа, двухъ снохъ, старосту, свекровь и барщину, можно было слѣпо положиться. Кормилица на барскомъ дворѣ въ два мѣсяца сдѣлалась вдвое толще и румянѣе. Такъ что свекровь, приходившая иногда изъ деревни, не могла безъ ненависти видѣть ее и всякій разъ бормотала, выходя изъ воротъ: «вишь разъѣлась на барскихъ чаяхъ какая. Дай срокъ, воротишься домой, спустимъ жиръ... Погоди». Говорятъ, что простодушная старушка добросовѣстно сдержала обѣщаніе.

Для дворни малютка сдѣлался новымъ источникомъ гоненій и несчастій. Стукъ во время его сна, сквозной вѣтеръ, отворенная дверь — все это выводило изъ себя Столыгина. Что вынесла бѣдная няня, та самая Настасья, которая послужила невольной причиной смерти Льва Степановича, мудрено себѣ представить. Кормилицѣ дозволялось иногда спать, Настасья должна была день и ночь быть на лицо. Она раздѣвалась разъ только въ недѣлю — въ банѣ. Настасьѣ было приказано, чтобы лѣтомъ въ дѣтской не было мухъ; она отвѣчала за крикъ ребенка, за то, что онъ падалъ, начиная ходить, за насморкъ, который дѣлался отъ прорѣзыванія зубовъ... И подите, изслѣдуйте тайны сердца человѣческаго — Настасья любила до безумія ребенка, существованіемъ котораго отравлялась вся жизнь ея, за котораго она вынесла столько нравственныхъ страданій, столько физической боли. Марья Валеріановна, сколько могла, вознаграждала ее и лаской, и подарками, но сама чувствовала, какую бѣдную замѣну она ей даетъ за лишеніе всякаго покоя, за вѣчный страхъ, вѣчную брань и вѣчное преслѣдованіе.

Пока ребенокъ былъ звѣркомъ, баловству со стороны Михайла Степановича не было конца; но когда у Анатоля начала развиваться воля, любовь отца стала превращаться въ гоненіе. Болѣзненный эгоизмъ Столыгина, раздражительная капризность и избалованность его не могли выносить присутствія чего бы то ни было свободнаго; онъ даже собаченку, не знаю какъ попавшуюся ему, до того испортилъ, что она ходила

при немъ повѣся хвостъ и опустя голову, какъ чумная.

Марья Валеріановна, до тѣхъ поръ кроткая и самоотверженная, явилась женщиной съ характеромъ и съ волей непреклонной. Она не только рѣшилась защитить ребенка отъ очевидной порчи, но уважая въ себѣ его мать, она сама стала на другую ногу. Эту оппозицію тотчасъ замѣтилъ Михайло Степановичъ и рѣшился сломить ее, во что бы то ни стало.

Пяти-шести лѣтній Анатоль былъ свидѣтелемъ грубыхъ, отвратительныхъ сценъ; нервный и нѣжный мальчикъ судорожно хватался за платье матери и не плакалъ; а послѣ ночью стоналъ во снѣ и, проснувшись, дрожа всѣмъ тѣломъ, спрашивалъ няню: «папаша еще тутъ, ушелъ папаша?» Марья Валеріановна чувствовала необходимость положить предѣлъ этому и не знала, какъ. Обстоятельства, какъ всегда бываетъ, помогли ей.

Въ гостиной стояла горка, на которой были разставлены всякія ненужности, взятыя у мѣнялы, для поощренія его. Анатоль, тысячу разъ игравшій этой дрянью, подошелъ къ горкѣ и взялъ какую-то фарфоровую куклу. «Не тронь!» закричалъ отецъ. Анатоль посмотрѣлъ на него съ испугомъ, оставилъ куклу и черезъ двѣ минуты опять ее взялъ. Михайло Степановичъ подошелъ къ нему, схватилъ за руку и дернулъ его съ такою силой, что онъ грянулся объ полъ и разбилъ себѣ до крови лобъ. Мать и няня бросились къ нему. «Оставьте его, это вздоръ, капризы», закричалъ

отецъ; няня пріостановилась въ недоумѣніи, но мать, не обращая никакого вниманія на слова мужа, подняла Анатоля и понесла его,говоря: «пойдемъ,дружокъ мой, въ дѣтскую, папаша боленъ». — «Да ты слышала, или нѣтъ, что я сказалъ?» спросилъ Михайло Степановичъ: «оставь его!» «Ни подъ какимъ видомъ,отвѣчала оскорбленная мать:—какъ можно оставить ребенка съ человѣкомъ въ припадкѣ безумія?» «Это что значитъ?» спросилъ Столыгинъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ бѣшенства. «То, отвѣчала Марья Валеріановна:—что есть всему мѣра, и если вы сошли съ ума, то мой долгъ положить предѣлъ вашему вредному вліянію на ребенка». Михайло Степановичъ не далъ ей кончить, онъ ударилъ ее. Анатоль взвизгнулъ и помертвѣлъ.

Марья Валеріановна, пришедши въ спальню, бросилась на колѣни передъ образомъ и долго молилась, обливаясь слезами, потомъ она поднесла Анатоля къ иконѣ и велѣла ему приложиться, одѣла его, накинула на себя шаль и, выславъ Настю и горничную зачѣмъ-то изъ дѣвичьей, вышла съ Анатолемъ за ворота, не замѣченная никѣмъ, кромѣ Ефима. На дворѣ смерклось; Марья Валеріановна почти никогда не выходила вечеромъ на улицу, ей было страшно и жутко; по счастію, извощикъ, ѣхавшій безъ сѣдока, предложилъ ей свои услуги; она кой какъ усѣлась на калиберѣ, взяла на колѣни Анатоля и отправилась къ отцу въ домъ. Сходя съ дрожекъ, она сунула извощику въ руку цѣлковый и хотѣла взойти въ ворота; но извощикъ остановилъ ее; онъ думалъ, что она ему дала пятакъ и ска-

залъ: «н ѣтъ, барыня; постой, какъ можно», и разгля-
дѣвши, что это не пятакъ, а цѣлковый, продолжалъ тѣмъ
же тономъ и нисколько не потерявшись: «какъ можно
ц ѣлковый взять съ двоихъ, синенькую слѣдуетъ полу-
чить, матушка». Она бросила ему какую-то монету и
взошла въ ту несчастную калитку, изъ которой лѣтъ
шесть тому назадъ, Богъ знаетъ подъ вліяніемъ какой
ч ары, вышла на первое свиданіе съ человѣкомъ, кото-
раго судьба избрала на то, чтобы мучить ее цѣлую
жизнь.

Когда Михайло Степановичъ пришелъ въ себя, онъ
п онялъ, что переступилъ нѣсколько границу. «Ну да
что же дѣлать, думалъ онъ, у меня нравъ такой. пора
въ самомъ дѣлѣ привыкнуть, сердить меня какъ нароч-
но, et ensuite elle devient impertinente, я не могу сво-
его сына воспитывать по моимъ идеямъ». Утѣшивши
себя такими разсужденіями, онъ отправился въ гости-
ную, однако на лицѣ его было видно, что какъ ни убѣ-
тительны онѣ были, но совѣсть не совсѣмъ была по-
койна. Большая гостиная была пуста и мрачна, освѣ-
щенная двумя сальными свѣчами. Онъ посидѣлъ на
диванѣ—пусто, не хорошо. «Сенька!» закричалъ онъ
и мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, одѣтый казачкомъ, пока-
зался въ дверяхъ. «Скажи Наськѣ, чтобы привела
Анатоля Михайловича».

Казачекъ вышелъ, но долго не возвращался, слыш-
ны были голоса, шопотъ, шаги. Титъ, блѣдный какъ
смерть, стоялъ въ залѣ, Настасья съ заплаканными
глазами ему объясняла что-то, Титъ качалъ головой

и приговаривалъ: «Господи Боже мой, прости наши прегрѣшенія». Черезъ нѣсколько минутъ казачекъ взошелъ съ докладомъ: «Анатоля Михайловича дома нѣтъ, ихъ барыня изволили взять съ собою».

— Что... о... о... о?

Казачекъ повторилъ.

— Что ты врешь, пошли Наську и Тита. Наська и Титъ взошли.

— Куда барыня пошла? спросилъ Столыгинъ.

— Не могу доложить, отвѣчала старуха, дрожа всѣмъ тѣломъ:—меня изволили послать за водой, изволили надѣть желтую шаль—я думала, такъ отъ холоду...

— Молчи и отвѣчай только на то, что я спрашиваю. Ну а ты, старый разбойникъ, ты чего смотрѣлъ, Титъ Трофимовичъ, домоправитель? Кто пошелъ за барыней?

—Виноватъ, батюшк, а Михайло Степановичъ, Богъ попуталъ на старости лѣтъ, я не видалъ.

—«Виноватъ. батюшка»! передразнилъ его Столыгинъ, входившій болѣе и болѣе въ ярость:—позови, старый дуракъ, Кузьку и Оську, да дурака Ефимку и кучеровъ. Люди переглянулись съ ужасомъ другъ на друга: они очень хорошо знали, что значитъ приглашеніе кучеровъ...

На другой день утромъ Титъ, Настасья и двое лакеевъ валялись въ ногахъ у Марьи Валеріановны, утирая слезы и умоляя ее спасти ихъ. Столыгинъ велѣлъ имъ или привести барыню съ сыномъ, или готовиться въ смирительный домъ и потомъ на поселеніе. Сѣдой и толстый Титъ ревѣлъ какъ ребенокъ, приговаривая:—

сгубитъ онъ насъ, матушка, со свѣта Божьяго сгонитъ. —Марья Валеріановна, говорила Настасья, спаси ты насъ, заступница наша, или ужъ оставь меня здѣсь. — Я домой не пойду, прибавилъ старикъ:—я съ каменнаго моста брошусь въ воду, одинъ конецъ.

Марья Валеріановна долго молчала, тяжело ей было, она еще разъ взглянула на эти растерянныя и отчаянныя лица, встала и сказала грустнымъ голосомъ. «Такъ и быть, я спасу васъ, я не могу допустить, чтобы онъ замучилъ васъ за меня; я возвращусь теперь, можетъ на свою собственную гибель. Только молите же Бога, чтобы не на гибель малютки!

— Мать ты наша родная! говорилъ Титъ:—Иверской Божіей матери отслужимъ молебенъ, всей дворней свѣчу десятифунтовую поставимъ.

Марья Валеріановна явилась домой не какъ виновная и бѣглая жена, а съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и своего призванія быть защитницей сына. Она спокойно и твердо объявила Столыгину, что возвратилась только для того, чтобы спасти совершенно невинныхъ людей отъ его бѣшенства, но что она рѣшилась не жертвовать болѣе сыномъ необузданности такого отца.

— Охъ, говорилъ Михайло Степановичъ, притворившійся больнымъ: — охъ, ma chére, зачѣмъ это ты употребляешь такія слова, мое ухо не привыкло къ такимъ выраженіямъ. У меня отъ заботъ, отъ болѣзни онъ жаловался на аневризмъ, котораго у него впрочемъ не было) бываютъ иногда черныя минуты — на-

добно кротостью и добрымъ словомъ остановить, а не раздражать, я самъ оплакиваю несчастный случай, и онъ остановился, какъ бы подавленный сильными чувствами.

Но на Марью Валеріановну его рѣчи болѣе не дѣйствовали. Весь prestige, окружавшій его, изчезъ, она чувствовала себя на столько выше, на столько сильнѣе его, что у ней начала развиваться жалость къ нему.

Послѣ этой исторіи Столыгинъ сталъ себя держать попристойнѣе. Марья Валеріановна съ сыномъ жила большую половину года въ деревнѣ; такъ какъ это значительно уменьшало расходы, то мужъ и не препятствовалъ. Смерть добраго старика Валеріана Андреевича, случившаяся черезъ нѣсколько лѣтъ, снова запутала и окончательно разстроила жизнь, устроенную Марьей Валеріановной.

Онъ умеръ вскорѣ послѣ московскаго пожара. Старикъ оставался все время войны въ Москвѣ, довольно счастливо скупая, долею у французовъ, долею у казаковъ разныя серебряныя и золотыя вещицы. По выходѣ непріятеля онъ подавалъ просьбу о денежномъ вспоможеніи для поправленія дома, сожженнаго богопротивнымъ врагомъ во время нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ. Но не смотря на то, что его просьба была совершенно не справедлива, онъ получилъ отказъ. Это его сильно огорчило, онъ помаячилъ еще годикъ, да и умеръ, оставивши Марьѣ Валеріановнѣ домъ, золотыя и серебряныя бездѣлушки и толстую пачку ломбардныхъ билетовъ.

Марья Валеріановна въ это время была въ Петербургѣ, куда Столыгинъ переѣхалъ во время приближенія непріятеля. Домъ ихъ на Яузѣ сгорѣлъ. Морякъ отстроивалъ его медленно, потому что Столыгинъ скупился на деньги. Старикъ передъ смертью звалъ дочь проститься. Она поѣхала, но не застала его. Морякъ, имѣвшій уже свои инструкціи, распоряжался въ домѣ ея отца, какъ на кораблѣ, взятомъ въ плѣнъ. Марья Валеріановна молчала, но билеты ломбардные прибрала, Михайло Степановичъ не давалъ почти вовсе денегъ на воспитаніе сына, да и сверхъ того, она хотѣла на всякій случай имѣть капиталъ въ своихъ рукахъ.

Это обстоятельство снова ее поссорило съ мужемъ. Переписка ихъ приняла горькій тонъ. Видя непреклонность жены, Столыгинъ возъимѣлъ мысль воспользоваться разлукой ея съ сыномъ, чтобы поставить на своемъ.

Онъ писалъ моряку во всякомъ письмѣ, чтобы все было готово для его пріѣзда, что онъ на дняхъ ѣдетъ, и нарочно оттягивалъ свой отъѣздъ. Возвратившись наконецъ въ свой домъ на Яузѣ, онъ перервалъ всѣ сношенія съ Марьей Валеріановной, строго запретилъ людямъ принимать ее или ходить къ ней въ домъ.—Я долженъ былъ принять такія мѣры, говорилъ онъ:—для сына; я все бы ей простилъ, но она женщина до того эгрированная, что можетъ пошатнуть тѣ фундаменты морали, которые я съ такимъ трудомъ вывожу въ сердцѣ Анатоля.

Разумѣется, ему никто не вѣрилъ, кромѣ моряка да,

и тотъ болѣе вѣрилъ изъ дисциплины и подчиненности, нежели изъ убѣжденія, и защищалъ Столыгина только слѣдующимъ выразительнымъ аргументомъ. «Все же вѣдь, какъ тамъ угодно, а она супруга Михайла Степановича, а Михайло Степановичъ, какъ бы то ни было, все же ея супругъ есть....»

ПОВРЕЖДЕННЫЙ.

(Повѣсть).

I.

. . . . Въ одну очень тяжелую эпоху моей жизни, послѣ бурь и утратъ и передъ еще бо́льшими бурями и утратами, встрѣтилъ я одно странное лицо, котораго слова и сужденія мнѣ сдѣлались больше понятны спустя нѣкоторое время.

Человѣкъ этотъ попался мнѣ на дорогѣ, точно какъ эти мистическія лица чернокнижниковъ, пилигримовъ, пустынниковъ являются въ средневѣковыхъ разсказахъ, для того чтобы приготовить героя къ печальнымъ событіямъ, къ страшнымъ ударамъ, впередъ примиряя съ судьбой, вооружая терпѣніемъ, укрѣпляя думами.

Дѣло было на Корниче.

Я приплылъ на лодкѣ изъ Ниццы въ небольшой городокъ; оттуда я собирался ѣхать сухимъ путемъ, но лошади единственнаго ветурина только что воротились, надобно было имъ дать отдохнуть, по его сло-

вамъ, «два маленькихъ часа», что значило по крайней мѣрѣ четыре очень большихъ. Мнѣ было некуда торопиться и совершенно все равно, днемъ позже или раньше пріѣду въ Геную. Я заказалъ себѣ завтракъ и пошелъ бродить по берегу.

Какое счастіе, что есть на свѣтѣ полоса земли, гдѣ природа такъ удивительно хороша и гдѣ можно еще жить до поры до времени свободному человѣку.

Когда душа носитъ въ себѣ великую печаль, когда человѣкъ не на столько сладилъ съ собою, чтобы примириться съ прошедшимъ, чтобы успокоиться на пониманіи — ему нужна и даль и горы, и море и теплый, кроткій воздухъ; нужны для того, чтобы грусть не превращалась въ ожесточеніе, въ отчаяніе, чтобы онъ не зачерствѣлъ. Хорошій край нужнѣе хорошихъ людей. Люди готовы сострадать, но почти никогда не умѣютъ; отъ ихъ состраданія становится хуже, они бередятъ раны, они не ловки. Сверхъ того, люди бѣсятъ или разсѣваютъ; къ чему еще бѣситься, къ чему съ другой стороны бѣжать отъ печали,—это также робко и слабо, какъ глупо бѣжать отъ наслажденій, когда они еще веселятъ.

Досадно, что я не пишу стиховъ. Рѣчи объ этомъ краѣ необходимъ ритмъ, такъ,какъ онъ необходимъ морю, которое мѣрными стопами во вѣки нескончаемыхъ гексаметровъ плещетъ въ пышный карнизъ Италіи. Стихами легко разсказывается именно то, чего не уловишь прозой... едва очерченная и замѣченная форма, чуть слышный звукъ, не совсѣмъ пробужденное чувство,

еще не мысль... въ прозѣ просто совѣстно повторять этотъ лепетъ сердца и шопотъ фантазіи.

День былъ удивительный, жаръ только что начинался, яркое, утреннее солнце освѣщало маленькій городокъ, померанцовую рощу и море. Пригорокъ былъ покрытъ лѣсомъ маслинъ. Я легъ подъ старой, тѣнистой оливой, недалеко отъ берега, и долго смотрѣлъ, какъ одна волна за другою шла длинной, выгнутой линіей, подымалась, хмурилась, начинала закипать и разливалась, пропадая струями и пѣной, въ то время какъ слѣдующая съ тѣмъ же важнымъ и стройнымъ видомъ хмурилась и закипала, чтобы разлиться. Намъ такъ чуждо все безкорыстное, такъ дешево все настоящее, что и въ вѣчномъ колыханіи природы человѣкъ невольно ждетъ чего-то — слѣдующей волны, развязки... вотъ теперь кажется, что-то да выйдетъ... кажется, что теперь, а волна опять разлилась и шумитъ, шурша камнями, которые утягиваетъ съ собой въ глубь, чтобы при первомъ вѣтрѣ выбросить ихъ снова на берегъ.

Волна моей жизни, думалось мнѣ, тоже перегнулась и течетъ вспять, я чувствую, какъ она отступаетъ, касается каменьевъ, дна и берега, какъ увлекаетъ меня назадъ, не обращая вниманія ни на ушибы, ни на усталь и нашептывая въ утѣшеніе:

Погоди немного.
Отдохнешь и ты!

. . . . Наша жизнь вовсе не наша, все дѣлается помимо насъ.

Человѣкъ ростетъ, ростетъ, складывается и прежде нежели замѣчаетъ, идетъ ужь подъ гору. Вдругъ какой нибудь ударъ будитъ его и онъ съ удивленіемъ видитъ, что жизнь не только сложилась, но и прошла. Онъ тутъ только замѣчаетъ тягость въ членахъ, сѣдые волосы, усталь въ сердцѣ, вялость въ чувствахъ. Помочь нечѣмъ. Узелъ, которымъ организмъ связанъ и затянутъ—личность, слабѣетъ. Жгучія страсти выдыхаются въ успокоивающія разсужденія, дикіе порывы въ благоразумныя отмѣтки, сердце хладѣетъ, привыкаетъ ко всему, мало требуетъ, мало даетъ, химическое сродство, гдѣ можетъ, утягиваетъ составныя части въ минеральный міръ и замѣняетъ ихъ чѣмъ-то мертвымъ, каменнымъ. Безличная мысль и безличная природа одолѣваютъ мало по малу человѣка и влекутъ его безостановочно на свои вѣчныя, неотвратимыя кладбища логики и стихійнаго бытія...

II.

. . . . Когда я пришелъ въ гостинницу, на дворѣ уже было очень жарко, я сѣлъ на балконѣ. Передъ глазами тянулась длинной ниткой обожженная солнцемъ дорога, она шла у самаго моря, по узенькой нарѣзкѣ, огибавшей гору. Мулы, звоня бубенчиками и украшенные красными кисточками, везли боченки вина, осторожно переступая съ ноги на ногу; медленное шествіе ихъ

нарушилось дорожной каретой, почтальонъ хлопалъ бичемъ и кричалъ, мулы жались къ скалистой стѣнѣ, возчики бранились, карета, покрытая густыми слоями пыли, приближалась больше и больше и остановилась подъ балкономъ, на которомъ я сидѣлъ.

Почтальонъ соскочилъ съ лошади и сталъ откладывать, толстый трактирщикъ въ фуражкѣ національной гвардіи отворилъ дверцы и два раза привѣтствовалъ княжескимъ титуломъ сидѣвшихъ въ каретѣ, прежде нежели слуга, спавшій на козлахъ, пришелъ въ себя и потягиваясь сошелъ на землю.

Такъ спятъ на козлахъ и такъ аппетитно тянутся только русскіе слуги, подумалъ я и пристально посмотрѣлъ на его лицо; русые усы, сдѣлавшіеся свѣтлобурыми отъ пыли, широкій носъ, бакенбарды, пущенные прямо въ усы на половинѣ лица, и особый національный характеръ всѣхъ его пріемовъ, убѣдили меня окончательно, что почтенный незнакомецъ былъ родомъ изъ какой нибудь тамбовской, пензенской или симбирской передней. Какъ ни философствуй и не клевещи на себя, но есть что-то шевелящееся въ сердцѣ, когда вдругъ неожиданно встрѣчаешь въ дальней дали своихъ соотечественниковъ. Между тѣмъ, изъ кареты выскочилъ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ сытымъ, здоровымъ и веселымъ видомъ, который даетъ беззаботность, славное пищевареніе и не излишне развитые нервы. Онъ посадилъ на носъ верховые очки, впсѣвшіе на шнуркѣ, посмотрѣлъ на право, посмотрѣлъ на лѣво и съ дѣтскимъ простодушіемъ закричалъ спутнику въ

каретѣ: «Чудо какое мѣсто, ей Богу прелесть, вотъ Италія такъ Италія, небо-то, небо синее, яхонтъ! Отсюда начинается Италія!»

— Вы это шестой разъ говорите съ Авиньона, замѣтилъ его товарищъ усталымъ и нервнымъ голосомъ, медленно выходя изъ кареты. Это былъ худощавый, высокій человѣкъ, гораздо постарше перваго; онъ почти весь былъ одного цвѣта, на немъ было свѣтлозеленое пальто, фуражка изъ небѣленаго батиста, подъ цвѣтъ бѣлокурымъ волосамъ, покрытымъ пылью, слабые глаза его оттѣнялись свѣтлыми рѣсницами и наконецъ лицо, завялое и болѣзненное, было больше изжелта-зеленоватое, нежели блѣдное.

Печальная фигура посмотрѣла молча въ ту сторону, въ которую показывалъ его товарищъ, не выражая ни удивленія, ни удовольствія.

— Вѣдь это все оливы, все оливы,—продолжалъ молодой человѣкъ.

— Оливковая зелень прескучная и преоднообразная, возразилъ свѣтлозеленый товарищъ:—наши березовыя рощи красивѣе.

«Ба, подумалъ я, да это старые знакомые, это Ноздревъ и Межуевъ, переложенные на новые нравы и ѣдущіе не въ Заманиловку, а въ Сенъ-Ремо.

Молодой человѣкъ покачалъ головой, какъ будто хотѣлъ сказать — неисправимъ, хоть брось! и взглянулъ на верхъ. Лицо его показалось мнѣ знакомо, но сколько я ни старался, я не могъ припомнить, гдѣ я его видѣлъ. Русскихъ вообще трудно узнавать въ чужихъ

краяхъ, они въ Россіи ходятъ по нѣмецки безъ бороды, а въ Европѣ по русски, отращивая съ невѣроятной скоростью бороду.

Мнѣ не пришлось долго ломать головы. Молодой человѣкъ, съ тѣмъ добродушіемъ и съ той беззаботной сытостью въ выраженіи, съ которыми радовался оливамъ, бѣжалъ ко мнѣ и кричалъ по русски: «вотъ не думалъ, не гадалъ — истинно говорятъ, гора съ горой не сходится, да вы меня кажется не узнаете? Старыхъ знакомыхъ забывать стали?

— Теперь-то очень узнаю; вы ужасно перемѣнились, и борода, и растолстѣли, и похорошѣли, такіе стали кровь съ молокомъ.

— In corpore sano mens sana, отвѣчалъ онъ, отъ души смѣясь и показывая рядъ зубовъ, которому бы позавидовалъ волкъ:—и вы перемѣнились, постарѣли, а что? жизнь-то кладетъ свои нарѣзки?Впрочемъ, мы четыре года не видались;много воды утекло съ тѣхъ поръ.

— Не мало. Какъ вы сюда попали?

— Ѣду съ больнымъ...

Это былъ лекарь московскаго университета, исправлявшій нѣкогда должность прозектора; лѣтъ пять передъ тѣмъ я занимался анатоміей и тогда познакомился съ нимъ. Онъ былъ добрый, услужливый малый, необыкновенно прилежный, усердно занимавшійся наукою à livre ouvert, т. е. никогда не ломая себѣ головы ни надъ однимъ вопросомъ, который не былъ разрѣшенъ другими, но отлично знавшій всѣ разрѣшенные вопросы.

— А! такъ этотъ зеленый товарищъ вашъ больной? куда же вы его дѣли?

— Это такой экземпляръ, что и въ Италіи у васъ не скоро сыщешь. Вотъ чудакъ-то. Машина была хороша, да немного повредилась (при этомъ онъ показалъ пальцемъ на лобъ), я и чиню ее теперь. Онъ шелъ сюда, да чортъ меня дернулъ сказать, что я васъ знаю, онъ перепугался; ипохондрія, доходящая до маніи; иногда онъ цѣлые дни молчитъ, а иногда говоритъ, говоритъ — такія вещи, ну просто волосъ дыбомъ становится, все отвергаетъ, все — оно ужь эдакъ черезъ край; я самъ, знаете, не очень бабьимъ сказкамъ вѣрю, однакожъ все же есть что-то. Впрочемъ, онъ претихій и предобрый; ему ѣхать за границу вовсе не хотѣлось. Родные уговорили; знаете, съ рукъ долой. Ему хотѣлось въ деревню, а имѣніе у него съ сестрой недѣленое; та и перепугалась—комунизмъ, говоритъ, будетъ мужикамъ проповѣдывать, тутъ и собирай недоимку. Наконецъ онъ согласился ѣхать, только непремѣнно въ южную Италію, Magna Grecia! Отправляется въ Калабрію и вашъ покорный слуга съ нимъ въ качествѣ лейбъ-медика. Помилуйте, что за мѣсто, тамъ кромѣ бандитовъ да поповъ, человѣка не найдешь; я вотъ проѣздомъ въ Марселѣ купилъ себѣ пистолетъ револьверъ, знаете, четыре ствола такъ повертываются.

— Знаю. Однакожь должность ваша не изъ самыхъ веселыхъ,—быть безпрестанно съ сумасшедшимъ.

— Вѣдь онъ не въ самомъ дѣлѣ на стѣну лѣзетъ или кусается. Онъ меня даже любитъ по своему, хотя и

не дастъ слова сказать, чтобы не возразить. Я впрочемъ совершенно доволенъ; получаю тысячу серебромъ въ годъ на всемъ готовомъ, даже сигарокъ не покупаю. Онъ очень деликатенъ, что до этого касается. Чего нибудь стоитъ и то, что на свѣтъ посмотришь. Да, послушайте, надобно вамъ показать моего чудака.

— Богъ съ нимъ совсѣмъ. Кстати, вы не только другихъ не знакомьте, но и сами будьте осторожны, со мной дозволяется только грубить.

— Ха, ха, ха!—экъ языкъ-то, языкъ все тотъ же, все съ ядомъ, все бы кусаться, вотъ небось этого не забыли.—Не боимся мы, наше дѣло медицинское; ну позовутъ къ Л. В.— что же? Я скажу откровенно: помилуйте, генералъ, на дорогѣ встрѣтилъ человѣка, безъ живота лежитъ, не можетъ дальше ѣхать, ну я ему лауданума съ мятой далъ, это обязанность званія, долгъ человѣчества. Онъ вѣдь и пойметъ, что это вздоръ, а все таки скажетъ: ну впередъ будьте осторожны, я говорю для вашего собственнаго блага, это отеческій совѣтъ,— такъ и отпуститъ. Нынче у насъ какъ-то меньше смотрятъ за этимъ, ей Богу; у Излера пресса лежитъ такъ, какъ петербургскія вѣдомости, просто на столѣ лежитъ.

— И притомъ еще отборные нумера, не такъ, какъ здѣсь, сплошь да рядомъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, много небось вы здѣсь выиграли февральской революціей?

— У... у... да вы преопасный человѣкъ, вы ужъ разрѣшили эдакъ о мятежахъ и злоумышленникахъ говорить—смотрите, до добра это не доведетъ.

— Я притащу моего паціента; ну что вамъ въ самомъ дѣлѣ, черезъ часъ разъѣдетесь; онъ предобрѣйшій человѣкъ и былъ бы преумный.

— Еслибъ не сошелъ съ ума.

— Это несчастіе... вамъ ей Богу все равно, а ему разсѣяніе и нужно, и полезно.

— Вы уже меня начинаете употреблять съ фармацевтическими цѣлями, замѣтилъ я, но лекарь уже летѣлъ по коридору.

Я не подчинился бы его желанію и его русской распорядительности чужою волею, но меня наконецъ интересовалъ свѣтлозеленый комунистъ-помѣщикъ и я остался его ожидать.

Онъ взошелъ робко и застѣнчиво, кланялся мнѣ какъто больше, нежели нужно,и нервно улыбался. Чрезвычайно подвижные мускулы лица придавали странное и неуловимое колебаніе его чертамъ, которыя безпрерывно мѣнялись и переходили изъ грустно печальнаго въ насмѣшливое, а иногда даже въ простоватое выраженіе. Въ его глазахъ, по большей части ни куда не смотрѣвшихъ, была замѣтна привычка сосредоточенности и большая внутренняя работа, подтверждавшаяся морщинами на лбу, которыя всѣ были сдвинуты надъ бровями. Не даромъ и не въ одинъ годъ мозгъ выдавилъ черезъ костяную оболочку свою такой лобъ и съ такими морщинами, не даромъ и мускулы лица сдѣлались такими подвижными.

—Евгеній Николаевичъ, говорилъ ему лекарь:—позвольте васъ познакомить, представьте, какой странный

случай, вотъ гдѣ встрѣтился старый пріятель, съ которымъ вмѣстѣ кошекъ и собакъ рѣзали.

Евгеній Николаевичъ улыбался и бормоталъ: «очень радъ—случай—такъ неожиданно—вы извините».

—А помните, продолжалъ лекарь:—какъ мы собаченкѣ сторожа Сычева перерѣзали пневмогастрическій нервъ—закашляла голубушка.

Евгеній Николаевичъ сдѣлалъ гримасу, посмотрѣлъ въ окно и, откашлянувъ раза два, спросилъ меня:—Вы давно изволили оставить Россію?

— Пятый годъ.

— И ничего, привыкаете къ здѣшней жизни? спросилъ Евгеній Николаевичъ и покраснѣлъ.

— Ничего.

— Да-съ, но очень непріятная, скучная жизнь за границей.

— И въ границахъ, прибавилъ развязный лекарь.

Вдругъ, чего я никакъ не ожидалъ, мой Евгеній Николаевичъ покатился со смѣху и наконецъ послѣ долгихъ усилій успѣлъ на столько успокоиться, чтобы сказать прерывающимся голосомъ:—Вотъ Филиппъ Даниловичъ все со мной споритъ, ха, ха, ха! я говорю, что земной шаръ или неудавшаяся планета, или больная; а онъ говоритъ, что это пустяки; какъ же послѣ этого объяснить, что за границей и дома жить скучно, противно,—и онъ опять расхохотался до того, что жилы на лбу налились кровью. Лекарь лукаво подмигнулъ мнѣ съ такимъ видомъ превосходства, что мнѣ стало его ужасно жаль.

— Отчего же не быть больнымъ планетамъ? спросилъ пресерьезно Евгеній Николаевичъ: — если есть больные люди?

—Отъ того, отвѣчалъ лекарь за меня:—что планета не чувствуетъ; гдѣ нѣтъ нервовъ, тамъ нѣтъ и боли.

— А мы съ вами что? да для болѣзни нервовъ и не нужно, бываетъ же виноградъ болѣнъ и картофель? Я того и смотрю, что земной шаръ или лопнетъ, или сорвется съ орбиты и полетитъ. Какъ это будетъ странно, и Калабрія, и мы съ вами, Филиппъ Даниловичъ, все полетитъ и вашего пистолета не нужно будетъ. Онъ снова расхохотался и въ туже минуту продолжалъ съ страстной настойчивостію, обращаясь ко мнѣ:—такъ жить нельзя, вѣдь это очевидно;надобно, чтобы что нибудь да сдѣлалось; лучше планетѣ съизнова начать; настоящее развитіе очень неудачно, есть какой-то фаутъ. При составѣ что ли, или когда мѣсяцъ отдѣлялся, что-то не сладилось, все идетъ съ тѣхъ поръ не такъ, какъ слѣдуетъ. Сначала болѣзни были острыя; каковъ былъ жаръ внутренній во время геологическихъ переворотовъ! Жизнь взяла верхъ, но болѣзнь оставила слѣды. Равновѣсіе потеряно, планета мечется изъ стороны въ сторону. Сначала ударилась въ количественную нелѣпость; ну пошли ящерицы съ домъ величины, папоротники такіе, что однимъ листомъ экзерциргаузъ покрыть можно, ну разумѣется, все это перемерло, какъ же такимъ нелѣпостямъ жить. Теперь въ качественную сторону пошло—еще хуже—мозгъ, мозгъ, нервы, развивались, развивались, до того, что

умъ за разумъ зашелъ. Исторія сгубитъ человѣка, вы что хотите говорите, а увидите—сгубитъ.

Послѣ этой выходки, Евгеній Николаевичъ замолчалъ. Подали завтракъ, онъ очень мало ѣлъ, очень мало пилъ и во все время ничего не говорилъ, кромѣ «да» и «нѣтъ». Передъ концомъ завтрака онъ спросилъ бордо, налилъ рюмку, отвѣдалъ и поставилъ ее съ отвращеніемъ. «Что, спросилъ лекарь, видно скверное?»

—Скверное, отвѣчалъ паціентъ и лекарь принялся стыдить трактирщика, бранить слугу, удивляться корыстолюбію людей, ихъ эгоизму, упрекалъ въ томъ, что трактирщики берутъ 35 процентовъ и все таки обманываютъ.

Евгеній Николаевичъ равнодушно замѣтилъ, что онъ не понимаетъ, за что сердится лекарь, что онъ съ своей стороны не видитъ, отъ чего трактирщику не брать 65 процентовъ—если онъ можетъ, и что онъ очень умно дѣлаетъ, продавая скверное вино — пока его покупаютъ.

Этимъ нравственнымъ замѣчаніемъ кончился нашъ завтракъ.

III.

Поврежденный съ самаго перваго разговора удивилъ меня независимою отвагой своего больнаго ума. Онъ былъ явнымъ образомъ «надломленъ» и хотя лекарь увѣрялъ меня, что онъ во всю жизнь не имѣлъ ни

большаго несчастія, ни большихъ потрясеній, я плохо вѣрилъ въ психологію моего добраго прозектора.

Мы поѣхали вмѣстѣ въ Геную и остановились въ одномъ изъ дворцовъ, разжалованыхъ въ нашъ мѣщанскій вѣкъ въ отели. Евгеній Николаевичъ не показывалъ ни особеннаго интереса къ моимъ бесѣдамъ, ни особеннаго отвращенія отъ нихъ. Съ докторомъ онъ безпрестанно спорилъ.

Когда темныя минуты ипохондріи подавляли его, онъ удалялся, запирался въ комнатѣ, рѣдко выходилъ, былъ желто блѣденъ, дрожалъ какъ въ ознобѣ, а иногда казалось, глаза его были заплаканы. Лекарь побаивался за его жизнь, бралъ глупыя предосторожности, удалялъ бритвы и пистолеты, мучилъ больнаго разводящими и ослабляющими нервы лекарствами, сажалъ его въ теплую ванну съ ароматической травой. Тотъ слушался съ желчной и озлобленной страдательностью, возражая на все и все исполняя, какъ избалованное дитя.

Въ свѣтлыя минуты онъ былъ тихъ, мало говорилъ, но вдругъ рѣчь его неслась какъ изъ прорвавшейся плотины, перерываемая спазматическимъ смѣхомъ и нервнымъ сжатіемъ горла, и потомъ, скошенная середь дороги, она останавливалась, оставляя слушавшаго въ тоскливомъ раздумьи. Его странныя парадоксальныя выходки казались ему легкими, какъ таблица умноженія. Взглядъ его дѣйствительно былъ вѣренъ и послѣдователенъ тѣмъ произвольнымъ началамъ, которыя онъ бралъ за основу.

Онъ много зналъ, но авторитеты на него не имѣли ни малѣйшаго вліянія; это всего болѣе оскорбляло хорошо учившагося лекаря, который ссылался, какъ на окончательный судъ, на Кювье или на Гумбольдта.

— Да отъ чего мнѣ, возражалъ Евгеній Николаевичъ:—такъ думать, какъ Гумбольдтъ? Онъ умный человѣкъ, много ѣздилъ, интересно знать, что онъ видѣлъ и что онъ думаетъ, но меня-то это не обязываетъ думать, какъ онъ. Гумбольдтъ носитъ синій фракъ — что же, и мнѣ носить синій фракъ? Вотъ небось Моисею такъ вы не вѣрите.

— Знаете ли, говорилъ глубоко уязвленный докторъ, обращая рѣчь ко мнѣ:—что Евгеній Николаевичъ не видитъ разницы между религіей и наукой—что скажете?

— Разницы нѣтъ, прибавилъ тотъ утвердительно:—развѣ то, что они одно и тоже говорятъ на двухъ нарѣчіяхъ.

— Да еще то, что одна основана на чудесахъ, а другая на умѣ, одна требуетъ вѣры, а другая знанія.

— Ну, чудеса,—то тамъ и тутъ все равно, только что религія идетъ отъ нихъ, а наука къ нимъ приходитъ. Религія такъ ужъ откровенно и говоритъ, что умомъ не поймешь, а есть, говоритъ, другой умъ поумнѣе, тотъ молъ сказывалъ—вотъ такъ и такъ. А наука обманываетъ, воображая, что понимаетъ, какъ...а въ сущности, и та и другая доказываютъ одно: что человѣкъ не способенъ знать всего, а такъ кое что таки понимаетъ; въ этомъ сознаться не хочется, ну, по слабости

человѣческой, люди и вѣрятъ, одни Моисею, другіе Кювье; какая повѣрка тутъ? Одинъ разсказываетъ, какъ Богъ создавалъ звѣрей и траву, а другой какъ—ихъ создавала жизненная сила. Противоположность не между знаніемъ и откровеніемъ въ самомъ дѣлѣ, а между сомнѣніемъ и принятіемъ на вѣру.

— Да на что же мнѣ принимать на вѣру какія нибудь патологическія истины, когда я ихъ умомъ вывожу изъ законовъ организма?

— Конечно, было бы не нужно, да вѣдь ни вы и никто другой не знаетъ этихъ законовъ, ну такъ оно и приходится вѣрить да помнить.

Въ мірѣ не было человѣка, менѣе способнаго ладить съ нашимъ чудакомъ, какъ лекарь; онъ вовсе не былъ глупъ, но принадлежалъ къ числу тѣхъ свѣтлыхъ, практическихъ умовъ, умовъ подкожныхъ такъ сказать, которые дальше разсудочныхъ категорій и общепринятыхъ мнѣній не только не идутъ, но и не могутъ идти. Онъ удивлялся, какъ я могъ иной разъ артистически наслаждаться разговорами Евгенія Николаевича и брать его сторону; я утѣшалъ его, говоря: «свой своему поневолѣ братъ.»

— Однако нѣкоторые законы организма намъ извѣстны, возражалъ защитникъ наукъ.

— Какіе же напримѣръ?

— Мало ли—я не знаю—да чтобы далеко не искать—вотъ вамъ общій законъ: все родившееся должно умереть.

— Зачѣмъ же? возразилъ Евгеній Николаевичъ:—что за долгъ умирать? да это и не законъ, это такъ фактъ;

внутренней необходимости никакой нѣтъ въ смерти; неужели вы думаете, что медицина не дойдетъ до того, чтобы продолжать жизнь до безконечности?

При этомъ вопросѣ и я, грѣшный человѣкъ, взглянулъ на него почти также, какъ докторъ.

— Я много встрѣчалъ людей, замѣтилъ я въ свою очередь:—вѣрующихъ и не вѣрующихъ въ безсмертіе души, но вы первый, который не вѣрите въ смертность тѣла.

— Какъ не вѣрить, я не то говорю—я только не вижу никакой серьезной необходимости въ смерти. Жить значитъ ѣсть окружающее; если пища будетъ поддерживать химическій процессъ, онъ и продолжится. Если пища будетъ мѣшать костямъ каменѣть, хрящу дѣлаться костью, крови становиться гуще или жиже, нежели надобно, на что же умирать? Родившееся должно жить;. оно умираетъ не потому, что родилось, а потому, что не ту пищу нужно. Слѣдуетъ ли теперь изъ того, что мы плохіе повара, что смерть нельзя удалить на безконечное время? Жизнь лучше не проситъ, какъ продолжаться.

— Со стороны послушаешь, точно будто и дѣло сказалъ Филиппъ Даниловичъ.—А вотъ какъ намъ быть съ этимъ, если медицина дойдетъ до того, что людей будутъ лечить отъ смерти; а планета, которая по вашему сильно хирѣетъ, совсѣмъ зачахнетъ и умретъ,— странное будетъ положеніе, переѣзжать придется на луну или прямо на Венеру.

Вопросъ этотъ нѣсколько смутилъ Евгенія Николаевича, онъ задумался, походилъ по комнатѣ и потомъ

съ видомъ человѣка, доискавшагося до важнаго разрѣшенія, отвѣтилъ:—Tout bien pris болѣзнь не такъ глубока, я можетъ ошибался; во первыхъ, ужъ то хорошо, что болѣзнь спеціальная—одинъ только родъ человѣческій ею пораженъ. Да и родъ-то человѣческій не весь боленъ. Это мѣстная болѣзнь, епидемическая въ одной Европѣ. Такъ, какъ холера идетъ съ береговъ Инда, чума съ береговъ Нила, желтая лихорадка съ устьевъ Миссисипи, такъ болѣзнь историческаго развитія идетъ изъ Европы. Какъ только люди коснутся этой проклятой земли, такъ ихъ мозгъ и поражается болѣзнію. Съ пелазговъ, съ грековъ начиная и до нашего времени. Англія разнесла заразу по всему земному шару. Чего, Австралія совсѣмъ негодный материкъ, и тотъ не оставляютъ въ покоѣ. Въ Африкѣ жить нельзя европейцу, такъ по закраинѣ поселились—вотъ вамъ за холеру да за чуму: это ужъ не зубъ за зубъ, а челюсть за зубъ.

— Вы такъ разсуждаете, сказалъ я ему шутя и взявъ его за обѣ руки:—что я нисколько не удивляюсь, если послѣ вашего возвращенія сдѣлаютъ васъ министромъ народнаго просвѣщенія.

— Не обвиняйте меня, пожалуста не обвиняйте, возразилъ онъ съ чувствомъ:—и не шутите надъ моими мыслями. Я самъ шутилъ надъ Руссо и знаю, какъ Вольтеръ ему писалъ, что учиться ходить на четверенькахъ поздно. Трудомъ тяжелымъ и мученическимъ дошелъ я до того, что понялъ, откуда все зло—понялъ, и самъ оробѣлъ; я никому не говорилъ, молчалъ, но когда страданія и плачъ людей становились громче и громче, зло

очевиднѣе и очевиднѣе, тогда я пересталъ прятать истину. Мы погибшіе люди, мы жертвы вѣковыхъ отклоненій и платимъ за грѣхи нашихъ праотцевъ,—гдѣ насъ лѣчить! Будущія-то поколѣнія можетъ опомнятся.

— И такъ à la fin des fins, выздоровленіе человѣка начнется тогда, когда вмѣсто прогресса люди пойдутъ вспять, съ цѣлью зачислиться со временемъ въ орангъ-утанги, сказалъ лекарь, закуривая свѣжую сигару.

— Приблизиться къ животнымъ не мѣшаетъ, послѣ неудачныхъ опытовъ сдѣлаться ангелами. Всѣ звѣри разсчитаны по средѣ, въ которой жить должны, перестановки почти всегда гибельны. Рѣчная вода для насъ пріятнѣе и чище морской, а пустите въ нее какого нибудь морскаго моллюска—онъ умретъ. Человѣкъ вовсе не такъ богато одаренъ природой, какъ воображаетъ; болѣзненное развитіе его нервовъ и мозга увлекаетъ его въ жизнь ему несвойственную, высшую, въ ней онъ гибнетъ, чахнетъ, мучится. Гдѣ люди переломили эту болѣзнь, тамъ они успокоились, тамъ они довольны и были бы счастливы, если бы ихъ оставляли въ покоѣ. Посмотрите на эти ряды поколѣній гдѣ нибудь въ Индіи, природа имъ дала все съ избыткомъ, язва государственной и политической жизни прошла, болѣзненное преобладаніе ума надъ другими отправленіями организма утихло; всемірная исторія ихъ забыла и они жили такъ, какъ людямъ хорошо живется, такъ, какъ людямъ возможно жить до проклятой Остъ-Индской компаніи, которая все перепортила.

— Впрочемъ, замѣтилъ лекарь:—толпа почти такъ и у насъ живетъ.

— Это было бы важнѣйшее доказательство въ мою пользу; то, что вы называете толпой, это-то и есть человѣческій родъ.

— Такъ это уже просто въ разсыпную по лѣсамъ? замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Люди всегда будутъ жить стадами, отвѣтилъ докторально нашъ чудакъ.

— Евгеній Николаевичъ, прибавилъ я: — а вѣдь какъ люди-то надуютъ философію исторіи и ученіе о совершенствованіи, когда они вылѣчатся отъ хронической болѣзни historia morbus и начнутъ жить мирными стадами?

— Да, да, съ восторгомъ подхватилъ онъ. — Кондорсе-то съ своей книжкой, ха! ха!

И Евгеній Николаевичъ, раскраснѣвшійся въ лицѣ, съ жилами, налившимися кровью на лбу, вдругъ сморщился, сдѣлалъ серьезный видъ и упорно замолчалъ.

IV.

— Вы тамъ что ни толкуйте, Филиппъ Даниловичъ, а въ исторіи вашего больнаго есть какія нибудь странныя событія, сказалъ я разъ доктору, гуляя съ нимъ по мраморной террасѣ у моря.

— Ну да какъ не быть чего нибудь, кто же до трид-

цати пяти лѣтъ дожилъ безъ какихъ нибудь непріятностей.

— Какія же однако были у него непріятности?

— Я важнаго ничего не знаю. Вы сами видите, какой организмъ, нервы почти наружѣ, всякая всячина его раздражаетъ, крови нѣтъ, отъ природы слабъ, пищевареніе скверное, матери было за сорокъ лѣтъ, когда онъ родился, да еще по смерти отца, форсепсомъ полуживаго достали. А тутъ петербургскій климатъ, богатство, англійская болѣзнь, глупое холенье довоспитали. Съ родными онъ никогда особенно близокъ не бывалъ; оно и не мудрено, онъ давно уже занимается болѣзнію земнаго шара и излѣченіемъ рода человѣческаго отъ исторіи, а тѣ думаютъ, какъ бы побольше денегъ слупить съ крестьянъ. Разумѣется, хозяйство шло у него черезъ пень колоду; сестра жила на его счетъ, и теперь на его счетъ всю семью содержитъ, да это его и не заботитъ, благо конца нѣтъ деньгамъ. Сначала, говорятъ, онъ жилъ покойно, занимался науками, не выходилъ почти никогда изъ своей половины, пристрастился къ музыкѣ, читалъ всякую всячину, только на службу никакъ не хотѣлъ. Потомъ, говорили, какая-то дѣвчонка обманула его и обобрала. Онъ все становился пасмурнѣе, тяжеле для окружающихъ, ипохондрія развивалась, они его и спровадили.

— Какая же это дѣвчонка его обманула?

— У васъ такъ ужъ въ головѣ и вертятся Вертеръ и Шарлотта, письма, пистолеты! — мечтатели и вы страшные; успокойтесь, исторія эта очень проста, Шар-

на рѣдкость, самый душевной-съ характеръ. Какъ же не жаль-съ, очень даже жаль; мыслями все разстроиваются... такой нравъ-съ. Все изволютъ къ сердцу брать и никакой отрады не имѣютъ. Бывало когда имъ на душѣ не хорошо сдѣлается, сядутъ за клавикордъ — то есть такъ играли, что не уступятъ любому музыканту въ александрынскомъ оркестрѣ. Господа, прекрасно одѣтые, барыни, настоящія, останавливались иной разъ на улицѣ. Бывало въ передней сидишь, сердце радуется, каково нашъ-то отличается. Иногда такъ жалобно играютъ, что даже истома возьметъ — отмѣнно играли. Ну впрочемъ, какъ оставили музыку, такъ больше стали сбиваться, по нашему замѣчанію.

— Да развѣ онъ совсѣмъ не игралъ дома послѣднее время?

— Больше двухъ годовъ-съ. Разъ Софія Николаевна, сестрица ихъ, бымши въ ихъ комнатѣ, отворили клавикордъ и такъ взяли одну акорду: «Вечеркомъ красна дѣвица». А Евгеній Николаевичъ только глухо сказали: «Зачѣмъ это вы, сестрица, Боже мой». Да такъ, какъ пластъ, и упали, потомъ сдѣлались спазмы, слезы и смѣхъ-съ — съ полчаса продолжалось. Дохтуръ говоритъ, нервы у нихъ такъ разстроены, не могутъ слышать музыки. Такъ съ тѣхъ поръ нашъ домъ и замолкъ-съ. А имъ все хуже; въ лицѣ много перемѣны, старѣютъ... такъ жаль, что сказать нельзя, больше все молчатъ, а иногда слово одно скажутъ: «ты усталъ чай, Спиридонъ, поди-ка да лягъ», такимъ трогательнымъ голосомъ и взглядъ такой доброй у нихъ сдѣлается, и

видно, самимъ-то имъ плохо, наболѣло на сердцѣ; вотъ тѣ и богатства, и все, — иной разъ, доложить вамъ откровенно, слеза прошибетъ.

— Мнѣ Филиппъ Данилловичъ говорилъ, что у Евгенія Николаевича какая-то исторія была съ горничной.

— Дѣло точно было-съ. И она, эта самая Ульяна, доводится мнѣ сродни, племянница, сестрина дочь. Наварила каши, чего сама не стоитъ — а добрѣйшая душа была, ей Богу-съ. Жаль, что баринъ тогда такъ къ сердцу приняли и огорчились. Просто дуру слѣдовало проучить и все тутъ; и она благодарить стала бы потомъ, ей всего было лѣтъ восмьнадцать, какой умъ въ эти лѣта, къ тому же баловство-съ.

— Да въ чемъ же дѣло-то?

— Извольте видѣть. Ульяна эта у Софіи Николаевны при комнатѣ находилась, и барыня ее жаловали, умница такая была. Былъ у насъ тоже-съ человѣкъ Ѳедоръ, человѣкъ пьющій, но впрочемъ игралъ на скрипкѣ отмѣнно; только рука ужь очень дрожала отъ горячихъ напитковъ, а чести былъ примѣрной. Вотъ Ѳедоръ этотъ возьми и обучи пѣсни пѣть Ульяну, голосомъ она брала-съ и на музыку препонятливая. Такъ это шло годъ, другой и никто подумать не могъ, что за катавасія выйдетъ. Баринъ нашъ слышали нѣсколько разъ, какъ Ульяна поетъ, и говорятъ сестрицѣ, вѣдь это кладъ, дайте ей молъ вольную, а я ее пѣвицей сдѣлаю. Вотъ извольте замѣтить, какая душа, не хотѣли, чтобы обучимшись, крѣпостной осталась. Сестрица имъ въ глаза смотрѣли, «сейчасъ молъ, Енюша», и от-

на рѣдкость, самый душевной-съ характеръ. Какъ же не жаль-съ, очень даже жаль; мыслями все разстроиваются... такой нравъ-съ. Все изволютъ къ сердцу брать и никакой отрады не имѣютъ. Бывало когда имъ на душѣ не хорошо сдѣлается, сядутъ за клавикордъ — то есть такъ играли, что не уступятъ любому музыканту въ александрынскомъ оркестрѣ. Господа, прекрасно одѣтые, барыни, настоящія, останавливались иной разъ на улицѣ. Бывало въ передней сидишь, сердце радуется, каково нашъ-то отличается. Иногда такъ жалобно играютъ, что даже истома возьметъ — отмѣнно играли. Ну впрочемъ, какъ оставили музыку, такъ больше стали сбиваться, по нашему замѣчанію.

— Да развѣ онъ совсѣмъ не игралъ дома послѣднее время?

— Больше двухъ годовъ-съ. Разъ Софія Николаевна, сестрица ихъ, бывши въ ихъ комнатѣ, отворили клавикордъ и такъ взяли одну акорду: «Вечеркомъ красна дѣвица». А Евгеній Николаевичъ только глухо сказали: «Зачѣмъ это вы, сестрица, Боже мой». Да такъ, какъ пластъ, и упали, потомъ сдѣлались спазмы, слезы и смѣхъ-съ — съ полчаса продолжалось. Дохтуръ говоритъ, нервы у нихъ такъ разстроены, не могутъ слышать музыки. Такъ съ тѣхъ поръ нашъ домъ и замолкъ-съ. А имъ все хуже; въ лицѣ много перемѣны, старѣютъ... такъ жаль, что сказать нельзя, больше все молчатъ, а иногда слово одно скажутъ: «ты усталъ чай, Спиридонъ, поди-ка да лягъ», такимъ трогательнымъ голосомъ и взглядъ такой доброй у нихъ сдѣлается, и

видно, самимъ-то имъ плохо, наболѣло на сердцѣ; вотъ тѣ и богатства, и все, — иной разъ, доложить вамъ откровенно, слеза прошибетъ.

— Мнѣ Филиппъ Данилловичъ говорилъ, что у Евгенія Николаевича какая-то исторія была съ горничной.

— Дѣло точно было-съ. И она, эта самая Ульяна, доводится мнѣ сродни, племянница, сестрина дочь. Наварила каши, чего сама не стоитъ — а добрѣйшая душа была, ей Богу-съ. Жаль, что баринъ тогда такъ къ сердцу приняли и огорчились. Просто дуру слѣдовало проучить и все тутъ; и она благодарить стала бы потомъ, ей всего было лѣтъ восмьнадцать, какой умъ въ эти лѣта, къ тому же баловство-съ.

— Да въ чемъ же дѣло-то?

— Извольте видѣть. Ульяна эта у Софіи Николаевны при комнатѣ находилась, и барыня ее жаловали, умница такая была. Былъ у насъ тоже-съ человѣкъ Ѳедоръ, человѣкъ пьющій, но впрочемъ игралъ на скрипкѣ отмѣнно; только рука ужь очень дрожала отъ горячихъ напитковъ, а чести былъ примѣрной. Вотъ Ѳедоръ этотъ возьми и обучи пѣсни пѣть Ульяну, голосомъ она брала-съ и на музыку препонятливая. Такъ это шло годъ, другой и никто подумать не могъ, что за катавасія выйдетъ. Баринъ нашъ слышали нѣсколько разъ, какъ Ульяна поетъ, и говорятъ сестрицѣ, вѣдь это кладъ, дайте ей молъ вольную, а я ее пѣвицей сдѣлаю. Вотъ извольте замѣтить, какая душа, не хотѣли, чтобы обучимшись, крѣпостной осталась. Сестрица имъ въ глаза смотрѣли, «сейчасъ молъ, Енюша», и от-

пускную совершила. Учитель ходилъ изъ нѣмцевъ, иной разъ съ нами вступалъ въ разговоръ, шинель когда подаешь или что, пріостановится, не гордый былъ, простой, — вотъ какъ вы теперь изволите примѣромъ со мной разговаривать; ну, говорилъ онъ, а помѣщикъ вашъ въ музыкѣ собаку съѣлъ, мнѣ у него учиться приходится и голосъ у фрейленъ Юльхенъ очень прекрасенъ; да и глаза-то у нея не дурны, философъ-то вашъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Ну такъ, бывало посмѣется для балагурства, а то въ самомъ-то дѣлѣ онъ у насъ велъ себя, какъ красная дѣвица, только къ церкви не былъ прибѣженъ и постовъ не соблюдалъ. Однако, мы стали замѣчать ужь и промежь себя, что Евгеній Николаевичъ очень руководствуются Ульяной. Ужь и сестрица-то перепужались, что молъ, много воли заберетъ. Но только она никому вреда никогда не дѣлала и смысла не имѣла о томъ; такъ дѣтскій, пустой нравъ, безосновательный — поетъ себѣ бывало, день деньской, да конфетъ накупитъ, а грубаго слова никто не слыхалъ, со всѣми преласковая была.

Къ тому случаю у Евгенія Николаевича будь камердинеромъ Архипъ. Съ дѣтства при нихъ состоялъ, только былъ года четыре помоложе, казачкомъ, такъ поступилъ съ малолѣтства къ Евгенію Николаевичу на половину. И кто его знаетъ, какой человѣкъ, не то что дурной, а безалаберный и нерегулярный. Пить пойдетъ, весь домъ поитъ до положенія ризъ и съ себя все спуститъ: часы, жилетку, исподнее. Баринъ его жаловали очень: съ дѣтства, напримѣръ, росли вмѣстѣ и

что ему давали, невѣроятно, они же забывчивы. Евгеній Николаевичъ ему вѣрили, какъ самому себѣ. Вотъ этотъ самый Архипъ и сбилъ съ толку Ульяну. Мудрено ли глупую дѣвку съ ума свести, а ужь это до добра въ домѣ никогда не доводитъ; на сторонѣ развѣ мало есть, слава Богу, этого снадобья довольно, Петербургъ не клиномъ сошелся. Сначала все шло благополучно, вдругъ только случись такая бѣда, что у насъ въ домѣ отродясь не бывало: у барина изъ шкатунки пропало двѣ тысячи рублевъ. Евгеній Николаевичъ, изволите видѣть сами, какой человѣкъ, самый безсчетный, они бы можетъ и не догадались, но деньги-то слѣдовало сестрицѣ отдать, они ихъ и приготовили съ вечера, утромъ хвать похвать, а денегъ нѣтъ. Поднялся въ домѣ гвалтъ, Архипъ нашъ суетится, ищетъ, платья швыряетъ, волосы на себѣ рветъ—денегъ нѣтъ. Баринъ-то и ничего, словно не его дѣло, но Софья Николаевна расходилась, говоритъ, это дѣло Ѳедьки музыканта, онъ все пьянъ, откуда деньги беретъ. Такъ-съ женское разсужденіе, видите, на вино эдакой кушъ укралъ. Взялъ я смѣлость и говорю, вы меня простите, барыня, а только Ѳедоръ человѣкъ слабый, точно, но воромъ не будетъ, я его съ малолѣтства знаю. Ты, говоритъ, молчи, да за себя отвѣчай, и Ѳедора отправили при запискѣ во вторую адмиралтейскую. Жаль мнѣ стало старика такъ, мочи нѣтъ, сошелъ я въ людскую, да и говорю: ребята, если воръ дома, слѣдуетъ его сыскать и выдать, а стараго человѣка и невиннаго не приходится отдать на терзаніе, хоша на то и барская

воля, но мы въ очистку себя и его вора поймать должны. Всѣ наши говорятъ въ одно слово: какъ не сыскать вора, коли дома. Ну, думаю, постой, не уйдешь ты, голубчикъ, отъ нашего глаза, а самъ пошелъ на верхъ и присматриваюсь часокъ, другой, такъ какъ будто не мое дѣло. Вижу я-съ эдакъ въ Архипѣ перемѣну, э! братъ, это не мадель, суетится слишкомъ Архипъ, ищетъ послѣ обѣда за диваномъ, изволите знать у насъ, что называются турецкимъ диваномъ подушки по стѣнѣ. Что молъ ты это, Архипъ, хлопочешь? Да что, говоритъ, все эти проклятыя деньги, такая бѣда.

— Да какъ же молъ деньгамъ попасть за диванъ?

— А онъ мнѣ въ отвѣтъ: да вотъ молъ, подите, съ полоумнаго спрашивайте отчетъ, все побросаетъ, а потомъ ищи за нимъ, да еще чего добраго скажутъ, что кто нибудь укралъ.

Посмотрѣлъ я ему въ глаза, вижу, взглядъ не хорошъ, ну, думаю, была не была, т. е. Ѳедора мнѣ было смерть жаль, да и на домъ похула не хороша; я таки, не говоря худаго слова, хвать его въ грудь, да и на полъ, тутъ я его колѣнкой прижалъ да и говорю: «ну, признайся, мошенникъ, твое это дѣло, а другихъ не марай и за себя не губи». Онъ такъ оторопѣлъ, что ни слова. На этотъ шумъ выходитъ баринъ. Я ему докладываю, батюшка, молъ, Евгеній Николаевичъ, извольте меня на поселенье послать, какъ угодно, а деньгамъ вашимъ воръ никто иной какъ Архипъ. Да ты, братецъ, пьянъ, баринъ-то мнѣ въ отвѣтъ: оставь его, какъ воромъ называть?

— Нѣтъ-съ, говорю, воля ваша, а я не пьянъ и до квартальнаго надзирателя его не пущу. Что Ѳедора, невиннаго человѣка, сестрица ваша отправила въ часть, это Богъ разсудитъ. А воръ вашихъ денегъ вотъ.

— Баринъ эдакъ пріостановился, подумалъ и такимъ тихимъ и грустнымъ голосомъ сказалъ: Архипъ, неужели съ самомъ дѣлѣ? Не выдержалъ Архипъ, въ три ручья залился, рванулся отъ меня и барину въ ноги: «виноватъ, говоритъ, кругомъ виноватъ и запираться не намѣренъ. Запутался я въ одномъ нечистомъ дѣлѣ, мнѣ приходилось въ острогъ идти или выкупиться, ну лукавый подтолкнулъ меня. Готовъ я всякое наказаніе принять, а деньги ваши, Евгеній Николаевичъ, еще цѣлы». При этомъ онъ, въ азартѣ, расплаканный, вытащилъ изъ кармана ассигнаціи, завернутыя въ бумажку, и подалъ.

— Баринъ все время не говорили ни слова, только взямши деньги, они вздрогнули и вышли вонъ. А Архипъ такъ и взвылъ: посажу себѣ пулю въ лобъ, не хочу больше горе мыкать, лучшаго я недостоинъ. Господи, что я надѣлалъ, вѣдь деньги-то были завернуты въ Ульянино письмо—сгубилъ я себя и ее.

—«Спиридонъ», позвалъ баринъ изъ кабинета—я взошелъ. А Архипъ такъ и остался на колѣняхъ расплаканный, индо самому мнѣ жаль его стало. Баринъ стояли близь дверей, прислонимшись къ стѣнѣ, такой страшной, будто не живой, губы посинѣли; они два раза хотѣли что-то сказать—и не могли, голоса не было,—

потомъ они такъ ручку приложили ко лбу—плохо-съ имъ было. Собрались съ силами наконецъ, и говорятъ такимъ глухимъ голосомъ: Спиридонъ, никто въ домѣ не знаетъ, что было. Такъ вотъ поди сюда, вотъ отпускная Архипа и еще отпускная—тутъ они остановились, однако такъ и не сказали—такъ ты имъ отдай, да устрой, чтобы сейчасъ изъ дому переѣхали, только сейчасъ, не мѣшкая; возьми сколько надобно денегъ изъ тѣхъ. Да ты, Спиридонъ, сдѣлай это все помягче, понимаешь; ну, да хорошо, ступай, прибавилъ онъ, видя, что слова-то не выходятъ.

Ну ужъ какъ бѣдная Ульяна плакала, у меня сердце надорвалось. И взять ничего не хотѣла своего, у меня ничего, говоритъ, нѣтъ собственнаго. Хоть бы взглянуть еще разъ на него, прощенья бы попросить, руку бы поцаловать. Вѣдь какъ добръ-то онъ былъ ко мнѣ, какъ ласково смотрѣлъ—пусть бы кажется побилъ меня, все лучше бы было. Ну, я говорю, послушай, Уля, о томъ надобно было думать прежде, а теперь убирай-ка свои пожитки. Пока я съ ней хлопоталъ, привелъ полицейской Ѳедора и комисаръ съ нимъ; говоритъ, сколько мы его ни принимались сѣчь, не признается, видно деньги не онъ укралъ. Я посмотрѣлъ, Ѳедоръ въ лицѣ не хорошъ. Комисаръ говоритъ барынѣ: слѣдуетъ допросить другихъ, на кого есть подозрѣніе. Она пошла къ братцу, что-то по французски потолковали, вдругъ она выходитъ въ залъ и говоритъ комисару: «представьте, какой случай, братъ мой нашелъ деньги, мнѣ право совѣстно, что васъ даромъ обезпокоили».—Помилуйте, это наша обязанность, говоритъ комисаръ, а

она ему красненькую, да Ѳедора приказала чаемъ напоить.

Я вечеромъ взошелъ съ докладомъ, баринъ сидѣлъ за столомъ, опершись на обѣ руки. Увидѣвши меня, онъ какъ съ испуга вскочилъ, поднялъ руку и сказалъ: «не нужно». Съ тѣхъ поръ и помину не было объ этой исторіи. Тѣмъ дѣло почитай и кончилось. Ну только Ѳедоръ слегъ въ постель, да мѣсяца черезъ два и померъ. Невинную душу загубила Софья Николаевна. Наше крѣпостное дѣло, не приведи Богъ!

— Я не понимаю въ этой исторіи одного, какъ же Ульяна могла такъ сблизиться съ Архипомъ? Изъ вашихъ словъ видно, что она Евгенія Николаевича любила.

— Да еще какъ-съ! Вотъ теперь третій годъ пошелъ, какъ она выбыла изъ дома. Безъ слезъ ни разу не говорила о баринѣ и Архипъ ей совсѣмъ опостылѣлъ; онъ впрочемъ ушелъ въ солдаты охотникомъ, мы объ немъ не слыхали послѣ. Все вѣтренность-съ и баловство. По нашему простому разсужденію, извольте видѣть, Ульяна и не подумала, ей и въ голову не приходило, что она барину въ самомъ дѣлѣ что нибудь значитъ. Вѣдь все же онъ былъ баринъ, не могла же она его не бояться, быть его ровной, не могла эдакъ вольной духъ имѣть съ нимъ, какъ съ Архипомъ; они жѳ по характеру всегда серьезны бывали. Изволите сами знать, молодость кипитъ, все бы смѣхи да дурачества. Ну, Архипъ мелкимъ бѣсомъ бывало разсыпается и пляшетъ, и на торбанѣ играетъ, и кро-

новскимъ пивомъ подчуетъ, и мороженымъ угощаетъ,— всякой подъ Богомъ ходитъ, оно не хорошо потачку давать, но такъ къ слову, по человѣчеству разсудить, такъ оно и понятно. Въ самый день нашего отъѣзда, утромъ, изъ ресторацiи съ Сучка, гдѣ мы обыкновенно чай пивали, прибѣгаетъ за мной половой, говоритъ, барыня васъ требуетъ какая-то; что, думаю, за пропасть, однако пошелъ. Смотрю, Ульяна сидитъ и опять заливается слезами. «Дяденька, говоритъ, уладьте, какъ хотите, мнѣ хоть бы взглянуть на Евгенiя Николаевича и что у нихъ за сердце за жестокое, что гнѣваются такъ долго; меня, говоритъ, въ театръ въ хористки взяли, ему вѣдь я обязана, что пѣть обучилъ. Хоть бы поблагодарить, слово одно сказать, камень точно на сердцѣ. Да еще Василиса говоритъ, что и болѣзнь ихъ все черезъ меня—жизнь мнѣ не мила». Не хотѣлось мнѣ долго барина безпокоить, но вижу, она никакого интереса не имѣетъ, а сильно кручинится, думаю, что же, головы не сниметъ. Вхожу въ кабинетъ, Евгенiй Николаевичъ, какъ обыкновенно,сидятъ въ задумчивости, видъ ничего, добрый. Я эдакъ, немного позамявшись, говорю: да вотъ еще, Евгенiй Николаевичъ, я осмѣлюсь доложить, такъ ужъ оченно меня просила; вдругъ у нихъ глаза такъ сверкнули, лицо перемѣнилось. Я поскорѣе за чемоданъ. Она потомъ бѣдняжка въ людской спряталась, чтобы въ окно взглянуть, когда мы поѣдемъ; тутъ я Филиппу Даниловичу ее показывалъ...

— Я вамъ очень, очень благодаренъ, сказалъ я Спи-

ридону:—ну пойдемте-ка въ наше Croce di Malta, да выпьемте послѣднюю рюмку марсалы за здоровье бѣдной Ульяны. Мнѣ ее жаль, не смотря ни на что.

— Точно-съ; не наше дѣло чужіе грѣхи судить, и за ваше, сударь, здоровье съ тѣмъ вмѣстѣ, прибавилъ Спиридонъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Изъ сочиненій доктора Крупова. . . .	1
2. Сокора-воровка (повѣсть).	40
3. Письма изъ «Avenue marigny»	73
4. Записки одного молодаго человѣка . . .	165
5. Изъ записокъ одного молодаго человѣка .	204
6. Долгъ прежде всего.	254
7. Поврежденный	327

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: August 2012

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN COLLECTIONS PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00025325217